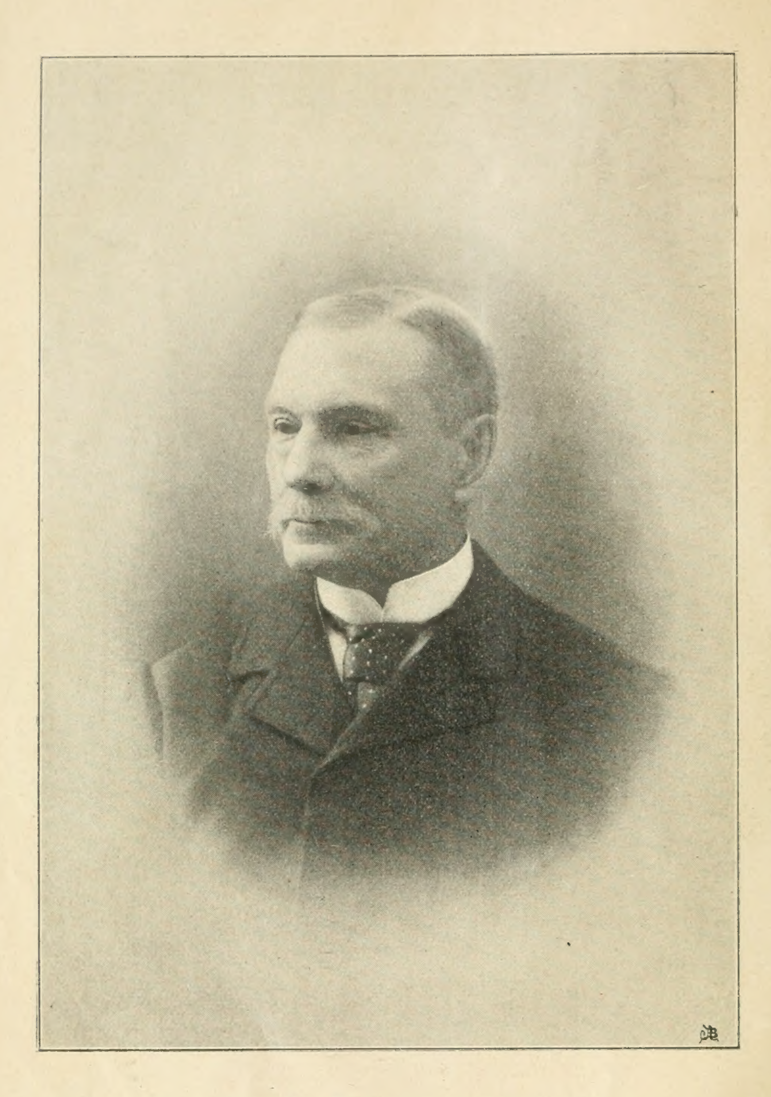

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЗАГОСКИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА.

ВТОРЪ печатаемыхъ «Воспоминаній», Сергѣй Михайловичъ Загоскинъ, былъ третій, младшій, сынъ извѣстнаго нашего романиста, автора «Юрія Милославскаго», Михаила Николаевича Загоскина.

Сергѣй Михайловичъ родился въ Москвѣ 15-го мая 1833 г. и получилъ домашнее воспитаніе; въ 1849 году онъ выдержалъ установленное испытаніе и опредѣлился на государственную службу въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Крымская война привлекла молодого человѣка въ ряды войскъ, и въ 1855 году онъ поступилъ въ Московское ополченіе, а по расформированіи послѣдняго возвратился къ гражданской службѣ, именно опредѣлился въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора.

Въ 1857 году, Сергѣю Михайловичу представилась возможность переселиться въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ приказомъ отъ 19 марта 1857 г. онъ былъ назначенъ состоять при статсъ-секретарѣ баронѣ М. А. Корфѣ для занятій по собиранію матеріаловъ къ біографіи императора Николая I. Этими работами Сергѣй Михайловичъ занимался одновременно съ А. Ѳ. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, К. Ѳ. Феттерлейномъ и другими лицами въ теченіе 29 лѣтъ, сперва подъ наблюденіемъ барона Корфа, затѣмъ князя С. Н. Урусова и наконецъ графа И. Д. Делянова. Какъ извѣстно, результатомъ этихъ занятій было составленіе 32 рукописныхъ томовъ матеріаловъ, которые впослѣдствіи, по волѣ въ Бозѣ почившаго императора Александра III, поступили въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ 1886 году, когда прекращены были эти работы, Сергѣй Михайловичъ оставилъ государственную службу. Въ теченіе ея онъ неоднократно получалъ высочайшія награды, какъ орденами, такъ и подарками изъ Кабинета Его Величества; сверхъ того, онъ былъ пожалованъ въ званіе камергера высочайшаго двора; при отставкѣ же, въ 1886 году, получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Съ 1886 года здоровье Сергѣя Михайловича Загоскина стало приходить въ разстройство, такъ что, оставивъ службу, онъ принужденъ былъ переселиться за границу; такому рѣшенію содѣйствовало и состояніе здоровья его супруги, Анны Семеновны, дочери генералъ-адъютанта С. А. Юркевича, съ которою Сергѣй Ми-

хайловичъ вступилъ въ бракъ въ 1865 году. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ, среди своихъ болѣзней, находилъ удовольствіе въ составленіи «Воспоминаній» о своей жизни, которыя, къ сожалѣнію, довелъ только до 1857 года, но въ которыхъ успѣлъ намѣтить многія характерныя черты московскаго и петербургскаго общественнаго быта въ срединѣ текущаго вѣка. Сергѣй Михайловичъ скончался въ Парижѣ 25-го февраля 1897 года. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ семейномъ склепѣ въ Сергіевой пустыни, въ нижней Воскресенской церкви.

Покойный наслѣдовалъ отъ своего отца необыкновенную доброту, веселый нравъ, снисходительность къ людямъ: эти черты его характера отражаются и въ его «Воспоминаніяхъ», въ которыхъ очень много добродушія, и не найдется ни одного слишкомъ рѣзкаго отзыва. Всѣ знавшіе покойнаго Сергѣя Михайловича цѣнили его прекрасныя душевныя качества и сохранили самую лучшую память объ этомъ достойномъ человѣкѣ.

Проживъ болѣе полвѣка, я нашелъ не безъ интереса набросать воспоминанія хотя о части пройденной мною жизни. Жизнь моя, какъ жизнь всякаго частнаго человѣка, ничѣмъ не ознаменовавшаго себя на жизненномъ пути, не представляетъ ни для кого ни малѣйшаго интереса, но, родившись сыномъ русскаго писателя, пользовавшагося въ свое время большою извѣстностью среди читающей публики и даже среди всего русскаго грамотнаго народа, я считаю не излишнимъ разсказать о томъ, что было мнѣ извѣстно о жизни отца, съ которымъ я ни на одинъ день не разлучался по самую его смерть, послѣдовавшую, когда мнѣ минуло 19-ть лѣтъ. Характеръ, образъ мыслей и самыя привычки выдающагося писателя представляютъ несомнѣнный интересъ не только для его біографовъ, но и для всѣхъ читателей, такъ какъ мельчайшія подробности о его жизни, извѣстныя лишь лицамъ, бывшимъ въ постоянномъ съ нимъ прикосновеніи, могутъ немало способствовать къ опредѣленію и оцѣнкѣ его произведеній, истекавшихъ прямо изъ личныхъ убѣжденій характера и кругозора самого автора.

Позднѣе, послѣ кончины отца, мнѣ въ молодости удалось вращаться въ московскомъ обществѣ и затѣмъ принимать участіе въ Крымской кампаніи, и наконецъ поступить на службу въ Петербургѣ. За всѣ юные годы московской и петербургской жизни мнѣ случалось видѣть и знать множество людей, пользовавшихся въ свое время извѣстностью и игравшихъ большую роль въ нашей администраціи. Вообще же, въ моихъ воспоминаніяхъ я не касаюсь ни политическихъ событій, ни историческихъ происшествій, я описываю только всѣ случаи и приключенія моей собственной жизни, какъ жизни, которая всякаго можетъ навести на поучительныя наставленія для дальнѣйшей собственной жизни.

С. З.

I.

Мои предки.—Дѣдушка и бабушка.—Мой отецъ.—Его дѣтство и юность.—Служба въ Петербургѣ.—1812-й годъ.—Литературныя занятія.—Женитьба.—Моя мать.—Д. А. Новосильцевъ.—Переѣздъ въ Москву.—Князь Д. В. Голицынъ.—[illegible]славскій.—Перемѣна въ жизни отца.—Болѣзнь матери.—Мое рожденіе.—Новая болѣзнь матери.—Кончина Новосильцева.

Родъ Загоскиныхъ принадлежитъ къ одной изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Родоначальникъ его Шевкалъ Загоръ прибылъ въ 1472 году изъ Золотой Орды къ великому князю Іоанну III и, наименованный во св. крещеніи Александромъ Арбузлатовичемъ съ прозваніемъ Загоска, былъ жалованъ помѣстьями въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Обонежской пятинѣ. Изъ потомковъ его, называвшихся Загоскиными, многіе служили воеводами и стольниками, а нѣкоторые находились при разныхъ посольствахъ. Въ началѣ родъ Загоскиныхъ былъ весьма малочисленъ такъ что, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича представителемъ его остался одинъ Дмитрій Өеодоровичъ, стольникъ и воевода на Нерехтѣ. Впослѣдствіи у него былъ сынъ Алексѣй, служившій тоже стольникомъ и убитый подъ Смоленскомъ. Единственный сынъ Алексѣя, мой прапрадѣдъ, Лаврентій Алексѣевичъ, находился въ военной службѣ, но гдѣ именно—мнѣ неизвѣстно; повидимому, онъ былъ въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ, такъ какъ она выдала за него свою крестницу, дочь шведскаго генерала Оссенъ, взятую въ плѣнъ подъ Полтавою и окрещенную Петромъ I. Самъ государь былъ посаженымъ отцомъ новобрачной и благословилъ ее образомъ, хранившимся у потомковъ старшаго изъ двухъ сыновей Лаврентія Алексѣевича—Николая, оставившаго отъ брака съ Пѣшковою многочисленное потомство, проживающее донынѣ, большею частью, въ г. Пензѣ и въ родовыхъ своихъ имѣніяхъ этой губерніи. Другой сынъ Лаврентія Алексѣевича, Михаилъ, былъ женатъ на богатой княжнѣ изъ древняго рода Бѣльскихъ и имѣлъ единственнаго сына Николая, моего дѣда, родившагося 24-го октября 1761 года.

О жизни и службѣ моего прадѣда я не имѣю никакихъ свѣдѣній: мнѣ только извѣстно, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, вскорѣ послѣ рожденія своего единственнаго сына. Вслѣдъ за прадѣдомъ скончалась и его вдова, оставивъ своему малолѣтнему сыну большія и значительныя имѣнія въ Пензенской губерніи. Осиротѣвшій ребенокъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ родственникомъ Васѣнкимъ, проживавшимъ въ своихъ помѣстьяхъ Пензенской губерніи, и у котораго онъ оставался до 16 лѣтняго возраста. Воспитаніе дѣда шло болѣе чѣмъ плохо: отсутствіе всякаго надзора,

безотчетная свобода дѣйствій, шалости и игры въ обществѣ многочисленной дворни, имѣли пагубное вліяніе на его нравственное развитіе, такъ что, поступивъ 16 лѣтъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, онъ немедленно предался полнѣйшему разгулу въ кругу молодыхъ петербургскихъ кутилъ того времени. Разгулъ, по собственнымъ его словамъ, былъ столь великъ, что долго продолжаться не могъ. Будучи характера крайне своеобразнаго и самовольнаго, но, къ счастью, обладая здравымъ умомъ и сильною волею, дѣдъ вскорѣ почувствовалъ всю неприглядность своей безнравственной жизни и, возгнушавшись всего, что незадолго передъ тѣмъ составляло ея прелесть, рѣшилъ разомъ навсегда покончить съ своею обстановкою, посвятивъ себя уединенію и молитвѣ... рѣшеніе было круто и энергично: онъ вышелъ въ отставку, роздалъ большую часть своего состоянія небогатымъ своимъ родственникамъ и отправился на жительство въ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время находился извѣстный строгій подвижникъ, отецъ Серафимъ. Построивъ собственноручно, вмѣстѣ съ Серафимомъ, келью и сдѣлавшись неразлучнымъ его товарищемъ, молодой отшельникъ вполнѣ подчинился строгому монастырскому уставу. Препровождая время въ молитвѣ и постѣ и ревностно исполняя тяжелыя, возлагавшіяся на него послушанія, онъ вскорѣ пріобрѣлъ искреннюю дружбу и уваженіе Серафима. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ дѣдомъ въ Саровской пустынѣ, совершенно согласовались съ тогдашнимъ его душевнымъ настроеніемъ и, казалось, служили ему подготовленіемъ къ дальнѣйшимъ отшельническимъ подвигамъ... но молодость взяла свое! Получивъ письмо отъ своихъ родственниковъ Засѣцкихъ, приглашавшихъ его къ себѣ въ деревню для какихъ-то необходимыхъ денежныхъ расчетовъ, Николай Михайловичъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и великою грустью покинулъ на время обитель и поѣхалъ къ нимъ въ Пензенскую губернію. Прогостивъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, молодой послушникъ грустилъ по своей уединенной келіи и по своемъ товарищѣ Серафимѣ, но, мало-помалу, привыкнувъ къ новой обстановкѣ, среди сельскихъ развлеченій, сталъ забывать пустынь, келью и Серафима... наконецъ, въ сердце его запала искра теплой и нѣжной любви! — онъ полюбилъ молодую дѣвицу, воспитанную въ правилахъ высокаго благочестія, Наталью Михайловну Мартынову. Любовь эта рѣшила дальнѣйшую его службу: онъ сбросилъ монашескую ряску, покинулъ навсегда Саровскую пустынь и женился на Мартыновой [1].

[1]) Отецъ Натальи Михайловны, Михаилъ Ильичъ Мартыновъ, довольно богатый помѣщикъ Пензенской губерніи, имѣлъ отъ трехъ браковъ двадцать пять человѣкъ дѣтей. Изъ сыновей его были извѣстны: въ московскомъ обществѣ— Соломонъ Михайловичъ, а въ петербургскомъ—Савва Михайловичъ. Первый проживалъ въ Москвѣ и составилъ себѣ, черезъ откупа, значительное состояніе. Онъ

Послѣ женитьбы Николай Михайловичъ поселился въ Пензѣ, проживая по лѣтамъ въ родовомъ помѣстіи Пензенскаго уѣзда, с. Рамзаѣ. Несмотря на свой причудливый и нѣсколько деспотическій характеръ, онъ до конца жизни былъ хорошимъ мужемъ и добрымъ попечительнымъ отцемъ. Семейство его состояло изъ семи сыновей и двухъ дочерей [1].

Вскорѣ послѣ отечественной войны дѣдъ мой переѣхалъ изъ Пензы на жительство въ Петербургъ, гдѣ въ то время сыновья его находились на службѣ или въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Петербургѣ онъ нанялъ на Невскомъ проспектѣ, близъ Надеждинской, обширный бельэтажъ въ домѣ Яковлева (находящемся и понынѣ за потомками того же владѣльца и той же фамиліи) и хоть не имѣлъ прежняго значительнаго состоянія, но зажилъ, однако, довольно широко, принимая гостей и нерѣдко устраивая у себя домашніе спектакли. Проживая съ 1815 по 1820 годъ, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ Михаиломъ Николаевичемъ, въ то время уже начинавшимъ вращаться въ кругу литераторовъ, дѣдъ мой составилъ себѣ общество преимущественно изъ сихъ послѣднихъ. Въ домашнихъ его спектакляхъ принимали участіе Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковскій и другіе, а декораціи для сцены писалъ юноша.

былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Тарновской и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Сыновья его были Михаилъ, женатый на Ушаковой, Николай (убившій на дуэли Лермонтова)—на Проскуровой и Дмитрій—на Демидовой. Дочери, Елизавета—за Шереметевымъ, Екатерина—за Ржевскимъ, Юлія—за княземъ Гагаринымъ, Наталья—за французомъ графомъ Турдонэ и Марія—за англійскимъ банкиромъ Берингомъ.

Савва Михайловичъ, проведшій всю жизнь въ Петербургѣ, былъ женатъ на Маріи Степановнѣ Поскочиной и извѣстенъ своею крупною, карточною игрою. Сынъ его Николай, офицеръ гвардейской артиллеріи, пользовался большою извѣстностью своею замѣчательною игрою на фортепіано. Дочери Саввы Михайловича были въ замужествѣ: Марія—за Бемомъ, Анна—за княземъ Багратіономъ и одна (не помню, какъ звали) за генераломъ Анненковымъ. О бабушкѣ моей Натальѣ Михайловнѣ, родившейся 26-го декабря 1770 г., люди, близко ее знавшіе, отзывались, какъ о женщинѣ умной, любезной и добродѣтельной, что и подтвердили въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный поэтъ князь И. М. Долгорукій и Ф. Ф. Вигель, хорошо знавшіе ее во время своего пребыванія въ Пензѣ.

[1]) Сыновья: 1) Михаилъ, мой отецъ. 2) Маркелъ, женатый на Любови Сергѣевнѣ Олсуфьевой, офицеръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а потомъ пензенскій уѣздный предводитель дворянства. 3) Василій, офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а затѣмъ умершій въ должности командира Азовскаго полка. 4) Павелъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, умершій юношею. 5) Николай, женатый на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Мертваго (дочери сенатора). 6) Алексѣй, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Эмме (дочери рижскаго коменданта) и 7) Иліодоръ, женатый на дворянкѣ польскаго происхожденія Эмиліи Александровнѣ Изеншмидтъ. Три послѣдніе служили въ корпусѣ путей сообщенія. Дочери: Софія въ замужествѣ за пензенскимъ помѣщикомъ Ступишинымъ и Варвара въ первомъ бракѣ за Охлябининымъ, а во второмъ за Александромъ Алексѣевичемъ Панчулидзевымъ, бывшимъ болѣе двадцати пяти лѣтъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

обладавшій уже тогда значительнымъ талантомъ; фамилія его была Брюло [1]).

Въ 1820 году, Николай Михайловичъ, послѣ женитьбы двухъ старшихъ сыновей, снова возвратился въ любимую имъ Пензу и скончался тамъ 24-го апрѣля 1824 года, а бабушка умерла тамъ же 17-го марта 1833 года.

Отецъ мой, Михаилъ Николаевичъ, родился въ с. Рамзаѣ 14-го іюля 1789 года. Воспитаніе онъ получилъ дома и большею частью въ деревнѣ; но образованіе его шло такъ же плохо, какъ и образованіе его отца; за то все вниманіе родителей было обращено на развитіе нравственной стороны ребенка. Съ дѣтскихъ лѣтъ, чувствуя не только влеченіе, но просто страсть къ чтенію, Михаилъ Николаевичъ посвящалъ все свое время чтенію книгъ изъ довольно обширной библіотеки своего отца, состоявшей большею частью изъ книгъ серьезнаго направленія. Такимъ образомъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, не получая никакого научнаго образованія, онъ, по собственному влеченію, постояннымъ чтеніемъ нѣсколько пополнялъ недостатокъ своихъ познаній и, притомъ, обладая замѣчательною памятью, помнилъ все прочитанное. Изъ иностранныхъ языковъ его учили лишь французскому и то поверхностно; впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, онъ зналъ основательно этотъ языкъ, но въ разговорѣ дѣлалъ часто ошибки.

Одиннадцати лѣтъ, онъ въ первый разъ попробовалъ написать разсказъ подъ названіемъ «Пустынникъ». Это дѣтское произведеніе было настолько хорошо написано, что родители автора и всѣ ихъ знакомые не хотѣли вѣрить, чтобы подобное сочиненіе могло выйти изъ-подъ пера одиннадцатилѣтняго ребенка.

Въ маѣ 1802 года, Михаилъ Николаевичъ, не достигнувъ еще и тринадцатилѣтняго возраста, былъ отправленъ въ Петербургъ для поступленія на гражданскую службу. Въ спутники ему, сверхъ дядьки его, Прохора Кондратьевича [2]), былъ данъ уѣзжавшій одновременно съ нимъ изъ Пензы въ Петербургъ, внучатный братъ его, юный Филиппъ Филипповичъ Вигель, впослѣдствіи извѣстный своимъ просвѣщеннымъ, но ѣдкимъ умомъ, авторъ весьма интересныхъ записокъ. Съ раннихъ лѣтъ, отецъ мой, здоровый, крѣпкій и замѣчательно сильный мальчикъ, чувствовалъ особое влеченіе къ военной службѣ и неотступно просилъ своихъ родителей опредѣлить его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но они, неизвѣстно почему, не исполнили его желанія, хотя нѣкоторые изъ братьевъ его, изъ

---

[1]) Подробности эти извѣстны мнѣ изъ краткихъ записокъ Николая Михайловича, писанныхъ изрѣдка на маленькихъ листкахъ бумаги и хранившихся у дочери его Пангулидзевой. Впрочемъ, записки эти не представляютъ особаго интереса, касаясь преимущественно семейныхъ дѣлъ.

[2]) Этотъ дядька выведенъ Михаиломъ Николаевичемъ въ его романѣ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ».

которыхъ одинъ даже пользовался слабымъ здоровьемъ, были опредѣлены въ военную службу, а прочіе отданы въ корпусъ путей сообщенія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Михаилъ Николаевичъ, по ходатайству стараго знакомаго его родителей, богатаго откупщика Злобина (свояка Сперанскаго), былъ опредѣленъ въ канцелярію государственнаго казначея канцеляристомъ, откуда, по производствѣ въ сенатскіе регистраторы, переведенъ въ горный департаментъ, а потомъ въ государственный заемный банкъ и, затѣмъ, передъ отечественною войною, перешелъ снова въ департаментъ горныхъ дѣлъ съ чиномъ губернскаго секретаря.

Про эти первые годы петербургской жизни моего отца я ничего не знаю; онъ мало о нихъ вспоминалъ и только иногда разсказывалъ, что жилъ тогда болѣе чѣмъ скромно, имѣлъ мало знакомыхъ, усердно трудился на службѣ, много писалъ маленькихъ разсказовъ и повѣстей и постоянно нуждался въ средствахъ къ жизни.

Получая отъ своего родителя всего 300 р. ассигнаціями въ годъ и нѣсколько десятковъ рублей казеннаго содержанія, онъ, въ сильные морозы, не разъ оставался въ неотопленной квартирѣ и даже, однажды, изнемогая отъ холода, рѣшился, за неимѣніемъ денегъ, истопить печи деревянными стульями, составлявшими часть мебели его неприхотливой квартиры.

Въ 1812 году, при формированіи ополченій, Михаилъ Николаевичъ, въ чинѣ коллежскаго секретаря, поступилъ въ ополченіе С.-Петербургской губерніи подпоручикомъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и другихъ мѣстахъ. Подъ Полоцкомъ, получивъ сильную контузію въ ногу, онъ былъ пожалованъ, за храбрость, орденомъ св. Анны на шпагу. Контузія лишила его надолго возможности участвовать въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Приведу, при семъ, случай, доказывающій огромную память отца въ молодыхъ его лѣтахъ. Во время продолжительнаго лѣченія контузіи въ лазаретѣ онъ какъ-то сказалъ одному изъ своихъ раненыхъ товарищей, что можетъ въ короткое время выучить наизусть весь лексиконъ французскихъ словъ. Товарищъ не повѣрилъ, заспорилъ, побился о какой-то закладъ и проигралъ его: отецъ выучилъ въ назначенный срокъ весь лексиконъ и, заставивъ проэкзаменовать себя, блистательно выдержалъ экзаменъ [1].

Послѣ сдачи Данцига, по распущеніи ополченія, Михаилъ Николаевичъ возвратился въ Россію и прожилъ нѣкоторое время у

---

[1]) И. И. Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, но не вѣрно: онъ говоритъ, что М. Н., не знавъ въ дѣтствѣ французскаго языка, изучилъ для сего французскій лексиконъ вскорѣ послѣ своего назначенія директоромъ Московскихъ театровъ. Это ошибочно: дѣло было, какъ мною разсказано со словъ самого Михаила Николаевича.

своихъ родителей въ с. Рамзаѣ, гдѣ и написалъ комедію подъ названіемъ „Комедія противъ комедіи или „Урокъ волокитамъ“.

Піеса эта, игранная въ Петербургѣ, понравилась публикѣ, имѣла большой успѣхъ, долго не сходила съ репертуара и доставила автору нѣкоторую извѣстность среди драматическихъ писателей того времени, но, будучи написана въ защиту „Липецкихъ водъ“, комедіи князя А. А. Шаховскаго, принадлежавшаго къ литературному кружку Шишкова, враждебному знаменитому кружку „Арзамасцевъ“, пріобрѣла ему немало враговъ изъ послѣдняго кружка.

Всѣ члены „Арзамаса“, за исключеніемъ Жуковскаго и Вигеля, сдѣлались сильными порицателями драматическаго таланта отца, и въ особенности ожесточался противъ него Грибоѣдовъ, который, однако, позднѣе, познакомившись съ нимъ, полюбилъ его и остался въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ вплоть до своей трагической кончины [1]).

Въ 1815 году, Михаилъ Николаевичъ былъ помолвленъ на пятнадцатилѣтней дочери стараго знакомаго своего отца, богатаго помѣщика Чихачева. Молодые люди не чувствовали къ другъ другу никакого влеченія и должны были вступить въ бракъ единственно въ угоду и по приказанію своихъ родителей. Къ счастію, бракъ этотъ, по настоянію жениха, не состоялся, и въ слѣдующемъ году Михаилъ Николаевичъ, по собственному влеченію и выбору своего сердца, женился на незабвенной моей матери, память о которой для меня сохранилась не только, какъ о женщинѣ умной, просвѣщенной, но и рѣдкой христіанкѣ, заслуживающей, безъ малѣйшаго преувеличенія, названія святой женщины.

Мать моя, обязанная бытіемъ своимъ бригадиру Дмитрію Александровичу Новосильцову, была возведена, въ младенчествѣ, въ дворянское достоинство съ фамиліей Васильцовской [2]) и со дня своего рожденья (26-го іюня 1792 года), находясь безотлучно при отцѣ, получила тщательное воспитаніе: она прекрасно владѣла францyз-

[1]) Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится переданное мною туда нижеслѣдующее стихотвореніе Грибоѣдова, писанное имъ въ формѣ письма къ моему отцу, служившему въ то время при Московскомъ театрѣ:

«Бичъ пороковъ и блиновъ!
Нынѣ Щепкинъ угощаетъ
И пріятельскій свой зовъ
Чрезъ меня онъ посылаетъ.
Пріѣзжай насъ позабавить,
Аппетиту намъ прибавить
И съѣстного поубавить!»

[2]) У Новосильцова былъ еще сынъ, родной братъ Анны Дмитріевны, Александръ Дмитріевичъ Васильцовскій, служившій въ молодости въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи бывшій камергеромъ высочайшаго двора и преемникомъ моего отца по управленію имъ Московскими театрами.

скимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, отлично пѣла, играла на фортепіано и рисовала, какъ артистъ.

При глубокомъ умѣ, обладая рѣдкими душевными качествами и замѣчательною красотою, она была до крайности застѣнчива, вслѣдствіе чего казалась нѣсколько необщительною, и только люди, близко

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.

знавшіе ее, могли оцѣнить рѣдкое сердце и безконечную чисто христіанскую любовь ея къ ближнему. Отецъ мой нѣсколько разъ сватался за Анну Дмитріевну и, несмотря на то, что Новосильцовъ былъ старый пріятель и товарищъ по полку съ дѣдушкою Николаемъ Михайловичемъ, онъ ни за что не соглашался выдать ее за

его сына, и лишь по настоятельному и непреклонному желанію Анны Дмитріевны бракъ состоялся [1]). Невзирая на данное согласіе, гордый, богатый и своенравный Новосильцовъ, желавшій выдать свою дочь за человѣка съ вѣсомъ и положеніемъ, не могъ, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ ея свадьбы, побѣдить въ себѣ чувство неприязни къ ея мужу, не признавая въ немъ ни ума, ни таланта, ни даже какихъ либо душевныхъ качествъ и считая его ничтожнымъ молодымъ человѣкомъ безъ состоянія и общественнаго положенія. Неприязнь эта сильно и долго отравляла семейное счастіе моихъ родителей.

Чтобы имѣть понятіе о характерѣ Д. А Новосильцова, приведу слѣдующій анекдотъ, разсказанный мнѣ крестнымъ сыномъ его, княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ [2]). Дмитрій Александровичъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, будучи офицеромъ Измайловскаго полка и находясь, однажды, съ своею ротою въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ, остался крайне недоволенъ поданнымъ ему обѣдомъ съ царской кухни, тѣмъ самымъ, который подавался государынѣ. Пригласивъ на гауптвахту гофъ-фурьера, распоряжавшагося царскимъ обѣдомъ, и сдѣлавъ ему выговоръ за дурное будто бы кушанье, которое онъ осмѣливался подавать императрицѣ, Новосильцовъ приказалъ солдатамъ своей роты высѣчь его, что ими и было немедленно исполнено. За этотъ поступокъ онъ былъ уволенъ отъ службы, но, позднѣе принятый снова въ оную, дослужился до бригадирскаго чина.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ супружества моихъ родителей у нихъ родились: въ 1817 г. дочь Наталья (умершая вскорѣ послѣ своего рожденія), въ 1818 г. сынъ Дмитрій и въ 1819 г. сынъ Николай. Оба сына, впослѣдствіи, были очень красивы собою; старшій, похожій на отца, былъ всегда ненавистенъ Новосильцову, а второй, схожій съ матушкою, пользовался постоянною его любовью.

Передъ свадьбою, Михаилъ Николаевичъ, оставивъ службу въ горномъ департаментѣ, былъ опредѣленъ въ дирекцію императорскихъ театровъ помощникомъ члена по репертуарной части. Опредѣленію этому способствовала дружба его со всемогущимъ въ то время въ театральномъ мірѣ княземъ А. А. Шаховскимъ, искренно полюбившимъ его за защиту «Липецкихъ водъ».

Въ 1818 г. отецъ оставилъ службу при театрѣ и опредѣленъ помощникомъ библіотекаря при императорской публичной библіотекѣ, а въ 1820 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени, въ награду за составленіе каталога русскихъ книгъ, и назначенъ почетнымъ библіотекаремъ.

---

[1]) Вѣнчаніе моихъ родителей происходило въ Петербургѣ въ маѣ (не знаю, какого числа) 1816 года въ церкви Знаменія на Невскомъ проспектѣ.

[2]) Въ царствованіе императора Александра II онъ былъ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и съ 1876 по 1882 годъ моимъ начальникомъ.

Служба его при библіотекѣ пріобрѣла ему искреннее расположеніе директора ея, Алексѣя Николаевича Оленина, извѣстнаго покровителя литераторовъ и художниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріязнь и дружбу двухъ знаменитыхъ библіотекарей: Ивана Андреевича Крылова и Николая Ивановича Гнѣдича. Къ этому времени относятся двѣ комедіи Михаила Николаевича: „Богатоновъ, или столичный житель въ провинціи“ и „Романъ на большой дорогѣ“.

Въ 1820 г., дѣдъ мой, Загоскинъ, какъ я уже выше упомянулъ, возвратился на жительство въ Пензу, а Новосильцовъ собрался переѣзжать въ Москву, гдѣ до 1812 года онъ имѣлъ постоянное жительство и собственный домъ. Не желая разставаться съ своею дочерью, которую, несмотря на ненавистный для него бракъ, продолжалъ горячо любить, онъ предложилъ моему отцу перейти на службу въ Москву и поселиться съ нимъ на жительство въ его домѣ. Предложеніе это привело въ ужасъ Михаила Николаевича, жившаго до того времени спокойно съ своимъ семействомъ въ квартирѣ своихъ родителей и пользовавшагося даровою квартирою и обѣдомъ, что было для него весьма важно, такъ какъ доходы его ограничивались небольшимъ казеннымъ жалованіемъ, незначительными литературными трудами и весьма скромнымъ содержаніемъ, получаемымъ его женою отъ Новосильцова, и только послѣ долгихъ колебаній боязнь лишить нѣжно любимую имъ жену удобствъ въ жизни, къ которымъ она съ дѣтства привыкла, заставила его рѣшиться на такое, можно сказать, самопожертвованіе и принять предложеніе Дмитрія Александровича.

Въ іюнѣ того же года, мои родители переѣхали въ Москву, гдѣ вскорѣ отецъ, по милости своего рѣдкаго сердца и неисчерпаемаго веселаго добродушія, пріобрѣлъ много новыхъ пріятелей изъ среды московскихъ литераторовъ и близко сошелся съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, С. Т. Аксаковымъ и М. А. Дмитріевымъ. Въ Москвѣ онъ поступилъ на должность чиновника по особымъ порученіямъ при тогдашнемъ московскомъ главнокомандующемъ князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ, подъ начальствомъ котораго находились въ то время и московскіе театры.

Князь Голицынъ, какъ извѣстно, былъ добрый, благородный и, въ полномъ смыслѣ слова, прекраснѣйшій человѣкъ. Воспитанный за границею, онъ присвоилъ себѣ утонченныя манеры французскаго маркиза, сохранивъ при томъ осанку русскаго вельможи. Обращаясь со всѣми, а съ своими подчиненными въ особенности, вѣжливо и привѣтливо, Голицынъ, однако, нерѣдко выказывалъ, какъ будто и самъ того не подозрѣвая, важность своего сана и происхожденія, хотя въ душѣ глубоко презиралъ людей заискивающихъ, льстивыхъ и подобострастныхъ. Считаю не лишнимъ привести эпизодъ изъ перваго свиданія моего отца съ своимъ новымъ начальникомъ, хорошо обрисовывающій характеръ того и другого.

При первомъ представленіи князю, отецъ, явившись въ мундирѣ, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь принялъ его, сидя за письменнымъ столомъ, и, не протянувъ руки, сталъ любезно съ нимъ разговаривать. Разговоръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ, затянулся, съ оффиціальнаго перешелъ въ чисто интимный. Тогда отецъ, считая себя уже не подчиненнымъ, а гостемъ князя, началъ разсѣянно оборачиваться и, какъ будто, чего-то искать. На вопросъ князя: что съ вами и что вы ищете? онъ отвѣтилъ: кресло, чтобы сѣсть. Князь улыбнулся, позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ подать кресло. Съ тѣхъ поръ, при всякомъ свиданіи начальника съ своимъ подчиненнымъ, рука протягивалась и кресло придвигалось.

Въ скоромъ времени Голицынъ очень полюбилъ своего новаго чиновника и до конца жизни оказывалъ ему знаки уваженія и душевной пріязни.

При такомъ начальникѣ, служба Михаила Николаевича шла весьма успѣшно: въ 1823 г. онъ былъ назначенъ членомъ конторы дирекціи московскихъ театровъ, а со времени своего пріѣзда въ Москву по 1829 годъ получилъ ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й и чины коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника. По тогдашнимъ правиламъ, онъ не могъ получить чина коллежскаго ассессора безъ выдержанія особо установленнаго для этого чина экзамена, а потому долго приготовлялся къ нему и выдержалъ его отличнымъ образомъ. При испытаніи его въ русскомъ языкѣ профессоръ отечественной словесности предложилъ отцу, уже пользовавшемуся извѣстностью, какъ драматическій писатель, слѣдующій, довольно наивный вопросъ: кто былъ Ломоносовъ? — отецъ, неоднократно разсказывая объ этомъ, всегда прибавлялъ: мнѣ хотѣлось отвѣтить, что Ломоносовъ былъ сапожникъ.

Продолжая усердно заниматься службою при театрѣ и не оставляя своихъ литературныхъ занятій, Михаилъ Николаевичъ, за время съ 1820 по 1828 годъ, написалъ комедіи: Урокъ холостымъ, Благородный театръ и водевиль Деревенскій философъ. Первыя двѣ пьесы были написаны стихами, что стоило ихъ автору не малаго труда, такъ какъ, не имѣя музыкальнаго уха, онъ каждый стихъ раздѣлялъ на слоги и на стопы и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе. Ранѣе этихъ двухъ комедій онъ написалъ посланіе въ стихахъ къ Гнѣдичу подъ названіемъ Авторская клятва и стихотвореніе Выборъ невѣсты. Эти стихотворные его опыты, заслужившіе полное одобреніе Гнѣдича и особенно Крылова, дали ему нѣкоторую смѣлость написать стихами вышеупомянутыя двѣ комедіи, которыя и были играны съ большимъ успѣхомъ на московской сценѣ.

До 1830 года, отецъ съ своимъ семействомъ проживалъ въ Старой Конюшенной въ домѣ Новосильцова, часто испытывая на себѣ

странныя придирки и выходки хозяина дома, настоящаго деспота стараго закала, вызывавшія немало обоюдныхъ бурныхъ вспышекъ, и вслѣдствіе которыхъ жизнь моихъ родителей въ его домѣ становилась все болѣе и болѣе невыносимѣе, и мысль отдѣлиться отъ Новосильцова не покидала отца ни на минуту. Въ то время, матеріальныя средства его нѣсколько улучшились, однако, не настолько, чтобы онъ имѣлъ возможность, какъ онъ самъ выражался, «опериться» и жить самостоятельно.

Вскорѣ счастье улыбнулось ему: въ 1828 году онъ задумалъ написать историческій романъ. Въ теченіе почти цѣлаго года, онъ усердно рылся въ древнихъ актахъ, изучалъ русскую исторію и нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за перомъ. Плодомъ этого усидчиваго труда явился, наконецъ, въ декабрѣ слѣдующаго года, его первый историческій романъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году».

Появленіе этого романа, какъ извѣстно, составило эпоху въ русской литературѣ, доставивъ автору его громкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границею. Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Шаховской, однимъ словомъ, всѣ лучшіе писатели и поэты того времени громко привѣтствовали появленіе этого романа и разсыпались передъ отцомъ въ похвалахъ. Однимъ изъ первыхъ поспѣшилъ поздравить его съ блистательнымъ успѣхомъ «Юрія Милославскаго» князь Шаховской: онъ прислалъ длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «я уже совсѣмъ одѣлся, чтобы ѣхать на свиданіе съ нашими первоклассными писателями на литературный обѣдъ къ графу Ѳ. П. Толстому, какъ вдругъ принесли мнѣ твой романъ, я ему обрадовался и повезъ мою радость къ графу Толстому. Но тамъ меня ею же встрѣтили. Первое дѣйствующее лицо авторскаго обѣда, явившееся на сцену, былъ Пушкинъ и тотчасъ заговорилъ о тебѣ. Пушкинъ восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ въ журналѣ. Входитъ Крыловъ изъ дворца: разспросы о тебѣ и улыбательныя одобренія твоему роману. Входитъ Гнѣдичъ —въ восхищеніи отъ прекраснаго твоего романа; наконецъ, является Жуковскій и, сказавъ два слова, объявляетъ, что не спалъ вчера всю ночь — отчего же? — все-таки отъ твоего романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ прочесть кое-что и, не сходя съ мѣста и не ложась спать, не могъ не прочесть всѣхъ трехъ томовъ; а это самая лучшая похвала, какую онъ могъ сдѣлать твоему сочиненію. Онъ просилъ меня тотчасъ къ тебѣ написать о дѣйствіи, которое ты надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности и о томъ, что, хотя онъ еще не успѣлъ поднести твоего романа императрицѣ, но предварилъ ее, что она увидитъ диво на нашемъ языкѣ».

Затѣмъ А. С. Пушкинъ писалъ моему отцу: «Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобы сердечно поблагодарить васъ

за присылку „Юрія Милославскаго“ — лестный знакъ вашего ко мнѣ расположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ „Литературной Газетѣ“ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго [1]). Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите, дай Богъ вамъ многія лѣта, т.-е. дай Богъ намъ многіе романы“.

Московское общество, съ своей стороны, не осталось равнодушнымъ къ автору „Юрія Милославскаго“ и, наперерывъ, стало съ нимъ знакомиться, а отъ дамъ и особенно великосвѣтскихъ львицъ ему просто не было отбоя... одинъ только старикъ Новосильцовъ нашелъ романъ никуда негоднымъ и узнавъ, что отецъ продалъ его за 30.000 рублей ассигнаціями, съ негодованіемъ воскликнулъ: «неужели я дожилъ до того, что русскіе даютъ такія деньги за такую дрянь!» [2]).

Какъ ни лестны были для Михаила Николаевича всѣ расточаемыя ему общія похвалы, весь внезапно окружившій его почетъ, но главное, душевная радость заключалась въ томъ, что давнишняя завѣтная мысль его «опериться» могла уже осуществиться. Получивъ за свой романъ значительную для того времени сумму, онъ немедленно купилъ въ Москвѣ прекрасный домъ (въ Денежномъ переулкѣ, въ приходѣ Покрова, что въ Левшинѣ), переселился въ него съ своимъ семействомъ и зажилъ, хотя не богато, но полнымъ самостоятельнымъ хозяиномъ.

Впереди его ожидало еще большее...

Въ 1830 году, императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и пожелалъ видѣть отца.

При входѣ его въ царскій кабинетъ въ маломъ Николаевскомъ дворцѣ, его величество, подавъ ему руку, осчастливилъ его слѣдующими словами: «будучи въ Москвѣ, я никогда не простилъ бы себѣ, если бы не познакомился съ авторомъ „Юрія Милославскаго“» [3]). Свиданіе это запечатлѣлось на всю жизнь въ сердцѣ Михаила Николаевича и было началомъ той глубокой любви и безпредѣльной преданности, которыя онъ питалъ къ Николаю Павловичу до конца своей жизни.

Опредѣленный въ этомъ году управляющимъ конторою московскихъ театровъ, отецъ въ короткое время былъ пожалованъ въ камергеры и назначенъ въ должность директора тѣхъ же театровъ.

Въ день пожалованія придворнымъ званіемъ онъ былъ несказанно удивленъ присылкою отъ Новосильцова подарка: то былъ

[1]) Псевдонимъ Перовскаго, автора «Монастырки».

[2]) Кромѣ Новосильцова, романомъ остался недоволенъ и Булгаринъ.

[3]) Слова эти были записаны моимъ отцомъ въ его записной книжкѣ.

первый подарокъ, полученный имъ отъ него со дня своей свадьбы— золотой камергерскій ключъ!.. съ самаго этого дня камергеръ Загоскинъ вступаетъ въ глазахъ гордаго старика во всѣ принадлежавшія ему человѣческія и литературныя права: онъ сдѣлался для него прекраснымъ человѣкомъ и талантливымъ писателемъ...

Новосильцовъ торжествовалъ!.. Къ счастью, торжество это не ограничилось присылкою одного золотого ключа: вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ болѣе существенный даръ: онъ подарилъ моей матери имѣніе во Владимірской губерніи съ 600-ми крестьянами и значительную сумму денегъ, на которую она пріобрѣла имѣніе въ Тамбовской губерніи съ коннымъ заводомъ.

Въ слѣдующемъ году отецъ написалъ свой второй романъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году», доставившій ему 40.000 рублей ассигнаціями, на которые онъ купилъ небольшое имѣніе въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

По поводу этого романа, Жуковскій написалъ ему слѣдующее письмо: «Благодарю васъ и за подарокъ и за «Рославлева», почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ,—и съ нимъ то же случилось, что съ его старшимъ братомъ; я прочиталъ его почти въ одинъ присѣстъ. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ «Милославскимъ». Описаніе большого свѣта мнѣ показалось невѣрнымъ, и въ гостиной княгини Радугиной я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и Рославлевъ столько же привлекателенъ, какъ старшій братъ его.

«Благословляю васъ обѣими руками на романы. Это ваше дѣло, а предметовъ бездна. Стою на томъ, чтобы вы написали Дмитрія Самозванца; лучше сюжета нѣтъ, а Булгаринъ его ужасно изуродовалъ. Потомъ, примитесь описывать времена Петра; потомъ быть нашихъ провинціаловъ: описывая истину, смѣшное смѣшнымъ, дурное дурнымъ, прекрасное прекраснымъ, вы произведете не только пріятное, но и полезное.

«Доселѣ никто еще не писалъ у насъ вѣрно съ натуры. Болѣе карикатуры, для коихъ образчики были не наши.

«Трогая описаніемъ прекраснаго, противопоставляя высокіе характеры, изъ натуры взятые, смѣшному или дурному, также изъ натуры взятому, вы дадите умамъ надлежащее направленіе. Безъ истины нѣтъ убѣжденья, а вы можете (ибо на это имѣете талантъ) изобразить истину. Главная критика на оба ваши романа можетъ относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаетъ грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно; но вы, имѣя истинный талантъ, должны непремѣнно обратить вниманіе и на мелочи, не

вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь обязаны не дѣлать подобныхъ проступковъ. Извините, что такъ искренно изъясняюсь: это доказательство живого участія, принимаемаго мною въ вашихъ успѣхахъ, а бывшіе ваши успѣхи даютъ мнѣ надежду на будущіе, и въ этомъ случаѣ я не боюсь быть лжепророкомъ. Экземпляръ вашего Рославлева представленъ мною государынѣ императрицѣ и принятъ ея величествомъ съ благосклонностью. Простите, будьте только здоровы—остальное все будетъ».

Съ начала 30-го года, все въ жизни моихъ родителей измѣнилось: настало полное матеріальное довольство и водворился нравственный покой. Отецъ мой отдохнулъ и тѣломъ и душой!..

Но не долго продолжался его душевный отдыхъ: мать моя, никогда не отличавшаяся хорошимъ здоровьемъ, стала чувствовать, въ 1832-мъ году, внутреннія боли, въ началѣ не обращавшія ея особеннаго вниманія, но вскорѣ до того усилившіяся, что она должна была прибѣгнуть къ совѣту лучшихъ московскихъ врачей и, несмотря на всѣ ихъ старанія, состояніе ея быстро ухудшалось. Врачи, предположивъ существованіе внутренней болѣзни, могущей окончиться ракомъ, объявили, что, если есть какая либо надежда на ея выздоровленіе, то оно можетъ послѣдовать только въ случаѣ новаго приращенія семейства. Матери моей было сорокъ лѣтъ, а младшему сыну тринадцать, слѣдовательно, подобной надежды представлялось мало или, вѣрнѣе сказать, никакой...

Скорбь моихъ родителей была велика!..

Приступаю теперь къ описанію случая, который послужилъ къ большему укрѣпленію ихъ вѣры, и разсказъ о которомъ, слышанный мною впервые въ дѣтствѣ, имѣлъ большое вліяніе на духовную сторону всей моей послѣдующей жизни.

Вотъ этотъ чудный и только для истинно вѣрующихъ понятный случай: мать моя, какъ я уже сказалъ, была женщина глубоконабожная и всегда, во всѣхъ радостныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, прибѣгала къ молитвѣ. Смущенная рѣшеніемъ докторовъ, она стала молиться объ избавленіи ея отъ страшнаго недуга. Однажды, стоя на вечерней молитвѣ, передъ иконами, она поражена была какими-то звуками, какъ будто пронесшимися около ея ушей, стала прислушиваться и довольно ясно услыхала слова: «молись св. Митрофану».

Озадаченная подобнымъ явленіемъ, она разсказала о немъ моему отцу, который, однако, не придалъ особаго значенія ея разсказу, предполагая, что это ей «такъ показалось». На другой день, во время подобной, вечерней молитвы, матушка снова услыхала тѣ же слова, но болѣе явственно, болѣе отчетливо. Сомнѣнье разсѣялось: начались поиски о томъ, кто былъ св. Митрофанъ и когда существовалъ. Каково же было удивленіе моихъ родителей, когда, вскорѣ послѣ означеннаго явленія, они узнали, что въ Воронежѣ обрѣтены мощи епископа Воронежскаго Митрофана! Отецъ немедленно отпра-

вилъ письмо къ епископу Антонію съ подробнымъ описаніемъ случившагося и просилъ его прислать какую либо святыню съ мощей новоявленнаго угодника Божія.

Антоній исполнилъ желаніе родителей и прислалъ имъ серебряный крестъ съ частицею мощей святителя и бархатную шапочку съ его св. мощей, а матушка заказала образъ св. Митрофана и непрестанно стала просить ходатайства его о совершенномъ ея исцѣленіи [1]).

15-го мая 1833-го года, исцѣленіе совершилось: она разрѣшилась отъ бремени сыномъ Сергіемъ, пишущимъ эти строки.

Съ моимъ появленіемъ на свѣтъ, прежняя болѣзнь ея, согласно предвѣщанію докторовъ, исчезла, но въ томъ же году она занемогла какою-то новою внутреннею болѣзнью совершенно другого рода, которая и продолжалась во всю остальную жизнь ея, т. е. почти двадцать лѣтъ. Болѣзнь эта не дозволяла ей дѣлать сильныхъ движеній и выносить тряски экипажа, вслѣдствіе чего она никуда не выѣзжала, ограничивая свои выходы изъ дома продолжительными прогулками въ собственномъ саду.

Осенью 1836 года, матушка была очень огорчена внезапною кончиною своего отца, который, какъ я выше сказалъ, сталъ съ 1830-го года, не только вѣжливъ и любезенъ къ моему отцу, но и чрезвычайно ласковъ, а батюшка, по своему рѣдкому незлобію и сердечной добротѣ, забывъ всѣ перенесенныя имъ отъ старика непріятности, началъ платить ему взаимностью. Послѣ смерти Новосильцева, матушка получила, по духовному его завѣщанію, принадлежавшій ему въ Москвѣ домъ и нѣкоторую сумму денегъ.

II.

Мое младенчество, болѣзнь. — Гувернеръ. — Петровскій паркъ. — Императоръ Николай I-й.—Мое воспитаніе.—Свѣтлый праздникъ.—Мое образованіе. — Служба отца при театрѣ.—Князь П. М. Волконскій.—Милость императора къ отцу.— Назначеніе отца директоромъ оружейной палаты.—Его служба, литературные труды, образъ жизни и привычки.

Воспоминанія о моемъ младенчествѣ совершенно изгладились изъ моей памяти; я начинаю помнить себя съ восьмилѣтняго возраста. До того времени смутно помню какой-то дѣтскій маскарадъ, въ которомъ я былъ наряженъ пѣтухомъ, также смутно помню моихъ родителей, а отца не иначе, какъ въ камергерскомъ мундирѣ. Мундиръ этотъ остался въ моей памяти, вѣроятно, потому, что, по разсказамъ

---

[1]) Сей образъ находится нынѣ съ 1897 г. въ склепѣ Загоскиныхъ Троицко-Сергіев. пустыни близъ Петербурга въ Воскресенскомъ храмѣ, на могилѣ Сергія Михайловича Загоскина, автора сихъ записокъ.

моей няни, для меня, въ раннемъ дѣтствѣ, было величайшимъ удовольствіемъ присутствовать при одѣваніи отца въ придворный мундиръ и обнюхивать золотое шитье, при чемъ я всѣхъ увѣрялъ, что «папенька пахнетъ парадомъ».

Я былъ слабымъ и хилымъ ребенкомъ и часто хворалъ. Для приданія мнѣ силъ, я находился у кормилицы до трехлѣтняго возраста, а затѣмъ, по совѣту врачей, мнѣ давали ежедневно по рюмкѣ малаги или другого испанскаго вина, которое впослѣдствіи было замѣнено краснымъ виномъ и, кажется, въ весьма почтенномъ количествѣ, такъ что, когда мнѣ было лѣтъ 13-ть или 14-ть, то мнѣ предоставлялось во время обѣда выпивать цѣлую полубутылку такого вина. Способъ укрѣпленія моего здоровья, казавшійся многимъ знакомымъ непонятнымъ и даже вреднымъ, имѣлъ, однако же, хорошія послѣдствія: вступивъ въ отроческій возрастъ, я былъ уже крѣпкимъ, полнымъ и здоровымъ мальчикомъ.

Первыя воспоминанія о моемъ дѣтствѣ относятся къ зимѣ 1841 года, и именно когда я заболѣлъ тифозною горячкою; помню даже самое начало болѣзни. Въ эту зиму, несмотря ни на какую погоду, меня по утрамъ катали въ возкѣ, въ сопровожденіи моей няни Анны Петровны, при чемъ кутали меня жестоко: надѣвали шубу, большіе, вязанные сапоги и шапку съ наушниками. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ сильный морозъ мы ѣхали по Красной площади,—вдругъ няня говоритъ: «смотрите, ѣдутъ царскія дѣти», — то были маленькіе великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, — я высунулся въ окно и долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

Не видавъ до того времени никого изъ членовъ царскаго семейства, я, по всему вѣроятію, заинтересовался видѣть дѣтей, которыхъ называли «царскими».

Вернувшись домой, я почувствовалъ сильный ознобъ, слегъ въ кровать, и у меня открылся бредъ. Сколько времени я находился въ этомъ положеніи — не знаю, но хорошо помню два момента въ началѣ болѣзни: первый, когда матушка хотѣла дать мнѣ выпить съ ложки какую-то микстуру, и я сильно воспротивился и началъ кричать; всѣ уговоры ни къ чему не повели, и я не принялъ лѣкарства.

Надобно при этомъ замѣтить, что до того, какъ мнѣ сказывали позднѣе, я принималъ спокойно и послушно всѣ прописываемыя докторами лѣкарства, и потому внезапное мое сопротивленіе немало удивило матушку.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ и, узнавъ о случившемся, осмотрѣлъ лѣкарство, попробовалъ его и объявилъ, что если бы я принялъ эту микстуру, то была бы бѣда, потому что, прописавъ одновременно два лѣкарства, одно для внутренняго пріема, а другое, весьма сильное, для наружнаго втиранія, докторъ нашелъ ярлычки перепутанными аптекою: ярлычекъ отъ спирта наклеили на стклянку

съ микстурою и, конечно, еслибы я не закапризничалъ и принялъ лѣкарство, то легко бы могъ поплатиться жизнью.

Второй моментъ, оставшійся у меня въ памяти, относится къ тому времени, когда болѣзнь моя значительно ухудшилась, и меня пріобщили св. тайнъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ моя крестная мать, Елена Ивановна Полугарская, привезла ко мнѣ собственный образъ св. Варлаама, считавшійся въ ея семействѣ чудотворнымъ, и поставила его около моей кровати. Затѣмъ, все, что происходило вокругъ меня, вплоть до моего выздоровленія, совершенно изгладилось изъ моей памяти. Въ продолженіе шести недѣль, мать моя и няня неотлучно находились днемъ и ночью при мнѣ, а отецъ, пользуясь свободными отъ службы минутами, посвящалъ ихъ мнѣ и часто, далеко за полночь, сидѣлъ у моего изголовья. Однажды поздно вечеромъ, когда прибывшіе доктора, изъ которыхъ докторъ Смѣльскій жилъ во флигелѣ нашего дома, признали положеніе мое безнадежнымъ и сомнѣвались въ продленіи моей жизни до утра, отецъ мой, по ихъ удаленіи, перекрестивъ и крѣпко поцѣловавъ меня, сказалъ матушкѣ: «я иду къ себѣ въ кабинетъ и лягу спать; прошу не тревожить меня и не будить до утра, если бы даже что и случилось съ Сережею, то и тогда не будить меня». Подобныя слова до крайности удивили мать, которая никакъ не могла представить себѣ, чтобы отецъ, нѣжно любившій своего ребенка и нерѣдко проводившій при немъ часть ночи, вдругъ, когда часы его жизни сочтены, могъ спокойно идти ко сну. Она не промолвила ни слова, и отецъ удалился. Что произошло со мною за ночь—мнѣ неизвѣстно, но только докторъ Смѣльскій, придя въ 6 часовъ утра взглянуть на меня, по тщательномъ осмотрѣ, объявилъ, что опасность миновала, и явилась надежда на мое выздоровленіе. Матушка, не помня себя отъ радости и позабывъ приказаніе отца не тревожить его, побѣжала объявить ему о великой милости Божіей. Войдя въ кабинетъ, она не нашла отца и, подумавъ, что онъ ушелъ спать въ свой рабочій кабинетъ, находившійся въ антресоляхъ нашего дома, поднялась на верхъ и нашла его не тамъ, а рядомъ, въ маленькой комнатѣ, стоящаго на колѣнахъ, передъ иконами. Сообщивъ радостную вѣсть, они оба усердно возблагодарили Господа Бога, и тогда только матушка поняла причину, заставившую отца удалиться къ себѣ съ просьбою не тревожить его: онъ всю ночь провелъ на молитвѣ. За эту ночь, у него появилась первая сѣдина въ волосахъ.

Съ этого дня началось мое постепенное выздоровленіе, и я хорошо помню, какъ батюшка ежедневно приносилъ мнѣ, для развлеченія, разныя книги съ картинками, изъ которыхъ особенно занимала меня первая книга «Сто русскихъ литераторовъ» съ ея портретами и картинками.

Въ это же время съ моею матерью, вслѣдствіе нравственнаго и физическаго утомленія, случился первый припадокъ съ удушіемъ до того сильный, что ее пріобщили св. тайнъ и ожидали ея кончины. Но Богу угодно было продлить жизнь ея еще на двѣнадцать лѣтъ и тѣмъ дать мнѣ возможность неотлучно, до двадцатилѣтняго возраста, находиться при ней, пользоваться ея глубоко назидательными совѣтами и постоянно имѣть передъ собою примѣръ истинной христіанской жизни.

Когда я оправился отъ болѣзни, занемогла тифомъ моя няня, единственный человѣкъ въ нашемъ домѣ, заразившійся отъ меня. Я очень былъ привязанъ къ нянѣ, находившейся при мнѣ со дня моего рожденія, но, такъ какъ она прохворала до весны, то къ великому моему горю, я не видалъ ея въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Весною, мои родители взяли ко мнѣ гувернера-француза m-r Poulain. Его выписали изъ Пензы, гдѣ онъ находился у кого-то изъ нашихъ родственниковъ, а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, былъ гувернеромъ моихъ братьевъ. Когда m-r Poulain пріѣхалъ къ намъ, то въ самое короткое время овладѣлъ моею любовью, и думаю, не столько своею сердечною добротою, сколько неисчерпаемою веселостью и придумываніемъ всякаго рода для меня забавъ, изъ числа которыхъ, на первомъ планѣ, была гимнастика, доходившая даже до хожденія на канатѣ. M-r Poulain, человѣкъ уже пожилой, служилъ въ молодости офицеромъ въ войскахъ Наполеона, котораго любилъ до обожанія и часто, со вздохомъ, повторялъ: oh, le grand empereur! oh, la grande armée! où sont-ils?

Пріѣхавъ въ Москву въ началѣ 20-хъ годовъ, французъ этотъ до того полюбилъ Россію и въ особенности Москву, что, несмотря на свою страсть къ своему grand empereur, нерѣдко негодовалъ на него за войну 1812 года и въ особенности за пожаръ Москвы.

Одновременно съ пріѣздомъ гувернера, ко мнѣ взяли, для изученія нѣмецкаго языка, мальчика моихъ лѣтъ, нѣмца, по фамиліи Мейеръ. Онъ былъ сынъ знаменитаго въ то время фокусника, извѣстнаго подъ именемъ Молдуано и впослѣдствіи оказался некрещеннымъ евреемъ. Мальчикъ былъ хорошій, умный и нравственный, пробылъ у меня лѣтъ пять и, принявъ православіе, поступилъ въ одну изъ московскихъ гимназій. Позднѣе, я потерялъ его изъ вида и не знаю, что съ нимъ сталось. По милости этого еврейчика, я сталъ отлично говорить по-нѣмецки.

Въ маѣ того же года, мы переѣхали въ Петровскій паркъ, гдѣ батюшка только что построилъ прекрасную дачу. Паркъ былъ тогдашнимъ, любимымъ мѣстомъ гулянья высшаго московскаго общества. Въ немъ находилось немного дачъ — всего тридцать или сорокъ, не болѣе, изъ которыхъ большая часть принадлежала извѣстнымъ

и зажиточнымъ москвичамъ; тамъ были дачи: Хитрово [1]), Нарышкиной [2]), князя Трубецкого [3]), князя Долгорукова [4]), Наумова [5]), Мартынова [6]), Башилова [7]), Тона [8]), Мерлина [9]), купцовъ Лухманова, Монигетти и проч. У Башилова было нѣсколько дачъ. Онъ же построилъ въ паркѣ огромное, деревянное зданіе, названное имъ «вокзаломъ». Въ этомъ вокзалѣ пѣли цыганы, играла музыка и давались танцовальные вечера, а въ саду, гдѣ по воскресеньямъ пускали фейерверки, были устроены для дѣтей: качели, деревянныя горы и разныя игры. Одна изъ улицъ парка была названа, въ честь устроителя вокзала «Башиловкою». Въ Петровскомъ паркѣ находился театръ (понынѣ существующій), построенный моимъ отцомъ, въ бытность его директоромъ московскихъ театровъ. Главная аллея парка, ведущая отъ театра къ дворцу и, затѣмъ, въ село Зыково, была почти единственная, застроенная дачами: въ остальныхъ аллеяхъ лишь кое-гдѣ попадались дома. Мало населенный паркъ былъ, въ то время, дѣйствительно пріятнымъ и спокойнымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія семейныхъ москвичей.

Въ это лѣто, многіе пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы посѣщали отца; изъ нихъ раза два французскій писатель виконтъ д'Арленкуръ; но я его мало помню. Онъ представляется мнѣ пожилымъ элегантнымъ мужчиною, всегда во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и множествомъ орденовъ на цѣпочкѣ, въ петлицѣ. Если

---

[1]) Настасьи Николаевны, рожденной Каковинской, извѣстной и всѣми уважаемой московской старожилки. Она была матерью княгини Ирины Никитичны Урусовой, сынъ которой князь Сергій Николаевичъ былъ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, а дочь ея Анастасія Николаевна Мальцова имѣла счастіе пользоваться дружбою императрицы Маріи Александровны.

[2]) Анны Дмитріевны, рожденной Нарышкиной, матери извѣстнаго въ Москвѣ Константина Павловича, женатаго на Софіи Петровнѣ Ушаковой.

[3]) Ивана Петровича, женатаго на княжнѣ Натальѣ Сергѣевнѣ Мещерской, отца князя Николая Ивановича, бывшаго президента Московской дворцовой конторы.

[4]) Отца княгини Юрьевской. Эта дача была самая красивая и самая роскошная во всемъ паркѣ.

[5]) Николая Павловича, женатаго на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ князя Василія Петровича, извѣстнаго подъ названіемъ «рябчикъ». У Наумова было нѣсколько дачъ и обширный лѣсъ у самаго парка, по дорогѣ, ведущей въ Петровское-Разумовское.

[6]) Соломона Михайловича, брата моей бабушки Натальи Михайловны Загоскиной.

[7]) Александра Александровича, сенатора. Башиловъ былъ остроумный, веселый и добрѣйшій старикъ-холостякъ. Своими шутками и забавными разсказами онъ пріобрѣлъ расположеніе великаго князя Михаила Павловича и, въ послѣдніе годы своей жизни, проживалъ въ его дворцѣ на Остоженкѣ, гдѣ и умеръ.

[8]) Отца извѣстнаго архитектора, строителя Храма Спасителя.

[9]) Павла Евграфовича, богатаго москвича, женатаго на Богдановой.

я мало помню д'Арленкура, то въ моей памяти отлично сохранился другой французскій писатель Меримэ [1], часто посѣщавшій насъ въ паркѣ. Онъ былъ премилый французъ и всегда старался чѣмъ либо позабавить меня, вслѣдствіе чего я полюбилъ его, и когда онъ проводилъ у насъ вечера, то почти не отходилъ отъ него. Въ первый разъ, когда Меримэ пріѣхалъ къ намъ на дачу обѣдать и просидѣлъ часовъ до 11-ти, то батюшка предложилъ ему свою карету, чтобы отвезти его въ Москву, но онъ отвѣтилъ: «il ne me faut pas de voiture, j'attends le passage d'un omnibus». Наивный парижанинъ воображалъ, что въ Москвѣ, подобно Парижу, ходили всюду омнибусы, хотя, передъ тѣмъ, онъ провелъ въ нашей древней столицѣ нѣсколько дней и могъ бы замѣтить, что, въ то время, къ услугамъ публики, разъѣзжали по ея улицамъ лишь возницы съ дрожками, называвшимися гитарами. Въ это лѣто я въ первый разъ увидалъ императора Николая Павловича. Онъ ѣхалъ верхомъ, возвращаясь въ Петровскій дворецъ со смотра войскъ на Ходынскомъ полѣ. Его красивая осанка, колоссальный ростъ и орлиный взглядъ такъ поразили меня, что съ того момента и навсегда въ моей памяти врѣзалась величественная, чисто рыцарская фигура Николая I, а мой гувернеръ m-r Poulain пришелъ въ такой восторгъ, что выскочилъ изъ толпы народа, стоявшей на пути государя, подскочилъ къ нему и, размахивая у самой лошади шляпой, закричалъ: «Vive l'empereur».

Государь милостиво улыбнулся и приложилъ руку къ своей шляпѣ. Въ то время, какъ мой французъ изливалъ въ радостныхъ крикахъ свой восторгъ, а я стоялъ, разинувъ ротъ, кто-то изъ толпы мгновенно выхватилъ изъ моихъ рукъ тросточку съ серебрянымъ набалдашникомъ и скрылся съ нею. Ловкій воръ воспользовался моимъ возрастомъ и толпою народа, чтобы познакомить меня, на дѣлѣ, съ поступкомъ, который до тѣхъ поръ былъ извѣстенъ мнѣ только по наслышкѣ. Казалось бы, что такой ранній опытъ могъ бы тогда же научить меня тому, какъ вредно стоять съ разинутымъ ртомъ, не оберегая своей собственности, но, къ сожалѣнію, урокъ этотъ не послужилъ мнѣ въ пользу, и я почти всю жизнь провелъ, разинувъ ротъ и не стоя на стражѣ своихъ интересовъ.

Ихъ величества провели нѣсколько дней въ Петровскомъ дворцѣ и часто катались по тѣнистымъ аллеямъ парка. Однажды, государь съ государынею, проѣзжая мимо насъ, приказалъ остановить экипажъ и довольно долго любовался нашею дачею, напоминавшей, по своей архитектурѣ, петербургскій, каменноостровскій дворецъ принца Ольденбургскаго. Дача очень понравилась государю, о чемъ его величество заявилъ отцу.

[1]) Генрихъ, братъ извѣстнаго Проспера Меримэ, написавшій книгу о своемъ путешествіи по Россіи.

Въ это же лѣто я въ первый разъ побывалъ въ театрѣ парка, и затѣмъ нѣсколько разъ посѣтилъ его съ моимъ гувернеромъ, сидя въ директорской ложѣ. Изъ всѣхъ піесъ, мною видѣнныхъ, остались въ моей памяти только: балетъ «Волшебная флейта» и оперетка «Москаль Чаровникъ», въ которой особенно плѣнилъ меня знаменитый Щепкинъ, напѣвая малороссійскіе куплеты. Но съ этого времени вплоть до семнадцатилѣтняго возраста я ни разу не былъ въ театрѣ: вѣроятно, потому, что въ началѣ слѣдующаго года отецъ оставилъ директорскую должность и, за неимѣніемъ уже собственной ложи, считалъ, безъ сомнѣнія, излишнимъ покупать таковую для меня, такъ какъ матушка, по болѣзни, не выходила изъ дома, а онъ самъ не посѣщалъ болѣе театра, несмотря на то, что по оставленіи имъ упомянутой должности императоръ Николай Павловичъ предоставилъ ему во всѣхъ театрахъ кресло, носившее названіе «авторскаго». Осенью, мы переѣхали въ Москву и нашли нашъ домъ заново отдѣланнымъ: стѣны во всѣхъ комнатахъ, окрашенныя обычною въ то время клеевою краскою, были уже оклеены обоями, старинная мебель замѣнена новою болѣе моднаго фасона, а прежняя ея обивка въ гостиныхъ «бомбою» превратилась въ штофную: на окнахъ явились новомодныя, тюлевыя занавѣси. Особенно понравилась мнѣ одна гостиная, прежде выкрашенная желтою краскою и вдругъ принявшая весьма оригинальный видъ: стѣны ея были сплошь покрыты множествомъ гравюръ, портретовъ, небольшихъ картинокъ, географическихъ и игральныхъ картъ, конвертовъ съ адресами, книжныхъ обертокъ, театральныхъ афишъ и разнородныхъ рисунковъ. Все это, наклеенное на холстѣ и разбросанное въ величайшемъ безпорядкѣ—прямо, бокомъ и вверхъ ногами, представляло съ перваго взгляда что-то пестрое, необычайное и нигдѣ не виданное, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивое и занятное. Наклейка эта была совершена по мысли отца и имъ самимъ. Онъ употребилъ немало времени, чтобы собрать большую коллекцію всякой бумажной смѣси и, затѣмъ, въ теченіе лѣта, занялся наклейкою ея на холстѣ, окаймленномъ, отдѣльно для каждой стѣны, зеленою суконною рамою съ золотымъ бортомъ. Комната эта постоянно привлекала вниманіе всѣхъ знакомыхъ, а для меня долго служила забавнымъ и интереснымъ развлеченіемъ въ минуты моего дѣтскаго досуга.

Дѣтство мое съ восьмилѣтняго возраста до четырнадцати лѣтъ прошло тихо, спокойно и однообразно, а потому считаю излишнимъ много о немъ распространяться; скажу только, что воспитаніе мое шло нѣсколько иначе, чѣмъ воспитаніе другихъ мальчиковъ, жившихъ, подобно мнѣ, подъ кровомъ родительскимъ. Отецъ мой не входилъ ни въ какія подробности относительно моего образованія: на гувернерѣ лежала преимущественно учебная часть, а всѣмъ остальнымъ занималась моя добрая, нѣжная мать. Воспитывая меня почти такъ, какъ воспитываютъ не сына, а дочь, она

старалась развить во мнѣ кротость, чувствительность, крайнюю деликатность и любовь не только къ ближнему, но и ко всей земной твари. Общество мальчиковъ для меня не существовало: матушка считала его излишнимъ и даже вреднымъ; дѣвицъ тоже я мало видалъ. За исключенiемъ маленькаго нѣмца и еще одного прiятеля, прiѣзжавшаго ко мнѣ по праздникамъ, Андрюши Кислинскаго[1], я внѣ часовъ уроковъ и прогулокъ проводилъ время съ матушкою и нянею, или съ нѣсколькими старыми приживалками, часто у насъ гостившими. Иногда, по вечерамъ, приходилъ ко мнѣ жившiй у насъ въ домѣ гимназистъ, гораздо старѣе меня, сынъ управляющаго нашимъ тамбовскимъ имѣнiемъ, Митя Кожанчиковъ. Я очень любилъ его и всегда радовался его приходу, такъ какъ онъ мастерски строилъ изъ картона домики и дарилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствiи, Кожанчиковъ женился на сестрѣ моей няни и былъ извѣстнымъ въ Петербургѣ книгопродавцемъ.

Удаленный такимъ образомъ отъ общества моихъ сверстниковъ, я былъ застѣнчивъ, черезчуръ тихъ, не умѣлъ рѣзвиться, а няня и приживалки немало способствовали къ развитiю во мнѣ разныхъ предразсудковъ и значительной доли трусости. Я боялся темной комнаты, боялся лошадей, боялся ружья.

Кромѣ гимнастическихъ упражненiй, я не предавался никакимъ забавамъ, свойственнымъ мальчикамъ моихъ лѣтъ: я не игралъ ни въ солдатики, ни въ лошадки, а иногда только въ куклы! За то былъ великiй мастеръ въ карточной игрѣ, играя лѣтъ съ десяти до четырнадцати, почти ежедневно, зимою, съ матушкою и m-r Poulain въ «преферансъ», «дурачки», «свои козыри» и «короли».

Мать моя, страдая сильными головными болями, разстройствомъ нервовъ и внутреннею болѣзнью, проводила всю зиму дома, выходя изъ него только разъ въ церковь для принятiя Св. Тайнъ, но, утромъ и вечеромъ гуляла по расчищеннымъ дорожкамъ нашего обширнаго сада и всегда, послѣ вечерней прогулки, любила играть со мною въ карты. Страдая безсонницею, она поздно шла ко сну, а такъ какъ я имѣлъ помѣщенiе въ спальнѣ, то ложился тоже поздно, что, впрочемъ, нисколько не дѣйствовало въ ущербъ моего здоровья. Родители мои были, какъ я уже сказалъ, очень набожны; подъ всѣ

---

[1]) Андрей Николаевичъ, сынъ тогдашняго секретаря директора московскихъ театровъ Николая Васильевича Кислинскаго, женатаго на Аннѣ Александровнѣ Ушаковой, былъ очень умный, начитанный и благонравный мальчикъ. Позднѣе, онъ прекрасно окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но гдѣ потомъ служилъ, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что, подъ конецъ своей жизни, онъ находился предсѣдателемъ тульской земской управы и умеръ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ. Я сохранилъ о немъ самое прiятное воспоминанiе, какъ о миломъ, добромъ и лучшемъ товарищѣ моего дѣтства, но котораго, потерявъ еще въ юности совершенно изъ вида, я никогда болѣе не встрѣчалъ. Родители его были весьма почтенные и искреннiе прiятели моихъ родителей.

большіе праздники и наканунѣ дня св. Митрофана (23-го ноября), нашъ приходскій священникъ Лука Ивановичъ служилъ у матушки всенощную, а батюшка, вслѣдствіе обѣта, по причинѣ, оставшейся мнѣ неизвѣстною, ходилъ сверхъ праздниковъ по средамъ и пятницамъ къ обѣднѣ. По субботамъ--ко всенощной, а по воскресеньямъ къ обѣдни я всегда ходилъ съ нянею.

Посты строго соблюдались моими родителями и вмѣстѣ съ ними мною.

Никогда не забуду, какъ въ дѣтствѣ я встрѣчалъ великій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья! Къ заутренѣ меня не пускали; ходили туда только отецъ съ братьями, а я съ матерью отправлялся, около 12-ти часовъ, на крылечко, и тамъ мы оба сидѣли въ нетерпѣливомъ ожиданіи перваго удара въ праздничный колоколъ Ивана Великаго.

Минуты казались часами... ждешь, не дождешься! Вотъ, наконецъ, прогремитъ вѣстовая пушка, прогудитъ съ Ивановской колокольни первый торжественный ударъ, возвѣщавшій Воскресеніе Христа и черезъ нѣсколько секундъ разнесется и стонетъ по всей Москвѣ нескончаемый, потрясающій гулъ съ трехсотъ церквей!.. о, какая это была торжественная минута! Какъ бывало бьется мое дѣтское сердце при этомъ радостномъ звонѣ, при этомъ неизмѣримомъ торжествѣ! Казалось мнѣ, что сама природа и самый воздухъ гудятъ, ликуютъ и празднуютъ воскресшаго Искупителя рода человѣческаго... съ какою особою, дѣтскою, неземною радостью, я обнималъ мою мать и говорилъ ей «Христосъ Воскресе!». Послѣ обоюдныхъ поцѣлуевъ мы возвращались въ комнаты, гдѣ встрѣчала насъ остававшаяся дома прислуга (остальные люди уходили къ заутренѣ), христосовались съ нами и получали яица и подарки. Послѣ того, матушка, по старинному обычаю, отворяла на всю святую недѣлю кивотъ съ иконами, зажигала передъ нимъ свѣчи и читала мнѣ вслухъ пасхальную заутреню. По возвращеніи изъ церкви отца и братьевъ и послѣ общаго христосованія мы всѣ шли ко сну. Розговѣнъ въ эту ночь у насъ не бывало, а утромъ въ первый день праздника подавались яица, пасха и куличи. То же самое дѣлалось и для прислуги, а къ обѣду непремѣнно подавались зеленыя щи и ветчина съ горошкомъ. Въ этотъ же день, по принятому въ Москвѣ обычаю, къ намъ пріѣзжали и приходили знакомые священники съ причтомъ изъ разныхъ церквей для краткаго пѣнія пасхальнаго канона и христосованія.

Въ теченіе всей свѣтлой недѣли я ежедневно забавлялся катаніемъ яицъ и всякое утро ходилъ съ гувернеромъ гулять подъ Новинское «на балаганы», но въ самые балаганы меня не пускали.

Теперь скажу нѣсколько словъ о моемъ образованіи; преподаваніе разныхъ наукъ было возложено на два лица: на m-r Poulain и на Александра Семеновича Сцепинскаго (бывшаго учителя моихъ

братьевъ). Первый преподавалъ мнѣ французскій языкъ, географію и древнюю исторію (конечно, оба предмета на французскомъ языкѣ), а послѣдній—Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметику, новѣйшую исторію и латинскій языкъ. Сверхъ того, такъ какъ я чувствовалъ большое влеченіе къ живописи, то ко мнѣ приходилъ три раза въ недѣлю учитель рисованія Галактіоновъ [1]).

Съ двѣнадцати-лѣтняго возраста я сталъ готовиться для предстоявшаго мнѣ поступленія въ Московскій университетъ, но долженъ сознаться, что ученіе шло дурно: у моего француза я коечему еще учился, но у Сцепинскаго ровно ничему. M-r Poulain обращалъ преимущественно вниманіе на мой французскій выговоръ и, надобно отдать ему справедливость, добился хорошихъ успѣховъ. Добрѣйшій Сцепинскій, человѣкъ пожилой, лѣнивый, тучный, увалень въ родѣ медвѣдя, преподавалъ мнѣ всѣ предметы по устарѣлому, даже и для 40-хъ годовъ, методу, т. е., какъ говорилось, въ долбяжку, заставляя учить заданные имъ уроки наизусть, слово въ слово съ печатнымъ, а какъ память моя была прекрасная, то мнѣ стоило раза два, три, прочесть урокъ, чтобы моментально его запомнить и, затѣмъ, какъ попугай, повторить его передъ учителемъ, но, конечно, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ совершенно позабыть столь безтолково и наскоро вызубренное. Несмотря на то, лѣнивый учитель и не менѣе лѣнивый ученикъ оставались очень довольные другъ другомъ—Сцепинскій тѣмъ, что я быстро изучалъ все мнѣ преподаваемое, а я—что учитель, отзываясь о мнѣ, какъ о прилежномъ и понятливомъ ученикѣ, доставлялъ мнѣ явныя проявленія постепенно увеличивающейся привязанности ко мнѣ моихъ родителей.

До 1845 года, зимы мы проводили въ Москвѣ, а лѣто въ Петровскомъ паркѣ. Съ этого года, вслѣдствіе усилившейся болѣзни матушки, мы стали круглый годъ жить въ Москвѣ, а дачу, къ великому моему огорченію, отдавать въ наемъ. Я распростился съ любимымъ мною паркомъ и въ замѣнъ привольнаго лѣтняго житья среди роскошной зелени вблизи лѣсовъ ограничивалъ мои прогулки хожденіемъ по пыльнымъ московскимъ улицамъ да гуляньемъ по воскресеньямъ въ Кремлевскомъ саду.

Къ счастью, у насъ былъ собственный тѣнистый садъ, и я часто сиживалъ въ немъ, занимаясь долбленіемъ уроковъ.

Такъ какъ до 1847 года въ моей однообразной дѣтской жизни не произошло никакихъ перемѣнъ, и дни текли почти одинаково: „сегодня, какъ вчера, а завтра, какъ сегодня", то воспользуюсь этимъ промежуткомъ, чтобы обратиться назадъ и разсказать все, что мнѣ было извѣстно относительно службы, литературныхъ занятій и образа жизни автора „Юрія Милославскаго".

[1]) Крѣпостной человѣкъ дяди Маркела Николаевича Загоскина, обучавшійся въ то время въ Московскомъ художественномъ училищѣ.

Въ 1830 году, какъ я выше сказалъ, отецъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ и оставался имъ до февраля 1842 года. Театръ, по разсказамъ его современниковъ, никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ подъ его начальствомъ; особенно хороша была русская труппа, представителями которой были Щепкинъ, Мочаловъ, Живокини, Васильевъ, Рѣпина, Сабурова и многіе другіе.

Несмотря на прекрасное состояніе театра, нѣкоторая часть публики была не совсѣмъ довольна имъ, въ чемъ я убѣдился изъ разсказа одного изъ пріятелей батюшки, Петра Петровича Новосильцева [1]), сообщившаго мнѣ, что однажды, сидя въ директорской ложѣ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ, онъ былъ свидѣтелемъ вспыльчивости моего отца, вызванной неоднократнымъ замѣчаніемъ начальника полиціи о томъ, что выборъ дирекціею театральныхъ піесъ дуренъ и большинству москвичей не нравится.

Выведенный изъ терпѣнія этими замѣчаніями, Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ вопросъ: «да, кто же это говоритъ! «Публика», отвѣтилъ оберъ-полицмейстеръ. — «Публика?—а вы вѣрите ей?» «Еще бы!»—«А я не вѣрю»,—сказалъ отецъ,—«и вотъ почему: та же публика говоритъ, что Москва плохо освѣщена, потому что оберъ-полицмейстеръ воруетъ масло! Согласитесь сами, что послѣ такого вздора можно ли вѣрить нашей публикѣ?» —Разговоръ этотъ, по словамъ Новосильцева, тѣмъ и прекратился при общемъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ и особенно самого оберъ-полицмейстера, однако слова послѣдняго, конечно, имъ не выдуманныя, служили доказательствомъ, что въ то время было немало москвичей, недовольныхъ театромъ, а былъ ли Цынскій дѣйствительно не чистъ на руку или человѣкъ честный, мнѣ неизвѣстно, но думаю, что батюшка, вспыльчивый отъ природы и легко выводимый изъ терпѣнія, сказалъ ему эти остроумныя, но непріятныя слова, безъ малѣйшаго желанія оскорбить его и единственно съ цѣлью доказать справедливость пословицы: «не всякому слуху вѣрь».

Актеры, какъ русскіе, такъ и французскіе, любили своего директора и искренно сожалѣли о немъ по оставленіи имъ службы при театрѣ. Какъ директоръ, онъ отличался самою строгою экономіею

---

[1]) Петръ Петровичъ, тогдашній вице-губернаторъ, а впослѣдствіи рязанскій губернаторъ, человѣкъ умный, любезный и высокообразованный. Въ московскомъ обществѣ его называли «casse-noisette» вслѣдствіе сильно выдававшейся нижней его челюсти. Онъ былъ женатъ два раза: отъ перваго брака съ Мансуровой у него была дочь за княземъ Вяземскимъ и сынъ Иванъ Петровичъ, бывшій шталмейстеромъ высочайшаго двора и пользовавшійся до конца своей жизни общею любовью высшаго петербургскаго общества и особымъ милостивымъ расположеніемъ императора Александра III. Отъ второго брака съ Меропою Александровною Берингъ Петръ Петровичъ имѣлъ дочь Софію въ замужествѣ за французскимъ офицеромъ де-Шангранъ, нынѣ умершимъ.

во всѣхъ театральныхъ расходахъ, особенно при постановкѣ новыхъ оперъ и балетовъ, требовавшихъ иногда значительныхъ издержекъ. Можно утвердительно сказать, что едва ли до него и послѣ него денежныя средства московскаго театра были въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ во время его директорства и по милости которыхъ онъ могъ, безъ малѣйшаго денежнаго пособія отъ министерства императорскаго двора, построить два театра: одинъ въ Москвѣ, такъ называемый «малый», и другой въ Петровскомъ паркѣ. За соблюденіе значительной экономіи отецъ, втеченіе двѣнадцатилѣтняго управленія театрами, восемь разъ удостоился получить высочайшее благоволеніе. Обращая вниманіе на хозяйственную часть, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, усердно занимался и репертуарною, въ чемъ немало помогалъ ему тогдашній инспекторъ репертуара, Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, извѣстный композиторъ, для котораго отецъ написалъ нѣсколько либретто оперъ. Ежедневно, утромъ съ 12-ти до 2-хъ часовъ, директоръ находился въ театральной конторѣ, а вечера проводилъ въ театрѣ, большею частью въ своей ложѣ, наблюдая за игрою актеровъ. Въ этой ложѣ постоянно собирались его пріятели и, во время антрактовъ, пили чай. Бывалъ въ ней и безсмертный нашъ поэтъ Пушкинъ, часто пріѣзжавшій погостить въ Москву.

Невзирая на добросовѣстную и усердную службу, отецъ не пользовался расположеніемъ своего начальника, министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, который мало цѣнилъ его и даже дѣлалъ ему замѣчанія за самые ничтожные промахи по управленію театрами, какъ, напримѣръ, за нѣсколько позднее представленіе отчетовъ, за частое разрѣшеніе артистамъ отпусковъ въ Петербургъ и, наконецъ, за врожденную разсѣянность его [1], по милости которой онъ иногда не могъ вспомнить фамиліи незначительныхъ артистовъ и кордебалетныхъ танцовщицъ, на которыхъ указывалъ министръ, ежегодно посѣщавшій театръ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву. При личныхъ же свиданіяхъ съ отцемъ, князь Волконскій былъ всегда вѣжливъ и привѣтливъ и, только по возвращеніи его въ Петербургъ, начинались замѣчанія черезъ посредство директора его канцеляріи В. И. Панаева, передававшаго ихъ Михаилу Николаевичу въ своихъ какъ будто частныхъ и пріятельскихъ письмахъ.

По мнѣнію отца, придирки эти имѣли совершенно другое основаніе, и суть дѣла была въ слѣдующемъ. Князь Волконскій, чело-

---

[1]) Про разсѣянность и, прибавлю, забывчивость, отца, доходившія до того, что онъ иногда не могъ вспомнить имена своихъ сыновей, упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ составленной имъ его біографіи. Аксаковъ, между прочимъ, разсказываетъ, что однажды Михаилъ Николаевичъ, вмѣсто отчета по театру, подалъ министру счетъ своего портного, и что министръ нисколько на то не разсердился. Это дѣйствительно было такъ, и на этотъ разъ князь Волконскій только улыбнулся.

вѣкъ честный, благородный и добрый, имѣлъ одинъ недостатокъ, преобладавшій надъ всѣми его прекрасными качествами: это была неимовѣрная скупость, доходившая до абсурда, когда дѣло касалось выдачи казенныхъ денегъ. Скорбя отъ всего сердца, что казна должна выплачивать пенсіоны актерамъ, безпорочно выслужившимъ опредѣленный для сего срокъ, министръ, въ интересахъ казны, придумалъ слѣдующую мѣру: онъ далъ приказаніе московскому театру, чтобы, въ случаѣ, если актеръ, выслуживающій свою пенсію, будетъ замѣченъ въ какомъ либо даже ничтожномъ проступкѣ, увольнять его отъ службы до срока, безъ пенсіона; а какъ подобные поступки случались не рѣдко и косвенными, неизвѣстными путями доходили до министра, то упомянутыя приказанія повторялись довольно часто, но подъ разными предлогами не приводились въ исполненіе директоромъ, не считавшимъ возможнымъ изъ-за пустяковъ лишать артиста заработаннаго имъ куска хлѣба. Вотъ причина, которая, по мнѣнію отца, навлекала на него неудовольствіе своего начальника, выражавшееся не только мелочными придирками, но и въ оставленіи непокорнаго директора московскихъ театровъ по долгу, въ сравненіи съ петербургскимъ, безъ награды. Невзирая на такія отношенія министра, Михаилъ Николаевичъ не питалъ къ нему никакихъ враждебныхъ чувствъ, а, напротивъ, отзывался о немъ, какъ о прекраснѣйшемъ человѣкѣ, считая себя вполнѣ вознагражденнымъ неизмѣннымъ, милостивымъ вниманіемъ императора Николая Павловича, оказываемымъ ему не только во время пребыванія его величества въ Москвѣ, но и во время пріѣздовъ отца въ С.-Петербургъ.

Въ доказательство особой милости государя къ нему, какъ къ русскому писателю, приведу случай, прекрасно обрисовывающій рыцарскій, благородный характеръ Николая Павловича.

Вскорѣ послѣ назначенія отца директоромъ московскихъ театровъ императоръ съ императрицею прибыли въ Москву. При первомъ посѣщеніи ими театра министръ двора и директоръ находились близъ царскаго подъѣзда, въ коридорѣ, для встрѣчи ихъ величествъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ капельдинеръ и докладываетъ, что государь съ государынею уже въ театрѣ, пріѣхали съ бутафорскаго подъѣзда и ходятъ по коридорамъ, отыскивая свою ложу. Пораженные этимъ извѣстіемъ, князь Волконскій и отецъ побѣжали къ ихъ величествамъ и вскорѣ встрѣтили ихъ. Государь, ведя подъ руку императрицу, не обращая вниманія на директора, гнѣвнымъ голосомъ сказалъ министру, что недоволенъ порядками въ московскомъ театрѣ, такъ какъ директоръ не потрудился встрѣтить императрицу, и, бросивъ грозный взглядъ на отца, пошелъ съ государынею далѣе къ своей ложѣ, въ сопровожденіи одного только князя Волконскаго, такъ какъ отецъ, считая себя совершенно правымъ, ожидая, вмѣстѣ съ министромъ, августѣйшую чету именно съ того подъѣзда, съ

котораго царская фамилія всегда пріѣзжала, не пошелъ, какъ того требовали этикетъ и его обязанность, проводить ихъ величества до царской ложи, а поспѣшно удалился въ свою. Просидѣвъ цѣлый актъ въ сильномъ волненіи, ожидая плачевныхъ послѣдствій отъ своего неумѣстнаго и необдуманнаго поступка, онъ успокоивалъ себя лишь сознаніемъ своей невинности и еще болѣе рыцарскимъ характеромъ государя, всегда готоваго признать малѣйшую, случайную свою несправедливость. Но, только что наступилъ первый антрактъ, какъ въ ложу вошелъ дежурный флигель-адъютантъ съ повелѣніемъ отцу явиться въ царскую ложу. Въ сильномъ страхѣ, не зная, что ожидать, гнѣва или милости, отецъ пошелъ въ ложу; войдя въ нее и остановясь въ почтительномъ разстояніи, онъ увидалъ обернувшагося къ нему государя съ веселою улыбкою на устахъ, приказывающаго ему приблизиться. Затѣмъ, его величество, обратившись къ императрицѣ, сказалъ по-французски, что представляетъ ей Загоскина, какъ отличнаго русскаго писателя, но плохого директора театра, не потрудившагося встрѣтить его при входѣ. Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ съ еще большею очаровательною улыбкою, государь, указавъ отцу на стулъ, стоявшій около императрицы, приказалъ ему сѣсть и постараться быть любезнымъ съ ея величествомъ, дабы загладить свой проступокъ [1]).

Послѣ этого спектакля, въ продолженіе котораго отецъ сидѣлъ между ихъ величествъ, онъ часто удостоивался быть приглашеннымъ на большіе и малые вечера императрицы въ Николаевскомъ дворцѣ, во все время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, государь еще разъ доказалъ ему свое милостивое расположеніе слѣдующимъ образомъ. На вечерѣ было немного приглашенныхъ, и всѣ играли «aux petits jeux», и между прочимъ въ «туалетъ». Въ одной игрѣ, какъ извѣстно, по командѣ распорядителя: «весь туалетъ!» —играющіе должны вскакивать съ своихъ мѣстъ и мѣнять ихъ, при чемъ съ того, кто останется безъ мѣста, берется фантъ. Императоръ былъ распорядителемъ игры и, стоя на стулѣ, скомандовалъ «весь туалетъ!» —всѣ вскочили съ своихъ стульевъ и начали искать другіе; въ концѣ зала оставался лишь одинъ порожній стулъ, къ которому стремглавъ побѣжала императрица, но отецъ опередилъ ее и такъ быстро сѣлъ на стулъ на свободное мѣсто, что государыня чуть не упала на его колѣна. По окончаніи игры, министръ двора подошелъ къ Михаилу Николаевичу и замѣтилъ ему, что не слѣдовало опережать императрицу, а еще менѣе отнимать у нея стулъ. Замѣчаніе это было сдѣлано настолько громко и съ такимъ недовольнымъ лицомъ, что не скры-

---

[1]) Подлинныя слова государя я не могу привести здѣсь буквально, такъ какъ они не были записаны отцомъ, а только приблизительно переданы мнѣ во время неоднократныхъ его разсказовъ объ этомъ великодушномъ поступкѣ его величества.

лось отъ Николая Павловича, который, подозвавъ отца, пожелалъ узнать, о чемъ съ нимъ такъ горячо разговаривалъ министръ. Отецъ передалъ его величеству, слово въ слово, замѣчаніе князя Волконскаго, на что государь отвѣтилъ, что снова начнетъ ту же игру и приказываетъ ему опять отнять мѣсто у императрицы. Игра началась, и когда высочайшее повелѣніе было исполнено, то его величество, захлопавъ въ ладоши, громко вскрикнулъ: «браво, браво, Загоскинъ!»

Прослуживъ довольно долго директоромъ театровъ, батюшка сталъ тяготиться этою должностью и сопряженными съ нею мелкими, но частыми непріятностями, а еще болѣе обязательнымъ, ежедневнымъ посѣщеніемъ спектаклей, и потому, въ 1840 году, рѣшился всеподданнѣйшимъ письмомъ просить государя объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности и о назначеніи его почетнымъ опекуномъ московскаго опекунскаго совѣта. На это письмо послѣдовалъ отъ министра двора отзывъ, что «государь императоръ, оставаясь доволенъ его службою при театрѣ, желаетъ, чтобы онъ продолжалъ оную, тѣмъ болѣе, что строящійся въ Москвѣ театръ (малый) долженъ быть оконченъ при немъ». Ходатайство отца не прошло, однако, ему даромъ: министръ и тутъ нашелъ нужнымъ сдѣлать ему замѣчаніе за то, что онъ осмѣлился обратиться съ своимъ прошеніемъ прямо къ государю, помимо своего начальства.

Обрадованный милостивымъ одобреніемъ монарха и мало огорченный выговоромъ министра, Михаилъ Николаевичъ остался въ своей должности до окончанія постройки въ 1842-мъ г. малаго театра и тогда уже, въ виду открывшейся вакансіи директора оружейной палаты, немедленно вошелъ съ прошеніемъ и, конечно, на этотъ разъ, черезъ министра двора, о перемѣщеніи его на означенную должность или же объ увольненіи вовсе отъ службы. Несмотря на ходатайство многихъ лицъ, добивавшихся этого спокойнаго и почетнаго мѣста, государь милостиво исполнилъ желаніе отца и назначилъ его директоромъ оружейной палаты.

Такимъ образомъ, въ февралѣ 1842-го года, отецъ, покинувъ надоѣвшую ему донельзя службу при театрѣ, занялъ мѣсто не административное, почти безъ всякихъ занятій, но доставившее ему, кромѣ желаннаго отдыха, и много свободнаго времени для литературныхъ его работъ. При увольненіи изъ театра, государь предоставилъ ему, какъ я выше сказалъ, кресло во всѣхъ театрахъ, но театръ до того опротивѣлъ ему, что онъ въ теченіе всей остальной своей жизни воспользовался этимъ правомъ всего разъ — въ день представленія піесы Константина Аксакова «Освобожденная Москва», и то только вслѣдствіе усиленной просьбы самого автора и, затѣмъ, былъ еще два раза въ маломъ театрѣ, но въ директорской ложѣ, во дни представленій собственныхъ его двухъ комедій: «Поѣздка за границу» и «Женатый женихъ». Авторское же кресло онъ пере-

далъ въ распоряженіе моихъ братьевъ, но они не столько пользовались имъ сами, какъ давали его въ пользованіе своихъ знакомыхъ.

За службу при театрѣ Михаилъ Николаевичъ получилъ, кромѣ вышеупомянутыхъ высочайшихъ благоволеній, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 3-й степени, а за постройку малаго театра—табакерку, осыпанную бриліянтами съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества.

Въ должности директора оружейной палаты онъ оставался до конца своей жизни подъ начальствомъ того же князя Волконскаго, но уже не получалъ отъ него ни выговоровъ, ни замѣчаній и то, вѣроятно, только потому, что оружіе и драгоцѣнности палаты мирно лежали на своихъ мѣстахъ, а стоявшіе въ ней восковые всадники въ старинныхъ, русскихъ доспѣхахъ не требовали ни отпусковъ, ни пенсій.

Служба отца состояла лишь въ томъ, что онъ, два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, т. е. въ дни, назначенные для обозрѣнія публикою оружейной палаты, и оводилъ въ ней утро съ 12-ти до 2-хъ часовъ, а такъ какъ объясненія публикѣ давались имъ лично, то популярность его въ Москвѣ стала съ этого времени сильно возростать; прежде знали его тамъ только, какъ автора «Юрія Милославскаго», а со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты, можно утвердительно сказать, что всѣ москвичи знали его въ лицо и многіе считали даже долгомъ, при встрѣчѣ на улицѣ кланяться ему. Въ помощники ему былъ опредѣленъ извѣстный въ то время писатель Александръ Ѳомичъ Вельтманъ (авторъ «Кащея Безсмертнаго» и другихъ романовъ), знатокъ и любитель русской старины, составившій, впослѣдствіи, печатный «обзоръ оружейной палаты». Въ числѣ чиновниковъ, находился также чрезвычайно образованный, трудолюбивый и умный молодой человѣкъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, нынѣ заслужившій своими замѣчательными историческимм трудами г омкую и почетную извѣстность во всей Россіи. Всѣ чиновники пользовались казенными квартирами, а директоръ имѣлъ прекрасное, большое помѣщеніе въ кавалерскомъ корпусѣ въ Кремлѣ, но отецъ отказался отъ квартиры, не желая лишать матушку своего сада, а также предпочитая всѣмъ казеннымъ квартирамъ свободную и ничѣмъ не стѣсняемую жизнь въ собственномъ домѣ.

Новая служба Михаила Николаевича шла весьма однообразно, не представляя никакого особаго интереса, и потому мнѣ остается только сказать, что государь, во всѣ пріѣзды въ Москву, постоянно посѣщалъ оружейную палату и попрежнему былъ къ нему милостивъ, а въ 1845 г. пожаловалъ ему орденъ св. Станислава 1-й степени. Эта первая лента, полученная отцомъ, не столько, безъ сомнѣнія, порадовала его, какъ меня. Не знаю почему, но мнѣ было обидно видѣть отца безъ ленты, и я пришелъ въ великій восторгъ,

узнавъ, что онъ будетъ ходить со звѣздою, подобно своимъ знакомымъ, занимавшимъ въ Москвѣ какой либо начальническій постъ и уже давнымъ давно со звѣздою путешествующимъ.

Разсказавъ почти все, что я припомню о службѣ отца до 1847 года, я не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, слышанномъ мною отъ него самого, а именно, что въ 30 годахъ (въ какомъ году, не помню) тогдашній шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, предлагалъ ему занять одинъ важный постъ въ III Отдѣленіи, съ переименованіемъ его въ военный чинъ. Отецъ, поблагодаривъ графа за довѣріе, отвѣчалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ къ исполненію такой должности и, сверхъ того, не желаетъ удивить публику извѣстіемъ, что авторъ «Юрія Милославскаго» надѣлъ голубой мундиръ! Предложеніе это было, конечно, сдѣлано не безъ вѣдома государя, всегда желавшаго имѣть въ числѣ высшихъ лицъ созданнаго имъ III Отдѣленія людей вполнѣ честныхъ и благородныхъ и каковымъ, по всей справедливости, его величество считалъ моего отца.

Переходя теперь къ литературнымъ занятіямъ батюшки за періодъ времени съ появленія «Рославлева» до моего отрочества, я ограничусь лишь спискомъ всего имъ написаннаго и изданнаго по 1847 годъ, такъ какъ каждое его произведеніе давно уже оцѣнено не только критиками, но и публикою.

Послѣ «Юрія Милославскаго» и «Рославлева» Михаилъ Николаевичъ написалъ въ 1833 г. романъ «Аскольдова могила», а въ 1835 г. сдѣлалъ изъ него либретто для оперы Верстовскаго подъ тѣмъ же названіемъ и въ томъ же году написалъ два тома повѣстей; затѣмъ, въ 1838 г., издалъ романъ «Искуситель». Этотъ романъ онъ считалъ самымъ слабымъ своимъ произведеніемъ, увѣряя, что писалъ его единственно съ цѣлью позабавить себя описаніемъ своего дѣтства и мѣстности, въ которой провелъ первые года своей жизни. Въ 1839 г., вышло новое его произведеніе—романъ «Тоска по родинѣ», изъ котораго онъ сдѣлалъ, въ томъ же году, либретто для оперы Верстовскаго; но опера эта не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Съ 1837 по 1842 годъ, отецъ написалъ комедіи «Недовольные» (въ стихахъ) и «Урокъ матушкамъ», а въ 1842 г. романъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Романъ этотъ хотя и былъ однимъ изъ лучшихъ его произведеній, однако не заслужилъ особаго вниманія публики; зато чрезвычайно понравился императору Николаю Павловичу, который повелѣлъ министру двора объявить Мих. Ник—чу, что его величество находитъ этотъ романъ лучшимъ его произведеніемъ, не исключая даже и «Юрія Милославскаго». Въ томъ же году, онъ издалъ первый выпускъ «Москвы и москвичей», а въ 1844 г. второй выпускъ той же книги и, наконецъ, въ 1846 г. романъ «Брынскій лѣсъ».

Вотъ, кажется, перечень всѣхъ произведеній отца, изданныхъ имъ по 1847 годъ.

Что касается домашней жизни батюшки, то разскажу все, что мнѣ стало извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, что я началъ часто видѣть его т. е. со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты. До того, вслѣдствіе постоянныхъ его служебныхъ занятій и ежедневныхъ вечернихъ выѣздовъ, я мало видалъ его; притомъ, мой ребяческій возрастъ не давалъ мнѣ возможности ни запомнить, ни даже узнать всѣхъ мелочей его домашней жизни.

День отца распредѣленъ былъ чрезвычайно аккуратно: онъ вставалъ часовъ въ восемь, бралъ ежедневно холодный душъ и, затѣмъ, отправлялся въ свою молельню, гдѣ оставался около часа. Молельня его, находившаяся въ антресоляхъ нашего дома, походила на маленькую часовню. Всѣ стѣны были покрыты образами въ ризахъ и въ особыхъ кивотахъ, передъ которыми теплились лампады. Въ одномъ углу стоялъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ и столикъ съ молитвенными книгами. Въ эту комнату онъ удалялся не только утромъ и вечеромъ, но нерѣдко и днемъ. Послѣ молитвы онъ пилъ чай. Не могу не упомянуть объ этомъ чаѣ. Я думаю, что никогда и никто не пилъ такого страннаго напитка, приготовлявшагося самимъ отцомъ: онъ клалъ въ небольшой металлическій чайникъ огромное количество дешеваго, чернаго чая и кипятилъ его до тѣхъ поръ, пока чай начиналъ самъ выливаться изъ чайника въ чашку. Этотъ напитокъ, имѣвшій запахъ пареннаго сѣна, такъ нравился отцу, что въ гостяхъ онъ не могъ пить другого чая, находя его безвкуснымъ. Выпивъ двѣ чашки такого ужаснаго настоя, онъ занимался ежедневно приготовленіемъ себѣ, тоже особымъ способомъ, дневной порціи нюхательнаго, французскаго табака, растирая его съ прибавленіемъ нашатырнаго спирта и трюфельнаго сока; табакъ этотъ такъ прельщалъ его пріятелей, табаконюхателей, что, при встрѣчѣ ихъ съ батюшкою, они съ жадностью набивали свои носы этимъ, по ихъ выраженію, «нектаромъ», способъ приготовленія котораго онъ тщательно отъ всѣхъ скрывалъ. Окончивъ операціи съ табакомъ, отецъ шелъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ и занимался до двухъ часовъ дня, и тогда никто изъ семьи не смѣлъ тревожить его. Занятія его перерывались только пріѣздомъ какого либо гостя-писателя или пріятеля-москвича. Въ два часа онъ выѣзжалъ съ визитами и, возвращаясь всегда къ четыремъ, садился за обѣдъ, одинъ, въ своемъ кабинетѣ. Онъ рѣдко обѣдалъ съ семействомъ, потому что кушалъ позднѣе всѣхъ и любилъ, во время обѣда, надѣвать халатъ, а между блюдами читать газеты и журналы. Кушанья подавались преимущественно русскія, жирныя и тяжелыя; водки онъ совсѣмъ не употреблялъ и пилъ мало иностраннаго вина, но за то много воды со льдомъ, считая ледяную воду самымъ пріятнымъ и здоровымъ

напиткомъ. Когда же появились въ продажѣ крымскія воронцовскія вина, то они не сходили съ его стола. Отецъ радовался, что, наконецъ, русскіе могутъ пить свое собственное вино и, хотя многіе находили вино это невкуснымъ, но онъ съ удовольствіемъ пилъ какое нибудь рублевое «Ай-Данило», предпочитая его всякому дорогому французскому «Шато д'Икему». Послѣ обѣда онъ отдыхалъ не болѣе часа и потомъ занимался чтеніемъ и, въ девять часовъ, уѣзжалъ на вечеръ, балъ или въ англійскій клубъ, гдѣ игралъ, по маленькой, въ вистъ, преферансъ или мушку. Въ промежутокъ времени, между занятіями, и до и послѣ выѣздовъ, онъ заходилъ къ матушкѣ и проводилъ съ нею нѣсколько времени, а по возвращеніи домой съ вечера или изъ клуба сидѣлъ у нея до двухъ часовъ ночи, разсказывая о всемъ, что слышалъ и видѣлъ въ теченіе дня, при чемъ часто присутствовали мои братья и я.

Такой образъ жизни нѣсколько измѣнялся въ лѣтнее время, когда мы стали проводить лѣто въ Москвѣ, такъ какъ тогда, если погода дозволяла, батюшка посвящалъ все послѣобѣденное время верховой ѣздѣ или прогулкамъ въ кабріолетѣ по окрестностямъ Москвы. Онъ правилъ самъ, хотя былъ весьма близорукимъ; кабріолетная лошадь его была пріучена останавливаться, по собственному ея усмотрѣнію, передъ каждою канавкою или рытвиною, что она весьма прилежно исполняла. Любимыми прогулками его были: Воробьевы горы, Петровскій паркъ, Сокольники и дача «Студенецъ», на послѣднюю онъ ѣздилъ единственно съ цѣлью напиться холодной, знаменитой, ключевой, трехгорной воды. Зимою отецъ иногда устраивалъ въ своемъ кабинетѣ литературные вечера, на которые въ то время я еще не допускался, и знаю только по наслышкѣ, что у него бывали: Гоголь, Аксаковы, Дмитріевъ, Сушковъ, Павловъ, Погодинъ, Вельтманъ и другіе, а изрѣдка и какой нибудь пріѣзжій изъ Петербурга писатель или журналистъ. Послѣ чтенія, нѣкоторые гости садились играть въ карты, и затѣмъ вся компанія угощалась сытнымъ ужиномъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ произошелъ забавный случай съ Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Какъ извѣстно, этотъ въ то время еще совсѣмъ молодой человѣкъ былъ восторженнымъ славянофиломъ и ненавидѣлъ все иностранное, отдавая во всемъ преимущество родному, русскому. Въ этотъ вечеръ въ сильнѣйшій морозъ у батюшки собралось нѣсколько литераторовъ и Константинъ Сергѣевичъ. Кто-то изъ присутствующихъ имѣлъ неосторожность сказать, что холода стоятъ ужасные, и было бы пріятнѣе находиться гдѣ нибудь въ Италіи, а не въ Москвѣ. Аксаковъ вспыхнулъ, началъ превозносить московскій морозъ и, въ доказательство, что холодъ для русскаго человѣка пріятенъ, здоровъ и живителенъ, отворилъ форточку, высунулъ въ нее голову и сталъ вдыхать холодный воздухъ. На замѣчаніе моего отца, что въ такой жестокій

морозъ легко можно простудиться, Аксаковъ не обратилъ никакого вниманія, продолжая оставаться въ томъ же положеніи и громко восхваляя прелесть россійскаго мороза. Наконецъ, минутъ черезъ десять, по настоянію гостей онъ вылѣзъ изъ форточки и, къ великому своему удивленію и общему смѣху, почувствовалъ и увидалъ, что кончикъ его носа отмороженъ!..

Когда у батюшки бывали литературные вечера, то до пріѣзда гостей я любилъ сидѣть въ его большомъ кабинетѣ, освѣщенномъ лампами и множествомъ свѣчей, и любоваться яркимъ его освѣщеніемъ, такъ какъ въ другіе дни кабинетъ освѣщался лишь двумя восковыми свѣчами и темнотою своею наводилъ на меня великій страхъ: во мракѣ, какъ-то страшно выглядывали съ верхушекъ книжныхъ шкафовъ большіе, окрашенные въ черную краску бюсты Гомера, Сократа и другихъ мудрецовъ...

При появленіи перваго гостя, меня отсылали къ матушкѣ, но вскорѣ я отъ нея уходилъ и, пробравшись потихоньку къ запертымъ дверямъ кабинета, подолгу стоялъ, подслушивая чтеніе писателей, хотя, въ сущности, ничего не могъ разслышать, а еще менѣе понять.

Одинъ день въ году, 8-е ноября, именины отца, я всегда ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Къ этому дню всѣ пріемныя комнаты особенно тщательно чистились и прибирались, а въ самыя именины кабинетъ батюшки переполнялся гостями, которыхъ въ это утро пріѣзжало иногда болѣе ста человѣкъ. Въ 4 часа подавался обѣдъ; къ нему приглашались только родственники и близкіе знакомые, а какъ, по случаю семейнаго праздника, я допускался во всѣ комнаты и за обѣдомъ сидѣлъ со всѣми, то день этотъ доставлялъ мнѣ невыразимое удовольствіе при видѣ множества гостей, изъ которыхъ большая часть считала долгомъ потрепать меня по щекѣ или поцѣловать въ лобъ.

У батюшки были нѣкоторые предразсудки, свойственные, впрочемъ, многимъ людямъ: онъ никогда не зажигалъ трехъ свѣчей, не терпѣлъ за столомъ тринадцати человѣкъ и не любилъ начинать какое либо дѣло въ пятницу. Сверхъ того, не носилъ платья изъ чернаго сукна; всѣ его фраки, сюртуки и шубы были темно-зеленаго, синяго или вишневаго цвѣта. Черный цвѣтъ онъ ненавидѣлъ, увѣряя всѣхъ, что въ молодости, когда ему случалось сдѣлать черное платье, то вслѣдъ за тѣмъ всякій разъ слѣдовалъ для него трауръ. Вообще, онъ одѣвался, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ его помнить, по-стариковски и любилъ носить платья, свободно сшитыя, не стѣснявшія его движеній, заказывая ихъ у русскаго портного, а отнюдь не у иностранца. Шляпа его была оригинальная и единственная во всей Москвѣ: она была съ крайне низенькою тульею и огромными полями, зимою—черная, а лѣтомъ сѣрая или соломенная. Шляпа эта такъ бросалась всѣмъ въ глаза, что однажды, въ

1851 г., государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, при посѣщеніи оружейной палаты, замѣтивъ ее въ рукахъ отца, обратился къ нему съ вопросомъ, зачѣмъ онъ носитъ шляпу въ родѣ карбонарской,—отецъ отвѣтилъ: «моя шляпа, ваше высочество, полезна: лѣтомъ защищаетъ лице отъ солнца, а зимою отъ снѣга», и, указывая на сопровождавшаго великаго князя, гофмаршала его двора В. Д. Олсуфьева, державшаго въ рукахъ обыкновенный, высокій цилиндръ, прибавилъ,—«а вотъ шляпа у Василья Дмитріевича точно каланча, годная только для вывѣшиванія пожарныхъ знаковъ». Наслѣдникъ очень смѣялся этому сравненію.

Въ описываемое мною время родители мои не были богаты, но имѣли совершенно достаточное состояніе, дозволявшее имъ жить прилично. Изъ получаемыхъ съ имѣній доходовъ и изъ своего жалованья батюшка не тратилъ на себя ни единой копейки, а ограничивался, для своихъ личныхъ расходовъ, заработываемыми имъ деньгами, изъ которыхъ нѣкоторая часть шла на заказы разныхъ шкатулокъ, бауловъ, погребцовъ и, особенно, лукутинскихъ табакерокъ; до послѣднихъ онъ былъ страстный охотникъ и имѣлъ значительную ихъ коллекцію. Можно положительно сказать, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ москвичей, пустившихъ въ ходъ лукутинскія издѣлія, сдѣлавшіяся, впослѣдствіи, столь знаменитыми, тѣмъ болѣе что почти всегда придумывалъ самъ рисунки и формы для табакерокъ. Значительная же часть его собственныхъ доходовъ шла на помощь бѣднымъ: каждую субботу дворъ нашего дома наполнялся нищими, которымъ камердинеръ отца раздавалъ мѣдныя деньги, по пятаку каждому, а передъ большими праздниками отецъ самъ, лично, раздавалъ милостыню всѣмъ нищимъ и убогимъ, попадавшимся ему на улицахъ или во множествѣ всегда стоявшимъ у папертей кремлевскихъ соборовъ и приходскихъ церквей.

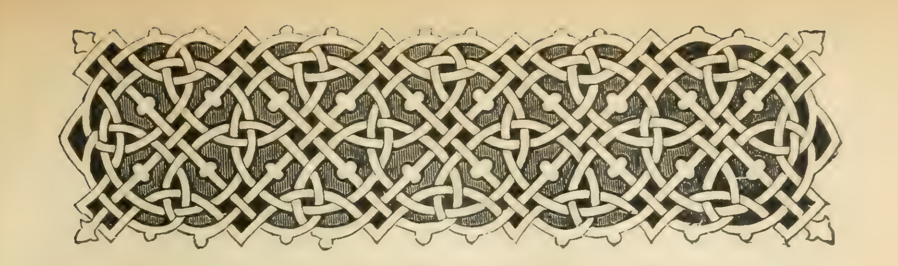
Раздача эта происходила совершенно особымъ и необычнымъ образомъ: выходя изъ дома, онъ бралъ порядочную сумму денегъ, размѣненую на разную серебряную монету, начиная съ пятачка и кончая полтинникомъ, и, перемѣшавъ ее съ нѣсколькими золотыми, клалъ въ разные карманы по горсточкѣ смѣшанныхъ монетъ. Встрѣчая нищаго, онъ вынималъ изъ кармана первую попавшуюся монету и отдавалъ ее, продолжая эту выдачу до послѣдней копейки. Оказываемую такимъ образомъ помощь бѣднымъ батюшка тщательно отъ всѣхъ скрывалъ, и только когда я, случайно узнавъ о томъ, спросилъ, почему онъ раздаетъ милостыню, не зная, кому достанется пятачекъ, а кому золотой, то отецъ отвѣтилъ: «я хочу помочь бѣднымъ, встрѣчаемымъ мною на улицѣ, но не знаю, кто нуждается въ большей или меньшей помощи, и потому, перемѣшавъ монеты вмѣстѣ, предоставляю самой судьбѣ распредѣлить ихъ, какъ ей заблагоразсудится, въ полной увѣренности, что Богъ подастъ всякому, сколько слѣдуетъ».

Любя ближняго и помогая ему своими трудовыми деньгами, батюшка всегда нравственно страдалъ, когда не могъ дать въ займы просимую кѣмъ либо у него сумму и всячески извинялся передъ просителемъ, какъ бы считая себя передъ нимъ виноватымъ. Будучи высоко честенъ и дѣтски довѣрчивъ, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы, взявъ деньги въ займы, можно не отдать ихъ. Однажды, ссудивъ одного ловкаго господина десятью тысячами рублей ассигнаціями, безъ всякой расписки, подъ честное слово, что деньги черезъ годъ будутъ возвращены, отецъ, хотя и не получилъ ихъ обратно, однако постоянно старался обѣлить этого господина, увѣряя, что, если онъ не отдалъ долга, то потому, что не могъ отдать его; а между тѣмъ было извѣстно, что кредиторъ его имѣлъ состояніе и ловко воспользовался добротою отца, чтобы выманить, подъ видомъ крайности, значительную сумму денегъ и, затѣмъ, конечно, подобно всѣмъ свѣтскимъ мазурикамъ, не разъ посмѣяться надъ добротою честнаго человѣка. Совершенно правъ С. Т. Аксаковъ, сказавъ объ отцѣ въ составленной имъ біографіи его, что, «дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества».

С. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА[1].

III.

Отрочество.—Новый гувернеръ.—Болѣзнь матери.—Перемѣна въ моей жизни.—Братья.—Вспыльчивость отца.—Приготовленіе къ поступленію въ университетъ.—Непоступленіе въ оный.—Экзаменъ.—Моя юность.

КОНЧИВЪ воспоминанія о моемъ дѣтствѣ, приступаю къ описанію моего отрочества и юности. Начало перваго я отношу къ 1847-му году, когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ моей жизни.

Годъ этотъ былъ годомъ перваго испытаннаго мною горя: въ началѣ января, мой добрый другъ и гувернеръ m-r Poulain покинулъ нашъ домъ и опредѣлился на какое-то казенное мѣсто. Съ великою скорбію я распростился съ нимъ, сильно плакалъ и долго горевалъ по моемъ миломъ старикѣ. Въ замѣнъ его, ко мнѣ поступилъ молодой студентъ математическаго факультета Московскаго университета, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Чемолосовъ[2], на обязанность котораго возложено было преподаваніе мнѣ математическихъ наукъ, надзоръ за моими уроками у Сцепинскаго и сопровожденіе меня на прогулкахъ. Студентъ оказался весьма образованнымъ, скромнымъ и высоко нравственнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ отлично преподавалъ мнѣ алгебру и геометрію, забо-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 41.

[2]) Впослѣдствіи былъ директоромъ Смоленской гимназіи.

тился о моей нравственности, сопровождалъ меня во всѣхъ прогулкахъ, но, увы, нисколько не обращалъ вниманія на мои другія занятія, и потому я продолжалъ у Сценинскаго плохо учиться.

По милости Чемолосова, у меня явился новый пріятель, мальчикъ моихъ лѣтъ, князь Дмитрій Николаевичъ Крапоткинъ [1]), у котораго жилъ наставникомъ пріятель Чемолосова, студентъ Колпаковъ, а такъ какъ оба студента часто видались, то, черезъ нихъ познакомившись съ Крапоткинымъ, я скоро подружился съ нимъ и, вплоть до его трагической кончины, оставался въ тѣсной съ нимъ дружбѣ.

Въ началѣ марта меня ожидало новое, но уже гораздо сильнѣйшее горе: матушка, прохаживаясь со мною по гостиной, поскользнулась, упала и вывихнула ногу въ бедрѣ съ растяженіемъ мѣстныхъ жилъ. Страданія ея были жестоки и, невзирая на немедленную помощь, оказанную ей лучшими костоправами и врачами, положеніе ея въ первые дни было самое критическое. Благодаря Бога, недѣль черезъ шесть состояніе ея улучшилось, но боли въ ногѣ остались навсегда, и она до конца жизни не покидала кровати, вставая лишь разъ въ день, чтобы посидѣть часъ или два въ креслѣ.

Тяжело было смотрѣть на бѣдную страдалицу, и безъ того уже проведшую столько лѣтъ въ болѣзненномъ состояніи, а тутъ окончательно прикованную къ постели и лишенную единственнаго ея развлеченія и удовольствія -прогулокъ въ своемъ саду. Перенося страданія съ свойственнымъ ей рѣдкимъ, христіанскимъ терпѣніемъ и кротостью, матушка не любила, чтобы говорили ей о ея болѣзни и соболѣзновали ея тяжкому положенію; на подобныя рѣчи она спокойно отвѣчала, что на свѣтѣ много людей, которые несравненно болѣе ея страдаютъ.

Со дня и вслѣдствіе новаго недуга матери, произошли въ моей отроческой жизни нѣкоторыя перемѣны. Не имѣя болѣе возможности, какъ въ прежнее время, находиться постоянно съ матушкою, я сталъ большую часть свободнаго отъ занятій времени проводить въ кабинетѣ отца, занимаясь чтеніемъ книгъ изъ обширной его библіотеки. До той поры мнѣ разрѣшалось лишь чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей» и дѣтскихъ книгъ въ родѣ «Дѣдушкиныхъ сказокъ», «Contes de Berquin» и проч., а тутъ я получилъ приказаніе читать произведенія русскихъ первоклассныхъ писателей. Первыя книги, данныя мнѣ отцомъ для прочтенія, были сочиненія Крылова, Пушкина и Гоголя, а затѣмъ уже его собственныя.

Освободившись внезапно отъ женскаго надзора, я скоро сдѣлался довольно частымъ собесѣдникомъ отца, а потомъ и неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ его прогулкахъ.

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, харьковскій губернаторъ, убитый нигилистомъ. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ извѣстнаго нигилиста Крапоткина.

Въ апрѣлѣ, мой старшій братъ Дмитрій былъ помолвленъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Батуриной [1]); она была собою не красавица, но очень миловидна, умна, образована и безконечно добра; сверхъ того, прекрасно пѣла, обладая замѣчательнымъ contralto. Послѣ свадьбы, состоявшейся въ маѣ, въ нашей приходской церкви, новобрачные поселились во флигелѣ нашего дома.

До настоящихъ строкъ, я ничего еще не говорилъ о моихъ братьяхъ. Они настолько были старѣе меня, что въ дѣтствѣ я не былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ и рѣдко видалъ ихъ, хотя они жили вмѣстѣ съ родителями.

О старшемъ братѣ, къ сожалѣнію, я могу сказать мало утѣшительнаго. Будучи ума недальняго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова «сорви голова» и отличался деспотическимъ и буйнымъ характеромъ. За него было уплочено много долговъ, и, къ несчастію, поведеніе его немало причиняло горя родителямъ. Къ чести его, однако, нужно сказать, что со дня своей свадьбы онъ значительно измѣнился и пересталъ предаваться обычнымъ своимъ кутежамъ и входить въ долги.

Второй братъ, Николай, былъ тихаго и кроткаго характера и добрѣйшаго сердца; одаренный замѣчательными способностями и талантами, онъ загубилъ ихъ, какъ и всю свою жизнь, слѣдуя съ юныхъ лѣтъ старинному русскому изреченію: «Руси есть веселіе пити». Несмотря на такой прискорбный недостатокъ его, я очень любилъ его и до конца его жизни находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Оба брата были красавцами, особенно второй, славившійся въ свою молодость не только лицомъ, но и чрезвычайно изящными манерами. Онъ былъ большимъ щеголемъ, одѣвался всегда по послѣдней модѣ и первый надѣлъ въ Москвѣ появившееся тогда сакъ-пальто. Помню, какъ батюшка, увидавъ его въ этомъ балахонѣ, пришелъ въ ужасъ и сталъ убѣждать его не носить подобный мѣшокъ, находя его крайне неприличнымъ одѣяніемъ.

Братья не были дружны между собою и въ теченіе всей жизни ни въ чемъ и никогда не сходились. Они сошлись только въ одномъ: поступивъ вмѣстѣ въ Московскій университетъ, они вмѣстѣ же съ перваго курса покинули его; старшій вслѣдствіе какой-то дерзости, сдѣланной имъ профессору богословія Терновскому, а младшій—просто потому, что не хотѣлъ учиться. Какъ отнеслись мои родители къ подобному ихъ поступку, мнѣ неизвѣстно, но думаю,

[1]) Мать ея Екатерина Ивановна Загряжская, въ первомъ бракѣ за гвардейскимъ офицеромъ Ѳедоромъ Герасимовичемъ Батуринымъ, была рожденная Дорохова, дочь знаменитаго генерала, стяжавшаго себѣ громкую славу защитою въ 1812-мъ году Вереи. Второй мужъ ея, Михаилъ Ѳедоровичъ Загряжскій, извѣстный въ Москвѣ карточный игрокъ, былъ нѣкогда человѣкъ состоятельный, но, въ старости, проигравъ все состояніе, оставилъ свою семью въ великой нуждѣ.

что отецъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ и любовью къ своимъ дѣтямъ сильно вспылилъ, пожурилъ ихъ, и тѣмъ дѣло кончилось. По выходѣ изъ университета, братья служили въ разныхъ вѣдомствахъ или, вѣрнѣе сказать, только числились, ничего не дѣлали и, ровно ничего не заслуживъ, рано вышли въ отставку. Жизнь моя съ 14-ти лѣтъ по 16-ть прошла довольно однообразно, но постоянно между горемъ и радостью; горе заключалось въ томъ, что здоровье матушки постепенно ухудшалось, и ко всѣмъ ея страданіямъ прибавилась болѣзнь сердца, вызвавшая сильные нервные и истерическіе припадки, а радость — въ томъ, что родители съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ласкали и баловали меня, оставались довольны моимъ поведеніемъ и всячески старались исполнять малѣйшія мои желанія.

Въ этомъ году я не только сталъ сопровождать батюшку во всѣхъ его загородныхъ прогулкахъ верхомъ, въ кабріолетѣ и просто въ коляскѣ, но иногда ѣздилъ съ нимъ и въ гости, гдѣ, конечно, вслѣдствіе моихъ лѣтъ и тогдашней застѣнчивости, проводилъ время въ полномъ молчаніи. Онъ бралъ меня съ собою къ знакомымъ съ цѣлью исправить меня именно отъ этого недостатка и пріучить къ хорошему обществу. Впрочемъ, отъ подобныхъ визитовъ кругъ моего знакомства съ моими сверстниками не увеличился, и я, ни съ кѣмъ, кромѣ Кислинскаго и Крапоткина, не былъ друженъ, и никто изъ дѣтей не бывалъ у меня.

Одно изъ подобныхъ посѣщеній осталось мнѣ навсегда памятнымъ, какъ примѣръ неудержимой вспыльчивости отца. Онъ, какъ извѣстно, пламенно любилъ Россію и особенно Москву, и всякое слово, направленное противъ нашего отечества или первопрестольной столицы, легко вызывало съ его стороны цѣлую бурю негодованія, но то, чему мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, превзошло все мною до того видѣнное.

Въ одинъ прекрасный вечеръ мы поѣхали къ сенатору Михаилу Михайловичу Бакунину [1]) на его дачу за Бутырскою заставою. Тамъ застали нѣсколько гостей; всѣ сидѣли за чаемъ, въ прелестномъ саду, наполненномъ цвѣтами. Отецъ въ этотъ вечеръ былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа, много шутилъ и забавлялъ присутствующихъ своими разсказами, какъ вдругъ вошла довольно молодая дама, разряженная въ пухъ и прахъ и сильно надушенная духами «пачули». Кто она была—не знаю. Поздоровавшись съ хозяевами, она тутъ же познакомилась съ батюшкою,

---

[1]) Въ то время семейство престарѣлаго Михаила Михайловича, бывшаго нѣкогда с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, состояло изъ нѣсколькихъ дочерей, весьма зрѣлыхъ дѣвицъ, умныхъ, любезныхъ и образованныхъ. Изъ нихъ меньшая, Прасковья, писала стихи и была, въ началѣ 40-хъ годовъ, предметомъ нѣжной страсти извѣстнаго драматурга, старика князя А. А. Шаховского, жившаго и въ 1846 г. умершаго въ почтенномъ семействѣ Бакуниныхъ.

который, ненавидя запахъ пачули, сталъ, какъ я замѣтилъ, коситься на нее. Изъ разговора барыни оказалось, что она природная москвичка, была въ первый разъ за границею, т. е. на водахъ въ Карлсбадѣ, и только что вернулась домой. Дама эта стала говорить, что послѣ заграничной поѣздки она пришла къ убѣжденію въ невозможности порядочнымъ людямъ жить въ Россіи и особенно въ большой деревнѣ, называемой Москвою. Хозяинъ дома вѣжливо возражалъ своей гостьѣ, но она продолжала осыпать бранью Россію и Москву, а самихъ москвичей чуть не сравняла съ грязью. Отецъ долго крѣпился и упорно молчалъ, но вдругъ, вспыхнувъ и вскочивъ съ мѣста, вскрикнулъ: «какъ вамъ не стыдно, Михаилъ Михайловичъ, принимать такихъ дуръ?—дура, дура и больше ничего!»—затѣмъ, схвативъ меня за руку, стремглавъ побѣжалъ со мною къ своему экипажу. Дорогою, все время, онъ не могъ успокоиться. Сознаюсь, что хотя я и былъ пораженъ подобною, еще не виданною мною выходкою отца, но въ душѣ радовался, что онъ, какъ истинно русскій, отдѣлалъ эту дерзкую женщину, позволившую себѣ позорить свою родину и своихъ соотчичей.

Наступившая перемѣна въ образѣ моей жизни, сопряженная съ частыми прогулками и визитами, мало способствовала прилежному занятію уроками, которые, въ виду предстоявшаго моего поступленія, въ 1849-мъ году, въ университетъ, умножились, но безъ всякой видимой для меня пользы, не только вслѣдствіе того же устарѣлаго и бездарнаго метода преподаванія Сцепинскаго, на которомъ лежала большая часть уроковъ, но и вслѣдствіе моей собственной лѣни и отчасти, быть можетъ, полнаго безучастія отца въ моемъ образованіи. Онъ продолжалъ быть увѣреннымъ, что я превосходно учусь и отлично выдержу вступительный экзаменъ въ университетъ. По милости явившагося у меня влеченія къ математическимъ наукамъ, вызваннаго толковымъ способомъ ихъ преподаванія Чемолосовымъ, я желалъ поступить на математическій факультетъ, хотя въ то время Чемолосовъ, по причинѣ массы своихъ занятій, оставаясь моимъ гувернеромъ, пересталъ давать мнѣ уроки, поручивъ ихъ своему товарищу, студенту Ѳедору Петровичу Еленеву [1]). Новый преподаватель, молодой человѣкъ, прекрасно воспитанный, тихій, скромный и обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова, сразу заполонилъ мое сердце и произвелъ на моихъ родителей самое лучшее впечатлѣніе. Матушка очень полюбила его за христіанское его направленіе, а «за умныя», какъ она выражалась.

---

[1]) Въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ былъ секретаремъ генерала Ростовцова (предсѣдателя коммиссіи по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости), много работалъ и писалъ по этому предмету, а позднѣе занялъ должность члена главнаго управленія по дѣламъ печати.

«краснорѣчивыя его рѣчи» прозвала его въ шутку «Θеодоромъ Златоустымъ».

Приближался 1849-й годъ, т. е. годъ моего предполагавшагося поступленія въ университетъ. При мысли, что я плохо приготовленъ къ экзамену, на меня нападалъ сильный страхъ, и даже бросало въ дрожь; однако не хватало духа сознаться въ моихъ плохихъ познаніяхъ, и день ото дня я откладывалъ объявленіе родителямъ такого непріятнаго для нихъ сюрприза. Вдругъ, къ моему ужасу, сюрпризъ этотъ едва не всплылъ наружу, и вотъ какимъ образомъ: однажды батюшка, поѣхалъ со мною, верхомъ, на Дѣвичье поле и, проѣзжая мимо дома своего пріятеля, извѣстнаго профессора Михаила Петровича Погодина, заѣхалъ навѣстить его. Погодинъ узнавъ, что я готовлюсь къ поступленію въ университетъ, спросилъ отца, хорошо ли я подготовленъ, и на утвердительный его отвѣтъ прибавилъ, что не худо было бы проэкзаменовать меня изъ русской исторіи... можно себѣ представить, какъ я струсилъ и сконфузился, такъ какъ именно русская исторія была для меня почти что «terra incognita». Но судьба смилостивилась надо мною! —батюшка отклонилъ этотъ импровизованный экзаменъ, ссылаясь на необходимость продолжать прогулку и обѣщая привезти меня въ другой разъ. Къ счастію, по обычной своей разсѣянности, онъ скоро о томъ позабылъ, а я, конечно, никогда болѣе не напоминалъ ему о прогулкахъ на Дѣвичье поле и еще менѣе о существованіи самого Погодина.

Наконецъ наступилъ страшный для меня годъ! Оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до экзамена, въ которые, безъ сомнѣнія, я не могъ наверстать все, что было потеряно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и я уже готовился покаяться въ моемъ невѣжествѣ и просить, чтобы мнѣ дали еще годъ для лучшей подготовки и, въ замѣнъ Сцепинскаго, другого учителя, полагая, что за это время я кое-какъ верну потерянное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я нѣсколько успокаивалъ себя мыслью, что даже въ случаѣ провала на вступительномъ экзаменѣ отецъ не будетъ очень сердиться и, быть можетъ, отнесется довольно равнодушно къ подобному событію, такъ какъ съ нѣкотораго времени я сталъ замѣчать, что онъ не особенно сочувствовалъ моему поступленію въ университетъ студентомъ, а желалъ, чтобы я слушалъ лекціи на правахъ вольнослушателя, подъ руководствомъ какого либо благонадежнаго студента. Желаніе это происходило, какъ мнѣ казалось, вслѣдствіе его опасенія, чтобы, надѣвъ студенческій мундиръ, я не пошелъ по стопамъ моихъ братьевъ, избравшихъ себѣ въ университетѣ въ товарищи лишь молодыхъ людей съ сильными наклонностями къ кутежамъ. Но опасеніе это было положительно неосновательно, такъ какъ я, по своему характеру, ни тогда ни послѣ не имѣлъ ни малѣйшаго поползновенія къ дурному товариществу и еще менѣе къ куте-

жамъ... вскорѣ, однако, нежданно - негаданно, само Провидѣніе пришло на мою выручку!...

Однажды, когда я находился въ комнатѣ матушки, вошелъ отецъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «ты не поступишь въ университетъ!». На мои вопросы: «отчего? и почему?» онъ отвѣтилъ: государь, желая ограничить число студентовъ, запретилъ пріемъ въ университетъ молодыхъ людей въ теченіе четырехъ лѣтъ, а такъ какъ я не желаю, чтобы ты поступилъ въ студенты двадцати лѣтъ, когда другіе уже кончаютъ курсъ, то рѣшилъ, что ждать нечего, и надобно опредѣлить тебя на службу.

Уфъ! какъ гора спала съ моихъ плечъ!... я несказанно обрадовался этому счастливому извѣстію, а еще болѣе надеждѣ, что перестану учиться, сдѣлаюсь чиновникомъ и буду выѣзжать въ свѣтъ,— все это, вмѣстѣ взятое, сулило мнѣ какое-то особое блаженство, о которомъ тогда я не смѣлъ еще и мечтать. Однако, вскорѣ блаженство это оказалось нѣсколько ограниченнымъ: отецъ объявилъ, что до поступленія на службу я долженъ выдержать особый экзаменъ въ гимназіи, дающій право не быть по послѣднему разряду, и что, по молодости лѣтъ, я не буду выѣзжать въ свѣтъ. Это былъ первый ударъ, нанесенный моимъ сладостнымъ мечтамъ о будущей, новой, блаженной жизни. Второй ударъ былъ для меня не менѣе тяжелъ: матушка изъявила желаніе, чтобы, при поступленіи на службу, я продолжалъ учиться и, по возможности, посѣщалъ лекціи такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Шевыревъ и Рѣдькинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родители рѣшили, что осенью я буду держать означенный экзаменъ, дававшій право на полученіе чина черезъ два года службы.

Просмотрѣвъ программу экзамена, впрочемъ, весьма легкаго, я все-таки рѣшился сказать, что боюсь срѣзаться въ трехъ предметахъ: Законѣ Божіемъ, географіи и исторіи, особенно русской; но родители, убѣжденные Сцепинскимъ въ блестящихъ моихъ успѣхахъ по всѣмъ преподаваемымъ имъ предметамъ, не повѣрили моимъ словамъ и отнесли ихъ единственно къ всегдашней моей робости и застѣнчивости и только, по усиленной моей просьбѣ, взяли для меня новаго преподавателя Закона Божія, законоучителя 2-й гимназіи, извѣстнаго въ то время составителя «Исторіи церкви», протоіерея Богданова, который, на первомъ же урокѣ, легко могъ убѣдиться въ моихъ плохихъ свѣдѣніяхъ по его предмету, когда на вопросъ его: «кто предсѣдатель священнаго синода?» я отвѣтилъ: «синодальный прокуроръ».

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о. Богдановъ прекрасно приготовилъ меня къ экзамену по Закону Божію и очень полюбилъ меня. Онъ былъ человѣкъ умный, ученый, добрый и отличавшійся гуманнымъ отношеніемъ къ своимъ ученикамъ. Уроки его доставляли мнѣ истинное удовольствіе и, если бы мой добрый увалень

Сценискій слѣдовалъ другому методу преподаванія и самъ былъ бы побольше ученъ и поменьше лѣнивъ, то, быть можетъ, и я сталъ бы учиться у него лучше и прилежнѣе. Остальными предметами, мало мнѣ извѣстными, я принялся самъ усердно и усидчиво заниматься, изучая всѣ надлежащіе учебники и географическія карты.

Въ концѣ сентября я держалъ экзаменъ во 2-й гимназіи и выдержалъ его хотя не блистательно, но достаточно, чтобы получить желаемый дипломъ. Изъ Закона Божія, математики, черченія [1]) и языковъ: французскаго и латинскаго, я получилъ самые высшіе балы, а въ остальныхъ предметахъ посредственные. Русскій языкъ я зналъ очень порядочно, но именно въ немъ едва не срѣзался, однако не по моей винѣ, а вслѣдствіе придирокъ экзаменатора, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и дѣлавшихся только съ цѣлью озадачить, сконфузить и сбить съ толку робкаго молодого человѣка, чего онъ и добился, такъ что подъ конецъ я совсѣмъ растерялся, упорно сталъ молчать и чуть не расплакался. Не помню фамиліи этого учителя 2-й гимназіи, но онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе своимъ злорадствомъ и злобнодовольною улыбкою при видѣ моего замѣшательства и, если бы не подоспѣлъ на мою помощь почтенный о. Богдановъ, сказавшій что-то ему на ухо, то, по всему вѣроятію, я получилъ бы самый плохой балъ.

Матушка не знала о днѣ моего экзамена, и только послѣ окончанія его отецъ объявилъ ей, что экзаменъ сданъ мною благополучно, и я могу поступить на службу, выборъ которой уже былъ рѣшенъ: я долженъ былъ опредѣлиться въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ виду того, что общество архивныхъ чиновниковъ было хорошее и состояло большею частью изъ молодежи, принадлежавшей къ извѣстнымъ московскимъ семействамъ. Архивомъ въ то время управлялъ князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, знакомый моего отца, и уже изъявившій согласіе на принятіе меня къ себѣ на службу. Одновременно со мною батюшка пожелалъ опредѣлить туда и брата моего Николая, который считался чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ петербургскихъ и московскихъ театровъ Гедеоновѣ, жилъ въ Москвѣ и ровно ничего не дѣлалъ.

Для знакомства съ братомъ и со мною, Оболенскій пригласилъ батюшку вмѣстѣ съ нами къ себѣ обѣдать. Въ назначенный день мы отправились къ нему. До обѣда сказавъ мнѣ и брату нѣсколько любезныхъ словъ, князь послѣ обѣда, изъявивъ отцу полное согласіе на принятіе меня въ архивъ, прибавилъ, что я кажусь ему весьма скромнымъ и приличнымъ юношею... Еще бы! во все время обѣда я сидѣлъ, какъ красная дѣвица, въ сильномъ смущеніи и полномъ молчаніи, отворяя ротъ лишь для пропуска подававшихся

---

[1]) При этомъ экзаменѣ, неизвѣстно для чего, требовалось черченіе.

вкусныхъ яствъ. О моемъ братѣ Оболенскій не промолвилъ ни слова, и потому ясно было, что онъ не располагалъ принять его на службу, чему братъ весьма обрадовался, не желая вовсе служить и предпочитая оставаться въ своей должности вполнѣ празднымъ. Но причина молчаливаго отказа Оболенскаго не скрылась отъ меня; я былъ пораженъ ни съ чѣмъ несообразнымъ и потѣшнымъ обращеніемъ брата съ княземъ: покушавъ плотно и выпивъ еще плотнѣе, братъ тотчасъ послѣ обѣда подошелъ къ будущему своему начальнику и, восхваляя кулинарное искусство его повара, хлопнулъ рукою по кругленькому княжескому брюшку, сказавъ: «mon prince, vous mangez bien, j'aime ça!» Князь, видимо удивленный такою неумѣстною фамильярностью человѣка, желавшаго служить подъ его начальствомъ, строго взглянулъ на него, повернулся къ нему спиною и, обратившись къ отцу, въ то время съ кѣмъ-то разговаривавшему, далъ мнѣ вышесказанную аттестацію. Не сомнѣваюсь, что братъ выкинулъ всю эту штуку съ цѣлью не быть принятымъ въ архивъ.

IV.

Опредѣленіе на службу.—Архивъ и его чиновники.—Князь М. А. Оболенскій.—М. П. Полуденскій.—Д. С. Нечаевъ.

Весь октябрь я предавался полному «far niente», приготовляясь въ началѣ ноября поступить на службу. Въ архивѣ, какъ оказалось, былъ заведенъ его начальникомъ довольно странный порядокъ, предшествовавшій окончательному опредѣленію всякаго молодого человѣка: желающій поступить въ архивъ долженъ былъ являться туда наравнѣ съ прочими уже служащими чиновниками и заниматься поручаемымъ ему дѣломъ,—это называлось у Оболенскаго «поступить на испытаніе», и только въ случаѣ годности испытуемаго онъ окончательно опредѣлялся на службу. Срокъ такого испытанія продолжался отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, и тогда начальникъ рѣшалъ, по своему усмотрѣнію или вѣрнѣе произволу, о степени годности или негодности испытуемаго. Случалось, что молодой человѣкъ ходилъ въ архивъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и, потомъ, безъ малѣйшей основательной на то причины, получалъ отказъ. Можно было бы подумать, что испытаніе въ способности будущаго чиновника заключалось въ чемъ либо дѣйствительно болѣе или менѣе важномъ, какъ, напримѣръ, въ умѣньи разбирать старинныя хартіи, въ знаніи прежнихъ русскихъ дипломатическихъ сношеній или иностранныхъ языковъ и проч.,—нисколько; испытаніе состояло въ томъ, что вновь поступавшихъ заставляли аккуратно, ежедневно, приходить въ архивъ въ 11 часовъ

утра и переписывать разныя исходящія бумаги, а за неимѣніемъ ихъ безмолвно сидѣть на стулѣ у своего стола до 2-хъ часовъ. Кто терпѣливо исполнялъ эти два условія, тотъ заслуживалъ названіе трудолюбиваго и прилежнаго юноши и получалъ разрѣшеніе подать форменное прошеніе о поступленіи на дѣйствительную службу; но, если будущій чиновникъ, сидя безъ занятій, вставалъ, прохаживался по комнатѣ, громко разговаривалъ или, и того хуже, читалъ книгу или газету, то за эти важные проступки получалъ аттестацію въ неспособности къ архивнымъ занятіямъ и не принимался на службу.

Когда настало время явиться въ архивъ на испытаніе, и я нѣсколько трусилъ и конфузился при мысли, что долженъ одинъ, въ первый разъ, предстать предъ ясныя очи князя Оболенскаго, слывшаго за любезнаго человѣка въ обществѣ и не совсѣмъ вѣжливаго начальника въ архивѣ, то отецъ поѣхалъ со мною, чтобы лично передать меня князю. Взобравшись по каменной весьма старинной лѣстницѣ въ бельэтажъ архива, мы прошли черезъ канцелярію въ кабинетъ Оболенскаго; чиновники при видѣ отца въ камергерскомъ вице-мундирномъ фракѣ со звѣздою вставали и кланялись, что, признаться сказать, мнѣ понравилось и пріободрило меня, такъ какъ изъ этого поклона я вывелъ заключеніе, что уваженіе, оказываемое родителю, будетъ несомнѣнно имѣть хорошія послѣдствія и для сына.

Князь принялъ насъ любезно и представилъ меня начальнику 1-го отдѣленія Наумову, приказавъ дать мнѣ занятіе. Батюшка удалился, а Наумовъ передалъ меня своему столоначальнику Кознову, который очень вѣжливо предложилъ мнѣ сѣсть за особый столъ и переписать набѣло какую-то бумагу. Бумага эта оказалась отношеніемъ столоначальника къ экзекутору о покупкѣ чернилъ, перьевъ и другихъ канцелярскихъ принадлежностей. Въ то время какъ я сѣлъ за столъ, ко мнѣ подошелъ начальникъ другого стола Андроновъ и спросилъ мою фамилію. Узнавъ ее, онъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами «господа, это сынъ писателя Загоскина; я сейчасъ узналъ въ его папенькѣ автора «Юрія Милославскаго», но никакъ не могъ вспомнить его фамиліи». Такое признаніе москвича и человѣка пожилого крайне удивило меня и дало мнѣ весьма плохое мнѣніе о литературныхъ познаніяхъ г. Андронова. Я четко переписалъ данную, мнѣ бумагу, и такъ какъ почеркъ мой былъ порядочный и ясный, то г. Козновъ остался доволенъ и отпустилъ меня домой. Ну, подумалъ я, если такъ будетъ продолжаться, то архивная служба не трудна, а только скучновата, въ чемъ, впрочемъ, я и не ошибся.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе сорока лѣтъ; архивъ получилъ новое преобразованіе и новое помѣщеніе, а потому считаю не лишнимъ нѣсколько распространиться объ этомъ присутственномъ мѣстѣ,

нѣкогда привлекавшемъ въ свои стѣны цвѣтъ московской молодежи, прозванной Пушкинымъ въ «Евгеніи Онегинѣ» «архивными юношами».

Въ 1849-мъ году, московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ помѣщался въ старинномъ домѣ бывшаго посольскаго приказа въ маленькомъ переулкѣ близъ Солянки. При архивѣ находилась комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Архивъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: первое—хозяйственное, имѣло начальникомъ статскаго совѣтника Петра Семеновича Наумова, двухъ столоначальниковъ съ ихъ помощниками и нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ 1-го и 2-го разряда, журналиста и экзекутора, совмѣщавшаго и должность казначея и его помощника. Второе отдѣленіе, занимавшееся разборомъ древнихъ актовъ и дипломатическихъ бумагъ и депешъ, поступавшихъ изъ Петербурга на храненіе въ московскій архивъ, находилось подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Александра Захаровича Егорова и состояло изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ переводчиковъ. Сверхъ того, въ архивѣ были два архиваріуса, библіотекарь и правитель вышеупомянутой комиссіи съ нѣсколькими въ ней чиновниками. Въ 1-ое отдѣленіе поступали на испытаніе всѣ молодые люди, желавшіе опредѣлиться въ архивъ. Въ этомъ отдѣленіи служили преимущественно работящіе чиновники, носившіе негромкія фамиліи Кознова, Андронова, Алемона, Верре, Тимковскаго и прочія, между тѣмъ какъ во 2-мъ, болѣе великосвѣтскомъ, находились сыновья москвичей, принадлежавшихъ къ высшему обществу, тамъ были: Засѣцкій, Шиловскій, Чертковъ, баронъ Шепингъ, Ермоловъ, князья: Горчаковъ, Гагаринъ и прочіе.

Начальникъ 1-го отдѣленія Наумовъ былъ старикъ лѣтъ 70-ти, небольшого роста, съ толстымъ красносизымъ носомъ, щетинистыми сѣдыми волосами и широкимъ ртомъ, изъ котораго выглядывало нѣсколько изувѣченныхъ клыковъ коричневаго цвѣта. Вся фигура его представляла типъ стараго подьячаго; одѣтый въ поношенный вице-мундирный фракъ съ Анною на шеѣ, висѣвшею на длинной, довольно грязной лентѣ, Наумовъ, молчаливый, угрюмый и говорившій какимъ-то особымъ, хриплымъ, бурчащимъ голосомъ, былъ, въ сущности, добрѣйшій, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, сердечно относившійся къ своимъ подчиненнымъ и храбро защищавшій ихъ передъ педантичнымъ начальникомъ архива. Всѣ чиновники и особенно молодые люди любили его и обращались съ нимъ почтительно, стараясь выказать ему полное уваженіе, въ которомъ, къ сожалѣнію, отказывалъ ему лишь одинъ князь Оболенскій, распекая часто и громко стараго человѣка за какую нибудь пустую описку или неисправность въ подаваемой къ подписи его сіятельства неважной бумагѣ. Не разъ случалось, что, когда Оболенскій, сидя въ своемъ кабинетѣ, раскричится на Петра Семе-

новича, бѣдный старикъ выбѣжитъ оттуда тяжелыми старческими шагами и, раскраснѣвшись какъ ракъ, примется сиплымъ голосомъ бормотать себѣ подъ носъ: что разорался?—чего нужно?—самъ не знаетъ, съ жиру бѣсится!—этими словами и кончался гнѣвъ разобиженнаго, но добрѣйшаго старца.

Два столоначальника, Козновъ и Андроновъ, происходившіе изъ купеческаго рода, были люди пожилые, вполнѣ почтенные и вѣжливо обходились съ канцелярскими чиновниками. Изъ прочихъ служащихъ въ этомъ отдѣленіи нельзя не помянуть добрымъ словомъ казначея и экзекутора Ивана Өеодоровича Аммона. Этотъ чиновникъ былъ замѣчательный человѣкъ, какъ по своему уму, образованію и доброму сердцу, такъ и по всегдашней готовности помочь словомъ и дѣломъ всякому вновь поступившему на службу молодому человѣку. Усердно исполняя свои обязанности, онъ гордо держалъ себя передъ своимъ начальникомъ, не позволяя ему ни малѣйшей грубости. Когда князь Оболенскій, въ 1850-мъ году, ввелъ довольно оригинальный способъ оцѣнки трудолюбія своихъ подчиненныхъ, приказавъ экзекутору записывать часъ и минуту прихода и ухода каждаго изъ нихъ, то Аммонъ, отнесясь съ великимъ негодованіемъ къ такому распоряженію, годному, по его мнѣнію, для какого либо учебнаго заведенія, а не для присутственнаго мѣста, сталъ всѣхъ записывать рано приходящими и въ положенный часъ уходящими, такъ что въ годовомъ итогѣ часовъ, проведенныхъ чиновниками на службѣ, почти всѣ оказывались на равной степени аккуратности, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые лишь изрѣдка являлись въ архивъ. Позднѣе, Аммонъ сдѣлался извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ прекраснымъ переводомъ записокъ Беркгольца. Этотъ даровитый и прекрасный человѣкъ скончался далеко не въ старыхъ лѣтахъ, оставивъ во всѣхъ своихъ сослуживцахъ самое отрадное о себѣ воспоминаніе.

Начальникъ II-го отдѣленія, Егоровъ, былъ человѣкъ совершенно иного рода, чѣмъ Наумовъ. Онъ былъ уже не молодъ, носилъ черный, тщательно приглаженный паричекъ, но корчилъ изъ себя молодого человѣка, и, постоянно улыбаясь и какъ-то странно закатывая глаза, много разговаривалъ необыкновенно пѣвучимъ голосомъ, избирая, притомъ, цвѣтистыя фразы. Когда онъ кланялся, то расшаркивался на манеръ танцовальнаго учителя и непремѣнно склонивъ голову на правую сторону. Несмотря на его старанія быть крайне любезнымъ, въ его манерахъ проглядывало что-то странное и напускное. Подвѣдомственные ему чиновники, изъ которыхъ многіе считали себя аристократами, не ставили его въ грошъ, несмотря на то, что онъ слылъ за честнаго и хорошаго человѣка и, сколько я могъ замѣтить, былъ очень набоженъ, не начиная никакого дѣла безъ осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ.

Объ остальныхъ чиновникахъ II-го отдѣленія говорить много не

приходится: они были люди благовоспитанные и свѣтски образованные, но, за исключеніемъ трехъ, четырехъ, рѣдко посѣщали архивъ и то болѣе для разговоровъ о томъ, что было вчера и что будетъ завтра въ московскомъ большомъ свѣтѣ. Разговоры эти происходили довольно громко, такъ какъ комната, отведенная для занятій свѣтскихъ болтуновъ, находилась очень далеко отъ кабинета Оболенскаго, и онъ рѣдко туда заглядывалъ. Изъ числа архивной молодежи особенно отличался всѣми качествами души и тѣла Николай Петровичъ Ермоловъ [1]). Онъ былъ уменъ, образованъ, добръ, любезенъ, изященъ въ манерахъ и красивъ, какъ однажды при мнѣ выразилась одна дама, «до ума помраченія». Въ то время онъ былъ однимъ изъ молодыхъ московскихъ львовъ и немало вскружилъ дамскихъ головъ, юныхъ и пожилыхъ.

Я долженъ еще упомянуть о правителѣ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, Сергіи Сергіевичѣ Ивановѣ [2]). Это былъ милый, прекрасно воспитанный молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, усердный и полезный труженикъ архива. Хотя онъ не принадлежалъ къ цвѣту московской молодежи, но часто посѣщалъ высшее общество и былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Не знаю, почему онъ называлъ себя Ивано́вымъ, а не Ива́новымъ; многимъ казалось страннымъ, что Сергій Сергіевичъ пренебрегалъ своею старинною, дворянскою фамиліею и измѣнилъ въ ней удареніе, какъ будто изъ боязни быть смѣшнымъ съ многочисленными своими однофамильцами, не происходившими изъ русскаго дворянства.

Сказавъ почти все о составѣ тогдашняго архива, мнѣ остается упомянуть о странномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня въ первые дни моего испытанія его сіятельнымъ начальникомъ: я былъ удивленъ и озадаченъ торжественнымъ, важнымъ и грознымъ видомъ Оболенскаго при посѣщеніи имъ архива...

При въѣздѣ его кареты въ ворота архивнаго дома, стоявшаго на дворѣ, помощникъ экзекутора Андрей Ивановичъ Верре, всегда караулившій у окна пріѣздъ своего начальника, криками и жестами возвѣщалъ о семъ событіи. Всѣ чиновники совершенно притихали, смиренно сидѣли на своихъ мѣстахъ и таинственно шопотомъ передавали другъ другу слова: «князь! князь!». При входѣ князя въ 1-ое отдѣленіе, сторожа отворяли обѣ половинки дверей; впереди шелъ курьеръ или сторожъ съ портфелемъ, а за его сіятельствомъ одинъ или два сторожа тоже съ портфелями или папками. Въ этотъ торжественный моментъ чиновники, точно по командѣ, вскакивали

---

[1]) Позднѣе, онъ женился на одной изъ милѣйшихъ московскихъ женщинъ, вдовѣ сенатора Небольсина, Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Демидовой. Она умерла въ молодыхъ лѣтахъ, и самого Ермолова давно уже нѣтъ въ живыхъ.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ и затѣмъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

съ своихъ мѣстъ, вытягивались въ струнку и отвѣшивали низкіе поклоны, а начальникъ, важно входя и семеня ножками, слегка и гордо кланялся направо и налѣво, строго оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ, какъ бы отыскивая какого либо провинившагося чиновника, чтобы тутъ же накрыть и мгновенно распечь его. Засимъ, онъ входилъ въ свой кабинетъ, къ дверямъ котораго немедленно ставился часовой въ видѣ ветхаго сторожа — инвалида. Князь никому не подавалъ руки, даже и начальникамъ отдѣленій.

Не имѣвъ до того времени ни малѣйшаго понятія о степени важности каждаго начальника въ своемъ управленіи, я никакъ не могъ понять, для чего неважный сановникъ, простой управляющій архивомъ и самъ по себѣ человѣкъ не злой, считаетъ нужнымъ изображать изъ себя передъ своими подчиненными какого-то недосягаемаго, свирѣпаго юпитера, облеченнаго въ вицъ-мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ. Позднѣе, привыкнувъ къ подобной ежедневно повторявшейся комедіи, я уже не обращалъ никакого вниманія на таинственно, со страхомъ произносимое моими товарищами слово: «князь! князь!».

Испытаніе моихъ способностей продолжалось недолго: недѣли черезъ двѣ я получилъ приказаніе подать прошеніе объ опредѣленіи меня на службу. Я оказался такъ скоро способнымъ, вѣроятно, потому, что Оболенскій желалъ сдѣлать пріятное батюшкѣ, а, можетъ быть, и потому, что въ теченіе двухъ недѣль я дѣйствительно прилежно переписывалъ разныя бумаги, сидѣлъ смирно и ни съ кѣмъ безъ особой нужды не разговаривалъ, а о чтеніи газетъ или книгъ и помину не было. Во все время моего испытанія князь не сказалъ мнѣ ни единаго сло́ва и, проходя ежедневно мимо моего стола, только бросалъ пронзительный взглядъ на лежавшія передъ мною бумаги.

19-го декабря 1840-го года, я окончательно поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ 2-го разряда (т. е. на низшій окладъ противъ 1-го, разницы другой не было) и сталъ аккуратно посѣщать архивъ, проводя въ немъ утро съ 11-ти до 2-хъ часовъ и получая жалованье около двѣнадцати рублей серебромъ въ мѣсяцъ.

Одновременно со мною опредѣлены въ архивъ: дѣйствительный студентъ Московскаго университета Михаилъ Петровичъ Полуденскій [1]) и неимѣвшій чина Дмитрій Степановичъ Нечаевъ [2]). Они

---

[1]) Впослѣдствіи, онъ служилъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при президентѣ московской дворцовой конторы и вмѣстѣ съ А. Н. Афанасьевымъ издавалъ «Библіографическія Записки», которыя въ настоящее время сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Онъ умеръ въ 1868-мъ г. въ званіи церемоній-мейстера высочайшаго двора.

[2]) Отецъ его Степанъ Дмитріевичъ, женатый на Мальцовой, былъ нѣкогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, а затѣмъ проживалъ въ Москвѣ въ должности сенатора.

оба были сыновья двухъ московскихъ сенаторовъ, старыхъ знакомыхъ моего отца, а потому я тотчасъ съ ними познакомился.

Полуденскій, только что окончившій университетскій курсъ, былъ старѣе меня лѣтъ на пять. Высокаго роста, чрезвычайно худой, некрасивый, съ рыжеватыми волосами, онъ походилъ болѣе на англичанина, чѣмъ на русскаго, но подъ этою какъ будто холодною наружностью у него было теплое русское сердце, преисполненное любви къ родинѣ и къ своему ближнему. Вскорѣ, послѣ нашего знакомства, мы близко сошлись, чему я немало былъ удивленъ, такъ какъ наши вкусы, характеръ и образованіе были совершенно различны: Полуденскій не любилъ общества, былъ серіозенъ и не только многосторонне образованъ, но и ученъ, — я же жаждалъ общества, веселья и не былъ вовсе образованъ. Несмотря на то, мы сдѣлались искренними друзьями и, подъ конецъ зимы, видались уже ежедневно, не только по утрамъ на службѣ, но и вечера почти всегда проводили вмѣстѣ, одинъ у другого, и если, нѣсколько лѣтъ спустя, я сдѣлался серіознѣе и принялся, хотя нѣсколько образовывать себя чтеніемъ книгъ полезныхъ и дѣльныхъ, то, конечно, обязанъ исключительно вліянію Полуденскаго, который въ началѣ нашей дружбы немало подсмѣивался надъ моимъ невѣжествомъ и надъ моими влеченіями къ пустой свѣтской жизни, а позднѣе сердился и шибко журилъ меня. Во всю свою жизнь я оставался съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и со смертью его потерялъ въ немъ лучшаго и вѣрнѣйшаго моего друга.

Что касается Нечаева, то я съ нимъ тоже коротко познакомился и нашелъ въ немъ хорошаго товарища и ангельской доброты человѣка, но, къ несчастью, сильно глухого и потому неспособнаго ни пускаться въ продолжительные разговоры, ни даже порядочно слушать своего собесѣдника, недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе былъ прискорбенъ, что придавалъ ему видъ человѣка нѣсколько ограниченнаго, между тѣмъ какъ онъ былъ умный и образованный юноша, переносившій съ истинною христіанскою кротостью свой тяжелый недугъ. Къ нему особенно благоволилъ князь Оболенскій, вслѣдствіе близкаго его родства съ Иваномъ Сергѣевичемъ Мальцовымъ, бывшимъ въ то время уже значительнымъ лицомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ [1]).

Съ чиновниками 2-го отдѣленія я довольно долго не былъ вовсе знакомъ; они вообще относились къ намъ, вновь поступавшимъ юношамъ, съ нѣкоторою гордостью и важностью.

---

[1]) Мальцовъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, но отличавшійся замѣчательною скупостью, прожилъ всю жизнь холостымъ и умеръ въ 1880-мъ г., въ Ниццѣ, завѣщавъ почти все свое огромное состояніе своему родному племяннику Юрію Степановичу Нечаеву (брату моего архивнаго товарища), который присоединилъ къ своей фамиліи и фамилію «Мальцовъ».

На первыхъ порахъ моей дѣйствительной службы меня немало удивило то, что столь невинное и благородное учрежденіе, какъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, было не чуждо маленькаго взяточничества. Однажды, около времени прекращенія нашихъ занятій, когда въ архивѣ оставалось всего три, четыре человѣка и самъ князь Оболенскій, пріѣзжавшій и уѣзжавшій, по обыкновенію, позднѣе всѣхъ, явилась прилично одѣтая дома, нѣмка, съ бросьбою перевести на русскій языкъ метрическое свидѣтельство ея сына, необходимое для поступленія его въ какое-то московское учебное заведеніе. Переводъ поручили мнѣ, но за позднимъ временемъ я попросилъ даму прійти на другой день. Нѣмка встревожилась и, чуть не со слезами, стала просить меня сдѣлать немедленно переводъ, такъ какъ начальникъ находился еще въ архивѣ и могъ тутъ же скрѣпить его своею подписью.

Конечно, я согласился, и черезъ полчаса работа была готова. Принимая изъ моихъ рукъ свои документы, дама тихонько сунула мнѣ трехрублевую бумажку. Удивленный и сконфуженный подобною подачкою, я возвратилъ ей бумажку, сказавъ внушительнымъ голосомъ: «мы здѣсь взятокъ не беремъ!» Нѣмка, отвѣтивъ поклономъ, удалилась. Не успѣлъ я еще опомниться отъ нанесеннаго, какъ мнѣ казалось, не только мнѣ лично, но и самому присутственному мѣсту, оскорбленія, какъ вдругъ подскочилъ къ самому моему носу одинъ пожилой, мелкій чиновникъ нашего отдѣленія и отчаяннымъ голосомъ проговорилъ: «молодой человѣкъ! что вы сдѣлали? развѣ это возможно? вы такимъ образомъ отучите просителей изъявлять намъ за труды свою благодарность; вамъ хорошо, вы не нуждаетесь, а мы люди бѣдные!»

Какъ громомъ, пораженный такими словами, я стоялъ и молчалъ... Мнѣ мерещилось, что я только во снѣ могъ видѣть архивнаго чиновника, способнаго не только защищать, но и брать взятки. Къ сожалѣнію, это было наяву! Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ мелкій чиновникъ былъ единственный въ нашемъ архивѣ, жаждавшій отъ рѣдкихъ просителей «изъявленія благодарности», такъ какъ въ продолженіе всей моей послѣдующей, пятилѣтней архивной службы, мнѣ никогда болѣе не приходилось ни видѣть ни слышать, чтобы кто либо бралъ съ просителей малѣйшую взятку.

V.

Моя домашняя жизнь. — Благово. — Первый балъ.—Свадьба брата Николая.— Первые выѣзды. — Московское общество: Столыпины. — Графъ и графиня Закревскіе. — А. П. Пашкова. — Семейство N. N. — Нератовъ. — Казначеевъ.— Маркевичъ. — С. П. и Н. С. Пашковы. — Орловы. — Денисовы.—Булгаковы.— Князь Долгоруковъ. — Римскіе - Корсаковы. — Чертковы. — Рюмины. — Князь Горчаковъ. — Тепловъ. — Щербатовы. — Сушковы. — Е. Ф. Тютчева. — Ивинскіе.

Оставлю на время мои пустѣйшія, служебныя занятія и обращусь снова къ моей домашней жизни.

Какъ я выше сказалъ, батюшка въ виду моей молодости не желалъ, чтобы я выѣзжалъ въ свѣтъ, и твердо исполнилъ свою волю, взявъ меня лишь разъ съ собою на балъ. Но желаніе матушки, чтобы, въ свободные отъ службы часы, я посѣщалъ лекціи университетскихъ профессоровъ, совсѣмъ не исполнилось, частью, потому, что Оболенскій требовалъ отъ вновь поступившихъ чиновниковъ аккуратнаго ежедневнаго хожденія на службу, а частію по причинѣ моей лѣни и непостоянства. Въ свободные ранніе часы я легко могъ бы посѣщать лекціи, что въ началѣ и дѣлалъ; желая заняться химіею, я побывалъ нѣсколько разъ на лекціяхъ профессора Геймана, но вскорѣ бросилъ ихъ... бросилъ подобно тому, какъ бросалъ въ моей юности и другія занятія, къ которымъ вдругъ припадала у меня охота, какъ, напримѣръ: рисованіе, архитектуру, игру на фортепіано, англійскій языкъ. За все хватался и все оставлялъ не только на половинѣ, но и въ самомъ началѣ. Позднѣе, я очень сожалѣлъ, что мои родители не принуждали меня продолжать предпринимаемыя мною занятія и съ излишнею добротою относились къ явному недостатку въ моемъ характерѣ терпѣнія, выдержки и энергіи.

Вопреки моему желанію сдѣлаться свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, я провелъ эту зиму, по волѣ отца, тихо спокойно и нисколько не сознавая всей нравственной пользы, какую могла принести мнѣ подобная семейная жизнь въ самомъ началѣ моей юности и при первыхъ шагахъ на новомъ, неизвѣстномъ и столь заманчивомъ для меня жизненномъ пути. Утро я проводилъ на службѣ, а вечера съ больною матушкою или въ обществѣ моего новаго друга Полуденскаго и одного пріятеля его, тоже моего новаго знакомаго. У Полуденскаго я познакомился съ бывшимъ товарищемъ его по университету, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Благово, родственникомъ лучшей пріятельницы моей матери Любови Григорьевны Новосильцевой.

Благово [1], милый, образованный, весьма начитанный, молодой

[1]) Подробности о его происхожденіи и его семействѣ находятся въ составленной и изданной имъ интересной книгѣ: «Разсказы бабушки».

человѣкъ, былъ некрасивъ собою, но пріятное и выразительное лице его мнѣ такъ понравилось, что сразу я подружился съ нимъ, и, если дружба наша день ото дня росла и крѣпла, то, вѣроятно, потому что Дмитрій Дмитріевичъ, хотя былъ старѣе и несравненно образованнѣе меня, воспитывался подобно мнѣ подъ крылышкомъ своей матери, а слѣдовательно въ этомъ отношеніи получилъ воспитаніе, довольно схожее съ моимъ. Со дня рожденія, потерявъ отца, онъ не разлучался съ своею матерью, а также и съ своею бабушкою Елизаветою Петровною Яиковою, рожденною Римскою-Корсаковою. Бабушка его, добрая, но строгая старушка, воспитанная въ лучшихъ преданіяхъ русской патріархальной, аристократической семьи начала и средины прошлаго столѣтія, имѣла большое вліяніе на нравственное воспитаніе своего внука.

Новый мой знакомый, вмѣстѣ съ Полуденскимъ, были единственные молодые люди, съ которыми я видѣлся почти ежедневно, въ продолженіе всей зимы 1850-го года. Втроемъ мы проводили вечера въ веселыхъ, шутливыхъ, а часто и въ весьма серіозныхъ разговорахъ. Ни единаго дурного слова не исходило изъ устъ скромнаго Благово: его чистая, честная душа гнушалась всего безнравственнаго и порочнаго. Какъ часто мы, трое юношей, изъ которыхъ одинъ почти дитя, пытливо заглядывали въ будущее, сулившее намъ свѣтлыя, радостныя надежды, и какъ еще чаще предрѣшали мы всѣ наши будущія дѣйствія, поступки и даже мысли, подчиняя ихъ собственному я и забывая, что все въ волѣ Того, въ чьихъ рукахъ наша ничтожная, земная жизнь съ ея счастіемъ, радостями, горемъ и страданіями!... могли ли мы тогда представить себѣ, что одинъ изъ насъ „Дмитричъ", какъ мы звали Благово, изъ свѣтскаго, богатаго и изнѣженнаго молодого человѣка, любившаго общество и жизнь съ ея комфортомъ, сдѣлается вдругъ обитателемъ уединеннаго, монастырскаго скита и въ грубой монашеской рясѣ будетъ смиренно исполнять возлагаемыя на него послушанія, которыя, можетъ быть, показались бы другимъ непосильными, но ему не казались таковыми.

Благово, женившись довольно рано на любимой имъ дѣвушкѣ баронессѣ У., не долго пользовался семейнымъ счастіемъ: красавица жена его влюбилась въ одного удалаго гусарскаго офицера, бѣжала съ нимъ и навсегда покинула мужа. Неутѣшный, убитый горемъ Дмитрій Дмитріевичъ вскорѣ испыталъ новое горе: онъ лишился нѣжно любимой своей матери, и тогда поступилъ послушникомъ въ находящійся близъ Москвы Никола-Угрѣшскій монастырь и только въ 1882-мъ г., по окончаніи его бракоразводнаго дѣла, проживъ въ монастырѣ болѣе пятнадцати лѣтъ послушникомъ и рясофорнымъ монахомъ, получилъ возможность постричься. Нынѣ убѣленный сѣдинами старецъ Пименъ, имѣющій уже санъ

архимандрита, проживаетъ въ Римѣ въ должности настоятеля нашей посольской церкви... [1]).

Да, неисповѣдимы судьбы твои, Господи!

Обращаюсь къ себѣ: надѣвъ мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ и вообразивъ себя дипломатомъ и полноправнымъ гражданиномъ Русской земли, я сталъ приставать къ отцу, чтобы онъ дозволилъ мнѣ выѣзжать въ свѣтъ, т. е. посѣщать балы, рауты и вечера, но получилъ рѣшительный отказъ съ обѣщаніемъ свезти меня лишь на одинъ балъ московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, и то только для того, чтобы на опытѣ убѣдить меня въ томъ, что я слишкомъ молодъ для разыгрыванія роли московскаго франта и танцора.

Согласно этому обѣщанію, отецъ въ первый данный графомъ Закревскимъ балъ взялъ меня съ собою. Надѣвъ фракъ и въ первый разъ въ жизни высокій по тогдашней модѣ туго завязанный бѣлый галстукъ, я былъ внѣ себя отъ радости, рисуя въ моемъ воображеніи всю прелесть моего перваго дебюта. Однако же, входя на лѣстницу генералъ-губернаторскаго дома, я почувствовалъ что-то неладное: ноги мои, предназначавшіяся для танцевъ, стали какъ будто подкашиваться, и не будь со мною отца, я, конечно, обратился бы въ постыдное бѣгство и вернулся домой; но при входѣ въ залъ, видя, что батюшка такъ же спокоенъ, какъ и входя въ свой собственный домъ, я нѣсколько пріободрился. Представивъ меня графу Закревскому, не обратившему на мою личность ни малѣйшаго вниманія, отецъ подвелъ меня къ графинѣ и сказалъ: «permettez moi, comtsese, de vous presenter mon fils». Графиня воскликнула: «oh! quel enfant!» на что отецъ замѣтилъ, что я уже на службѣ. Признаюсь, слова графини, какъ обухомъ, пришибли меня; я сконфузился и за кого-то спрятался. На балѣ у меня оказались знакомыми только нѣсколько старичковъ, пріятелей отца, а изъ молодыхъ людей почти никого, такъ какъ съ бывшими тамъ моими великосвѣтскими товарищами по архиву я еще не былъ знакомъ, а отецъ, знавшій все общество, не познакомилъ меня ни съ одной дѣвицей, вслѣдствіе чего я былъ лишенъ возможности не только танцовать, но даже и разговаривать. Къ буфету, наполненному сластями, фруктами и разными напитками, и никогда еще мною не виданному, я не прикоснулся, а лишь любовался его роскошнымъ убранствомъ и изобиліемъ угощеній. Пробывъ часа два на балѣ, пока батюшка игралъ съ своими пріятелями въ карты, я все время чувствовалъ себя какъ-то неловко, и мнѣ не разъ приходило въ голову, что я какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, случайно попавшій въ общество взрослыхъ

---

[1]) Архимандритъ Пименъ скончался въ 1897 году. Ред.

людей. Когда отецъ кончилъ свою партію, то ему не трудно было отыскать меня среди огромной толпы гостей, такъ какъ я частенько забѣгалъ въ комнату, гдѣ онъ игралъ, и былъ радъ радешенекъ, когда игра кончилась, и мы отправились домой. Дорогою, на вопросъ батюшки, весело ли мнѣ было,—я отвѣтилъ: «совсѣмъ нѣтъ, я все время проскучалъ! — Ну, вотъ видишь, я правъ—ты слишкомъ молодъ для баловъ».— «Можетъ быть, что и такъ», сказалъ я, «но мнѣ было скучно, потому что вы меня не представили ни одной барышнѣ, и я не могъ танцовать». «Батюшки!»—воскликнулъ отецъ: «забылъ, совсѣмъ забылъ! сдѣлаю это въ другой разъ!» Но этотъ другой разъ оказался отложеннымъ до другого года, на что, однако, униженный и обиженный графинею Закревскою, я вовсе не сѣтовалъ и болѣе не настаивалъ на выѣздахъ въ московскій большой свѣтъ.

Въ апрѣлѣ 1850-го года, послѣдовала свадьба моего брата Николая съ дочерью камеръ-юнкера Павла Петровича Савельева, Александрою Павловною.

Савельевъ, довольно богатый старикъ, постоянно жилъ въ Москвѣ и нерѣдко давалъ балы. Онъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи и по своей матери, рожденной Гурьевой (сестрѣ извѣстнаго министра финансовъ графа Гурьева), былъ двоюроднымъ братомъ жены государственнаго канцлера графа Нессельроде и находился въ родствѣ со многими аристократическими семействами, но, несмотря на свое, повидимому, хорошее общественное положеніе, не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ московскаго общества, отзывавшагося о немъ, какъ о какомъ-то аферистѣ и безсердечномъ, скупомъ человѣкѣ. Батюшка не былъ доволенъ этою свадьбою, породнившею его съ человѣкомъ, не пользовавшимся его расположеніемъ и даже ему незнакомымъ, хотя Александра Павловна, какъ добрая, прекрасная дѣвушка и замѣчательная музыкантша, очень понравилась моимъ родителямъ, искренно полюбившимъ ее, и, въ свою очередь, она, по выходѣ за брата, стала относиться къ нимъ не только съ любовью, но и съ нѣжностью родной дочери.

Лѣто, какъ и всѣ предыдущія лѣта, я провелъ въ ежедневныхъ прогулкахъ съ отцемъ по разнымъ окрестностямъ Москвы, но такъ какъ, ни за лѣто ни за осень, я не могу припомнить ничего интереснаго даже лично для себя, то перехожу прямо на слѣдующій 1851-й годъ, полный для меня воспоминаній. Годъ этотъ до самой его осени былъ лучшимъ, беззаботнымъ и счастливымъ годомъ моей юности и едва ли не былъ первымъ и послѣднимъ подобнымъ годомъ во все время моего послѣдующаго пребыванія въ моей родной Москвѣ. Въ эту зиму матушка чувствовала себя лучше, чѣмъ въ предыдущіе года; всѣ болѣзни ея какъ-то уменьшились, и она стала веселѣе и болѣе интересоваться всѣми жи-

тейскими вопросами, сверхъ того, я получилъ разрѣшеніе выѣзжать въ свѣтъ и, сопровождая батюшку на балы и вечера, познакомился со множествомъ лицъ, пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ пріятелей и наконецъ въ первый разъ влюбился....

Въ началѣ января я былъ приглашенъ на большой балъ къ Аѳанасію Алексѣевичу Столыпину, проживавшему въ своемъ прекрасномъ домѣ [1]) въ переулкѣ противъ Колымажнаго двора. Аѳанасій Алексѣевичъ, человѣкъ не чиновный, но богатый помѣщикъ Саратовскій губерніи, кажется, не былъ вовсе зараженъ общею тогдашнимъ, особенно петербургскимъ, Столыпинымъ [2]) гордостью и важностью своего рода, хотя родъ этотъ ничѣмъ не выдавался и никогда не отличался никакими заслугами отечеству, а былъ извѣстенъ только по своему значительному состоянію и, вслѣдствіе того, довольно знатнымъ, родственнымъ связямъ. Московскій же Столыпинъ не производилъ впечатлѣнія человѣка, какъ говорятъ французы, «sorti de la cuisse de Jupiter», а былъ просто настоящій русскій хлѣбосольный и гостепріимный баринъ, жилъ открыто, давалъ балы и веселилъ сколько могъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Онъ былъ человѣкъ уже пожилой, высокаго роста, весьма тучный, съ некрасивымъ лицомъ и огромнымъ носомъ, почти касавшимся подбородка. Особыя примѣты его были: на лицѣ нѣсколько бородавокъ почтеннаго размѣра и такихъ же размѣровъ умъ, доброта и радушіе. Жена его, Марія Александровна, рожденная Устинова [3]), была въ молодости очень красива и если уступала мужу въ его рѣдкомъ умѣ, то шла въ уровень съ нимъ относительно всѣхъ прекрасныхъ качествъ его сердца. У нихъ былъ одинъ сынъ, гвардейскій офицеръ, проживавшій въ Петербургѣ, и двѣ дочери, Марія и Наталія [4]), первая, весьма схожая съ матерью, считалась одною изъ первыхъ московскихъ красавицъ, а вторая, похожая на отца, унаслѣдовала и его замѣчательный умъ. Вообще въ Москвѣ всѣ любили это почтенное семейство, и немало лицъ добивалось быть приглашенными на столыпинскіе вечера, считавшіеся въ свое время средоточіемъ самаго избраннаго общества.

---

[1]) Нынѣ домъ этотъ принадлежитъ князю Дмитрію Николаевичу Долгорукову.

[2]) Одного Столыпина того времени хорошо знали въ Петербургѣ и Москвѣ: то былъ такъ называемый «Монго», лейбъ-гусарскій офицеръ и другъ поэта Лермонтова. Онъ пользовался большою извѣстностью по своей замѣчательной красотѣ и сердечнымъ успѣхамъ среди дамъ петербургскаго общества. Сестра его Марія Аркадьевна, въ первомъ бракѣ за Бекъ, а во второмъ за княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ, была въ свое время тоже замѣчательною красавицею.

[3]) Сестра ея, Анна Александровна, была въ замужествѣ за внучатнымъ братомъ моего отца, Васильемъ Николаевичемъ Загоскинымъ.

[4]) Первая была, позднѣе, въ замужествѣ за княземъ Владиміромъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, а вторая за Шереметевымъ, бывшимъ впослѣдствіи московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Вслѣдъ за этимъ баломъ я сталъ со всѣхъ сторонъ получать приглашенія на всѣ московскія увеселенія, такъ какъ батюшка объявилъ своимъ знакомымъ, что я уже взрослый молодой человѣкъ и желаю выѣзжать въ свѣтъ.

Въ эту зиму въ гостепріимной Москвѣ не проходило недѣли безъ двухъ или трехъ баловъ, не говоря уже о маленькихъ вечерахъ. Закревскіе, Пашковы, Римскіе-Корсаковы, Рюмины, Щербатовы, Орловы Денисовы и многіе другіе наперерывъ старались веселить общество первопрестольной столицы.

На первомъ планѣ были балы и вечера графа Закревскаго, но не потому они занимали первенствующее мѣсто, что отличались роскошною обстановкою или особымъ избранымъ обществомъ, а только потому, что давались первымъ лицомъ въ столицѣ, ея генералъ-губернаторомъ, или, какъ всѣ звали его, главнокомандующимъ».

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій нѣкогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ попавшій въ немилость у императора Николая Павловича и находившійся долгое время въ отставкѣ, былъ назначенъ начальникомъ Москвы въ 1848-мъ году, послѣ смерти тогдашняго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, храбраго генерала, человѣка добрѣйшаго, благороднѣйшаго, но довольно ограниченнаго [1]), Закревскій получилъ это назначеніе съ приказаніемъ подтянуть избаловавшихся москвичей, которые, по мнѣнію тогдашнихъ петербургскихъ администраторовъ, стали либеральничать, будто бы осуждать потихоньку, между собою, дѣйствія правительства, заниматься въ англійскомъ клубѣ рѣшеніемъ судебъ Россіи, или, вѣрнѣе, одной Москвы, и главное завели какое-то нехорошее общество, носившее названіе «славянофиловъ». За всѣ эти преступленія опасныхъ москвичей была прислана въ Москву гроза въ лицѣ ея новаго генералъ-губернатора. Гроза эта дѣйствительно принялась извергать громы и молніи на все и на вся, особенно на страшныхъ славянофиловъ, въ главѣ которыхъ стояли такіе благороднѣйшіе и наипреданнѣйшіе правительству люди, какъ Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскіе. Закревскій, провѣдавъ, что одинъ изъ нихъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, ходитъ въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ и носитъ русскій кафтанъ и бороду, послалъ къ нему приказаніе

[1]) Про него разсказывали въ Москвѣ множество анекдотовъ самаго наивнаго свойства и, между прочимъ, что князь, гуляя по Тверскому бульвару, встрѣтилъ студента съ папиросою во рту и, остановивъ его, приказалъ бросить папиросу, но, такъ какъ студентъ не послушался, то онъ сказалъ ему: «развѣ вы не знаете, кто я?». «Нѣтъ, не знаю»,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—«Я—генералъ-губернаторъ!»—«Не вѣрю»,—продолжалъ студентъ.—«Не вѣрите? Ну, вотъ вамъ, ей-Богу, что я генералъ-губернаторъ!» и при этомъ добродушный старикъ перекрестился. Студентъ бросилъ папиросу и удалился.

снять зипунъ и немедля уничтожить главный признакъ своего революціоннаго направленія—сбрить сѣдую бороду. Не знаю, повиновался ли Сергѣй Тимоѳеевичъ этому приказу, но помню, что подобное распоряженіе высшаго правительственнаго лица относительно столь безвиннаго, почтеннаго и болѣзненнаго старца, вовсе не выходившаго изъ своего дома и уже потому имѣвшаго право сидѣть въ кафтанѣ и не брить бороды, произвело въ Москвѣ не только общее негодованіе, но и неудержимый смѣхъ.

Несмотря на строгость и грозную распорядительность графа Закревскаго, онъ былъ весьма популяренъ и любимъ среднимъ и низшимъ классомъ москвичей, какъ человѣкъ умный, доброжелательный и усердно заботившійся о благосостояніи бѣдныхъ жителей Москвы, которымъ много помогала и его добрѣйшая жена, но въ высшихъ слояхъ общества графъ вслѣдствіе своего плохого образованія и грубыхъ, солдатскихъ пріемовъ мало нравился, и еще менѣе былъ любимъ, тѣмъ болѣе, что со дня своего пріѣзда въ Москву онъ не воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ, чтобы умѣло стать на стражѣ древней столицы, какъ то подобало истинному сановнику, назначенному волею царя представителемъ города, въ которомъ тогда среди его жителей было еще немало родовитыхъ, богатыхъ дворянъ и даже нѣсколько вельможъ, не позабывшихъ утонченныя манеры Екатерининскаго вѣка.

Послѣ первоначальныхъ строгостей Закревскій немного смирился и черезъ годъ послѣ своего назначенія въ Москву сталъ менѣе ретивъ въ преслѣдованіи ея жителей. Обстоятельство это вызвало слѣдующее, не лишенное интереса стихотвореніе извѣстнаго москвича Н. Ф. Павлова:

Не молодъ ты и не безъ души,
Зачѣмъ же въ городѣ все толки и волненія?
Зачѣмъ же роль играть россійскаго паши
И объявлять Москву въ осадномъ положеніи?
Ты править нами могъ на старый ладъ,
Не тратя время въ безсмысленной работѣ.
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ
И всенижайше гніемъ въ своемъ болотѣ!
Какой же думаешь ты учредить законъ?
Какіе новые установить порядки?
Ужель мечтаешь ты, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ искоренить и посягнуть на взятки?
За это не берись, простынетъ грозный пылъ,
И сокрушится власть подобно хрупкой стали.
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это на груди мы матери всосали!
За то скажу тебѣ спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга [1]) не мчится своевольно
И не реветъ, какъ разъяренный звѣрь,
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной;

[1]) Московскій оберъ-полицеймейстеръ.

Что Берингъ самъ познаиъ величія предѣлъ.
Окутанный въ шинель, уже съ отвагой дикой,
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ,
Несомый бурею, на лодкѣ, Петръ Великій!..

Графъ Закревскій, по женѣ своей [1]), былъ человѣкъ богатый и не скупился веселить Москву. Сверхъ большихъ баловъ, на которые приглашалась масса народа, у него еще бывали малые вечера въ аппартаментахъ его супруги, графини Аграфены Θеодоровны, куда приглашались только ея родственники, близкіе знакомые и друзья обоего пола самой хозяйки. По тогдашнимъ городскимъ слухамъ, нѣкоторые изъ этихъ друзей отличались будто бы сильною развязностью и черезчуръ легкими скоромными разговорами, до которыхъ была охотница старая графиня и которыми не брезгала молодая, красивая дочь ея, графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде [2]). Вслѣдствіе этихъ слуховъ, дамы высшаго общества тщательно избѣгали короткаго знакомства съ двумя умными, любезными, но нѣсколько игриваго характера, представительницами генералъ-губернаторскаго до̀ма. Злые языки бѣлокаменной кружевницы шли еще далѣе: они увѣряли, что изъ числа чиновниковъ графа Закревскаго вступившихъ въ интимный кружокъ его супруги, тѣ, которые пользовались особымъ ея благоволеніемъ, попадали, по ходатайству самого графа, въ камергеры, а обратившіе на себя вниманіе дочери въ камеръ-юнкеры. Розсказни эти, по моему убѣжденію, были чистыя выдумки, такъ какъ я рѣшительно не помню, чтобы кто либо изъ генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ былъ пожалованъ въ камергеры, и только нѣкоторые изъ нихъ получили званіе камеръ-юнкера и то, большею частью, молодые люди, усердно исправлявшіе свои служебныя обязанности. Во всякомъ случаѣ, слухи эти до того были распространены среди московской публики, что въ началѣ моихъ выѣздовъ батюшка не желалъ, чтобы я попалъ на малые вечера графини, и, только года черезъ три сдѣлавшись частымъ посѣтителемъ этихъ вечеровъ, могу по совѣсти сказать, что вечера были совершенно приличны, и если старая графиня позволяла себѣ несовсѣмъ приличную для дамъ хорошаго круга нѣкоторую излишнюю свободу въ обращеніи съ мужчинами и довольно вольныя, но всегда забавныя и остроумныя рѣчи, то безъ малѣйшей приписываемой ей цѣли, а единственно вслѣдствіе своего живаго, веселаго характера и преклоннаго возраста, долженствовавшаго ограждать ее отъ подобныхъ сплетней и нареканій.

[1]) Рожденной графинѣ Толстой, дочери извѣстнаго библіографа графа Θеодора Андреевича, женатаго на Дурасовой.

[2]) Въ то время она уже покинула своего мужа (сына государственнаго канцлера) и проживала въ Москвѣ вмѣстѣ съ своими родителями, а въ 1859-мъ г. безъ законнаго развода вступила въ бракъ съ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ, за что графъ Закревскій и лишился своего мѣста.

Въ числѣ родственницъ и близкихъ друзей графини Аграфены Өеодоровны находилась сопровождавшая ее всюду фрейлина императрицы Маріи Өеодоровны Александра Ивановна Пашкова, старая дѣвица, изсохшая, какъ древняя смоковница, умная, набожная и крайне чопорная. Несмотря на постоянное общество съ графинею, Александра Ивановна никакъ не могла или не хотѣла привыкнуть къ ея свободнымъ разговорамъ и всякій разъ, когда Аграфена Өеодоровна разражалась, при обычномъ ея добродушномъ смѣхѣ, анекдотомъ или словомъ, не совсѣмъ удобнымъ для дѣвичьяго слуха, старая фрейлина останавливала ее словами: «ah! ma cousine, qu'est-ce que vous dites!», и закрывалась вѣеромъ.

Изъ лицъ, пользовавшихся расположеніемъ добрѣйшей, но неразборчивой въ своемъ знакомствѣ генералъ-губернаторши, было необыкновенное семейство NN. Мать этого семейства, вдова русскаго генерала, женщина лѣтъ 60-ти, почти никуда не выѣзжавшая, была въ молодости замѣчательною красавицею, но въ старости, несмотря на правильныя черты лица, темные волосы, прекрасные голубые глаза и чисто греческій профиль, имѣла видъ какой-то поблекшей одалиски.

Генеральша славилась въ свое время не столько умомъ, сколько красотою и мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ; этимъ прекраснымъ качествомъ, въ былые годы, по разсказамъ ея современниковъ, немало пользовались ловкіе и хитрые мужчины... Изъ дѣтей ея обращали на себя общее вниманіе три дочери: одна —тѣмъ, что, будучи дѣвицею, открыто пользовалась благодѣяніями богатаго, пожилого, женатаго человѣка, который, овдовѣвъ на старости, женился на ней. Другая— странною своею свадьбою; она вышла замужъ за... ну, какъ бы сказать поделикатнѣе, ну, хоть за... друга своей матушки, и черезъ протекцію Закревскихъ и большое состояніе мужа сдѣлалась впослѣдствіи одною изъ самыхъ модныхъ московскихъ дамъ. Третья дочь, жена не важнаго, но богатаго помѣщика, извѣстна была своимъ удивительнымъ сходствомъ съ однимъ изъ московскихъ довольно видныхъ администраторовъ, великимъ цѣнителемъ красоты ея матушки. Сходство это особенно было поразительно, когда она разговаривала, и изъ устъ ея летѣли водянистые брызги, а по губамъ текли слюнки. Вообще сходство было такъ велико, что однажды графиня Закревская, уязвленная при свидѣтеляхъ какимъ-то остроумнымъ намекомъ этой дамы на прошлую, не лишенную веселости, жизнь графини, съ гнѣвомъ сказала ей: «Taisez vous; ce n'est pas à vous de me le dire, vous qui portez sur la salive de vos lèvres les péchés de votre mère!» [1]).

Про это семейство мнѣ случайно удалось услыхать мнѣніе моего

[1]) Слышано мною тогда же отъ Болеслава Михайловича Маркевича, бывшаго свидѣтелемъ этого разговора.

отца, выраженное имъ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, нанявшему какъ-то лѣтомъ дачу въ Петровскомъ паркѣ и желавшему немедля туда переѣхать. Погодите, графъ, —сказалъ отецъ, — нельзя переѣзжать: на дачѣ, прошлое лѣто, жило семейство XX., а потому надобно прежде освятить ее».

Изъ многихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ при графѣ Закревскомъ, три камеръ-юнкера: Нератовъ, Казначеевъ и Маркевичъ, были самыми приближенными людьми въ его семействѣ.

Алексѣй Ивановичъ Нератовъ, весьма состоятельный помѣщикъ Казанской губерніи, человѣкъ лѣтъ 30-ти, былъ статный, красивый мужчина, умный, образованный и въ высшей степени благовоспитанный. Онъ добросовѣстно исполнялъ всѣ порученія своего начальника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ какъ бы чиновникомъ по особымъ порученіямъ и двухъ графинь, но въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, помогая имъ во всѣхъ начинаніяхъ по части замѣчательной ихъ благотворительности. Въ обществѣ онъ пользовался успѣхомъ и уваженіемъ, а по службѣ, навѣрное, пошелъ бы далеко, если бы неумолимая смерть не прекратила слишкомъ рано жизни этого почтеннаго, молодого человѣка.

Алексѣй Гавриловичъ Казначеевъ, принадлежавшій, какъ и Нератовъ, къ лучшему московскому обществу, не былъ съ вида свѣтскимъ человѣкомъ: сосредоточенный, малообщительный, угрюмый, онъ представлялъ изъ себя видъ дѣльнаго, солиднаго и вѣчно занятого чиновника, каковымъ онъ и дѣйствительно былъ. Когда онъ говорилъ, то произносилъ слова съ остановками, какъ бы взвѣшивая и отчеканивая каждое слово. Онъ былъ образцомъ честности и прямоты и всегда говорилъ правду прямо въ лицо графу Закревскому и его дамамъ, за что онѣ, къ чести ихъ, любили и уважали его. На насъ, свѣтскихъ юношей, онъ смотрѣлъ не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ, и рѣдко удостоивалъ насъ разговоромъ; признаться сказать, и мы, молодые люди, не больно долюбливали его и избѣгали его общества, которое, какъ намъ тогда казалось, могло внести въ нашу веселую компанію только скуку и глубокомысленныя, не совсѣмъ для насъ понятныя фразы; но люди пожилые и серіозные отдавали полную справедливость его уму и рѣдкому благородству, этимъ двумъ спутникамъ его тогдашней и послѣдующей жизни, посвященной на службу государю и отечеству. Позднѣе онъ былъ гдѣ-то губернаторомъ и умеръ въ должности сенатора, оставивъ по себѣ свѣтлую, ничѣмъ не омраченную память.

О Болеславѣ Михайловичѣ Маркевичѣ я долженъ распространиться нѣсколько болѣе, такъ какъ онъ, въ зрѣлыхъ годахъ, сдѣлался извѣстнымъ и плодовитымъ писателемъ, имѣвшимъ много почитателей. Въ описываемое мною время, онъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, высокаго роста, статный, какъ Аполлонъ, бѣлокурый, свѣжій, румяный, съ правильными чертами лица и отли-

чался не только красотою, но какимъ-то особымъ и только ему присущимъ «шикомъ». Несмотря на свое ограниченное состояніе, онъ одѣвался щегольски, по послѣдней модѣ, и вообще производилъ впечатлѣніе человѣка вполнѣ достаточнаго, ежедневно посѣщавшаго театры, балы и маскарады. Сверхъ того, онъ всегда принималъ живое участіе въ устройствѣ разныхъ увеселеній, въ видѣ пикниковъ, концертовъ и домашнихъ спектаклей. Однимъ словомъ, Маркевичъ былъ тогда, что называется, душою общества, и отъ этой души дамы и дѣвицы часто приходили въ восторгъ. Обладая замѣчательною памятью, онъ отлично помнилъ все, что читалъ, и изъ прочитаннаго умѣлъ ловко и кстати разсказать что либо интересное или вспомнить какой нибудь остроумный или веселый анекдотецъ. Онъ зналъ наизусть массу мелкихъ, шуточныхъ стихотвореній и забавныхъ романсовъ. Не имѣя голоса, премило пѣлъ водевильные куплеты и особенно хорошо бывшій въ то время въ большой модѣ среди молодежи романсъ:

«Полно прясть, о cara mia,
Брось свое веретено,
Въ Сан-Луиджи прозвонило
Ave Maria давно!» и проч.

или же куплеты, кѣмъ и на кого [1]) написанные—не знаю, и изъ которыхъ я помню только первый куплетъ:

«Николай Степанычъ
Ѣдетъ въ городъ Римъ,
И вся пьяная кампанія
Вмѣстѣ съ нимъ!»... и т. д.

По части бальной Маркевичъ былъ лучшій и неутомимый московскій танцоръ: никто лучше его не танцовалъ мазурки. Когда, бывало, онъ въ парѣ съ какою либо ловко танцовавшею дамою, пустится выкидывать разныя фигуры этого граціознаго танца, то можно было просто на него заглядѣться. По красотѣ, изящнымъ манерамъ и умѣнью всѣхъ веселить, онъ сдѣлался баловнемъ хорошенькихъ женщинъ, настоящимъ ловеласомъ и, наконецъ, львомъ московскаго общества. Мужчины тоже любили его, но нерѣдко порицали за практиковавшееся имъ въ большихъ размѣрахъ такъ называемое «нахлѣбничество», или, вѣрнѣе сказать, «прихлебательство». Получая мало денегъ, а тратя много, онъ рѣдко обѣдалъ на свой счетъ: у него были даже знакомые дома, куда онъ приходилъ, какъ въ ресторацію—придетъ, пообѣдаетъ и уйдетъ! Хозяева этихъ домовъ были преимущественно родители дочерей, не пользовавшихся большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, и должно отдать справедливость Маркевичу, что онъ добросовѣстно отплачивалъ этимъ хозяевамъ

---

[1]) На Рамазанова.

за ихъ хлѣбъ-соль, не допуская ихъ дочерей засиживаться въ одиночествѣ на балахъ. Завидя подобную, заброшенную дѣвицу, онъ принимался такъ кружить ее, что подъ конецъ она и сама рада была отдохнуть. Такого ревностнаго и неутомимаго танцора трудно было сыскать: танцуетъ безъ устали часа два, три, потъ течетъ съ лица, какъ въ банѣ, а онъ продолжаетъ все кружиться и кружиться...

По служебной части, полагаю, Маркевичъ не былъ такъ виртуозенъ, но, по расположенію къ нему Закревскаго и его семьи, онъ постоянно получалъ особыя занятія по какой либо подвѣдомственной генералъ-губернатору части, за которыя и назначалось ему особое содержаніе. Сверхъ того, онъ усердно исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него графинею Закревскою и ея дочерью порученія, но только не касавшіяся дѣлъ благотворительности.

Вотъ все, что могу припомнить о Болеславѣ Михайловичѣ: прибавлю лишь только, что въ началѣ 1850-хъ годовъ никому и въ голову не могло прійти, чтобы изъ такого танцора и хотя умнаго и забавнаго, свѣтскаго балагура могъ когда либо выйти талантливый писатель, а еще было труднѣе себѣ представить, что Маркевичъ и Казначеевъ, крѣпко не любившіе другъ друга, сдѣлаются со временемъ близкими родственниками, женившись на двухъ родныхъ сестрахъ Зейфортъ [1]).

Описавъ нѣсколько лицъ изъ московскаго общества, буду продолжать описаніе и другихъ москвичей, игравшихъ въ то время нѣкоторую роль въ высшемъ свѣтѣ древней столицы.

Упомянувъ о фрейлинѣ Пашковой, я не могу не вспомнить гостепріимнаго дома брата ея Сергѣя Ивановича. Домъ этотъ считался однимъ изъ самыхъ великосвѣтскихъ, не только по преданію старыхъ москвичей, еще помнившихъ радушные пріемы и открытую жизнь его родителей въ ихъ громадномъ домѣ на Чистыхъ Прудахъ, но и по значительному вообще всѣхъ Пашковыхъ богатству и знатнымъ родственнымъ связямъ ихъ со многими представителями петербургской аристократіи.

Сергѣй Ивановичъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Гусарскомъ полку и, вступивъ въ бракъ съ коренною москвичкою, княжною Надеждою Сергѣевною Долгоруковою [2]), вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Москвѣ. Хотя Пашковы не давали ни большихъ обѣдовъ, ни роскошныхъ баловъ, но двери ихъ дома ежедневно, по вечерамъ и до глубокой ночи, были открыты для всѣхъ ихъ знакомыхъ.

Въ 1851 г., Надежда Сергѣевна была женщина лѣтъ сорока, милая, пріятная и умная: не будучи красавицею, она отличалась

[1]) Обѣ сестры, овдовѣвъ одна за другою, скончались одновременно, въ одинъ и тотъ же годъ, день и часъ, одна въ С.-Петербургѣ, а другая въ Царскомъ Селѣ.

[2]) Мать ея, княгиня Екатерина Алексѣевна, была рожденная графиня Васильева.

замѣчательною миловидностью и могла служить образцомъ чисто русской, свѣтской барыни. Несмотря на свои зрѣлые года, она не лишена была нѣкоторой доли кокетства, впрочемъ, самаго невиннаго свойства: она любила, какъ говорится, строить глазки и выставлять на показъ свои бѣлоснѣжныя, красивыя плечи. Сверхъ того, у нея была одна особенность, которая у всякой другой ея сверстницы показалась бы смѣшною и даже глупою: она часто принимала видъ какого-то беззаботнаго, капризнаго ребенка, нетерпѣливо требовавшаго исполненія малѣйшаго своего желанія. Но это отрицательное качество казалось у нея какою-то дѣтскою, милою наивностью, никого не поражало, а, напротивъ, какъ-то шло къ ея маленькой фигурѣ. Она была очень добра, и потому всякій капризъ ея былъ лишь мимолетнымъ явленіемъ, выражавшимся однимъ и тѣмъ же словомъ: хочу, хочу, хочу! — а неисполненіе его влекло за собою легкое надутіе губокъ, забавное и незлобное. Всѣ близкіе ей люди очень любили ее и, хотя она была чрезвычайно разборчива въ выборѣ своихъ знакомыхъ, стараясь преимущественно окружать себя людьми своего круга, но если, по какому либо случаю, попадали къ ней лица изъ совершенно иныхъ сферъ и приходились ей по сердцу, то они дѣлались не только ея знакомыми, но и ежедневными партнерами излюбленнаго ею ералаша.

Самъ Пашковъ, человѣкъ гостепріимный, вѣжливый и благовоспитанный, не отличался особеннымъ умомъ, имѣлъ характеръ мало сообщительный и видъ довольно серіозный и даже угрюмый. Онъ рѣдко, по вечерамъ, бывалъ дома, а почти всегда въ клубѣ или у своихъ пріятелей-игроковъ, гдѣ просиживалъ иногда цѣлыя ночи за карточнымъ столомъ, выигрывая и проигрывая большія суммы денегъ. Впослѣдствіи страсть эта окончательно повлекла за собою полное разстройство его прекраснаго состоянія, такъ что чета Пашковыхъ, достигнувъ глубокой старости, проживала почти въ бѣдности, но попрежнему любимая и не забытая всѣми изъ оставшихся еще въ живыхъ старыми друзьями.

Въ 1882-мъ году, Надежда Сергѣевна перешла въ вѣчность, разставшись если не тѣломъ, то душою, въ первый разъ, съ Москвою: въ теченіе всей своей долгой жизни она не выѣзжала изъ Москвы далѣе своей подмосковной и никогда не видала ни одного другого, русскаго города. Вскорѣ послѣ ея кончины скончался и мужъ ея, задолго до смерти потерявшій зрѣніе.

Изъ братьевъ Сергѣя Ивановича проживалъ въ Москвѣ только одинъ Николай Ивановичъ, старый холостякъ, довольно извѣстный въ свое время композиторъ, написавшій нѣсколько прекрасныхъ романсовъ. О немъ рѣшительно нечего сказать, развѣ только то, что онъ, подобно своему брату, спустилъ въ карты все свое состояніе, разоривъ, притомъ, и свою изсохшую сестру Александру Ивановну, на которую былъ до того похожъ, что, когда московскій

скульпторъ-любитель С. И. Миллеръ сдѣлалъ ея бюстъ, то для бюста Николая Ивановича потребовалось только измѣнить на изваяніи его сестрицы прическу, чтобы вышелъ поразительно схожій бюстъ ея братца.

Въ числѣ московскихъ родственниковъ Пашковыхъ находился двоюродный братъ Надежды Сергѣевны, графъ Николай Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, сынъ знаменитаго казачьяго генерала и самъ казачій офицеръ, женатый на моей внучатной сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Шидловской [1]). Орловъ былъ въ то время адъютантомъ графа Закревскаго и жилъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Лубянкѣ, принадлежавшемъ нѣкогда знаменитому московскому главнокомандующему графу Ростопчину. Съ крыльца этого дома, въ 1812 году, Ростопчинъ держалъ рѣчь къ толпѣ, разъяренной противъ извѣстнаго Верещагина; тутъ же онъ выдалъ его ей на растерзаніе и оттуда же самъ втихомолку уѣхалъ изъ Москвы передъ нашествіемъ французовъ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ не важно образованный, но добродушный, честный и веселый казакъ. Къ сожалѣнію, онъ велъ постоянную дружбу со старикомъ Ероѳеичемъ и со вдовою Cliquot и вслѣдствіе того всегда проводилъ послѣобѣденное время въ самомъ веселомъ настроеніи духа, продѣлывая нерѣдко такія штуки, на которыя едва ли могъ быть способенъ какой нибудь членъ общества трезвости. Такъ, я самъ видѣлъ, какъ Орловъ, находясь въ генералъ-губернаторской ложѣ Большого театра, въ присутствіи графини Закревской, отплясывалъ «казачка», невзирая на то, что публика первыхъ рядовъ видѣла его эволюціи. Москвичи не обращали на продѣлки его никакого вниманія, такъ какъ очень любили его за радушіе и гостепріимство, и, конечно, не малая доля этой любви была послѣдствіемъ его роскошныхъ баловъ и обѣдовъ, отличавшихся весельемъ, полною непринужденностью и особенно изобиліемъ шампанскаго и другихъ рѣдкихъ и дорогихъ винъ. Самъ по себѣ, Николай Васильевичъ не былъ богатъ, но добрая и милая жена его, имѣвшая большое состояніе, охотно тратила часть своихъ доходовъ на всѣ празднества не только въ угоду своему мужу, но и по собственному желанію веселить московское общество, относившееся къ ней съ искреннею любовью и полнымъ уваженіемъ. Наталья Алексѣевна была высокаго роста, дородная и видная женщина, пользовавшаяся репутаціею первой московской красавицы; но, по моему мнѣнію, она походила болѣе на здоровую, русскую крестьянку, чѣмъ на красивую, великосвѣтскую даму,— однимъ словомъ, она была: «круглолица, бѣлолица, краснолица». Доброта и привѣтливость ея вошли въ Москвѣ въ поговорку, а совмѣстная жизнь съ любимымъ ею, но вѣчно нетрезвымъ мужемъ

[1]) Ея бабушка Шидловская была родная сестра моей бабушки Загоскиной.

служила доказательствомъ великой ея кротости и замѣчательнаго терпѣнія.

Съ 1851 года я часто бывалъ съ моимъ отцомъ на ихъ великолѣпныхъ обѣдахъ, дававшихся по вторникамъ и на которыхъ присутствовало человѣкъ до двадцати. Изъ самыхъ аккуратныхъ посѣтителей этихъ обѣдовъ были: Александръ Яковлевичъ Булгаковъ и сынъ его Константинъ. Булгаковъ, извѣстный московскій почтдиректоръ, человѣкъ умный, забавный, большой шутникъ, былъ, несмотря на свои преклонные года, усерднымъ поклонникомъ всѣхъ красивыхъ, молодыхъ женщинъ. Сынъ его, такъ называемый «Костя», извѣстный въ Петербургѣ и Москвѣ своими забавными продѣлками и остротами, и заслужившій черезъ нихъ особое расположеніе великаго князя Михаила Павловича, былъ человѣкъ уже не первой молодости, одаренный всевозможными талантами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, препустѣйшій и иногда уже черезчуръ надоѣдавшій своими постоянными каламбурами. Онъ близко сошелся съ Орловымъ и, кажется, превзошелъ его въ слабости къ крѣпкимъ напиткамъ. Одѣтый всегда какимъ-то уродливымъ франтомъ, съ лицомъ, напоминавшимъ черноглазую старую моську, онъ много выѣзжалъ въ свѣтъ, являясь, конечно, всюду, въ своемъ обычномъ не совсѣмъ трезвомъ видѣ.

На Орловскихъ обѣдахъ, изъ числа молодыхъ людей, или, вѣрнѣе, мальчиковъ, кромѣ меня, бывалъ еще мой сверстникъ, родственникъ Орлова и родной внукъ стараго Булгакова, князь Николай Александровичъ Долгоруковъ, извѣстный въ обществѣ подъ названіемъ Коко [1]. Онъ былъ въ то время студентомъ медицинскаго факультета Московскаго университета и, хотя еще совсѣмъ юный, но выглядѣлъ съежившимся, сгорбленнымъ старичкомъ. Про него можно положительно сказать, что онъ былъ la coqueluche des dames , женскій полъ цѣнилъ его умъ и разнородные маленькіе таланты: онъ хорошо пѣлъ шансонетки, сочинялъ стихи и романсы, отлично игралъ на фортепіано, мастерски танцовалъ и былъ замѣчательнымъ актеромъ на всѣхъ домашнихъ театрахъ. Маленькій, вертлявый, недурной собою, веселый, но хитрый и немного нахальный, онъ умѣлъ забавлять и веселить и старыхъ и малыхъ, зная уже съ юныхъ лѣтъ, чѣмъ и какъ кому понравиться. Вслѣдствіе своихъ свѣтскихъ успѣховъ и сразу занятаго имъ въ обществѣ особаго отъ другихъ молодыхъ людей положенія, а также и репутаціи умнаго не по лѣтамъ мальчика, онъ относился ко всѣмъ своимъ сверстникамъ свысока, разыгрывая изъ

[1]) Сынъ церемоніймейстера князя Александра Сергѣевича, родного брата Надежды Сергѣевны Пашковой, женатаго на Ольгѣ Александровнѣ Булгаковой. Насколько княгиня Ольга была умна, мила и любезна, настолько мужъ ея былъ глупъ, невѣжливъ, гордъ и важно задиралъ носъ передъ всѣми нетитулованными и небогатыми москвичами.

себя какого-то генія, недоступнаго для разума прочихъ свѣтскихъ недоростковъ, которые потому и не очень благоволили къ нему, а, можетъ быть, и завидовали его всевозможнымъ успѣхамъ. Позднѣе, въ началѣ крымской кампаніи, по милости недостатка въ военныхъ врачахъ, онъ, почти безъ экзамена, попалъ въ «доктора медицины», принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя и возвратился съ войны, украшенный нѣсколькими орденами, сумѣвъ даже получить отъ французовъ ихъ въ то время «вражескій» для насъ орденъ Почетнаго Легіона. Затѣмъ, онъ бросилъ медицину и, женившись на богатой и очень милой дѣвицѣ Маріи Ивановнѣ Базилевской, умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ.

Не менѣе графа Орлова-Денисова веселилъ Москву Сергѣй Александровичъ Римскій-Корсаковъ въ своемъ родовомъ домѣ противъ Страстнаго монастыря, въ которомъ мать его Марія Ивановна, рожденная Наумова, давала въ свое время прекрасные балы, остававшіеся долго въ памяти москвичей. Сергѣй Александровичъ, женатый на Софьѣ Алексѣевнѣ Грибоѣдовой [1]), имѣлъ двухъ дѣтей: сына Николая и дочь Анастасію. Сынъ по окончаніи, въ 1849 г. университетскаго курса сдѣлался однимъ изъ первыхъ московскихъ щеголей и танцоровъ. Красивый, съ чрезвычайно изящными манерами, онъ былъ общимъ любимцемъ, хотя про него нельзя ничего другого сказать, какъ только, что онъ былъ «преcимпатичный добрый малый». Въ скоромъ времени онъ женился на богатой и красивой дѣвицѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Мергасовой, получившей неважное воспитаніе въ домѣ своей бабушки, мало извѣстной въ Москвѣ старухи Мергасовой, которая называла свою внучку не иначе какъ «моя ла Варенька», вслѣдствіе чего за этой «ла Варенька», по выходѣ ея въ замужество, осталось навсегда такое названіе.

Дочь Римскихъ-Корсаковыхъ Анастасья Сергѣевна была одна изъ самыхъ милѣйшихъ и привѣтливыхъ дѣвицъ московскаго общества. Умная, образованная, равно любезная со всѣми своими знакомыми, она, подобно своему брату, была общею ихъ любимицею. Впослѣдствіи она вышла за М. А. Устинова, владѣтеля извѣстнаго с. Бекова въ Саратовской губерніи. Сергѣй Александровичъ и жена его, въ описываемое мною время, не пользовались хорошимъ здоровьемъ; первый, вслѣдствіе паралича, не владѣлъ одною рукою и нервно трясъ головою, а послѣдняя, страдая болѣзнью ногъ, не могла ходить, и ее возили въ колясочкѣ. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, они любили давать балы, вечера и обѣды, устроивать пикники и вообще окружать себя гостями. Радушію и гостепріимству ихъ не было предѣловъ, и, конечно, они не могутъ быть забыты въ московской свѣтской лѣтописи, какъ люди, которые въ

[1]) Сестра (отъ другой матери) жены генералъ-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, князя Варшавскаго.

теченіе многихъ лѣтъ придумывали всевозможныя забавы, чтобы сдѣлать свой домъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Но, къ несчастью, подобная жизнь и, притомъ, безъ малѣйшаго расчета, привела большое ихъ состояніе въ полнѣйшее разстройство, чему, однако, немало способствовалъ мотоватый ихъ сынъ, и въ концѣ концовъ отъ прежней роскоши у нихъ остались однѣ крохи, на которыя они доживали свой вѣкъ въ родной имъ Москвѣ и скончались въ весьма преклонномъ возрастѣ, лишившись еще при жизни обоихъ своихъ дѣтей.

Въ числѣ богатыхъ москвичей, занимавшихъ видное общественное положеніе, находился московскій губернскій предводитель дворянства Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, женатый на графинѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ Чернышевой. Пожилой, умный, ученый Чертковъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ нумизматъ, собиратель старинныхъ рукописей и издатель составленнаго имъ замѣчательнаго описанія древнихъ русскихъ монетъ. Онъ обладалъ большою, прекрасною библіотекою, въ которой проводилъ почти весь день и даже иногда спалъ. Александръ Дмитріевичъ былъ добрѣйшій старикъ, но крайне разсѣянный: мысли его постоянно гдѣ-то витали, и даже нерѣдко онъ не узнавалъ въ лицо своихъ знакомыхъ. Посвящая много времени своимъ служебнымъ и ученымъ занятіямъ, онъ мало находился съ своимъ семействомъ, забѣгая только довольно часто къ своему сыну, имѣвшему помѣщеніе рядомъ съ библіотекою отца. Случалось, что, одѣтый дома въ халатъ, онъ вбѣжитъ къ сыну, увидитъ нѣсколько пріятелей его, никого не узнаетъ, свистнетъ и какъ-то особенно щелкнетъ языкомъ и убѣжитъ; подобные набѣги повторялись нѣсколько разъ въ день. Старикъ не любилъ общества, мало выѣзжалъ, и только поневолѣ, какъ предводитель дворянства, принималъ множество лицъ, имѣвшихъ до него какую либо надобность.

Жена его, внука извѣстнаго генералъ-фельдмаршала по флоту, графа Ивана Григорьевича Чернышева, женщина весьма образованная, начитанная и добродѣтельная, любила тихую семейную жизнь въ кругу своей многочисленной родни и близкихъ друзей, изъ числа которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Н. В. Гоголь, и хотя она часто выѣзжала въ свѣтъ, сопровождая своихъ дочерей, но выѣзды эти были для нея сущимъ наказаніемъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ она была довольно оригинальна и даже одѣвалась какъ-то странно: она носила почти всегда черное узкое платье, похожее на какой-то кафтанъ и подпоясанное металлическимъ кушакомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ кавказскаго издѣлія, костлявые пальцы ея рукъ были унизаны, сверху до низу, кольцами и талисманами. Будучи близорукою, она носила очки. Неимовѣрно быстрая и суетливая въ своихъ движеніяхъ, она имѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, видъ серіозный, задумчивый и озабоченный и была, подобно своему

мужу, очень разсѣянна. Несмотря на прожитое ею въ то время полустолѣтіе, ея худое, смуглое, оригинальное лице сохраняло какую-то особую прелесть и что-то поэтичное и крайне симпатичное.

Домъ Чертковыхъ, на Мясницкой, большой и прекрасный, представлялъ сочетаніе богатства съ полнѣйшею безалаберностью: во всѣхъ пріемныхъ комнатахъ царилъ замѣчательный безпорядокъ, причиною котораго былъ самъ хозяинъ, любившій перемѣщаться изъ одной комнаты въ другую. Онъ жилъ въ своей библіотекѣ, находившейся въ нижнемъ этажѣ дома, и вдругъ спальня его оказывалась въ большой гостиной, а рабочій кабинетъ чуть не въ офиціантской; черезъ нѣсколько времени онъ снова избиралъ себѣ другое помѣщеніе, вслѣдствіе чего въ комнатахъ валялись бумаги, папки, книги и прочія принадлежности занятого, ученаго человѣка. Изъ зала нерѣдко устраивалось что-то въ родѣ присутственнаго мѣста, гдѣ происходили засѣданія разныхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ участвовалъ хозяинъ дома.

Чертковъ, какъ губернскій предводитель дворянства, считалъ долгомъ дать зимою одинъ балъ, но и тотъ не отличался особою роскошью, а только суматохою и тѣснотою по милости множества приглашенныхъ гостей, часто не знавшихъ другъ друга въ лице и даже неизвѣстныхъ самимъ хозяевамъ, такъ какъ приглашенія посылались большею частью дворянамъ Московской губерніи, знакомымъ и незнакомымъ Чертковымъ; однимъ словомъ, на эти балы собирались, какъ говорится: «la ville et les faubourgs». Хозяинъ дома нерѣдко скрывался гдѣ нибудь въ толпѣ гостей, изъ которыхъ многіе, не зная лично хозяйки, гуляли по комнатамъ, опустошали буфетъ и ужинали, точно такъ, какъ на какомъ либо публичномъ балѣ, не видавъ въ глаз хозяевъ дома.

Распорядителемъ танцевъ на этихъ балахъ былъ 20-ти-лѣтній сынъ Чертковыхъ, Григорій Александровичъ, или, какъ всѣ его звали, «Гриша». Маленькій, худенькій, смугленькій, съ довольно большимъ горбатымъ носомъ, живыми огненными черными глазами и чрезвычайно быстрыми, подвижными, какъ будто эластичными манерами, онъ походилъ на какого-то мальчика изъ гуттаперчи; но за этимъ мальчикомъ усердно ухаживали разныя маменьки, усматривая въ немъ блестящую партію для своихъ дочерей, которыя почти всѣ поголовно вздыхали по немъ и таяли отъ чарующаго, пронзительнаго его взгляда, производившаго то же самое дѣйствіе и на многихъ замужнихъ женщинъ, забывавшихъ ради «Гриши» седьмую заповѣдь...

Изъ всего сказаннаго о молодомъ Чертковѣ видно, что я, тихій и скромный юноша, мало имѣлъ съ нимъ общаго, но, между тѣмъ, при первыхъ моихъ выѣздахъ, познакомившись съ нимъ, я вскорѣ подружился и, затѣмъ, на всю жизнь остался въ самыхъ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Причину нашего скораго сближенія

я приписываю единственно общему намъ обоимъ тогдашнему желанію веселиться и такому же общему у насъ отсутствію какого либо мало мальски серіознаго образованія [1]).

Кромѣ вышеописанныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему московскому обществу, были и многіе другіе, не считавшіеся, по своему происхожденію, московскими аристократами, но не уступавшіе имъ ни въ хлѣбосольствѣ, ни въ гостепріимствѣ. Къ такимъ москвичамъ, между прочимъ, надобно причислить богатаго откупщика Николая Гавриловича Рюмина.

Николай Гавриловичъ, какъ гласило преданіе, былъ рода не важнаго; фамилія его происходила будто бы отъ слова «рюмка», такъ какъ отецъ его, рязанскій мѣщанинъ, служилъ въ юности въ питейныхъ домахъ г. Рязани и, наполняя рюмки «очищеннымъ», принялъ въ память сего обстоятельства фамилію «Рюмкинъ», которую, сдѣлавшись впослѣдствіи богатымъ откупщикомъ и получивъ потомственное дворянское достоинство, измѣнилъ въ болѣе благозвучную фамилію «Рюминъ». Послѣ смерти этого перваго Рюмина осталось огромное состояніе, раздѣлившееся между его дѣтьми, изъ которыхъ Николай Гавриловичъ, своею службою и щедрыми пожертвованіями въ пользу учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, достигъ званія камергера и чина тайнаго совѣтника. Если разсказъ о происхожденіи Рюмина вѣренъ, то Николай Гавриловичъ, по своимъ чувствамъ, убѣжденіямъ и дѣйствіямъ, заслуживалъ еще бо́льшаго уваженія, какъ личность благороднѣйшая и честнѣйшая, долженствовавшая служить примѣромъ для тѣхъ богатыхъ русскихъ старинныхъ дворянъ, которые, считая себя знатными и родовитыми, живутъ и дѣйствуютъ, къ стыду своему, словно потомки второго сына Ноя.

Жена Рюмина, Елена Ѳеодоровна, рожденная Кандалинцева, была женщина умная, образованная и чрезвычайно энергичная. Невзирая на большое состояніе мужа, она распоряжалась въ домѣ лично всѣмъ, входя въ малѣйшія подробности по хозяйству, которое, однако, при всей ея аккуратности и даже педантичности, вела побарски, на широкую ногу, безъ малѣйшаго оттѣнка скупости. О бѣдныхъ и говорить нечего: она помогала имъ въ самыхъ широ-

[1]) Въ то время Григорій Александровичъ служилъ депутатомъ по какому-то уѣзду Московской губерніи; затѣмъ онъ поступилъ, въ 1855 г., въ московское ополченіе и вскорѣ въ стрѣлковый баталіонъ императорской фамиліи, откуда перешелъ адъютантомъ къ московскому генералъ-губернатору. Позднѣе, онъ былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, наконецъ, пожалованный егермейстеромъ высочайшаго двора, завѣдывалъ довольно долго императорскою охотою. Во всѣхъ своихъ должностяхъ, Чертковъ отличался усердіемъ, добросовѣстностью и всегда заслуживалъ полное уваженіе всѣхъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ какихъ либо отношеніяхъ. Онъ былъ женатъ на своей родственницѣ, Софіи Николаевнѣ Муравьевой, дочери извѣстнаго генерала Николая Николаевича Муравьева-Карскаго, нынѣ уже умершаго.

кихъ размѣрахъ, творя милостыню по-христіански, тайно и непримѣтно для другихъ. Два сына и пять дочерей Рюминыхъ [1]) получили подъ ея личнымъ руководствомъ прекрасное образованіе, основанное на правилахъ высокой нравственности и христіанской любви къ ближнему. Но если можно въ чемъ либо упрекнуть Елену Θеодоровну, то въ излишней, щепетильной любви ея къ безусловному исполненію малѣйшихъ и иногда излишнихъ свѣтскихъ приличій, дававшихъ обыденной семейной жизни ея дома видъ скучноватый, неестественный и потому лишенный нѣкоторой необходимой для молодежи свободы, вслѣдствіе чего домъ Рюминыхъ, за исключеніемъ пріемныхъ дней, мало посѣщался обществомъ и въ особенности молодыми людьми. Принимая почти ежедневно, по вечерамъ, хозяева частенько сидѣли одни или въ компаніи двухъ, трехъ пожилыхъ людей. Зато роскошные ихъ обѣды по воскресеньямъ и танцовальные вечера по четвергамъ привлекали всегда многочисленное общество. На эти обѣды и вечера приглашались разъ навсегда почти всѣ знакомые хозяевъ, и замѣчательно то, что иногда къ самому обѣду пріѣзжало всегда человѣкъ 10—15, а въ другой разъ 50, и, несмотря на такой наплывъ гостей, обѣдъ подавали аккуратно, въ назначенный часъ, безъ малѣйшаго замедленія или задержки. Послѣ этого можно судить, въ какомъ изобиліи приготовлялись по воскресеньямъ Рюминскіе званые обѣды...

Въ числѣ частыхъ посѣтителей этихъ обѣдовъ нельзя было не замѣтить одного изъ воиновъ Екатерининскаго вѣка, украшеннаго георгіевскою звѣздою, генерала князя Андрея Ивановича Горчакова [2]), родного племянника безсмертнаго Суворова.

Горчаковъ, нѣкогда извѣстный своею замѣчательною храбростью, былъ въ то время старикъ высокаго роста, худой, сутуловатый и бѣлый, какъ лунь. По старой привычкѣ, онъ, подобно двумъ, тремъ тогдашнимъ генераламъ, не носилъ усовъ, что придавало гладко выбритому морщинистому его лицу сходство съ лицомъ какой либо почтенной старушки. Князь могъ бы быть интереснымъ разсказчикомъ про былое прожитое имъ время, но, къ сожалѣнію, онъ рѣдко пускался въ разговоры, сидѣлъ смирно, глядѣлъ сумрачно и пріѣзжалъ на обѣды, вѣроятно, съ цѣлью вкусно и сытно покушать. Не обращая ни на кого особаго вниманія, онъ, казалось, довольствовался сознаніемъ, что одно уже присутствіе его въ домѣ

---

[1]) Старшій сынъ Θеодоръ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной; второй Левъ умеръ юношею. Изъ дочерей Екатерина была замужемъ за графомъ Буксгевденомъ, Любовь за Полторацкимъ, Александра за Вельяшевымъ, Марія за Мухановымъ, Вѣра осталась въ дѣвицахъ. Изъ всего семейства Рюминыхъ нынѣ въ живыхъ находятся только три послѣднія дочери.

[2]) Онъ былъ женатъ на своей двоюродной племянницѣ, княжнѣ Суворовой, по первому браку Башмаковой, которая была лѣтъ на тридцать моложе его. Бракъ не былъ счастливъ, и они скоро разошлись.

Рюминыхъ доставляло немалое удовольствіе хозяевамъ, почтительно взиравшимъ на него, какъ на престарѣлаго заслуженнаго генерала, свидѣтеля послѣднихъ годовъ славнаго Екатерининскаго царствованія.

Изъ другихъ самыхъ аккуратныхъ посѣтителей Рюминыхъ былъ московскій старожилъ Николай Алексѣевичъ Тепловъ, внукъ извѣстнаго труженика и дѣятеля при Екатеринѣ II-ой.

Богатый баринъ, страстный охотникъ до музыки, Тепловъ имѣлъ свой собственный оркестръ и самъ игралъ на віолончели. Въ молодости онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, вышелъ въ отставку чуть ли не тотчасъ послѣ войны 1812 года и, въ старости, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ щеголялъ своимъ отставнымъ гвардейскимъ мундиромъ, во многомъ отличавшимся отъ мундировъ конца царствованія императора Николая I-го. Онъ былъ стройный старикъ большого роста и худъ, какъ шестъ. При ходьбѣ, держалъ себя такъ прямо и неподвижно, что, казалось, проглотилъ, какъ говорится, цѣлый аршинъ, или, вѣрнѣе, сажень. Николай Алексѣевичъ былъ человѣкъ умный, любезный, пріятный собесѣдникъ и пользовался уваженіемъ всего общества. Онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ[1]) на Анастасьѣ Яковлевнѣ Протасовой, очень милой и еще молодой женщинѣ, которая, будучи женою 60-ти-лѣтняго старика, любила его настолько же, насколько любила балы, танцы и свѣтскіе выѣзды и подарила его многочисленнымъ семействомъ.

Къ моимъ новымъ знакомымъ того времени я долженъ еще присоединить Щербатовыхъ, Сушковыхъ и Ивинскихъ.

Домъ князя Николая Александровича Щербатова, женатаго на княжнѣ Зенаидѣ Павловнѣ Голицыной[2]), былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и особенно любимыхъ и посѣщаемыхъ молодежью, куда влекла ихъ не только всегдашняя, неизмѣнная любезность двухъ милыхъ хозяйскихъ дочерей, но и господствовавшая въ этомъ домѣ полная свобода и непринужденность въ видѣ разрѣшенія куренья, необязательнаго ношенія, по вечерамъ, фрака и особенно права юныхъ дѣвицъ принимать гостей въ своей собственной гостиной: этимъ правомъ, можетъ быть, княжны нѣсколько злоупотребляли, не допуская свою добрѣйшую родительницу присутствовать при ихъ пріемахъ и предоставляя ей сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и издали слушать веселые разговоры, впрочемъ, всегда самаго невиннаго свойства. Въ этомъ семействѣ молодежь чувство-

---

[1]) Первая жена его была рожденная Тургенева, родная тетка знаменитаго писателя.

[2]) Мать Зенаиды Павловны, княгиня Варвара Сергѣевна Голицына (дочь графа Сергѣя Петровича Румянцева, носившая въ дѣвицахъ фамилію Кагульской), извѣстная въ обществѣ подъ названіемъ «princesse Babette», была женщина высокаго ума и рѣдкихъ душевныхъ качествъ и имѣла большое состояніе, подаренное ей отцомъ ея.

вала себя, какъ дома, и потому ежедневно посѣщала любимыхъ уважаемыхъ ею княженъ, изъ которыхъ вторая, княжна Мери, блистала рѣдкимъ умомъ и остроуміемъ.

Самъ князь же Николай Александровичъ былъ добрѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, но относительно своихъ умственныхъ способностей недалеко ушелъ отъ своей родной сестры Анны Александровны Александровой [1]), которая, будучи еще дѣвицею, сдѣлалась повсюду извѣстна ограниченностью своего ума, особенно по слѣдующему поводу. Императоръ Николай Павловичъ, вскорѣ послѣ своей коронаціи, встрѣтивъ княжну въ Москвѣ, гдѣ-то на балѣ, спросилъ ее, понравилась ли ей коронація. «Такъ понравилась, ваше величество, — отвѣтила княжна,— что я желала бы поскорѣе увидать другую». Но малое развитіе ея брата не помѣшало ему быть избраннымъ въ московскіе уѣздные предводители дворянства, а позднѣе получить должность московскаго гражданскаго губернатора. Такому назначенію князя много способствовали извѣстныя всей Москвѣ его рѣдкое благородство и безукоризненная честность.

Новые мои знакомые, Николай Васильевичъ Сушковъ и жена его Дарья Ивановна, были старые пріятели моего отца. Люди не богатые, они жили весьма скромно въ маленькомъ, наемномъ домѣ, стоявшемъ уединенно на дворѣ, въ одномъ изъ переулковъ Тверской, близъ стараго Пимена.

Николай Васильевичъ, человѣкъ лѣтъ 55-ти, маленькій, живой, сѣденькій, имѣлъ свѣжее, румяное и предоброе лицо, окаймленное большими сѣдыми бакенбардами. Онъ одѣвался постариковски и всегда носилъ огромный, черный галстухъ, въ которомъ утопалъ весь его подбородокъ. Сушковъ когда-то былъ минскимъ губернаторомъ, но, оказавшись черезчуръ краснорѣчивымъ въ своихъ отчетахъ по губерніи, въ которыхъ, какъ разсказывали, онъ мѣшалъ прозу со стихами, заслужилъ неудовольствіе императора Николая Павловича, оставилъ службу и поселился навсегда въ Москвѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ писатель, но писатель не важный, хотя самъ считалъ себя, если не литературною звѣздою первой степени, то, во всякомъ случаѣ, не дюжиннымъ литераторомъ. Онъ былъ человѣкъ стараго покроя, вѣжливый, благовоспитанный, но чрезвычайно болтливый и слишкомъ много говорившій о своихъ сочиненіяхъ, что вполнѣ замѣчала и понимала его умная жена Дарья Ивановна. Знакомыхъ и пріятелей у Николая Васильевича было

---

[1]) Въ молодости она была замѣчательная красавица и вышла за Павла Константиновича Александрова, который, какъ извѣстно, былъ обязанъ бытіемъ своимъ великому князю цесаревичу Константину Павловичу. Онъ былъ флигель-адъютантомъ императора Николая I-го и генералъ-адъютантомъ императора Александра II-го.

У Александровыхъ была единственная дочь въ замужествѣ за княземъ Д. А. Львовымъ.

множество, они всѣ искренно любили его, какъ личность свѣтлую добродушную и дѣтски простую, но еще болѣе любили высокообразованную, добродѣтельную его супругу.

Дарья Ивановна, рожденная Тютчева, была сестра извѣстнаго поэта Ѳедора Ивановича Тютчева и, если не обладала талантомъ своего брата и не писала стиховъ, то разговоръ ея былъ столько же плѣнителенъ, увлекателенъ и поучителенъ, какъ и поэзія ея даровитаго брата.

Сушковы рѣдко выѣзжали въ свѣтъ, но зато, по вечерамъ ежедневно, у нихъ собиралось нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ слоевъ общества: представители московской аристократіи, придворные, чиновные люди, писатели, профессора и художники—всѣ пріѣзжали къ нимъ запросто, безъ церемоніи, довольствуясь чашкою чая и одною лампою, освѣщавшею ихъ скромную гостиную. Изъ частыхъ посѣтителей Сушковыхъ были два лица особенно умныя и занимательныя: племянница Николая Васильевича графиня Евдокія Петровна Ростопчина и Сергій Александровичъ Соболевскій [1]; но о первой я буду говорить позднѣе. Разъ въ годъ, 6-го декабря, въ именины Сушкова, всѣ знакомые приглашались на большой раутъ: въ этотъ вечеръ масса гостей наполняла небольшія комнаты ихъ дома, а самъ имениникъ сіялъ радостнымъ лицемъ и, встрѣчая каждаго гостя, по №, словами: «здравствуйте, мой десятый, двадцатый или сотый гость», изъявлялъ всѣмъ свое удовольствіе. что ихъ собралось много, какъ будто желая сказать: «смотрите, мы люди не богатые, не чиновные, угощеніе у насъ не важное, а вся Москва, свѣтская и несвѣтская, ученая и неученая, пріѣхала къ намъ—значитъ, насъ любятъ и уважаютъ!» и дѣйствительно Москва любила и уважала эту почтенную чету, напоминавшую собою «Филемона и Бавкиду».

Позднѣе, къ Сушковымъ пріѣхала изъ Петербурга и у нихъ поселилась племянница Дарьи Ивановна, Екатерина Ѳеодоровна Тютчева [2]), 20-ти-лѣтняя дѣвица, замѣчательная по своему уму, начитанности и всестороннему образованію. Со дня ея пріѣзда, ежедневные посѣтители Сушковыхъ сдѣлались еще многочисленнѣе, и можно безъ преувеличенія сказать, что домъ ихъ, по милости Екатерины Ѳеодоровны, окончательно сдѣлался средоточіемъ всего, что было въ Москвѣ умнаго, образованнаго и ученаго.

---

[1]) Сынъ московскаго старожила Александра Николаевича Соймонова и одной весьма богатой дамы, извѣстный пріязнію къ нему Пушкина и своими остроумными, шуточными стихотвореніями.

[2]) Дочь поэта. Двѣ сестры ея, Анна и Дарья, были въ то время фрейлинами императрицы Маріи Александровны, проживали во дворцѣ и пользовались особымъ благоволеніемъ ея величества. Анна Ѳеодоровна находилась въ теченіе многихъ лѣтъ воспитательницею великой княжны Маріи Александровны и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ вышла замужъ за Ивана Сергѣевича Аксакова. Она скончалась вскорѣ послѣ смерти своего знаменитаго мужа.

Что касается до семейства Ивинскихъ, то я упомянулъ о немъ единственно для того, чтобы дать понятіе о хозяинѣ дома, Александрѣ Дмитріевичѣ, который, если бы жилъ въ прошломъ столѣтіи, могъ бы не безъ успѣха занять должность придворнаго шута. Человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, не глупый, веселый и часто забавный, но пустѣйшій и рѣдко трезвый, Ивинскій обладалъ какимъ-то особымъ юморомъ, въ силу котораго творилъ самыя ребяческія, а иногда и нелѣпыя шутки.

Онъ былъ московскій старожилъ, отставной полковникъ, женатый на Аграфенѣ Ивановнѣ Новосильцевой. Семейство его состояло изъ двухъ дочерей [1]) и сына. Меньшая дочь Елизавета соединяла съ замѣчательною красотою и рѣдкія, душевныя качества. Вступивъ въ бракъ съ княземъ Багратіономъ-Мухранскимъ, она въ скоромъ времени, къ истинному сожалѣнію всѣхъ знавшихъ ее, скончалась. Сынъ Ивинскихъ, Иванъ, косой, черномазый и неопрятный въ то время, студентъ Московскаго университета, сильно мнѣ не нравился, и я съ нимъ никогда не былъ въ близкихъ отношеніяхъ [2]).

Ивинскіе были люди богатые и давали иногда балы, но кругъ знакомства ихъ не принадлежалъ къ самому высшему московскому обществу, которое, хотя и посѣщало ихъ, но не сближалось съ ними, вѣроятно, потому, что хозяйка дома, когда-то умственно больная, несмотря на полное выздоровленіе, сохранила на всю жизнь угрюмое, болѣзненное выраженіе лица, смотрѣла исподлобья, мало разговаривала и не имѣла въ себѣ ничего симпатичнаго, ни привлекательнаго.

Проживая на Тверской, противъ англійскаго клуба, Ивинскій проводилъ вечера въ этомъ любимомъ вечернемъ собраніи старичковъ-москвичей. Истребляя тамъ за ужиномъ изрядное количество вина и всякихъ крѣпкихъ напитковъ, онъ къ ночи не могъ уже держаться на ногахъ, и потому за нимъ приходилъ его камердинеръ. Однажды, пришедшій слуга оказался, въ свою очередь, въ состояніи полной невмѣняемости: взявъ Александра Дмитріевича подъ руку, онъ сталъ спускаться по лѣстницѣ и рухнулся вмѣстѣ съ нимъ. Взбѣшенный Ивинскій началъ бранить и укорять камердинера: «ахъ, ты, такой, сякой! ну, какъ можно и какъ не стыдно такъ напиваться». Слуга отвѣтилъ: «а вамъ можно-съ и не

---

[1]) Старшая дочь Наталья вышла за Василія Денисовича Давыдова (сына знаменитаго партизана), человѣка умнаго, образованнаго и вполнѣ хорошаго, но по живости своего характера никогда не разговаривавшаго, а всегда кричавшаго.

[2]) Въ 70-хъ годахъ, онъ былъ церемоніймейстеромъ высочайшаго двора, а въ началѣ царствованія императора Александра III вышелъ въ отставку. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, княгинѣ Гагариной, рожденной Крюгеръ (отецъ которой, если не ошибаюсь, имѣлъ въ Москвѣ магазинъ музыкальныхъ инструментовъ), сошелъ съ ума и застрѣлился. Вскорѣ послѣ его смерти, жена его, по неизвѣстной причинѣ, покончила съ собою подобнымъ же образомъ.

стыдно-съ?»—«Оселъ, дуракъ!»—заоралъ его баринъ:—«развѣ ты не понимаешь, что я приказываю приходить за мною, потому что я самъ пьянъ и не могу стоять на ногахъ!» Брань эту прекратилъ какой-то сердобольный членъ клуба, подобравъ обоихъ упившихся и проводивъ ихъ до дома.

Ивинскій не называлъ клуба иначе, какъ своимъ «отечествомъ», и въ этой отчизнѣ онъ ревностно старался отыскать какого нибудь новопріѣзжаго гостя, провинціала простячка, чтобы чѣмъ либо ловко поддѣть его и потомъ надсмѣяться надъ его простотою. Увидавъ какъ-то подобнаго гостя, старичка, сильно подмигивавшаго и моргавшаго однимъ глазомъ, и вспомнивъ, что въ клубѣ находится графъ Петръ Степановичъ Толстой [1]), имѣвшій ту же привычку, Александръ Дмитріевичъ познакомился съ гостемъ и представилъ его Толстому, который тотчасъ сѣлъ съ нимъ играть въ пикетъ; но передъ игрою Ивинскій, отозвавъ въ сторону своего новаго знакомаго, предупредилъ его, что Толстой большой насмѣшникъ и любитъ всѣхъ передразнивать. Потомъ, отозвавъ въ сторону Толстого, сказалъ ему то же самое о старичкѣ. Когда же они начали партію, то Александръ Дмитріевичъ, пригласивъ нѣсколько своихъ пріятелей присутствовать при игрѣ, объявилъ имъ, что они увидятъ коечто интересное. При началѣ партіи, одинъ изъ партнеровъ предался обычному своему миганію, а другой сталъ ему вторить. Но вскорѣ оба игрока, подозрѣвая другъ друга въ передразниваніи, сдѣлались раздражительными, начали сердиться и еще болѣе мигать и моргать. Мигали, мигали и, наконецъ, домигались до того, что Толстой, бросивъ карты, вскочилъ и неистово закричалъ: «не позволю надъ собою насмѣхаться!» а такъ какъ его примѣру послѣдовалъ и старичекъ, то между ними произошли такая брань и такія ругательства, что Ивинскій, опасаясь, чтобы дѣло не дошло до рукопашной, розналъ ихъ при общемъ смѣхѣ присутствующихъ и къ своему собственному великому удовольствію.

Въ другой разъ, Ивинскій, познакомившись въ клубѣ съ пріѣхавшимъ въ первый разъ въ Москву однимъ степнымъ помѣщикомъ, повидимому, не изъ умныхъ, сталъ увѣрять его, что въ числѣ московскихъ достопримѣчательностей необходимо осмотрѣть Сухареву башню, которую показываютъ только въ извѣстные дни и не иначе, какъ въ 10 часовъ вечера, и что крайне интересно взглянуть на бѣлаго слона, помѣщеннаго на верхушкѣ башни подъ самымъ орломъ, но такъ какъ для осмотра его нужно потребовать сторожа, лѣниваго и дерзкаго старика, то не легко добиться, чтобы онъ полѣзъ такъ высоко. День и часъ, въ который происходилъ этотъ разговоръ, были, по словамъ Ивинскаго, именно тѣ, въ кото-

---

[1]) Родной дядя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Дмитрія Андреевича Толстого.

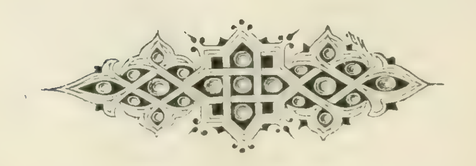
рые показывали Сухареву башню, а потому помѣщикъ, поблагодаривъ его за совѣтъ, отправился посмотрѣть на слона. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился въ клубъ разсерженнымъ и обиженнымъ и сталъ увѣрять всѣхъ, что сторожъ дѣйствительно оказался предерзкимъ и не только не показалъ ему ни башни, ни слона, но, назвавъ его сумасшедшимъ, обругалъ и прогналъ его! Бѣдный провинціалъ нисколько не подозрѣвалъ сыгранной съ нимъ Ивинскимъ шутки, а еще менѣе, что по милости послѣдняго онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего англійскаго клуба.

Эти три анекдота были до того извѣстны въ Москвѣ, что я тогда же запомнилъ ихъ.

Описавъ, по крайнему моему разумѣнію, нѣкоторыхъ представителей тогдашняго московскаго общества, нынѣ давно забытыхъ, и, сдѣлавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, краткую характеристику немногихъ отдѣльныхъ личностей, я, быть можетъ, слишкомъ распространился объ этихъ москвичахъ, которые почти всѣ тихо и безмятежно угасли, не оставивъ по себѣ никакого замѣтнаго слѣда, но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ занимали въ свое время не послѣднее мѣсто въ обществѣ и были любимы и уважаемы, а другіе, по разнороднымъ причинамъ, обращали на себя, хотя временно, вниманіе своихъ современниковъ и нерѣдко служили предметомъ оживленныхъ о нихъ разговоровъ, то мнѣ кажется, что воспоминанія о первыхъ могутъ быть не безынтересны для ихъ ближайшихъ потомковъ, а о послѣднихъ—для позднѣйшаго поколѣнія москвичей, знакомыхъ съ ними единственно по разсказамъ своихъ дѣдовъ и отцовъ.

С. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА[1].

VI.

Мои выѣзды.—Оболенскіе.—П. С. Пашковъ.—Киселевы.—Болѣзнь отца.—Открытіе московской желѣзной дороги. — Новая оружейная палата. —Царская фамилія въ Москвѣ. — Графъ Клейнмихель. — Живыя картины у Закревскаго. — Балъ Орлова-Денисова. — Князь Паскевичъ. — Графиня Воронцова-Дашкова. — Дядя А. Н. Загоскинъ.—Болѣзнь матери.—Гоголь.—Семейство Левшиныхъ.—Первая любовь.—А. Т. Аксаковъ.—Графъ А. И. Гудовичъ.—Бабушка М......ва.

БРАЩАЮСЬ снова къ себѣ.

Повеселившись вдоволь въ теченіе зимы 1851 года и познакомившись со многими лицами, о которыхъ я до того времени имѣлъ лишь смутное понятіе, я и самъ значительно преобразился... Куда дѣвались моя робость и застѣнчивость? Я сдѣлался довольно болтливымъ мальчуганомъ, ухаживалъ за молодыми дамами и дѣвицами, но, конечно, ни тѣмъ, ни другимъ не нравился, а приходился только по сердцу дряхлымъ старушкамъ, потому что былъ съ ними крайне вѣжливъ, подходилъ къ ихъ старческимъ ручкамъ и набивалъ ихъ ридикюли всякими сластями и фруктами съ бальныхъ буфетовъ.

Батюшка, какъ я уже выше сказалъ, не сочувствовалъ моимъ раннимъ выѣздамъ въ свѣтъ; однако они, какъ я могъ замѣтить, доставляли ему нѣкоторое удовольствіе. Вѣроятно, не добив-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ»., т. LXXIX, стр. 489.

шись отъ моихъ братьевъ, чтобы они, въ юности, посѣщали лучшее общество и не дружились съ кутящею молодежью, принадлежавшею къ семействамъ, никому неизвѣстнымъ, отецъ былъ доволенъ, что хотя одинъ изъ его сыновей, по собственному влеченію, любилъ вращаться въ той же средѣ, гдѣ и самъ онъ находился, и которая, по его мнѣнію, могла охранить меня отъ общества молодыхъ, разгульныхъ людей.

Невзирая на мою разсѣянную жизнь, я продолжалъ усердно заниматься службою, ежедневно посѣщалъ архивъ и добросовѣстно переписывалъ скучнѣйшія отношенія одного столоначальника къ другому и прочія подобныя имъ бумаги. Въ награду за мое прилежаніе я заслужилъ благоволеніе моего начальника, князя Оболенскаго, который, проходя мимо моего стола, удостоивалъ меня иногда нѣсколькими любезными словами и даже не разъ благодарилъ за усердную службу.

Въ концѣ зимы мой начальникъ, желая повеселить свою взрослую дочь, далъ балъ, на который пригласилъ всѣхъ, безъ исключенія, своихъ чиновниковъ отъ стараго до малаго. Это приглашеніе дѣлало большую честь князю, служа доказательствомъ, что онъ не желалъ дѣлать никакихъ различій между своими подчиненными, а еще менѣе кого либо оскорблять, посылая приглашенія по выбору. Но, встрѣтивъ на балѣ нѣкоторыхъ моихъ товарищей, никогда въ жизни не посѣщавшихъ свѣтскіе вечера, я не могъ не улыбнуться при видѣ моихъ сослуживцевъ, одѣтыхъ въ вицмундирный фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и, неподвижно, какъ статуи, стоявшихъ въ почтительныхъ позахъ, у дверей танцовальнаго зала. Балъ князя Оболенскаго отличался большою веселостью и роскошнымъ ужиномъ, но общество дѣвицъ и молодыхъ людей, за исключеніемъ архивныхъ юношей, было для меня незнакомое и иное, чѣмъ то, которое я привыкъ встрѣчать на прочихъ балахъ. Хозяйка дома, принадлежавшая, по рожденію, къ именитому и богатому московскому купеческому роду Мазуриныхъ, была женщина образованная, любезная и привѣтливая, но совершенно купеческой складки, что нѣсколько замѣчалось и у ея милой дочери. Быть можетъ, происхожденіе княгини служило нѣкоторою помѣхою къ сближенію ея съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ, которое тогда, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, неохотно принимало въ свою среду лицъ, особенно женскаго пола, не принадлежавшихъ по своему рожденью къ его кругу. Въ то время, подобныя лица, даже располагавшія громаднымъ состояніемъ, не находили доступа въ старинные, аристократическіе дома, невзирая на то, что сами жили открыто и даже роскошнѣе послѣднихъ. Я отлично помню, какъ въ началѣ 50-хъ годовъ имена Ш....., Ф..... и прочихъ богатыхъ банкировъ и финансовыхъ тузовъ не имѣли на высшее общество того магическаго

дѣйствія, какъ въ настоящее время, и лица денежнаго міра не только не играли ни малѣйшей роли въ большомъ свѣтѣ, но и не участвовали въ его увеселеніяхъ. Теперь не то...

Наступившій великій постъ прекратилъ мои выѣзды, и вечера я сталъ проводить дома съ моими лучшими друзьями Полуденскимъ и Благово. Навѣщали меня также Чертковъ и два новыхъ пріятеля, братья Киселевы, сыновья друга моего отца, Сергѣя Дмитріевича Киселева [1]). Меньшой изъ нихъ Николай былъ очень красивъ собою и плѣнилъ уже въ юности не одно женское сердце, но умомъ значительно уступалъ старшему брату Павлу [2]). Послѣдній милый малый, добрый, хорошій товарищъ и въ полномъ смыслѣ слова благороднѣйшій человѣкъ, былъ не прочь иногда излишне повеселиться, но батюшка, зная его прекрасныя, душевныя качества, нисколько не противился моему съ нимъ сближенію, которое впослѣдствіи перешло въ настоящую дружбу, не разъ мнѣ имъ доказанную въ теченіе всей моей жизни. Мать Киселевыхъ, Елизавета Николаевна, рожденная Ушакова (не принадлежавшая къ московскому многочисленному семейству Маріи Антоновны Ушаковой), была почтеннѣйшая и добрѣйшая женщина и въ молодости замѣчательная красавица, которой Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Въ началѣ поста отецъ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ помнить его, серіозно заболѣлъ: у него сдѣлался карбункулъ на нижней части лѣвой ноги. Всегда здоровый, крѣпко сложенный, геркулесовской силы, онъ былъ настоящимъ атлетомъ, и потому мнѣ какъ-то странно было видѣть его лежащимъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ и сильно страдающимъ. Болѣзнь его потребовала нѣсколькихъ операцій, искусно совершенныхъ нашимъ домашнимъ врачемъ, извѣстнымъ въ Москвѣ докторомъ Степаномъ Ивановичемъ Клименковымъ. Вскорѣ батюшка совершенно поправился, но съ того времени, давно гнѣздившаяся въ немъ, наслѣдственная подагра начала сильно безпокоить его, появляясь въ ногахъ, рукахъ и груди. Наступившее лѣто доставило ему нѣкоторое облегченіе, хотя онъ не могъ уже предаваться своему любимому развлеченію, верховой ѣздѣ, и только по вечерамъ катался въ коляскѣ по окрестностямъ Москвы. Утро же, ежедневно, посвящалъ устройству новой Оружейной палаты, открытіе которой должно было послѣдовать въ концѣ лѣта, по прибытіи государя въ Москву, по случаю окончанія постройки С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги.

---

[1]) Родного брата тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, графа Павла Дмитріевича Киселева.

[2]) Николай давно скончался, а Павелъ, нынѣ церемоніймейстеръ высочайшаго двора, женатый на милой и красивой вдовѣ Дудиной, рожденной Кованько, унаслѣдовалъ послѣ смерти своего дяди его графскій титулъ.

Къ августу отецъ значительно поправился, и когда прибыла царская чета съ великими князьями, то онъ могъ уже лично быть ихъ руководителемъ по заламъ новаго зданія. При первомъ посѣщеніи ихъ величествами Оружейной палаты государь, увидавъ отца, сказалъ ему: «мнѣ говорили, что ты очень боленъ? Вижу тебя здоровымъ и прошу впередъ не шалить!» —Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась къ нему государыня, которую принесли въ Оружейную палату въ креслахъ. Отецъ отвѣтилъ, что дѣйствительно былъ боленъ, но теперь чувствуетъ себя гораздо лучше, а такъ какъ разговоръ съ императрицею онъ началъ, противъ своего обыкновенія, на французскомъ языкѣ, то ея величество съ удивленіемъ сказала: «въ первый разъ Загоскинъ говоритъ со мною пофранцузски! не узнаю его!» — Вообще, въ этотъ пріѣздъ, вся царская фамилія была особенно милостива къ отцу, и за устройство Оружейной палаты государь пожаловалъ ему анненскую ленту.

Въ августѣ послѣдовало открытіе желѣзной дороги. Когда прибылъ первый поѣздъ, то народъ массами стоялъ около полотна дороги близъ Москвы, и многіе, при видѣ мчавшагося поѣзда, крестились, отплевывались и кричали, что это не что иное, какъ дьявольское наважденье, и что самъ чортъ приводитъ въ дѣйствіе машину. Пріѣхавшій въ Москву, главноуправляющій путями сообщенія, графъ Клейнмихель, видимо торжествовалъ, приписывая исключительно себѣ честь и славу постройки этой первой, большой, желѣзной дороги въ Россіи, которая, по волѣ государя, проведена изъ Петербурга въ Москву по прямой линіи, безъ уклоновъ. Разсказывали, что когда государю были представлены проекты и планы дороги, то онъ карандашемъ провелъ прямую черту между двумя столицами и приказалъ такъ строить. Безъ сомнѣнія, успѣшное и прекрасное устройство дороги было много обязано усердію, энергіи и строгости графа, однако, какъ мнѣ разсказывалъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ [1]), бывшій, въ то время, дѣятельнымъ его помощникомъ по устройству желѣзнаго пути, Клейнмихель считалъ единственно себя заслуживающимъ награды. Обстоятельство это было сообщено Мельникову графомъ Бобринскимъ [2]), который разсказалъ ему, что, пріѣхавъ въ то время въ Москву, онъ какъ-то

---

[1]) Позднѣе, въ царствованіе императора Александра II-го, министръ путей сообщенія Павелъ Петровичъ, человѣкъ честнѣйшій, благороднѣйшій и рѣдкихъ душевныхъ качествъ, оставивъ добровольно министерскій свой постъ, неоднократно говорилъ мнѣ о своемъ полномъ убѣжденіи въ томъ, что хуже его не могло быть министра путей сообщенія, такъ какъ, будучи спеціалистомъ по этой части, онъ невольно излишне вникалъ во всѣ мелочи, забывая обращать особое вниманіе на общіе, важнѣйшіе интересы своего министерства. Онъ былъ убѣжденный спиритъ и дѣлалъ много добра въ пользу неимущихъ.

[2]) Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, сынъ родоначальника этой фамиліи, извѣстный благороднѣйшій и достойнѣйшій человѣкъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора Николая Павловича и всего царскаго семейства.

утромъ находился въ кабинетѣ государя, вдвоемъ съ его величествомъ, и, услыхавъ о появленіи Клейнмихеля съ докладомъ, хотѣлъ удалиться, но получилъ приказаніе остаться, отошелъ въ амбразуру окна, гдѣ незамѣтно для послѣдняго сталъ любоваться видомъ на Замоскворѣчье, и тутъ услыхалъ, какъ на вопросъ Николая Павловича о томъ, кого слѣдуетъ представить къ наградамъ за постройку дороги, графъ отвѣтилъ, что представленіе это ставитъ его въ большое затрудненіе, такъ какъ успѣшное устройство дороги обязано единственно личнымъ его, Клейнмихеля, трудамъ. На возраженіе государя, что, однако, у него было немало помощниковъ и чиновниковъ, усердно трудившихся вмѣстѣ съ нимъ, графъ повторилъ, что весь трудъ лежалъ собственно на немъ. Тогда его величество отвѣтилъ ему приказаніемъ представить къ наградамъ всѣхъ лицъ, занимавшихся постройкою дороги.

При этомъ случаѣ не могу не вспомнить разсказа, относящагося до графа Клейнмихеля и къ тому же времени, слышаннаго мною отъ моего родного дяди, Илліодора Николаевича Загоскина, полковника корпуса путей сообщенія, подъ надзоромъ котораго строился ближайшій къ Москвѣ участокъ желѣзной дороги. Дядя, жившій въ Твери, прибывъ на открытіе дороги, въ то же утро отправился представиться Клейнмихелю. Войдя въ пріемную, онъ увидалъ, черезъ растворенную дверь, въ смежной комнатѣ слѣдующую картину: у письменнаго стола, на полу, начетвереренькахъ, стоялъ одинъ крупный чиновникъ вѣдомства путей сообщенія, подбирая разбросанныя бумаги, а надъ нимъ разсвирѣпѣвшій Клейнмихель, бьющій его по спинѣ кипою бумагъ!.. Тихій, кроткій и добрѣйшій дядя, вернувшись съ представленія, разсказалъ намъ съ ужасомъ о такой продѣлкѣ своего начальника и о выносливости его подчиненнаго...

По случаю пріѣзда въ Москву царской фамиліи, графъ Закревскій далъ блистательный праздникъ съ живыми картинами, на которомъ присутствовали ихъ величества и всѣ прибывшіе члены августѣйшаго семейства. Огромный залъ генералъ-губернаторскаго дома былъ обращенъ въ живую картинную галлерею; на всѣхъ стѣнахъ были устроены большія и малыя рамы, въ которыхъ, при поднятіи занавѣса, являлись картины, изображавшія различные эпизоды изъ русской исторіи. Всѣ московскія красавицы принимали въ нихъ участіе, и я очень сожалѣю, что у меня не сохранилась афиша съ именами участвовавшихъ лицъ и названіемъ картинъ, а теперь, черезъ столько лѣтъ, на память, не могу привести ихъ; помню, что особенно хороша была средняя, большая картина, представлявшая «Россію», въ которой главнымъ лицомъ была графиня Наталья Алексѣевна Орлова-Денисова. Въ одной изъ маленькихъ картинъ, называвшейся: «Олегъ, прибивающій щитъ ко вратамъ Царьграда», принималъ участіе и я, одѣтый въ доспѣхи рус-

скаго воина того времени. По окончаніи живыхъ картинъ, участвовавшіе въ нихъ были приглашены, по приказанію императрицы, въ большую гостиную, гдѣ ея величество сидѣла въ креслахъ, имѣя за собою красиваго конногвардейскаго офицера Альбединскаго[1]), державшаго на рукѣ ея шаль. Императрица удостоила многихъ милостивымъ разговоромъ и изъявила всѣмъ свою благодарность.

Послѣ этого праздника былъ данъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ не менѣе блестящій балъ со многими костюмированными лицами, изъ которыхъ, между прочимъ, была устроена французская кадриль, представлявшая четыре времени года. Въ этой кадрили я тоже участвовалъ, изображая «осень»; моею дамою была хорошенькая, молоденькая Наталья Кирилловна Аверкіева, рожденная Нарышкина. На насъ обоихъ былъ костюмъ бретонскихъ крестьянъ, покрытый свѣжимъ виноградомъ, который у меня въ концѣ вечера оказался значительно общипаннымъ моими знакомыми. Странно было видѣть Аверкіеву и меня изображавшими «осень», между тѣмъ какъ юными, свѣжими лицами мы напоминали раннюю весну.

На этомъ балѣ присутствовалъ государь наслѣдникъ и нѣсколько членовъ царской фамиліи, а также и генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій. Въ первый разъ въ жизни я увидалъ фельдмаршала и помню, что появленіе его на балѣ было весьма схоже съ появленіемъ какого либо лица царской крови: когда онъ вошелъ въ залъ, всѣ присутствовавшіе разступились и дали дорогу; мужчины вытягивались въ струнку и низко кланялись, а дамы, хотя и не присѣдали, но смотрѣли на него съ великимъ почтеніемъ. Князь Паскевичъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго; небольшого роста, довольно плотный, съ кудреватыми волосами, весьма обыкновеннымъ лицомъ, онъ совсѣмъ не выглядѣлъ тѣмъ легендарнымъ героемъ, какимъ знала его вся Россія, и, конечно, если бы грудь его не была унизана крестами, звѣздами и брильянтами, то никому не пришло бы въ голову, что этотъ невзрачный старикъ не кто иной, какъ знаменитый полководецъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ «ероя Паскевича-ериванскаго».

Тутъ же, на балу, находилась графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, рожденная Нарышкина, блиставшая въ то время яркою звѣздою въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ. Она была женщина молодая, миловидная, но далеко не красавица. Небольшая фигура ея отличалась какимъ-то особымъ изяществомъ, а умъ и доброта ея были всѣмъ извѣстны. Салонъ ея въ Петербургѣ считался едва ли не первымъ аристократическимъ салономъ, куда попасть каждый считалъ за особую честь, но честь эта не легко доставалась. Мужъ ея, оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Иванъ Ила-

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, варшавскій генералъ-губернаторъ.

ріоновичъ, человѣкъ уже старый, выглядѣлъ настоящимъ барпномъ-вельможею. Балы и вечера Воронцовыхъ въ Петербургѣ отличались изяществомъ и роскошью. Въ Москву же они пріѣзжали на лѣто, которое проводили тихо и скромно въ своей подмосковной с. Быковѣ, гдѣ и навѣщали ихъ старые московскіе знакомые, въ томъ числѣ и мой отецъ, пользовавшійся большою пріязнью какъ графа, такъ и графини.

Баломъ графа Орлова-Денисова заключились увеселенія, данныя въ Москвѣ, по случаю пребыванія въ ней царской фамиліи.

Отецъ мой, принимавшій участіе во всѣхъ торжествахъ, неожиданно, послѣ отъѣзда ихъ величествъ, почувствовалъ себя снова дурно: возобновились боли въ ногахъ и груди, и до того сильныя, что онъ долженъ былъ окончательно прекратить всѣ выѣзды, ограничивая ихъ небольшими утренними прогулками въ экипажѣ. Остальное время дня онъ проводилъ дома за чтеніемъ книгъ и журналовъ, или играя вечеромъ въ ералашъ.

Въ началѣ сентября, наша семья была обрадована пріѣздомъ изъ Петербурга дяди, Алексѣя Николаевича Загоскина, въ то время инженеръ-генералъ-майора, занимавшаго какое-то мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Я вовсе не зналъ или, вѣрнѣе, не помнилъ этого дяди, пріѣзжавшаго въ Москву за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, но постоянно слышалъ, что онъ замѣчательный математикъ, добрый человѣкъ, примѣрный христіанинъ, сильно глухъ, забывчивъ и до крайности разсѣянъ. Батюшка очень любилъ его и былъ съ нимъ въ частой перепискѣ, оспаривая постоянно религіозные взгляды и убѣжденія его, не сходившіеся съ его собственными взглядами, относительно спасенія грѣшныхъ людей [1]).

Когда я узналъ, что Алексѣй Николаевичъ пріѣдетъ въ Москву, то нетерпѣливо сталъ ожидать его, желая на опытѣ провѣрить почти что фантастическіе разсказы о его необыкновенной разсѣянности, и въ справедливости которыхъ въ первый же день моего съ нимъ знакомства я могъ вполнѣ убѣдиться. При входѣ его въ нашу гостиную, гдѣ находились отецъ, братья, я и проживавшая у насъ бѣдная, некрасивая, но еще молодая дѣвица Елена Львовна Космачева, исполнявшая должность чтицы при матушкѣ, дядя бросился на отца и сталъ душить его въ своихъ объятіяхъ; затѣмъ, увидавъ особу женскаго пола и не глядя ей въ лицо, кинулся обнимать ее и цѣловать ея руки, приговаривая: «ахъ, Анета, какъ я радъ тебя видѣть!». Елена Львовна, не зная, какъ избавиться отъ поцѣлуевъ дяди, визжала и кричала: «я не Анна Дмитріевна!» Наконецъ, опомнившись и увидавъ, что обнимаемая имъ женщина

---

[1]) Переписка эта была напечатана, кажется, въ 1858 г. въ журналѣ «Домашняя Бесѣда».

еще молодая и вовсе не похожая на больную и пожилую матушку, дядя вскрикнулъ: «извините, я васъ принялъ за Анету!». Всѣ присутствующіе при этой сценѣ много посмѣялись надъ дебютомъ Алексѣя Николаевича и повели его къ матушкѣ. Отобѣдавъ съ нами и посидѣвъ немного времени съ родителями, онъ объявилъ, что желаетъ отдохнуть и вздремнуть, но, при томъ, просилъ, чтобы его не будили. Дядю помѣстили въ антресоляхъ нашего дома, уложили его въ кровать, и онъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Сонъ этотъ, никѣмъ не тревожимый, продолжался до слѣдующаго утра. Тогда, вставъ, одѣвшись и напившись чая, онъ объявилъ, что сейчасъ уѣзжаетъ обратно въ Петербургъ, такъ какъ вспомнилъ, что на другой день ему необходимо присутствовать въ какой-то коммиссіи по вѣдомству путей сообщенія. Несмотря на всѣ наши просьбы, онъ уѣхалъ въ то же утро...

Только-то мы и видѣли отъ этого добрѣйшаго, но оригинальнѣйшаго человѣка!..

Послѣ отъѣзда Алексѣя Николаевича пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ старѣйшихъ и лучшихъ друзей отца, Николай Ивановичъ Шамшевъ [1], съ которымъ онъ не видѣлся болѣе 20 лѣтъ. Обрадованный его пріѣздомъ, батюшка написалъ ему посланіе въ стихахъ, которое привожу здѣсь, какъ нигдѣ не напечатанное:

Ты помнишь ли, мой другъ, какъ мы съ тобой живали?
Кого бы не могли мы за поясъ заткнуть?
И какъ на Невскомъ мы красавицъ обгоняли,
Чтобъ имъ подъ шляпку заглянуть?
Ты помнишь ли, какъ намъ досталось отъ Ариши,
И какъ обоихъ насъ Анюта провела?..
Но надобно потише
Про эти говорить дѣла...
Мы были оба молодцами,
Кипѣла жизнь у насъ въ груди!
Теперь мы стали праотцами,
Да, милый другъ, не осуди.
У нашихъ ужъ дѣтей давно свои есть дѣти:
Мы дѣдушки съ тобой; я очень плохъ, чуть живъ,
И ноги у меня, какъ плети,
И ты, моя душа, порядкомъ сталъ плѣшивъ.
Тяжка годовъ преклонныхъ ноша:
Я прежде веселъ былъ, теперь угрюмый сычъ,
Ты старый хрѣнъ, я старый хрычъ,
И оба мы съ тобой—не стоимъ гроша!..
Такъ пусть же дружба насъ, какъ солнышко, пригрѣетъ,
Вѣдь дружба старая, какъ юность, хороша,
Святое чувство не старѣетъ,
Оно безсмертно, какъ душа!

[1]) На дочери котораго былъ женатъ извѣстный московскій богачъ Иванъ Павловичъ Шаблыкинъ.

Октябрь этого года былъ началомъ нравственныхъ страданій всего нашего семейства: матушка заболѣла недугомъ, который черезъ полтора года свелъ ее въ могилу... Въ началѣ мѣсяца, не припомню какого числа, я, по обыкновенію, утромъ сидѣлъ въ архивѣ, какъ вдругъ былъ вызванъ сторожемъ, пришедшимъ сказать, что за мною пріѣхалъ на извозчикѣ нашъ человѣкъ съ приказаніемъ скорѣе вернуться домой. Не привыкши къ подобнымъ посѣщеніямъ и чуя что-то недоброе, я выбѣжалъ къ присланному и узналъ, что съ матушкою сдѣлался обморокъ. Поспѣшивъ домой, я былъ встрѣченъ отцомъ съ успокоительною вѣстью, что ей гораздо лучше. Дѣйствительно, войдя къ матушкѣ, я нашелъ ее совершенно спокойною и даже весело разговаривавшею. Случившійся съ нею припадокъ оказался легкимъ нервнымъ ударомъ, который на первый разъ прошелъ быстро, менѣе чѣмъ въ часъ времени но на третій день, къ ужасу нашему, повторился такъ сильно, что матушка лишилась владѣнія языка и всей лѣвой половины тѣла, однако осталась въ полной памяти и тотчасъ пожелала пріобщиться св. Тайнъ.

Горе наше было сильное; а я вполнѣ сознавалъ, что дни ея сочтены, и скоро придется разстаться съ нѣжно-любимою, дорогою моею матерью.

Несмотря на свое тяжелое положеніе, угрожавшее ежеминутною смертію, она все понимала и знаками объясняла то, чего не могла выразить словами. Въ такомъ положеніи прошелъ цѣлый мѣсяцъ и, наконецъ, къ неизъяснимой нашей радости, вопреки ожиданію докторовъ, ей стало лучше, а мѣсяца черезъ два она совершенно поправилась, начала ясно говорить и снова владѣть рукою и ногою. Въ началѣ ея болѣзни, отецъ все время проводилъ дома, часто молился и читалъ разныя книги о безсмертіи души и загробной жизни, давая и мнѣ ихъ для прочтенія. Когда же матушка стала поправляться, то здоровье его, потрясенное ея болѣзнію, ухудшилось до того, что большую часть дня онъ проводилъ лежа на диванѣ, вставая только на время обѣда.

8-е ноября, день его именинъ, прошло, конечно, безъ малѣйшаго пріема, но въ этотъ день у него перебывало такое множество лицъ съ поздравленіемъ, что составилась большая груда визитныхъ карточекъ, какой я еще никогда не видалъ въ нашемъ домѣ. Подобное вниманіе пріятелей и знакомыхъ больного именинника очень тронуло его.

День этотъ остался мнѣ хорошо памятнымъ по слѣдующему случаю: въ то время какъ мы, т. е. отецъ, братья съ женами и я, сѣли обѣдать, раздался въ передней звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ безъ доклада вошелъ въ столовую человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, съ длинными волосами и острымъ, крючковатымъ носомъ. Видъ его былъ болѣзненный, угрюмый и мрач-

ный. То былъ Николай Васильевичъ Гоголь. Поцѣловавшись съ отцомъ и кивнувъ намъ головою, Гоголь отказался отъ сдѣланнаго ему приглашенія съ нами отобѣдать и сѣлъ около батюшки. Хотя я и прежде видалъ Николая Васильевича, но всегда издали, а потому былъ несказанно радъ, что, наконецъ, судьба дала мнѣ возможность насладиться лицезрѣніемъ любимаго мною писателя и послушать его умныя рѣчи... увы, на этотъ разъ мнѣ пришлось разочароваться!... Гоголь смотрѣлъ исподлобья, упорно молчалъ, отвѣчая на всѣ вопросы лишь словами: да и нѣтъ. Помолчавъ и просидѣвъ не болѣе четверти часа, онъ всталъ, снова поцѣловался съ отцомъ, кивнулъ намъ головою и удалился медленными шагами. Отецъ, очень любившій и уважавшій Николая Васильевича, но давно не видавшій его, нашелъ въ немъ большую перемѣну, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пришелъ къ убѣжденію, что нашъ великій писатель несомнѣнно долженъ быть серіозно боленъ. Это свиданіе Гоголя съ моимъ отцомъ было послѣднимъ въ ихъ жизни, такъ какъ отецъ никуда не выѣзжалъ, а Гоголь болѣе не посѣщалъ его и скончался въ февралѣ слѣдующаго года.

Конецъ 1851 и начало 1852 года прошли для меня грустно, въ постоянной тревогѣ за здоровье матушки и отца, страданья котораго бывали порою очень сильны.

Я ограничивалъ мои выѣзды посѣщеніемъ архива и двумя, тремя домами близкихъ знакомыхъ, изъ числа которыхъ домъ Левшиныхъ особенно привлекалъ меня. Хозяйка дома, Вѣра Яковлевна, рожденная княжна Грузинская [1]), вдова незадолго передъ тѣмъ умершаго камергера, Дмитрія Павловича Левшина, жила въ своемъ большомъ барскомъ домѣ на углу Воздвиженки, противъ церкви Бориса и Глѣба [2]). Семейство ея состояло изъ трехъ дочерей: Софіи, Натальи и Александры [3]); изъ нихъ только старшая выѣзжала въ свѣтъ и была моею большою пріятельницею: остальныя, еще слишкомъ юныя, сидѣли дома за уроками.

Вѣра Яковлевна была женщина пожилая, тучная и весьма представительная—настоящая московская барыня стараго покроя, умная,

---

[1]) У нея были три брата: Сергѣй Яковлевичъ—вице-президентъ московской дворцовой конторы, Николай Яковлевичъ — членъ кабинета его величества и Яковъ Яковлевичъ — директоръ находившейся въ Московской губерніи лосинной фабрики.

[2]) Домъ этотъ, принадлежавшій въ 20-хъ годахъ директору московскихъ театровъ, извѣстному О. Ѳ. Кокошкину, былъ при немъ средоточіемъ всѣхъ московскихъ литераторовъ.

[3]) Первая вышла за Владиміра Алексѣевича Полторацкаго, кавказскаго героя и георгіевскаго кавалера; вторая—за барона Гавріила Ивановича Черкасова, а третья за извѣстнаго писателя и библіографа Михаила Николаевича Лонгинова. Изъ всѣхъ этихъ лицъ въ настоящее время въ живыхъ находится только чета Черкасовыхъ.

бойкая, гостепріимная, не важно образованная, добрая, но ядовитая на языкъ. Она была охотница до сплетенъ и постоянно принимала у себя шутовъ, карлъ и разныхъ женщинъ простого званія, извѣстныхъ въ то время подъ кличкою «московскихъ дуръ». Дуры эти перебѣгали изъ одного дома въ другой съ большимъ запасомъ новостей и сплетенъ и, подъ защитою своей напускной глупости, безбоязненно переносили «соръ изъ избы». Въ молодости Вѣра Яковлевна, по разсказамъ ея современниковъ, была красавицею. Родившись отъ потомка царей Грузинскихъ и жены его, рожденной княжны Урусовой [1]), и засидѣвшись въ дѣвицахъ лѣтъ до 27-ми, она влюбилась въ богатаго, красиваго юношу, моложе ея, Дмитрія Павловича Левшина, который, въ свою очередь, не остался равнодушнымъ къ прекраснымъ голубымъ глазамъ и пышнымъ тѣлесамъ ея. Однако, княжна, убѣдившись въ томъ, что старуха-мать Левшина не позволитъ сыну жениться на зрѣлой дѣвицѣ, стала уговаривать его бѣжать съ нею и повѣнчаться, а такъ какъ юноша былъ не изъ храбрыхъ и не отваживался на такой подвигъ, то влюбленная грузинка порѣшила сама увезти его и увезла. Въ одинъ прекрасный, лѣтній вечеръ, Вѣра Яковлевна, забравшись къ Левшину черезъ окно, вытащила его тѣмъ же путемъ на улицу и, усадивъ въ экипажъ, повезла въ церковь вѣнчаться. Насколько правды въ этомъ приключеніи,—не знаю, но такъ гласило преданіе старой Москвы. Подобная, оригинальная свадьба могла бы подать поводъ бойкой женѣ быть главою мужа, но вышло иначе: бракъ Левшиныхъ оказался наисчастливѣйшимъ, и они провели всю жизнь не только въ полной любви и согласіи, но, такъ сказать, живя одинъ для другого. Послѣдовавшая въ сентябрѣ 1851 года кончина Дмитрія Павловича повергла въ глубочайшее горе его вдову и дочерей. Когда, вскорѣ послѣ того, я сталъ посѣщать Вѣру Яковлевну, то сначала грустное настроеніе всего семейства весьма подходило къ моему тогдашнему невеселому расположенію, а потомъ прелестные, голубые глаза меньшой пятнадцатилѣтней дочери совершенно очаровали меня, и я удвоилъ свои посѣщенія...

Въ теченіе зимы здоровье матушки день ото дня улучшалось, а здоровье отца оставалось все въ томъ же плохомъ положеніи. Не выходя вовсе изъ дома, онъ проводилъ вечера въ своемъ кабинетѣ, играя въ ералашъ. Частыми партнерами его были: дядя Маркелъ Николаевичъ Загоскинъ, Аркадій Тимоѳеевичъ Аксаковъ и графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ.

Аксаковъ, братъ извѣстнаго Сергѣя Тимоѳеевича, былъ хорошій человѣкъ и хотя не имѣлъ замѣчательнаго ума своего брата, но былъ схожъ съ нимъ безконечною добротою, честностью и благородствомъ, качествами, присущими вообще всему поколѣнію ста-

[1]) Родной сестры матери графа Павла Дмитріевича Киселева.

рыхъ и молодыхъ Аксаковыхъ того времени. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Степановнѣ Кротковой, премилой и прелюбезной женщинѣ.

Графъ Гудовичъ, егермейстеръ высочайшаго двора, сынъ фельдмаршала и нѣкогда главнокомандующаго въ Москвѣ, былъ весьма преклонныхъ лѣтъ. Малаго роста, съ огромною лысою головою, большимъ горбатымъ носомъ и на выкатѣ глазами, онъ представлялъ собою нѣчто похожее на лошадь и потому прозванъ былъ въ Москвѣ: «tête de cheval». Остроумный, любезный, веселый старикъ былъ ярый поклонникъ женскаго пола и великій театралъ, не пропускавшій ни единой новой піесы, особенно новаго балета. Забавный собесѣдникъ и балагуръ, Гудовичъ, къ сожалѣнію, отличался излишнимъ цинизмомъ въ разговорѣ, вовсе не гармонировавшимъ съ его старческими лѣтами и неуклюжею, довольно безобразною фигурою. Въ началѣ 50-хъ годовъ, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ бар, разъѣзжавшихъ въ Москвѣ въ высокой каретѣ, запряженной четверкою лошадей съ форейторомъ, а по званію егермейстера имѣлъ на запяткахъ егеря въ зеленомъ мундирѣ и треугольной шляпѣ съ зелеными перьями. Проживая съ давнихъ лѣтъ вдовцомъ, графъ, къ удивленію всѣхъ своихъ знакомыхъ, вступилъ въ 1856 г., на 78 году, вторично въ бракъ, со вдовою Данзасъ, рожденною Закревскою, но вскорѣ овдовѣлъ и самъ скончался въ 1867 году, почти девяностолѣтнимъ старикомъ и, какъ я слышалъ, будто бы случайнымъ образомъ: кушая въ какомъ-то ресторанѣ куриный супъ, онъ подавился косточкою, закашлялся и тутъ же умеръ.

Въ началѣ февраля, хотя я, по желанію родителей, сталъ опять выѣзжать въ свѣтъ, но довольно рѣдко и безъ особаго удовольствія, какъ вслѣдствіе постояннаго безпокойства о ихъ ненадежномъ здоровьи, такъ и потому, что вечера не представляли тогда для меня ни малѣйшаго интереса, за невозможностью встрѣтить на нихъ предмета моей первой любви—Сашеньки Левшиной...

Около этого времени скончалась въ Москвѣ близкая родственница батюшки, вдова М......., а какъ отецъ, по болѣзни, не могъ присутствовать на ея погребеніи, то приказалъ мнѣ замѣстить его. Къ стыду моему, долженъ сознаться, что такое приказаніе привело меня въ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ до того времени я никогда не видалъ вблизи покойниковъ, боялся ихъ съ малолѣтства и, невзирая на тогдашній мой почти 19-ти-лѣтній возрастъ, не могъ побороть этого страха даже при встрѣчѣ на улицѣ похоронной процессіи. Конечно, я исполнилъ желаніе отца, но во время богослуженія стоялъ не съ родственниками покойницы, а какъ можно далѣе, и вовсе не видалъ ея. Кончина старой М....... не произвела на наше семейство особаго впечатлѣнія, вслѣдствіе того, что не только она, но и почти всѣ ея дѣти, нисколько не были родственно расположены ни къ моимъ родителямъ, ни къ братьямъ, ни

ко мнѣ. Сверхъ того, ихъ постоянная ни на чемъ не основанная гордость и сильное тяготѣніе къ знати не нравились моему отцу, а обращеніе ихъ съ нимъ съ высоты ихъ величія всегда вызывало добродушный его смѣхъ. Изъ всего семейства М....... только одна замужняя дочь держала себя относительно насъ по-родственному, остальныя считали батюшку совершенно постороннимъ человѣкомъ и бывали съ нимъ любезны, лишь когда воочію убѣждались въ милостивомъ къ нему расположеніи царской фамиліи во время ея пребыванія въ Москвѣ. О самой М....... я ничего не могу сказать; я мало зналъ ее, рѣдко у нея бывалъ и даже ни разу не удостоился приглашенія къ ней хотя бы на чашку чая. По словамъ батюшки, она была женщина добрая, не глупая и весьма образованная, но чрезвычайно чванная и честолюбивая. Когда одна изъ дочерей ея, весьма красивая собою, была просватана за молодого, извѣстнаго кутилу князя ?, то отецъ, удивленный выборомъ подобнаго жениха, спросилъ М........ почему она рѣшилась выдать дочь за такого сорванца. На это старушка отвѣтила: «помилуй, батюшка, да я еще не могу прійти въ себя отъ радости, что дочь моя будетъ княгинею!» Не знаю, долго ли продолжалась радость честолюбивой маменьки, но дочь ея, хотя и осталась на всю жизнь княгинею, жила, однако, съ своимъ мужемъ не долго и покинула его, не будучи въ состояніи перенести черезчуръ веселой и безшабашной жизни.

VII.

Кончина Гоголя и Жуковскаго.—Лѣченіе отца гидропатіею.—Улучшеніе его здоровья.—Пасха.—Старая дьяконица.—Новый докторъ.—Новая болѣзнь отца.—Его кончина. — С. Т. Аксаковъ. — Отъѣздъ дяди Загоскина. — Его жена. — К....вы. — Бумаги отца.—Его біографія.—Ф. Ф. Вигель.—Пенсія матушки.—Ея видѣніе и кончина.

21-го февраля, Москва, съ нею и вся Россія были поражены и опечалены неожиданною кончиною Гоголя. Когда я сообщилъ эту горькую вѣсть отцу, то онъ со слезами на глазахъ воскликнулъ: «я ожидалъ!» и затѣмъ прибавилъ: «зная христіанскія чувства Гоголя, я не могу сказать: Господи! упокой душу раба твоего Николая! а скажу: рабъ Божій Николай, моли Бога о насъ!» .. Если батюшка былъ такого высокаго мнѣнія о Гоголѣ—христіанинѣ, то, мнѣ кажется, оно утвердилось въ немъ со времени появленія въ печати переписки Гоголя съ его друзьями», въ которой знаменитый писатель круто отрекся отъ всего, что составляло его земную славу и земное безсмертіе. Отреченіе это, въ свое время, послужило поводомъ къ немалому переполоху среди публики и друзей

Гоголя, объяснявшихъ поступокъ его даже ненормальностью его разсудка.

Отецъ же признавалъ въ этомъ отреченіи не что иное, какъ полнѣйшій переворотъ въ духовной жизни Николая Васильевича, внезапно сбросившаго съ себя «ветхаго человѣка» и подчинившаго всѣ свои дѣйствія и помыслы истинно рѣдкому среди людей евангельскому смиренію.

Въ скоромъ времени батюшка былъ снова опечаленъ грустною вѣстью о кончинѣ Василія Андреевича Жуковскаго, котораго онъ любилъ и уважалъ, не только какъ поэта, но какъ прекраснѣйшаго изъ людей и своего стараго, добраго пріятеля, постоянно оказывавшаго ему большую пріязнь и часто дававшаго ему полезные совѣты при началѣ его литературныхъ работъ.

Здоровье отца все не поправлялось, и когда врачъ его Клименковъ испробовалъ уже всѣ средства, но безуспѣшно, то кто-то изъ знакомыхъ посовѣтовалъ батюшкѣ обратиться къ доктору Крейзеру, имѣвшему гидропатическую лѣчебницу, и попробовать лѣченіе холодною водою. Вслѣдствіе этого совѣта онъ сталъ ежедневно посѣщать водолѣчебницу и, къ великой общей нашей радости, менѣе чѣмъ въ пять недѣль настолько поправился, что только по временамъ чувствовалъ самыя ничтожныя боли и могъ снова ходить и выѣзжать на прогулку. Обрадованный значительнымъ улучшеніемъ своего здоровья, онъ отправилъ въ Петербургъ къ одному изъ своихъ лучшихъ друзей А. Е. Аверкіеву посланіе въ стихахъ съ описаніемъ своей болѣзни, ухудшенія ея и, наконецъ, выздоровленія по милости гидропатіи. Къ сожалѣнію, я никогда не имѣлъ въ рукахъ и впослѣдствіи не могъ достать этого стихотворенія, изъ котораго я помнилъ лишь двѣ строки, вызванныя лѣченіемъ холодною водою и поразившія меня быстрымъ переходомъ мысли отца отъ смерти къ жизни:

«Мнѣ снилась ужъ могила...
И вдругъ я свѣжъ, здоровъ и даже молодъ!»

И дѣйствительно, послѣ этого благодѣтельнаго лѣченія, онъ почувствовалъ себя настолько хорошо, что пожелалъ отпраздновать въ этомъ году Пасху большими розговинами, устроенными въ его кабинетѣ для пріятелей и знакомыхъ, пріѣзжавшихъ къ нему съ поздравленіемъ. Подобныхъ, да и вообще какихъ либо розговинъ, какъ я уже однажды упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, у насъ никогда не бывало, и потому мы немало удивились такому его желанію и неотступно просили не утруждать себя пріемомъ многочисленныхъ посѣтителей. Несмотря на то, розговины состоялись: утро въ день Пасхи отецъ провелъ въ своемъ кабинетѣ, угощалъ всѣхъ, былъ веселъ, разговорчивъ и крайне доволенъ тѣмъ, что, послѣ почти годовыхъ страданій и долговременнаго заточенія, онъ, наконецъ, могъ провести нѣсколько часовъ

съ добрыми пріятелями, не забывшими посѣтить его въ этотъ великій праздникъ.

Для меня день этотъ тоже былъ пріятенъ, такъ какъ я получилъ первый чинъ коллежскаго регистратора, о чемъ мой начальникъ, князь Оболенскій, объявилъ мнѣ наканунѣ, встрѣтивъ меня случайно въ какомъ-то магазинѣ и поздравивъ слѣдующими словами: «поздравляю васъ, вы получили первый чинъ, и хотя я самъ получилъ сегодня ленту Станислава, но ваша награда меня болѣе порадовала, чѣмъ моя собственная». Эти любезныя слова немало удивили меня, такъ какъ едва ли кто изъ моихъ товарищей удостоивался подобныхъ нѣжностей со стороны князя, тѣмъ болѣе, что въ сущности я никакой награды не получилъ, а данный чинъ слѣдовалъ мнѣ по закону, за выслугу лѣтъ.

Въ то время, когда отецъ кончалъ лѣченіе гидропатіею, однажды, утромъ, пришла къ матушкѣ дьяконица церкви св. Власія, что въ Старой Конюшенной, Татьяна Кононовна (фамиліи ея я никогда не зналъ). Она была типомъ настоящей приживалки и сплетницы первой руки и, хотя матушка не любила и не допускала сплетенъ, но принимала дьяконицу по старой памяти, зная ее съ начала 20-хъ годовъ, когда еще жила съ своимъ отцомъ въ приходѣ св. Власія.

Въ это утро, увидавъ батюшку и узнавъ, что онъ, хотя и поправился, но все еще, по временамъ, страдаетъ легкими болями, дьяконица стала упрашивать его взять новаго врача, молодого доктора С.....го, увѣряя, что онъ вылѣчилъ отъ подобной болѣзни нѣсколькихъ ея знакомыхъ изъ духовенства. Докторъ этотъ не пользовался ни малѣйшею извѣстностью въ Москвѣ, и никто о немъ ничего не слыхалъ, но отецъ, всегда склонный пробовать различныя лѣченія и слушать всѣхъ, дававшихъ ему какіе либо совѣты или средства противъ его недуга, обрадовался новой рекомендаціи и пригласилъ къ себѣ С.....го. На другой день новый врачъ явился и, понравившись отцу своими скромными манерами и разговоромъ, былъ окончательно приглашенъ пользовать его.

Не помню, давалъ ли въ первое время С.....ій какія либо лѣкарства, но, спустя нѣсколько времени, предложилъ отцу принимать ежедневно цитмановъ декоктъ. Средство это, употребляемое для очищенія крови отъ остротъ, какъ извѣстно, весьма сильно дѣйствуетъ на кишки и требуетъ значительнаго ограниченія въ пищѣ и питьѣ, и особенно охраненія тѣла отъ простуды; но отецъ, принимая декоктъ, не соблюдалъ ни одной изъ этихъ предосторожностей, въ чемъ былъ кругомъ виноватъ самъ докторъ, дозволявшій ему употреблять самыя жирныя кушанья, сырые фрукты, пить холодный квасъ и кататься по вечерамъ, во всякую погоду. Главная же ошибка малосвѣдущаго врача состояла въ томъ, что онъ продержалъ отца на декоктѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, и хотя

геркулесовская натура пацiента, казалось, не страдала отъ продолжительнаго, ежедневнаго прiема такого сильнаго средства, но подъ конецъ пищеварительные органы не выдержали, и въ ночь на 16-е iюня онъ почувствовалъ первые признаки воспаленiя кишекъ, т. е. открылась диссентерiя. Наканунѣ этого рокового дня батюшка чувствовалъ себя хорошо, но нѣсколько слабымъ, и потому не совершилъ обычной со мною вечерней прогулки. 16-го числа, рано утромъ, онъ пришелъ къ матушкѣ и жаловался, что всю ночь не могъ заснуть отъ кроваваго поноса, но, не подозрѣвая своей болѣзни, онъ полагалъ, что внезапная потеря крови окончательно облегчитъ его подагрическiе припадки. Въ то же утро прибывшiй С.....iй подтвердилъ его предположенiе, увѣряя, что этимъ припадкомъ разрѣшится вся его болѣзнь, и что потому не слѣдуетъ останавливать диссентерiи!.. Въ продолженiе нѣсколькихъ дней болѣзнь шла своимъ чередомъ, постепенно усиливаясь и ослабляя больного, такъ что 19-го iюня онъ не могъ болѣе вставать съ дивана безъ посторонней помощи, хотя еще накануне принималъ посѣтившаго его Н. В. Сушкова вмѣстѣ съ однимъ путешественникомъ, далматскимъ графомъ Загорскимъ, и долго съ ними бесѣдовалъ.

Матушка, не покидавшая съ 1847 года кровати, и потому, не видавъ отца уже нѣсколько дней, начала сильно тревожиться, несмотря на успокоительныя слова С.....го, и приказала пригласить нашего прежняго врача Клименкова. Послѣднiй, прiѣхавъ въ то же утро и пораженный состоянiемъ отца, не скрылъ отъ меня и отъ братьевъ его опаснаго положенiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не находилъ достаточно словъ для порицанiя С.....го за его систему лѣченiя, имѣвшую, по его мнѣнiю, послѣдствiемъ воспаленiе кишекъ, что и высказалъ прямо въ лице переконфуженному молодому врачу.

Послѣ того, матушка, догадавшись по моему встревоженному лицу объ опасномъ положенiи отца, попросила его черезъ меня, чтобы онъ прiобщился Св. Тайнъ, на чтò отецъ сказалъ: «хотя я вовсе не такъ плохъ, но съ радостью прiобщусь; я этого самъ желалъ, но боялся испугать жену, которая, не видавъ меня уже нѣсколько дней, могла бы подумать, что мнѣ совсѣмъ плохо». Пославъ за своимъ духовникомъ, священникомъ нашей приходской церкви, батюшка прiобщился Св. Тайнъ, почувствовалъ себя бодрѣе и пожелалъ, для успокоенiя матушки, видѣть ее; онъ сѣлъ въ кресло, на которомъ два человѣка отнесли его къ ней. Это было послѣднее земное свиданiе моихъ родителей........ пробывъ у нея нѣсколько минутъ, отецъ почувствовалъ усталость и приказалъ отнести себя обратно въ кабинетъ. Въ то время какъ его уносили, онъ обернулся, послалъ матушкѣ рукой поцѣлуй и нѣжно взглянулъ на нее своими добрыми, чудными глазами......... мать моя, замѣтивъ этотъ взглядъ, заплакала.....

22-го числа, диссентерiя прекратилась, но, такъ какъ силы стали все

болѣе и болѣе ослабѣвать, то Клименковъ потребовалъ на слѣдующее утро консиліумъ изъ двухъ извѣстныхъ въ Москвѣ врачей— Альфонскаго и Овера. На другой день, въ 12 часовъ, Клименковъ пріѣхалъ съ Альфонскимъ, но Оверъ, неизвѣстно почему, не прибылъ. Утромъ, батюшка, въ первый разъ со дня своей болѣзни, сталъ забываться и какъ бы бредить, но, увидавъ Альфонскаго, узналъ его, догадался, что онъ пріѣхалъ для консиліума и совершенно ясно разсказалъ ему ходъ своей болѣзни, удивляясь, притомъ, что самъ помнитъ, какъ утромъ бредилъ, и именно вслѣдствіе того, что передъ нимъ скакали какіе-то карточные короли, дамы и валеты. Передъ отъѣздомъ оба доктора объявили матушкѣ, что положеніе его опасное, но не безнадежное, и что если онъ проспитъ нѣсколько часовъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, то силы окрѣпнутъ, и явится большая надежда на полное его выздоровленіе. Альфонскій же, съ своей стороны, подтвердилъ мнѣніе Клименкова о причинѣ болѣзни отца, сожалѣя, что не могъ лично выразить свое негодованіе доктору С.....му, который, подъ предлогомъ будто бы приключившейся съ нимъ болѣзни, пересталъ посѣщать отца со дня перваго визита Клименкова. Послѣ отъѣзда докторовъ батюшка заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, продолжавшимся до пяти часовъ. Каждую четверть часа я уходилъ отъ него къ матушкѣ, чтобы порадовать ее этимъ продолжительнымъ сномъ, долженствовавшимъ, по словамъ докторовъ, имѣть благотворное вліяніе на его выздоровленіе.

По мѣрѣ того, какъ сонъ продолжался, матушка становилась спокойнѣе. Наконецъ, въ 5¼ часовъ, отецъ проснулся, сказалъ мнѣ твердымъ голосомъ: «дай пить», взялъ изъ моихъ рукъ стаканъ съ водою и, отпивъ немного, пристально посмотрѣлъ вокругъ себя, вздохнулъ и мгновенно заснулъ.....въ то же время лице его просіяло блѣдностью и сдѣлалось какъ-то особенно ясно и весело, какъ будто ему представлялся какой нибудь чудный, восхитительный сонъ!... Стоявшій сзади меня старый камердинеръ тихо промолвилъ: «папенька скончался!». Не видавъ никогда умирающаго человѣка, я не повѣрилъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ полагалъ, что отецъ спокойно спитъ. Вдругъ отворилась дверь изъ смежной комнаты, и тихо вошелъ братъ Николай съ вопросомъ: «что папенька?». Братъ кинулся къ отцу, и тутъ мы оба не могли не убѣдиться, что чистая душа его отлетѣла въ лучшій міръ.

Какъ громомъ, пораженный разразившимся несчастіемъ, я прежде всего вспомнилъ о матери: какъ ей сказать? Не успѣвъ опомниться, я увидалъ вошедшаго въ комнату доктора Клименкова, который не менѣе насъ былъ пораженъ быстрою кончиною батюшки. Со слезами на глазахъ, онъ сталъ упрашивать насъ скрыть ее до времени отъ матери, опасаясь, чтобы при роковой вѣсти съ нею не приключился новый и, конечно, смертельный ударъ, и требовалъ, чтобы кто либо

изъ насъ пошелъ къ ней и сказалъ, что сонъ продолжается. Братъ, заливаясь слезами, не могъ итти, и потому я, стоявшій какъ истуканъ, долженъ былъ исполнить приказаніе доктора. Нельзя себѣ представить, чего мнѣ стоило, изнемогая отъ горя, итти къ матери съ ложными, обнадеживающими ее словами!.. Войдя въ комнату, я увидалъ брата Дмитрія и тетушку Любовь Сергѣевну Загоскину, суетящихся около матушки, но, такъ какъ мнѣ тогда было не до нихъ, то я подошелъ прямо къ ней и на вопросъ: «что папенька?»—отвѣчалъ: «все попрежнему». Матушка, строго взглянувъ на меня, громко сказала: «ты лжешь, онъ скончался». При этихъ неожиданныхъ для меня словахъ я едва устоялъ на ногахъ и, зарыдавъ, отвѣтилъ: «да». Тетушка и братъ съ крикомъ побѣжали къ усопшему, а я остался одинъ съ матерью, которая съ замѣчательною твердостью промолвила: «я это знала», и перекрестясь прибавила: «Господи, упокой его душу и возьми меня скорѣе къ себѣ»; затѣмъ стала разспрашивать о послѣднихъ его минутахъ. Слова ея «я это знала» меня такъ озадачили, что я тутъ же спросилъ: «кто вамъ сказалъ?»—«никто, я это почувствовала!»—и дѣйствительно, по позднѣйшимъ разсказамъ тетушки и брата, оказалось, что въ минуту кончины отца съ нею произошло что-то необычайное, сверхъестественное: разговаривая про его болѣзнь, матушка вдругъ сказала брату Николаю: «иди скорѣе и узнай, что съ папенькою?» и когда братъ ушелъ, то она сама поднялась съ кровати (чего болѣе пяти лѣтъ не могла дѣлать), вскочила на ноги и со словами: «иду къ нему, онъ умеръ», упала на полъ. Ее подняли, уложили на кровать и старались успокоить надеждою, что отецъ поправится. Въ это самое время я вошелъ въ комнату. Позднѣе я попросилъ матушку разсказать мнѣ подробно о томъ, что она почувствовала въ минуту кончины отца, такъ какъ въ то время она не ожидала ея, и даже по случаю продолжавшагося его сна была спокойнѣе, чѣмъ утромъ, но она отвѣтила, что не можетъ дать точнаго объясненія и, хотя надѣялась, что отецъ поправится, вдругъ, мгновенно почувствовала, что она чего-то лишилась, и какъ будто что-то въ ней оборвалось. Вслѣдствіе этого необъяснимаго внутренняго чувства у нея явилось убѣжденіе, что онъ въ ту минуту скончался.

Не стану описывать горя, въ которое кончина батюшки повергла нашу страдалицу-мать, всѣхъ насъ, родственниковъ, и домашнюю многочисленную прислугу, состоявшую изъ однихъ лишь крѣпостныхъ людей, которые рыдая говорили, что лишились родного отца.

На панихидахъ слѣдующаго дня было мало посѣтителей, вѣроятно, потому, что вѣсть о кончинѣ автора «Юрія Милославскаго» еще не успѣла разнестись по всей Москвѣ; но, начиная съ 25-го по 27-е іюня, не только на панихидахъ, но и въ продолженіе дня

и вечера перебывало много народа. Всѣ эти дни по волѣ матери я проводилъ у гроба моего незабвеннаго отца и только послѣ погребенія его могъ посвятить себя уходу за нею.

26-го іюня, наканунѣ похоронъ, былъ день рожденія матушки. Сдѣлавъ букетъ изъ лѣтнихъ цвѣтовъ, стоявшихъ у нея на окнахъ, она приказала мнѣ положить его въ гробъ отца, съ тѣмъ, чтобы букетъ пошелъ съ нимъ въ могилу. Погребеніе послѣдовало на другой день, отпѣваніе происходило въ приходской церкви Покрова, что въ Левшинѣ. Во время богослуженія была масса народа и не легко было пробраться въ церковь. Послѣ отпѣванія громадная толпа запрудила всю улицу, и народъ, вмѣстѣ со мною и братьями, понесъ на рукахъ гробъ съ останками отца въ Ново-Дѣвичій монастырь, гдѣ онъ и былъ опущенъ въ могилу около алтаря, у наружной стѣны главнаго собора, близъ могилы батюшкина дяди Соломона Михайловича Мартынова.

Не могу не упомянуть о томъ, что на одной изъ первыхъ панихидъ я былъ немало удивленъ, увидѣвъ въ числѣ присутствующихъ Петра Яковлевича Чаадаева [1]), человѣка, не любившаго батюшку, считавшаго его отсталымъ, ретроградомъ и врагомъ излюбленной имъ нѣмецкой философіи. По окончаніи панихиды, Чаадаевъ подошелъ ко мнѣ и съ полнымъ участіемъ сказалъ, что, хотя онъ никогда не бывалъ у отца и не былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, но считалъ долгомъ поклониться праху человѣка, котораго глубоко уважалъ. Присутствіе Петра Яковлевича и слова его искренно тронули меня и служили доказательствомъ, что люди честные и благородные, подобно Чаадаеву, несмотря на недружелюбныя отношенія къ отцу, не могли не отдать справедливости прямому характеру и благороднымъ чувствамъ, постоянно одушевлявшимъ его въ теченіе всей его жизни.

Послѣ кончины батюшки многіе знакомые пожелали посѣтить матушку, но, такъ какъ она, по болѣзненному состоянію, никого не принимала, то они посѣщали меня. Изъ близкихъ же къ отцу друзей самое сердечное участіе выказалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Онъ написалъ мнѣ задушевное письмо съ изъявленіемъ глубокаго сожалѣнія, что, находясь въ деревнѣ, близъ Москвы, онъ не могъ, по случаю болѣзни, поклониться праху своего друга. Сверхъ того,

---

[1]) Извѣстный авторъ «Философскихъ писемъ», напечатанныхъ имъ въ 1836 г. въ журналѣ «Телескопъ», надѣлавшихъ въ свое время много шума, и за которыя Чаадаевъ, признанный, по высочайшему повелѣнію, сумасшедшимъ, былъ въ продолженіе нѣкотораго времени ежедневно посѣщаемъ врачемъ для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей и, затѣмъ, находился подъ присмотромъ полиціи, но по миновании кары спокойно проживалъ до своей смерти въ Москвѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный, глубокій мыслитель, усердный поклонникъ Запада и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма самолюбивый и чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія.

недовольный краткостью появившихся въ газетахъ некрологовъ батюшки, онъ помѣстилъ теплую о немъ статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ то же время началъ собирать матеріалы для его біографіи, которую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ напечаталъ въ журналѣ «Москтитянинъ».

Осенью, Сергѣй Тимоѳеевичъ, возвратившись въ Москву, пожелалъ, чтобы я напечаталъ найденныя въ бумагахъ отца неизданныя его сочиненія: комедію подъ названіемъ «Заштатный городъ», двѣ статейки, относившіяся до дворянскихъ выборовъ, и разсказъ: «Канцеляристъ», но не иначе, какъ отдѣльною книжкою, назвавъ ее непремѣнно: V-мъ выходомъ «Москвы и москвичей». Я сначала на это согласился, но затѣмъ усмотрѣлъ, что комедія была только передѣлкою, почти слово въ слово, разсказа отца подъ заглавіемъ «Офиціальный обѣдъ», помѣщеннаго во 2-мъ томѣ смирдинскаго сборника «Сто русскихъ литераторовъ», а двѣ мелкія статейки не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ Москвѣ или ея жителямъ, и лишь одинъ разсказъ: «Канцеляристъ», составлялъ продолженіе «Осеннихъ вечеровъ», печатавшихся въ послѣднихъ книжкахъ «Москвы и москвичей»; поэтому я не счелъ возможнымъ выпустить 5-й томъ этой книжки, помѣстивъ въ ней неподходящія для названія комедію и статьи. Отказъ мой выполнить желаніе Аксакова, сдѣланный впрочемъ съ согласія матушки, огорчилъ его, и хотя мнѣ было крайне непріятно итти въ разрѣзъ съ совѣтомъ одного изъ лучшихъ друзей отца, но все же я настоялъ на своемъ, и книга не была издана.

Я и теперь остаюсь попрежнему при своемъ мнѣніи, что изданіе книги подъ названіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ содержаніемъ, было бы вполнѣ похоже на какую-то спекуляцію послѣ умершаго писателя какъ бы продолженіемъ изданія, имѣвшаго большой успѣхъ и немалый сбытъ. Впослѣдствіи разсказъ «Канцеляристъ» былъ напечатанъ въ журналѣ «Русскій Архивъ», а комедія «Заштатный городъ», не одобренная цензурою для представленія, осталась въ конторѣ московскихъ театровъ.

Первые мѣсяцы послѣ кончины батюшки прошли для меня неимовѣрно грустно: я никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что его уже нѣтъ на землѣ. Не проходило дня, чтобы я не посѣтилъ его могилы, а иногда даже и раза два въ день, по утру, отправлялся поклониться его праху, а послѣ обѣда отвозилъ цвѣты, которые матушка весьма часто посылала на его могилу.

Въ октябрѣ мы всѣ были опечалены рѣшеніемъ дяди Маркела Николаевича и жены его Любови Сергѣевны, жившихъ долгое время въ Москвѣ, переселиться въ свой родной городъ Пензу. Отъѣздъ ихъ былъ настоящимъ горемъ для нашего семейства, привыкшаго съ давнихъ лѣтъ любить, уважать и часто видѣть эту добрѣйшую и горячо насъ любившую чету.

Маркелъ Николаевичъ былъ простой, добродушный старикъ, кроткій, тихій, смиренный, не любившій общества и ежедневно посѣщавшій храмъ Божій—однимъ словомъ, какъ говорится, человѣкъ, въ Богѣ живущій. Онъ имѣлъ очень ограниченный кругъ знакомства и, къ общему удивленію, лучшимъ другомъ этого великаго постника и строгихъ правилъ человѣка былъ извѣстный нѣкогда кутила и игрокъ, Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, пріятель Пушкина, умный, добрый малый, но въ полномъ смыслѣ слова «bon vivant», промотавшій и проигравшій въ карты все свое состояніе и только на старости остепенившійся [1]).

Тетушка Любовь Сергѣевна, дочь Сергѣя Адамовича Олсуфьева (сына извѣстнаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины II-й) и какой-то турчанки, вышедшей за него замужъ послѣ смерти его первой жены, была женщина умная, рѣдкаго добраго сердца и замѣчательна своею необыкновенною дородностью; въ жизнь мою я не видалъ подобной толстой женщины. Туловище ея имѣло видъ огромнаго шара, катившагося на короткихъ ногахъ, между тѣмъ какъ черты лица нѣсколько восточнаго типа были чрезвычайно красивы и симпатичны. Отъ излишняго жира ей было постоянно жарко, и она не носила обыкновенныхъ платьевъ, а какой-то легкій балахонъ или блузу съ открытою шеею и почти обнаженными плечами. Приведу слѣдующіе два случая, доказывающіе непомѣрную ея тучность. Однажды, сидя у матушки въ старинномъ креслѣ краснаго дерева, у котораго было обито одно сидѣніе, она своею тяжестью провалила дно кресла и такъ въ немъ застряла, что; когда хотѣла подняться, поднимала съ собою и кресло, и освободилась изъ него только при помощи нашей прислуги, вытащившей ее изъ столь неудобнаго положенія. Въ другой разъ, находясь у себя въ деревнѣ, она захотѣла пройти по строившемуся надъ довольно глубокимъ оврагомъ небольшому мостику, но лишь ступила на него, какъ плохо укрѣпленныя доски не выдержали ея грузнаго тѣла, и она провалилась до половины туловища. Работавшіе въ оврагѣ мужички, увидавъ висѣвшія изъ-подъ моста ничѣмъ неприкрытыя необыкновенныхъ размѣровъ ноги и не понимая, въ чемъ дѣло, испугались и стали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, предполагая, что надъ ними стряслось дьявольское наважденіе.

---

[1]) Нащокинъ получилъ нѣкоторую извѣстность въ Москвѣ устройствомъ маленькаго домика, помѣщавшагося на простомъ ломберномъ столѣ и въ которомъ мебель, фортепіано, картины, посуда, серебро и вообще все убранство было сдѣлано лучшими мастерами и совершенно схоже съ употребляемымъ въ настоящихъ, жилыхъ домахъ. Игрушка эта, говорятъ, стоила Нащокину большихъ денегъ и немало способствовала окончательному разстройству его уже сильно расшатаннаго состоянія. Гораздо позднѣе, домикъ этотъ продавался въ московскомъ антикварномъ магазинѣ Волкова, если не ошибаюсь, за 40.000 руб. ассигнаціями.

Послѣ отъѣзда дяди у насъ въ Москвѣ не осталось никого изъ ближайшихъ родственниковъ, и я посѣщалъ только архивъ, Левшиныхъ и семейство добрѣйшей Прасковьи Петровны К—ой. Она была родная племянница отца моей матери, очень любила насъ и часто посѣщала матушку. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ она овдовѣла и проживала въ Москвѣ съ двумя дочерьми и юнымъ сыномъ. Не имѣя большого состоянія, она жила выше своихъ средствъ, входила въ долги, занимая у кого только могла, давала на эти деньги вечера и помогала ими же бѣднымъ. Если кто рѣшался спросить Прасковью Петровну, зачѣмъ она даетъ вечера, не имѣя на то средствъ,—она простодушно отвѣчала: «ахъ, батюшки, да вѣдь у меня взрослая дочь, и нужно пристроить ее», а если бы спросили ее, зачѣмъ она даетъ бѣднымъ чужія деньги, то навѣрно отвѣтила бы: «ахъ, батюшки, богатые не помогаютъ, ну, я и беру ихъ деньги и даю бѣднымъ, которые помолятся и за нихъ, и за меня».

Выдавъ старшую дочь за одного симбирскаго помѣщика и оставшись съ меньшою шестнадцатилѣтнею, она окончательно перестала давать вечера, но не перестала, по старой привычкѣ, прибѣгать къ займамъ. Вторая дочь ея, Лиза, была некрасива, но чрезвычайно умна, мила, граціозна, кокетлива и до такой степени обворожительна, что, несмотря на почти дѣтскій ея возрастъ, многіе молодые люди были влюблены въ нее до безумія...

Бывая прежде у К—хъ, я не обращалъ никакого вниманія на маленькую кузину, какъ я звалъ Лизу, но съ осени этого года сталъ чаще навѣщать ихъ, находя большое удовольствіе болтать съ умною дѣвочкой, а между тѣмъ сердце мое стало понемногу охлаждаться къ Левшиной вслѣдствіе видимой перемѣны въ ея обращеніи со мною и замѣтнаго вниманія, оказываемаго ею моему пріятелю Ч—у. Я сталъ рѣже посѣщать Левшиныхъ, замѣнивъ ихъ К—ми, къ которымъ вначалѣ влекло меня участіе ихъ въ постигшемъ меня горѣ, а потомъ не только умъ Лизы, но, быть можетъ, и не скрываемое ею ко мнѣ расположеніе, которое, раздражая влюбленныхъ въ нее молодыхъ людей, льстило моему самолюбію и было, конечно, причиною, что я окончательно влюбился въ нее по уши...

Послѣ смерти отца, оставаясь въ нашемъ большомъ домѣ вдвоемъ съ матушкою, я поселился въ кабинетѣ, библіотекѣ отца, гдѣ занялся разборомъ бумагъ и переписки его со многими русскими и иностранными знаменитостями. Къ сожалѣнію, я не нашелъ письма Вальтеръ-Скотта, писаннаго къ отцу по случаю появленія «Юрія Милославскаго» на англійскомъ языкѣ, и которое неоднократно я видѣлъ въ числѣ разнородныхъ интересныхъ писемъ, тщательно хранившихся въ его письменномъ столѣ, въ особыхъ папкахъ. Я нашелъ бумаги въ большомъ порядкѣ, но мало

собственноручныхъ рукописей его романовъ, и то только отдѣльными главами, въ томъ числѣ и одну главу изъ «Юрія Милославскаго»[1]). Вѣроятно, рукописи уничтожались авторомъ по мѣрѣ печатанія ихъ.

Впослѣдствіи, множество бумагъ и даже различныхъ вещей, доставшихся мнѣ послѣ кончины родителей, исчезли самымъ неожиданнымъ и глупымъ образомъ, по милости моей тогдашней молодости, неопытности и излишней довѣрчивости къ людямъ. Переѣзжая въ 1857 г. на постоянное жительство въ Петербургъ, я оставилъ ихъ до времени на храненіе у одного близкаго мнѣ человѣка, но когда потребовалъ ихъ обратно, то онѣ оказались проданными съ аукціоннаго торга за долги этого человѣка.

Начало 1853 года не принесло никакой перемѣны въ моей жизни; служба шла своимъ чередомъ, но съ кончиною отца я пересталъ пользоваться любезностью князя Оболенскаго, не удостоившаго меня ни малѣйшимъ разговоромъ и не оказавшаго мнѣ никакого участія въ понесенной мною тяжкой утратѣ... а почему?— я терялся въ догадкахъ... неужели, думалъ я, только потому, что при жизни отца, человѣка вліятельнаго въ московскомъ обществѣ, князь считалъ не лишнимъ быть любезнымъ и съ его сыномъ, а по отходѣ его въ вѣчность нашелъ нужнымъ обходиться со мною не иначе, какъ съ однимъ изъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ подвѣдомственнаго ему архива?—другой причины я не находилъ. Сознаніе этой грустной причины породило въ первый разъ въ моемъ юномъ сердцѣ какое-то непріятное и до того времени неизвѣстное мнѣ чувство не то сожалѣнія, не то презрѣнія къ людскому эгоизму, хотя тогда я еще не вполнѣ догадывался, что большая часть людей живетъ и дѣйствуетъ на свѣтѣ болѣе въ видахъ собственнаго интереса, чѣмъ ради блага ближняго и любви къ нему.

Зимою С. Т. Аксаковъ, окончивъ біографію отца, отдалъ ее безвозмездно М. П. Погодину для напечатанія въ его журналѣ «Москвитянинъ», съ условіемъ, чтобы онъ вручилъ мнѣ 1.200 отдѣльныхъ оттисковъ для продажи ихъ въ пользу бѣдныхъ. Каково же было мое удивленіе, когда Аксаковъ увѣдомилъ меня письмомъ, что Погодинъ отказывается отъ даннаго обѣщанія и требуетъ, чтобы бумага оттисковъ была мною уплачена. Изъ письма Сергѣя Тимоѳеевича видно было, что онъ очень раздраженъ поступкомъ почтеннаго ученаго, но скупого человѣка, тѣмъ болѣе, что сумма была ничтожна, и не стоило о ней говорить. Матушка заплатила эту бездѣлицу, и дѣло было улажено. Съ дозволенія Аксакова я отправилъ нѣсколько экземпляровъ біографіи въ Петербургъ къ нѣкоторымъ батюшкинымъ пріятелямъ, а также и литераторамъ, находившимся въ какихъ либо съ нимъ сношеніяхъ; но, къ удив-

[1]) Главу эту я принесъ въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ.

ленію моему, никто изъ послѣднихъ, кромѣ В. И. Панаева, не удостоилъ меня ни одною строкою отвѣта. Особенно страннымъ показалось мнѣ невниманіе со стороны Николая Ивановича Греча и Осипа Ивановича Сеньковскаго, которые были съ отцомъ въ отличныхъ отношеніяхъ, а послѣдній, можно сказать, даже въ дружескихъ, посѣщая его почти ежедневно въ свои частые пріѣзды въ Москву, а въ отсутствіи переписываясь съ нимъ.

Въ эту зиму пріѣхалъ на жительство въ Москву Филиппъ Филипповичъ Вигель и сталъ часто посѣщать матушку, нерѣдко обѣдая со мною и братьями; хотя я и прежде видалъ его въ нашемъ домѣ, но только съ этого времени ближе познакомился съ этимъ умнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ.

Вигель, старикъ лѣтъ 67, небольшого роста, сгорбленный, одѣтый по-стариковски въ долгополый сюртукъ и всегда въ черныхъ укороченныхъ панталонахъ, походилъ на какого-то приказнаго или подьячаго стараго времени. Лицо его было выразительное и умное; маленькіе, огненные, черные глаза ехидно смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей; тонкія губы насмѣшливо улыбались, а небольшой, горбатый носъ придавалъ его лицу видъ хищной птицы. Рѣчь его была тихая, плавная, увлекательная, но порою ядовитая и даже злая. Имѣя своебразный и прекапризный характеръ, онъ почти всегда находился въ ссорѣ съ кѣмъ либо изъ своихъ знакомыхъ, а малѣйшая ссора изъ-за какихъ нибудь пустяковъ или его собственныхъ капризовъ вызывала съ его стороны самыя колкія слова относительно лицъ, безъ вины прогнѣвавшихъ его. Вотъ тому примѣръ: полюбя одного малоизвѣстнаго москвича за его умъ, познанія и душевныя качества, Вигель сталъ превозносить его до небесъ и старался ввести въ кругъ своихъ знакомыхъ; но, будучи непримиримымъ врагомъ табачнаго дыма и встрѣтивъ гдѣ-то своего новаго пріятеля съ папиросою во рту, наговорилъ ему грубостей, раззнакомился съ нимъ и пустился позорить его по всей Москвѣ. Съ своими родственниками онъ тоже постоянно ссорился и только съ батюшкою, приходившимся ему внучатнымъ братомъ, оставался въ добрыхъ отношеніяхъ, хотя разъ и на него былъ въ великой претензіи по слѣдующему обстоятельству: отецъ, зная, до какой степени Филиппъ Филипповичъ непосѣдливъ и неуживчивъ и какъ часто мѣняетъ мѣстожительства, перебираясь изъ одного города въ другой и таская за собою мебель, библіотеку и разную домашнюю утварь, написалъ въ одномъ изъ выходовъ «Москвы и москвичей», что у него есть «пріятель, который вѣчно странствуетъ по разнымъ городамъ для пріисканія себѣ постояннаго мѣстожительства, но нигдѣ не можетъ надолго поселиться, и потому нужно полагать, что именно про него сложена извѣстная пѣсенка:

«Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду»...

Вигель догадавшись, на кого мѣтилъ батюшка, мгновенно вспылалъ сильнымъ гнѣвомъ; но гнѣвъ этотъ недолго продолжался и нимало не поколебалъ его давнишней пріязни къ отцу.

Съ кончиною батюшки, доходы уменьшились на двѣ тысячи рублей, т. е. на получавшееся имъ казенное содержаніе, а такъ какъ изрядная часть доходовъ выдавалась двумъ женатымъ братьямъ, то я сталъ опасаться, чтобы матушкѣ не пришлось, послѣ новаго сокращенія, уменьшить свои обычные расходы, тѣмъ болѣе, что ожидаемая ею пенсія по закону не должна была превышать 500 рублей. Многіе близкіе знакомые совѣтовали ей обратиться къ государю съ ходатайствомъ о назначеніи ей усиленной пенсіи, но матушка и слышать о томъ не хотѣла, слѣдуя въ этомъ случаѣ правилу отца—никогда не утруждать правительство просьбами о денежномъ пособіи, а также и вслѣдствіе ея собственнаго убѣжденія, что Николай Павловичъ, если захочетъ, то и самъ назначитъ вдовѣ русскаго писателя пенсію въ большемъ размѣрѣ. Убѣжденіе это въ скоромъ времени оправдалось на дѣлѣ: въ февралѣ ей была пожалована, по высочайшему повелѣнію, пенсія въ тысячу рублей серебромъ. Недолго, однако, пришлось ей пользоваться этою пенсіею...

Однажды, въ половинѣ марта (не помню, какого именно числа), я по обыкновенію, поздно вечеромъ, сидѣлъ въ спальнѣ матушки и читалъ ей какую-то книгу. Комната была освѣщена одною лампою, а двери въ темную, смежную гостиную были открыты. Вдругъ матушка остановила меня словами: «постой, не читай», и при этомъ сдѣлала знакъ рукою, чтобы я замолчалъ. Не понимая, что случилось, я увидалъ, что она пристально смотритъ въ растворенную дверь. Послѣ нѣсколькихъ секундъ моего недоумѣнія и молчанія она сказала: «продолжай, теперь можно, я видѣла Михаила Николаевича». Конечно, я не продолжалъ чтенія и спросилъ ее: «какъ? что?»—«Когда я остановила твое чтеніе», отвѣтила она, «онъ появился въ дверяхъ, одѣтый въ красный халатъ [1]), остановился, поманилъ меня рукою и исчезъ». Несмотря на мои увѣренія, что все это ей только показалось, она стояла на своемъ, повторяя: «да, я видѣла его, онъ звалъ меня, но не думай, что я испугалась или скоро умру,—совсѣмъ нѣтъ; я очень счастлива, что видѣла его, это было, какъ будто, настоящее съ нимъ свиданіе».

На другой день матушка, оставаясь совершенно спокойною, разсказала о своемъ видѣніи доктору Клименкову и всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ ее въ этотъ день. Докторъ отнесъ его къ разстройству ея нервовъ и постоянной мысли о покойномъ; остальные вторили ему, не желая вѣрить въ что-то сверхъестественное, забывая, притомъ, все случившееся съ матушкою въ минуту смерти

[1]) Въ этомъ халатѣ изъ краснаго кумача съ цвѣтами онъ скончался.

отца. Одна только моя няня увѣряла насъ, что то было дурное предзнаменованіе.

Позднѣе почти вся Москва узнала объ этомъ видѣніи, и немало о немъ было толковъ.

Черезъ нѣсколько дней, проводя ночь (какъ я это дѣлалъ со дня кончины отца) въ комнатѣ матушки, за особою перегородкою, гдѣ стояла моя кровать, я рано утромъ услыхалъ какіе-то невнятные звуки и стоны. Я вскочилъ, бросился къ матери и увидалъ ее, пораженную параличемъ и лишенную языка. Шесть дней она провела въ этомъ положеніи, будучи въ полномъ сознаніи и начиная, по временамъ, говорить, а потомъ, подвергаясь опять новому нервному удару. Несмотря на старанія двухъ врачей, положеніе ея часъ отъ часа ухудшалось, и, наконецъ, пріобщившись въ полной памяти и по своему желанію Св. Тайнъ, она впала въ безсознательное состояніе и 26-го марта, въ 5¼ часовъ по полудни, заснула на вѣки. Смерть ея была свѣтла и спокойна, какъ и вся ея жизнь.

С. М. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

VIII.

Одиночество.—Переѣздъ къ Полуденскимъ.—Ихъ семейство.—Новая квартира.—Состояніе.—Князь Оболенскій.—Аѳанасьевъ и Викторовъ.—Моя болѣзнь.—Дядя Н. Н. Загоскинъ.—Поѣздка въ Тверь.—Кончина дяди.—Князь С. М. Голицынъ.—Армянинъ его.—Императоръ Николай I и Н. С. Пашкова.—Семейство С. Т. Аксакова.—Кончина Л. Г. Новосильцовой.—Слухи о войнѣ.—Манифестъ.—Впечатлѣніе его на Москву.—Увеселенія.—Мои новые пріятели.

РЕДАВЪ землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ все, что было мнѣ дорого на свѣтѣ, я не имѣлъ болѣе силъ оставаться въ нашемъ домѣ и, 29-го марта, въ день похоронъ матушки, переѣхалъ на временное жительство къ другу моему Полуденскому, радушно предложившему мнѣ раздѣлить съ нимъ его единственную комнату. Переѣхавъ къ нему, я почувствовалъ нестерпимую тоску и гнетущее чувство полнаго одиночества и сиротства. Долго, очень долго, чувство это не переставало преслѣдовать меня, невзирая даже на чисто родственное участіе, оказываемое мнѣ всею семьею Полуденскихъ.

Въ то время, хозяина дома, престарѣлаго Петра Семеновича Полуденскаго, уже не было въ живыхъ. Онъ скончался почти одно-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 921.

временно съ моимъ отцомъ, а въ домѣ проживала вдова его, Елена Александровна, съ двумя пожилыми дочерьми и тремя сыновьями, изъ которыхъ младшій и былъ моимъ другомъ.

Елена Александровна, рожденная Лунина, дочь бывшаго предсѣдателя московскаго опекунскаго совѣта, Александра Михайловича Лунина, пользовавшагося большимъ благоволеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, была женщина уже преклонныхъ лѣтъ. Высокаго роста, чрезвычайно худая, она отличалась большимъ чревомъ и угрюмымъ, покрытымъ морщинами лицомъ. Несмотря на свой непривѣтливый и странный видъ, она была очень добра и, когда желала, чрезвычайно любезна, но дѣтей и прочихъ домочадцевъ держала въ страхѣ и повиновеніи. Къ сожалѣнію, за нею водился одинъ грѣшокъ: она была нѣсколько сварлива. Встанетъ иногда утромъ въ дурномъ расположеніи духа и въ теченіе остального дня не перестаетъ придираться къ своимъ домашнимъ, особенно къ дѣтямъ, которыя въ этомъ случаѣ переставали громко разговаривать и только шопотомъ передавали другъ другу одну и ту же фразу: «тише, тише, генеральша козыряетъ!» Старушка очень полюбила меня, и если въ минуты ея козырянья я спрашивалъ ее о причинѣ такого дурного расположенія духа, то она всегда отвѣчала слѣдующими словами: «помилуй, батюшка, нервы расходились, всѣ меня сердятъ!» А на самомъ дѣлѣ нервы ея были въ полномъ порядкѣ, и никто не думалъ сердить ее.

Старшая дочь, Варвара, когда-то настоящая красавица, была въ замужествѣ за весьма богатымъ помѣщикомъ Лугининымъ [1]), но, не знаю почему, не поладивъ съ нимъ, жила у своей матери. Вторая дочь, дѣвица ..... умная, предобрая, любезная, но хворая и нѣсколько дикая, не любила свѣтъ и потому почти не выходила изъ дома.

Сыновья Елены Александровны были: Сергѣй, Николай и Михаилъ [2]). Первые два служили при Московскомъ университетѣ,— Сергѣй — библіотекаремъ, а Николай не припомню въ какой должности. Они оба отличались замѣчательнымъ умомъ, прямотою характера и рѣдкимъ образованіемъ, но другъ на друга вовсе не походили. Сергѣй, худой, высокаго роста, выглядѣлъ англійскимъ лордомъ и былъ свѣтскій, любезный человѣкъ. Второй, тоже худой,

[1]) Дочь ихъ Марія, прекрасивая и премилая, вышла за генерала Николая Александровича Безакъ.

[2]) Всѣ трое скончались почти въ однихъ и тѣхъ же лѣтахъ (около 40 лѣтъ) и, по опредѣленію лѣчившаго ихъ всѣхъ одного и того же извѣстнаго въ Москвѣ врача И...а, — отъ чахотки. Михаилъ, послѣ кончины своихъ братьевъ, заболѣвъ одинаковою съ ними болѣзнью, просилъ, въ случаѣ его смерти, анатомировать его тѣло. Изслѣдованіе это обнаружило не чахотку, а совершенно иную болѣзнь, и слѣдовательно докторскій діагнозъ и лѣченіе, во всѣхъ трехъ случаяхъ, были непростительно ошибочны.

но малаго роста, не отличался изяществомъ манеръ, походилъ на стараго семинариста, не любилъ общества и былъ крайне молчаливъ.

О меньшомъ сынѣ Михаилѣ я уже прежде говорилъ.

Проживъ у Полуденскихъ болѣе мѣсяца, я нанялъ во флигелѣ ихъ дома, выходившемъ въ Лебяжій переулокъ, маленькую, но помѣстительную квартиру, изъ которой былъ прекрасный видъ на Замоскворѣчье. Уютно устроившись въ ней, я не могъ, однако, по малому размѣру довольно низкихъ комнатъ, помѣстить библіотеку отца въ большихъ книжныхъ шкафахъ и счелъ удобнымъ, до поры до времени, свалить всѣ книги на полъ въ одну комнату, загромоздивъ ее почти до потолка.

Поступокъ этотъ, свидѣтельствовавшій о недостаткѣ моего образованія и пренебреженіи къ книгамъ, привелъ въ негодованіе Михаила Полуденскаго. Онъ сильно распекъ меня; назвалъ неучемъ и невѣждою и самъ привелъ въ порядокъ всѣ разбросанныя книги, поставивъ ихъ безъ шкафовъ, вдоль стѣнъ, одна на другую и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ съ меня слово, что впредь я не буду такъ варварски обращаться съ моею довольно цѣнною библіотекою.

Начавъ новую, одинокую жизнь, я взялъ къ себѣ мою няню Анну Петровну и ея брата Андрея Петровича, камердинера моего отца, и нѣсколько другихъ слугъ, находившихся въ нашемъ домѣ. Поручивъ нянѣ вести хозяйство и сдѣлавъ ее кассиромъ моихъ доходовъ и расходовъ, я самъ ни во что болѣе не вмѣшивался, спокойно препровождая утро на службѣ, а вечера дома, у Полуденскихъ или у К......хъ. Сверхъ того, я посвящалъ немало времени разнымъ переговорамъ по раздѣлу имѣнія между мною и братьями, которые, по духовному завѣщанію матушки, наслѣдовавшей послѣ смерти батюшки все его состояніе, получили меньшую, чѣмъ я, часть на томъ основаніи, что за нихъ уже было заплачено родителями изрядное количество долговъ, а за меня, конечно, ни одной копейки. Братья нисколько не сѣтовали за распоряженіе матушки, признавая волю ея вполнѣ справедливою. По ея завѣщанію, я получилъ во Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, два имѣнія: с. Кохму и д. Тарбаево, состоявшія изъ 250 крестьянъ, нашъ московскій домъ, всю движимость и третью часть изъ капитала, который долженъ былъ выручиться отъ продажи согласно завѣщанію матушки подмосковнаго имѣнія въ Звенигородскомъ уѣздѣ и дачи въ Петровскомъ паркѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое съ имѣвшимся у меня маленькимъ капиталомъ, подареннымъ матерью еще при жизни ея, настолько обезпечило меня, что я могъ продолжать жить прилично, не мѣняя прежней своей обстановки въ домѣ родительскомъ.

Не будучи ни мотомъ, ни кутилою, я былъ очень доволенъ, что достатокъ мой дозволялъ и, какъ я тогда полагалъ, дозволитъ и впредь

жить, не разсчитывая на службу. Чувство этого довольства происходило вслѣдствіе того, что батюшка считалъ всегда счастливымъ человѣка, который не нуждался въ службѣ и могъ себя посвятить ей, не стѣсняясь размѣромъ содержанія и зная, что отставка не лишитъ его насущнаго хлѣба. Такое мнѣніе отца было послѣдствіемъ его личнаго убѣжденія въ томъ, что судьба служащаго лица часто зависитъ не отъ однѣхъ его способностей и усердія, но и отъ каприза его начальника, и что чѣмъ болѣе жизнь чиновника находится въ зависимости отъ получаемаго имъ содержанія, тѣмъ болѣе онъ дѣлается слугою и даже рабомъ своего начальства, между тѣмъ какъ человѣкъ обезпеченный, добросовѣстно исполняющій свои служебныя обязанности, будетъ вѣрнѣе застрахованъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя нерѣдко сыплются на голову бѣдныхъ тружениковъ, опасающихся потерять свое мѣсто. Конечно, это мнѣніе отца не относилось ко всѣмъ вообще начальствующимъ лицамъ, а лишь къ тѣмъ, которые считали своихъ чиновниковъ чуть ли не крѣпостными, и которыхъ въ эту эпоху было немало въ нашей администраціи: къ этимъ послѣднимъ можно было бы отнести и моего начальника князя Оболенскаго, который, какъ я выше упомянулъ, не оказалъ мнѣ послѣ кончины моего отца ни малѣйшаго участія — даже на словахъ, а послѣ смерти матери, несмотря на аккуратное мое ежедневное посѣщеніе архива и усердное исполненіе моихъ обязанностей, нашелъ, къ удивленію всѣхъ моихъ товарищей, что будто бы я, освободившись отъ родительскаго надзора, «сталъ отлынивать отъ службы». Хотя мнѣніе князя не имѣло ни малѣйшаго основанія, но думаю, что если бы въ то время я былъ человѣкъ безъ всякаго состоянія, то мой начальникъ не задумался бы при удобномъ случаѣ выпроводить меня изъ архива, подобно тому, какъ позднѣе онъ выпроводилъ оттуда двухъ бѣдныхъ чиновниковъ, стоявшихъ по своимъ способностямъ, познаніямъ и уму неизмѣримо выше остальныхъ своихъ сослуживцевъ: то были Аѳанасьевъ и Викторовъ. Объ этихъ двухъ благородныхъ личностяхъ и рѣдкихъ труженикахъ мнѣ нечего распространяться: они заслужили такую почетную извѣстность въ литературѣ и наукѣ, что имя ихъ произносится съ полнымъ уваженіемъ каждымъ образованнымъ русскимъ человѣкомъ, и этихъ-то двухъ замѣчательныхъ чиновниковъ Оболенскій заставилъ покинуть архивъ, придравшись къ Викторову за то, что между служебными его бумагами нашлись какіе-то свободные стихи Пушкина, а къ Аѳанасьеву—не помню за что, но, конечно, за какой нибудь вздоръ.

Въ апрѣлѣ вся Москва была взволнована страшнымъ происшествіемъ: убійствомъ княгини Вѣры Дмитріевны Голицыной. Ее убилъ молодой послушникъ Донского монастыря Зыковъ. Княгиня, не задолго передъ тѣмъ овдовѣвшая, была женщина высокой нравственности, достойная всякаго уваженія и горячо любившая своего по-

койнаго мужа и единственнаго сына, въ то время, весьма юнаго, но уже женатаго на Елизаветѣ Александровнѣ Чертковой. Голицыны часто принимали Зыкова, который мало-помалу страстно влюбился въ княгиню и, по кончинѣ ея мужа, разсчитывалъ, тронувъ ее своею любовью, жениться на ней; но, получивъ рѣшительный отказъ и услыхавъ, что будто бы она выходитъ снова замужъ, что̀, впрочемъ, было невѣрно, убилъ ее кинжаломъ.

Въ началѣ мая, проживавшій въ Твери дядя мой, Иліодоръ Николаевичъ Загоскинъ, пріѣхалъ навѣстить меня. Не видавъ его со дня похоронъ матушки, когда онъ нарочно пріѣзжалъ въ Москву, я очень обрадовался ему, но удивился, что онъ остановился не у меня, а въ какой-то гостиницѣ, и только вслѣдствіе усиленной моей просьбы согласился переѣхать ко мнѣ. Прогостивъ нѣсколько дней, дядя передъ отъѣздомъ сказалъ мнѣ: «ну, мой другъ, теперь я долженъ признаться, что не хотѣлъ остановиться у тебя, потому что одинъ нашъ общій, близкій родственникъ сказалъ мнѣ: «не останавливайтесь у Сережи, вы будете для него un trouble fête; онъ со дня кончины матери такъ кутитъ въ компаніи разной молодежи, что ему будетъ непріятно и стѣснительно принять васъ у себя». Теперь, видя твое горе и послѣ разспросовъ у няни и ея брата, я убѣдился, что все выдумано съ цѣлью повредить тебѣ въ моихъ глазахъ». Легко себѣ представить, въ какое негодованіе привела меня такая явная ложь, и какъ я былъ благодаренъ дядѣ, назвавшему мнѣ по имени клеветника, который именно въ то время постоянно увѣрялъ меня въ своей дружбѣ и любви. Не зная ничего подобнаго за собою и бывая въ компаніи людей тихихъ и смирныхъ, я никакъ не могъ объяснить причину, заставившую моего родственника оклеветать меня! Но эта первая клевета, и притомъ взведенная на меня человѣкомъ мнѣ близкимъ, до того поразила меня, что я тогда же пришелъ въ нѣкоторое сомнѣніе относительно вѣрности убѣжденія моего отца, «что всѣ люди—прекрасные люди».

Дядя, возвращаясь надолго въ Тверь, захотѣлъ взять меня съ собою на одинъ день, на что я охотно согласился, желая видѣть тетушку, которой почти не зналъ, а также и посмотрѣть на городъ Тверь.

При покупкѣ билета на поѣздъ я былъ крайне удивленъ требованіемъ кассира моего паспорта. Не подозрѣвая, что билеты на проѣздъ въ Петербургъ или другія станціи Николаевской желѣзной дороги продавались не иначе, какъ по удостовѣреніи личности покупателя, я, конечно, не взялъ съ собою никакого документа, но такъ какъ дядя былъ однимъ изъ начальствующихъ лицъ этой дороги, то онъ засвидѣтельствовалъ мою личность. Изъ этого правила можно судить, какъ строги и стѣснительны были тогдашніе порядки для путешествующихъ даже въ своемъ отечествѣ! А былъ ли изъ этого какой толкъ,—не думаю.

Прогостивъ въ Твери менѣе сутокъ, я возвратился домой совершенно разочарованный отъ перваго видѣннаго мною губернскаго города, хотя, по правдѣ сказать, въ началѣ 50-хъ годовъ, Москва, за исключеніемъ Кремля, сильно смахивала на ту же Тверь, лишь въ гораздо большемъ размѣрѣ, но любовь моя къ нашей древней столицѣ не допускала тогда и мысли о возможности сравнить ее съ какимъ либо губернскимъ городомъ.

Не прошло мѣсяца послѣ моей поѣздки къ дядѣ, какъ я получилъ извѣстіе о его почти внезапной кончинѣ отъ холеры. Извѣстіе это дошло до меня послѣ его погребенія, и потому я не поѣхалъ въ Тверь. Смерть его глубоко огорчила меня, и мнѣ было искренно жаль добраго родного, благороднѣйшаго человѣка и рѣдкаго христіанина. Послѣ его смерти осталась вдова и нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни и при весьма незначительномъ пенсіонѣ.

Лѣто я провелъ самымъ тихимъ образомъ въ Москвѣ, отправляясь иногда по воскресеніямъ и праздникамъ къ моимъ знакомымъ въ какую нибудь недальнюю подмосковную, и чаще всѣхъ къ Полуденскимъ, проживавшимъ лѣтомъ близъ Москвы въ с. Кузьминкахъ, имѣніи князя Сергѣя Михайловича Голицына, гдѣ у нихъ была собственная дача, построенная на землѣ, подаренной покойному П. С. Полуденскому, другомъ его, владѣльцомъ имѣнія. Тамъ, въ первый разъ, я былъ представленъ князю Сергѣю Михайловичу, который хотя и посѣщалъ моего отца, но никогда не видалъ меня. Онъ обошелся со мною чрезвычайно ласково и на другой день пригласилъ къ обѣду.

Князь Голицынъ [1]), предсѣдатель московскаго опекунскаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса, проживалъ лѣтомъ въ своемъ имѣніи «Мельницахъ», извѣстномъ болѣе подъ именемъ «Кузьминокъ». Деревенскій домъ его, состоявшій изъ длиннаго, стариннаго одноэтажнаго зданія, окруженнаго великолѣпнымъ паркомъ, представлялъ изъ себя настоящее, барское жилище сановника Екатерининскаго времени.

Единственный, и едва ли не послѣдній, русскій вельможа, проживавшій тогда въ Москвѣ, князь Сергѣй Михайловичъ пользовался уваженіемъ и любовью всего общества. Маленькаго роста, довольно плотный, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ и темнорусыми, зачесанными съ затылка на плѣшивую голову волосами, онъ казался, для своихъ 80-ти лѣтъ, замѣчательно бодрымъ и моложавымъ; походка его была скорая, какъ у молодого человѣка, а вся фигура его имѣла видъ важно выглядывавшаго пѣтушка. Зимою онъ жилъ на Пречистенкѣ въ бельэтажѣ своего огромнаго дома, отдѣланнаго во

[1]) Сынъ генералъ-поручика князя Михаила Михайловича Голицына и жены его Анны Александровны, рожденной баронессы Строгоновой.

вкусѣ конца прошлаго столѣтія, а въ нижнемъ этажѣ жили престарѣлая сестра его княгиня Елена Михайловна и ея пріятельница, ветхая фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, Екатерина Николаевна Кочетова, родственница знаменитой княгини Дашковой. Въ домѣ жилъ также крестникъ князя, армянинъ, Михаилъ Ивановичъ (фамиліи его не помню), всегда сопровождавшій его на всѣхъ прогулкахъ и извѣстный тѣмъ, что въ самые жестокіе морозы онъ гулялъ въ одномъ сюртукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ, а зимою купался ежедневно въ Москвѣ-рѣкѣ.

Князь Голицынъ, давая рѣдко балы, и то только для царской фамиліи, однако, открыто принималъ вечеромъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, множество пожилыхъ москвичей, пріѣзжавшихъ къ нему не иначе, какъ во фракѣ и орденахъ, вслѣдствіе того, что и онъ самъ почти съ утра надѣвалъ фракъ съ двумя звѣздами: Андреевскою и Владимірскою. Большая часть гостей проводила вечеръ за карточнымъ столомъ. Въ одиннадцать часовъ подавался роскошный ужинъ, подъ конецъ котораго являлись сладкимъ блюдомъ конфеты домашняго приготовленія, славившіяся во всей Москвѣ и походившія на подаваемыя при дворѣ. Вина, кушанья, сервировка стола и многочисленная прислуга, одѣтая въ красные, ливрейные фраки, превосходила роскошью все существовавшее тогда въ прочихъ богатыхъ московскихъ домахъ.

Князь былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Измайловой, извѣстной подъ названіемъ «la princesse nocturne»[1]), но чета эта не жила вмѣстѣ и, по разсказамъ ея современниковъ, разъѣхалась тотчасъ послѣ вѣнчанія.

Въ городскомъ домѣ была красивая, небольшая церковь, куда по воскресеньямъ собирались знакомые князя и преимущественно дамы. Нѣкоторые изъ нихъ приглашались имъ, послѣ богослуженія, въ гостиную на чашку чая. Вообще, князь любилъ, чтобы его знакомые посѣщали его церковь, и замѣтивъ какого либо старика, давно не бывшаго у него у обѣдни, онъ обращался къ нему съ слѣдующими словами: «Помилуй, любезный» (князь всѣмъ мужчинамъ говорилъ «ты»), «да ты никогда не ходишь въ церковь! —развѣ это возможно?» и на отвѣтъ, что лице это бываетъ въ соборахъ или въ своей приходской церкви, князь ничего не возражалъ, но принималъ удивленный видъ, какъ бы не довѣряя, что въ Москвѣ существуютъ другія церкви, кромѣ его собственной.

Голицынъ былъ человѣкъ весьма добрый и много помогалъ бѣднымъ тайно и явно. Умъ его былъ простой, дѣльный, но довольно ограниченный. Несмотря на то, онъ былъ интереснымъ раз-

---

[1]) Дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Михайловича Измайлова отъ брака его съ княжною Александрою Борисовною Юсуповою. Она жила въ Петербургѣ, занималась астрономіею и принимала гостей съ 11-ти часовъ вечера до глубокой ночи.

сказчикомъ, особенно когда разсказы его касались временъ «матушки Екатерины II», благосклонностью которой онъ пользовался съ самаго ранняго дѣтства.

Невзирая на свою невзрачную фигуру и постоянно крикливый голосъ, онъ могъ служить типомъ истиннаго вельможи и притомъ совершенно самостоятельно. Твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ не жертвовалъ ими ни въ чью пользу, не обращая вниманія ни на какія лица и даже часто наперекоръ всѣмъ свѣтскимъ приличіямъ. Любя пламенно императора Николая Павловича, къ которому онъ былъ весьма близокъ, князь не дѣлалъ и ему ни малѣйшей уступки, когда уступка эта касалась личныхъ его убѣжденій.

Приведу, для примѣра, одинъ подобный случай, разсказанный мнѣ родственницею князя Надеждою Сергѣевною Пашковою, которую онъ, неизвѣстно почему, недолюбливалъ и къ себѣ не приглашалъ. Однажды, не знаю въ какомъ году, во время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ, князь далъ балъ, на который, конечно, не пригласилъ своей родственницы. Разобиженная барыня, пользовавшаяся большою благосклонностью Николая Павловича, пожаловалась ему на своего строптиваго родственника. Тогда государь обѣщалъ ей примирить ее съ княземъ. На другой день къ Пашковой явился камердинеръ послѣдняго съ приглашеніемъ ея, по высочайшему повелѣнію, къ нему на балъ. Она, конечно, съ радостью поѣхала. Но когда подошла къ хозяину дома, чтобы съ нимъ поздороваться, то онъ немедленно повернулся къ ней спиною. Разобиженная Надежда Сергѣевна разсказала государю о томъ, какъ она была приглашена на балъ, и о невѣжливости князя. «Хорошо», — сказалъ его величество, — «за ужиномъ я сяду рядомъ съ вами и помирю васъ съ нимъ», и, дѣйствительно, за ужиномъ Николай Павловичъ спросилъ подошедшаго къ нему Голицына, почему онъ не любитъ свою родственницу и не хочетъ быть съ нею знакомъ. «Эхъ, ваше величество, —отвѣтилъ тотъ,—какая она родственница!— по Адаму, пожалуй, и я вамъ родня!» и затѣмъ отошелъ отъ государя. Николай Павловичъ, расхохотавшись, поспѣшилъ утѣшить Пашкову тѣмъ, «что съ подобнымъ упрямцемъ ничего не подѣлаешь!» Послѣ этого бала князь, попрежнему, не видался со своею родственницею и, если гдѣ встрѣчалъ ее, то обращался къ ней спиною.

Посѣщая въ это лѣто, какъ я выше сказалъ, нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, живущихъ въ окрестностяхъ Москвы, я однажды предпринялъ болѣе дальнюю поѣздку въ Троице-Сергіеву лавру, на обратномъ пути заѣхалъ къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову, проживавшему съ семействомъ, близъ Хотькова монастыря, въ своемъ имѣніи «Абрамцовѣ». До того времени я рѣдко видалъ Сергѣя Тимоѳеевича и его семейство и радъ былъ случаю ближе съ нимъ познакомиться, въ надеждѣ, что впослѣдствіи я буду часто посѣ-

щать ихъ и сдѣлаюсь, подобно моему отцу, другомъ ихъ дома. Принятый хозяиномъ, хозяйкою и всѣми дѣтьми самымъ радушнымъ образомъ, я провелъ у нихъ цѣлый день.

Аксаковъ былъ человѣкъ уже весьма пожилой и болѣзненный и носилъ, подобно всѣмъ славянофиламъ, русское платье, т. е. кафтанъ и красную рубашку съ косымъ воротомъ. Длинные волосы его, гладко и тщательно причесанные съ проборомъ посреди головы, и окладистая бѣлая борода придавали его лицу видъ чисто библейскій, а самое лице, старческое, благообразное и выразительное съ однимъ добрымъ и умнымъ глазомъ (онъ былъ кривъ на одинъ глазъ), привлекало къ нему всякаго, видѣвшаго его даже въ первый разъ. Не менѣе его была привлекательна и жена его Ольга Семеновна [1]). Старая, тучная, сѣдая, съ круглымъ, смуглымъ лицемъ калмыцкаго типа, она была высокодобродѣтельная и рѣдкая во всѣхъ отношеніяхъ женщина. Крайне простая въ обращеніи, она умомъ и образованіемъ много отличалась отъ дамъ своего времени. Вообще, доброта и гостепріимство ея, какъ и Сергѣя Тимофеевича, привлекали въ ихъ домъ людей разныхъ слоевъ общества, но только людей умныхъ, ученыхъ и образованныхъ - пустымъ свѣтскимъ болтунамъ тамъ не было мѣста.

Кромѣ трехъ сыновей, у нихъ было нѣсколько дочерей—дѣвицъ [2]), изъ которыхъ одна, уже не молодая, была постоянно больна. Всѣ дочери, подобно родителямъ и братьямъ, отличались умомъ, образованіемъ и начитанностью и нисколько не походили на большинство дѣвицъ московскаго общества, съ которыми онѣ, впрочемъ, и не были знакомы.

Долженъ сознаться, что, посѣщая съ того времени, какъ я сталъ выѣзжать въ свѣтъ, семейства вполнѣ почтенныя и уважаемыя, но по уму и познаніямъ ничѣмъ не превышавшія общій уровень, я въ первый разъ и на цѣлый день попалъ въ среду не свѣтскую, но гдѣ образованіе и начитанность сразу и совсѣмъ придавили меня... Несмотря на самый радушный пріемъ всего семейства и неоднократные поцѣлуи Константина Аксакова, душившаго меня въ своихъ геркулесовскихъ объятіяхъ, я чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ: мнѣ было какъ-то неловко, и я мало разговаривалъ изъ опасенія сказать какой нибудь вздоръ или высказать мое невѣжество и особенно полное незнаніе славянофильскаго ученія, чего, конечно, Аксаковы не могли ожидать отъ сына ихъ друга, истинно русскаго человѣка, постоянно вращавшагося въ ихъ кружкѣ. Пробывъ у нихъ весь день, я былъ очень радъ наступленію вечера и возможности уѣхать въ Москву. Съ тѣхъ поръ, къ стыду моему, я съ Аксаковыми болѣе не сближался, о чемъ

---

[1]) Рожденная Заплатина.

[2]) Изъ нихъ только одна вышла за г. Томашевскаго.

позднѣе часто и отъ души сожалѣлъ, сознавая, что общество людей, у которыхъ можно было встрѣтить лучшихъ представителей тогдашней литературы и ученаго міра, было бы для меня несравненно полезнѣе того, въ которомъ я продожалъ вращаться. Но поѣздка въ Абрамцово принесла мнѣ большую пользу: съ этого дня, убѣдившись въ моей непригодности къ разговорамъ съ очень умными людьми, я принялся за чтеніе разныхъ серіозныхъ книгъ и изученіе русской исторіи и литературы, но только не славянофильскаго ученія, къ которому тогда ничто не влекло меня...

Осень въ этомъ году принесла мнѣ новое горе: въ Москвѣ скончалась лучшая пріятельница покойной матушки, Любовь Григорьевна Новосильцова, которую я съ самаго моего дѣтства очень любилъ, а въ юности часто навѣщалъ, восхищаясь привѣтливостью, добротою и любезностью этой 70-ти-лѣтней старушки. За нѣсколько часовъ до своей кончины, она потребовала меня къ себѣ, желая проститься со мною. Не зная ничего о внезапной ея болѣзни, я поспѣшилъ къ умирающей, которую засталъ въ полной памяти и окруженною ея родными [1]). Поцѣловавъ и благословивъ меня, она спокойно, но съ какою-то поразительною увѣренностью сказала: «прощай, скоро увижу твою мать и скажу ей, что передъ смертью, видѣла и благословила тебя». Это были ея послѣднія слова, и затѣмъ она впала въ безпамятство и незамѣтно перешла въ вѣчность.

Въ октябрѣ, стали носиться среди московской публики слухи о предстоящей будто бы войнѣ съ Турціею. Слухи эти перепугали многихъ маменекъ, у которыхъ иные сынки были въ военной службѣ а послѣдніе, напротивъ, радовались и съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія возникшихъ у насъ съ Турціею недоразумѣній, въ надеждѣ, въ случаѣ войны, не только сразиться съ врагомъ и, по выраженію тогдашней молодежи, забросать его шапками, но и схватить нѣсколько наградъ. Вскорѣ, недоразумѣнія эти разрѣшились: 20-го октября послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціею, и почти вслѣдъ за тѣмъ Россія была обрадована извѣстіемъ объ одержанной нами блистательной побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ, при Синопѣ. Послѣ этой первой славной побѣды Москва стала съ полною надеждою ожидать дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія...

Считая излишнимъ распространяться о крымской кампаніи, которая уже достаточно всѣмъ извѣстна, я не могу не упомянуть о замѣчательномъ воодушевленіи, охватившемъ московскую молодежь, которая, почувствовавъ порохъ въ воздухѣ, встрепенулась и поже-

---

[1]) Изъ многочисленныхъ племянницъ ея были извѣстны въ литературѣ Софія Владиміровна Энгельгардтъ, писавшая подъ именемъ Ольги Н., и Екатерина Владиміровна Новосильцова—подъ псевдонимомъ «Толычевой».

лала принять участіе въ войнѣ. Много молодыхъ людей, не бывшихъ никогда въ военной службѣ, поступили въ разные полки, находившіеся на театрѣ войны, въ томъ числѣ и три моихъ пріятеля: два брата князья Голицыны [1]) и Николай Сергѣевичъ Римскій-Корсаковъ. Двумъ первымъ, къ несчастію, не посчастливилось: въ теченіе войны они оба были убиты—одинъ 16-го мая, въ несчастномъ дѣлѣ Карамзина, а другой при бомбардировкѣ Севастополя.

Римскій-Корсаковъ же, поступивъ юнкеромъ въ какой-то гусарскій полкъ подъ начальство своего дяди, фельдмаршала князя Паскевича, совершилъ благополучно всю кампанію и заслужилъ знакъ военнаго ордена.

Что касается до моихъ друзей Полуденскаго и Благово и до меня самого, то мы, хотя и были горячіе патріоты, но, какъ люди статскіе, тихіе, смирные, нечестолюбивые и, главное, нехрабраго десятка, предпочли остаться въ Москвѣ, утѣшая себя мыслью, что, если бы и поступили въ военную службу, то безъ малѣйшей пользы для отечества и самихъ себя, такъ какъ въ военномъ дѣлѣ мы были совершенными профанами, а на войнѣ у насъ не было никакихъ вліятельныхъ дядюшекъ, при которыхъ можно было бы состоять ординарцами.

IX.

Домъ Пашковыхъ.—Княгиня Л. Т. Голицына.—Графиня М. И. Васильева.—Княгиня О. А. Долгорукова. — П. П. Свиньинъ.—Графиня Е. П. Ростопчина.—П. П. Озеровъ.—Перемѣна въ служебныхъ занятіяхъ.—Наслѣдникъ цесаревичъ.—Мое совершеннолѣтіе.—Вечеръ въ Петровскомъ паркѣ.—Новая квартира. — А. И. Бутовскій и Н. Г. Рубинштейнъ.—Москва и война.—Кончина жены брата Дмитрія.—Манифестъ о призывѣ ополченія. — Мое вступленіе въ ополченіе. — Князь М. А. Оболенскій.—Кончина императора Николая I.—Присяга.—А. П. Ермоловъ.— Паденіе колокола съ Ивана Великаго.

Въ началѣ 1854 года, мой образъ жизни нѣсколько измѣнился, я сталъ по вечерамъ рѣже сидѣть дома и чаще посѣщать моихъ хорошихъ знакомыхъ, особенно Пашковыхъ, гдѣ въ этомъ году, кромѣ радушной хозяйки Надежды Сергѣевны, начали принимать гостей и двѣ старшія ея дочери, Ольга и Зенаида, изъ которыхъ первая была чрезвычайно остроумна и нерѣдко очень забавна, а вторая, маленькая, хорошенькая, напоминала собою саксонскую фарфоровую куколку. У Пашковыхъ можно было встрѣтить много

---

[1]) Петръ и Александръ Николаевичи, сыновья князя Николая Сергѣевича (родного племянника извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя Александра Николаевича) отъ брака его съ Воейковой.

пріятныхъ, но только свѣтскихъ людей. Въ числѣ дамъ бывала тамъ часто тетушка хозяйки дома, графиня Марія Ивановна Васильева, рожденная графиня Кутайсова, дочь извѣстнаго любимца императора Павла, премилая, умная и почтенная старушка, которая отлично помнила старину, много разговаривала и со всѣми была любезна.

У нея былъ единственный сынъ [1]), послѣдній представитель графскаго рода Васильевыхъ [2]), женатый на очень красивой англичанкѣ, которую всѣ знали не иначе, какъ «comtesse Betsy». Но ни мужъ, ни жена не представляли изъ себя ничего особеннаго. Посѣщала часто Пашковыхъ и княгиня Луиза Трофимовна Голицына, рожденная Баранова, дама среднихъ лѣтъ, на видъ нѣсколько холодная и сухая, но добродѣтельная и отзывчивая на всякое добро. Она была дочь статсъ-дамы графини Юліи Өеодоровны Барановой [3]) и потому пользовалась особою благосклонностью всей царской фамиліи. Уважаемая и любимая московскимъ высшимъ обществомъ, княгиня занимала въ немъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Мужъ ея, князь Михаилъ Өеодоровичъ [4]), честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но ума весьма обыкновеннаго, совсѣмъ стушевался при своей умнѣйшей женѣ.

Изрѣдка, по вечерамъ, появлялась невѣстка Надежды Сергѣевны, жена ея брата, княгиня Ольга Александровна Долгорукова, рожденная Булгакова. Не знаю, любили ли другъ друга эти двѣ близкія родственницы, но отношенія ихъ казались не совсѣмъ родственными, чему причиною, быть можетъ, была нѣкоторая «rivalité de métier», вслѣдствіе того, что обѣ, еще не старыя, миловидныя, кокетливыя и первыя московскія львицы высшаго полета, постоянно старались въ этомъ званіи перещеголять другъ друга, что, конечно, тревожило ихъ самолюбіе, раздражало ихъ и не дозволяло имъ сблизиться, какъ то подобало двумъ близкимъ родственницамъ. Первенство въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ казалось, оставалось за княгинею Долгоруковою, которая въ обществѣ имѣла болѣе вѣса, чѣмъ Пашкова, уже потому, что пользовалась гораздо большимъ, чѣмъ она, расположеніемъ государя и государыни и, сверхъ того, своимъ тонкимъ умомъ умѣла окружать себя людьми, много спо-

[1]) Дочь ея была въ замужествѣ за г. Романовымъ.

[2]) Фамилія его вмѣстѣ съ титуломъ перешла къ г. Шиловскому, женатому на его дочери.

[3]) Родной сестры министра императорскаго двора графа Владиміра Өеодоровича Адлерберга.

[4]) Братъ статсъ-секретаря князя Александра Өеодоровича Голицына (бывшаго начальника комиссіи прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя). У него было нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій Иванъ Михайловичъ, находившійся долгое время, въ царствованіе императора Александра II, гофмаршаломъ высочайшаго двора, по своей вѣжливости, любезности и добротѣ, постоянно и до сего времени пользуется любовью всего петербургскаго общества.

собствовавшими къ упроченію ея собственнаго общественнаго положенія.

Изъ числа пожилыхъ мужчинъ, посѣтителей гостепріимнаго дома Пашковыхъ, я не могу пройти молчаніемъ извѣстнаго богача Петра Павловича Свиньина [1]), который, не бывъ никогда влюбленнымъ въ хозяйку дома и питая къ ней самыя платоническія чувства простой дружбы, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ бывалъ у нея ежедневно и преимущественно по вечерамъ. Старый холостякъ, обладавшій большимъ состояніемъ, Свиньинъ былъ очень дуренъ собою, и если бы теорія Дарвина старалась доказать, что люди происходятъ не только отъ обезьяны, но и отъ другихъ животныхъ, то дарвинисты съ радостью нашли бы большое сходство въ лицѣ Свиньина съ тѣмъ звѣремъ, отъ названія котораго произошла его фамилія.

Несмотря на непривлекательную наружность, Петръ Павловичъ былъ очень любимъ за его умъ, остроуміе и широкое хлѣбосольство. Онъ жилъ на Покровкѣ, въ своемъ роскошномъ домѣ, обращенномъ въ настоящій музей, гдѣ весьма часто угощалъ гастрономическими обѣдами своихъ московскихъ и петербургскихъ знакомыхъ [2]).

Выѣзжая много въ свѣтъ и посѣщая часто театръ, Свиньинъ, однако, успѣвалъ, какъ я выше сказалъ, ежедневно бывать у Пашковой и, проводя у нея часть вечера, развлекалъ гостей забавною бесѣдою, а иногда, спокойно, безъ малѣйшей церемоніи, засыпалъ у карточнаго стола.

Личность же самая интересная, посѣщавшая чаще другихъ Надежду Сергѣевну, была родная племянница хозяина дома, графиня Евдокія Петровна Ростопчина [3]). Такъ какъ эта женщина-писательница извѣстна всей Россіи, а между тѣмъ была не только при жизни, но и послѣ смерти, предметомъ самыхъ гнусныхъ сплетенъ и людской злобы, особенно женской, то я, хорошо знавшій ее, не могу не сказать нѣсколько словъ въ защиту этой добрѣйшей, умной, талантливой, но, къ сожалѣнію, иногда не въ мѣру увлекавшейся женщины, которую сгубило несчастное супружество съ человѣкомъ грубымъ, взбалмошнымъ и циничнымъ.

---

[1]) Мать его, носившая фамилію «Алексѣевой», была дочь извѣстнаго князя Григорія Григорьевича Орлова, а слѣдовательно и родственница первому графу Бобринскому.

[2]) Въ описываемое мною время, въ Москвѣ, проживалъ въ собственномъ домѣ, противъ Страстнаго монастыря, еще другой хлѣбосолъ и тоже богатый, старый холостякъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Рахмановъ, извѣстный своею непомѣрною толщиною и изысканными обѣдами, но на которые ѣздили немногіе вслѣдствіе плачевной репутаціи Рахманова, родившагося, по ошибкѣ, русскимъ, а не восточнымъ человѣкомъ.

[3]) Дочь Петра Васильевича Сушкова и жены его Даріи Ивановны, рожденной Пашковой.

Евдокія Петровна, имѣя 22 года, вышла за 20-ти-лѣтняго графа Андрея Θеодоровича Ростопчина, сына знаменитаго московскаго главнокомандующаго въ 1812 году. Бракъ этотъ состоялся не по ея желанію, а по требованію и настоянію ея дѣдушки и бабушки Пашковыхъ, у которыхъ она со дня кончины своей матери жила и воспитывалась. Старики Пашковы, принадлежавшіе къ высшей московской аристократіи, обрадованные возможностью выдать свою внучку за молодого человѣка извѣстной фамиліи, обладавшаго огромнымъ состояніемъ, употребили всевозможныя старанія, чтобы убѣдить ее вступить съ нимъ бракъ. Въ первые года супружества, утопая въ роскоши и богатствѣ, графиня, по собственнымъ ея словамъ, была крайне несчастна и только позднѣе, сдѣлавшись матерью трехъ дѣтей, нѣсколько ожила, посвятивъ себя ихъ воспитанію и нѣжному за ними уходу. Проживая въ Петербургѣ и вращаясь въ большомъ свѣтѣ, окруженная толпою поклонниковъ и вздыхателей, Евдокія Петровна, въ то время, молодая, красивая женщина съ пылкимъ умомъ и любящимъ, страстнымъ сердцемъ, не находя ни любви, ни привѣта въ своей супружеской жизни, невольно увлеклась полюбившимъ ее страстно молодымъ красавцемъ, Андреемъ Николаевичемъ К—мъ... долго и сильно боролась она съ этимъ увлеченіемъ, и только, когда самъ мужъ ея цинично и хвастливо объявилъ ей, что давно содержитъ какую-то актрису, то она, оскорбленная и униженная, дала волю своему чувству... Мѣняла ли она избранниковъ сердца — не знаю, но говорили, что «да», и вотъ это-то «да» и послужило поводомъ къ тѣмъ сплетнямъ и злобѣ, которыя такъ настойчиво не переставали даже за гробомъ преслѣдовать ее, какъ какую нибудь безнравственную, вѣчно кутящую Мессалину!..

Замѣчательная доброта Евдокіи Петровны, рѣдкая любовь ея къ ближнему, тщательное воспитаніе, данное ею дѣтямъ, долговременная жизнь съ невозможнымъ мужемъ и, наконецъ, вполнѣ христіанская кончина ея жизни на 48-мъ году послѣ мучительной безропотно перенесенной болѣзни, казалось бы, достаточно искупили всѣ ея увлеченія и недостатки, чтобы позабыть о нихъ и хоть разъ помянуть добрымъ словомъ эту женщину-поэта, въ которую и донынѣ злые люди продолжаютъ печатно бросать грязью.

Я познакомился съ графинею въ 1853 г., когда ей было не болѣе сорока лѣтъ. Она собою была еще очень не дурна, но маленькая красивая голова ея совсѣмъ не соотвѣтствовала тучному тѣлу ея. Темные, выразительные и крайне близорукіе глаза ея блистали необыкновеннымъ умомъ. Рѣчь ея, часто страстная и всегда увлекательная, быстро и плавно лилась. Графиня любила общество и особенно молодежь, которая, въ свою очередь, платила ей величайшею взаимностью. Люди старые, ученые и литераторы, бывавшіе у нея на вечерахъ, считали ее пустою и легкомысленною жен-

щиною вслѣдствіе того, что, будучи уже не первой молодости, она любила свѣтскія увеселенія, увлекаясь ими подобно юной дѣвицѣ, хотя въ дѣйствительности любила ихъ только потому, что въ вихрѣ свѣта забывала навремя угнетавшую ее тяжелую домашнюю жизнь.

Познакомившись у Пашковыхъ со многими лицами, я съ однимъ изъ нихъ Петрушею Озеровымъ [1]) быстро подружился. Онъ былъ сынъ нашего посланника въ Мюнхенѣ, получилъ воспитаніе за границею и въ ту зиму, пріѣхавъ въ Москву для опредѣленія на службу, поселился у Пашковыхъ, старыхъ друзей его отца. Петруша, милый, образованный и благородный юноша, дурно говорилъ по-русски и потому смѣшилъ всѣхъ забавными оборотами рѣчи. Я съ нимъ коротко сошелся, и съ тѣхъ поръ навсегда мы остались искренними друзьями, часто встрѣчая другъ друга на всѣхъ путяхъ нашей, болѣе чѣмъ полувѣковой жизни.

Въ апрѣлѣ, служба моя значительно измѣнилась: назначенный не задолго передъ тѣмъ третьимъ переводчикомъ съ жалованьемъ въ 300 рублей въ годъ и съ правомъ, присвоеннымъ себѣ переводчиками, ничего не дѣлать, я вдругъ получилъ новое назначеніе: князь Оболенскій объявилъ мнѣ, что, желая ознакомить публику со многими хранившимися въ архивѣ историческими актами, онъ устроилъ въ одномъ изъ залъ Оружейной палаты особое для нихъ помѣщеніе и избралъ Полуденскаго и меня въ руководители публики.

Залъ этотъ, получившій громкое названіе «Государственнаго древлехранилища», былъ довольно большого размѣра и уставленъ временными, неуклюжими шкафами для храненія въ нихъ означенныхъ актовъ, изъ которыхъ особенный интересъ представлялъ актъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Древлехранилище это составляло какъ бы дополненіе къ Оружейной палатѣ, открытой для публики по понедѣльникамъ и четвергамъ, и потому Полуденскій и я должны были являться туда въ тѣ же дни. Не скрою, что назначеніе меня въ новую, хотя и фиктивную должность, доставило мнѣ большую радость, давъ возможность два утра въ недѣлю не скучать въ архивѣ, а пріятно проводить въ компаніи моего друга, развлекаясь постояннымъ хожденіемъ публики, а за отсутствіемъ ея, чтеніемъ газетъ и журналовъ, которые, однако, тщательно прятались при появленіи въ дверяхъ князя Оболенскаго, считавшаго долгомъ контролировать наше присутствіе въ древлехранилищѣ.

---

[1]) Петръ Ивановичъ Озеровъ, нынѣ камергеръ и нашъ министръ-резидентъ въ Дармштадтѣ, женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Пашковой, женщинѣ обширнаго ума и рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Мать ея Марія Трофимовна, рожденная Баранова, подобно сестрѣ своей княгинѣ Луизѣ Трофимовнѣ Голицыной, пользовалась расположеніемъ и уваженіемъ императорской фамиліи. У Озерова двѣ сестры: одна вдова гофмейстера Петерсона, а другая въ замужествѣ за извѣстнымъ прусскимъ дипломатомъ Радовицемъ.

Теряясь въ догадкахъ и не отдавая себѣ отчета, почему князь избралъ именно меня въ помощники къ Полуденскому, а не другого чиновника, болѣе знакомаго съ означенными хартіями, я съ этого времени сталъ замѣчать, что обхожденіе его со мною значительно улучшилось, и два раза въ недѣлю я даже удостоивался его бесѣды.

Весною, прибывшій въ Москву государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ посѣтилъ наше древлехранилище въ сопровожденіи своего адъютанта, графа Адлерберга. Все утро, въ ожиданіи великаго князя, Оболенскій былъ въ большихъ хлопотахъ, осматривая чистоту зала и вынимая самъ изъ шкафовъ тѣ акты, которые считалъ нужнымъ показать его высочеству. Для большей же важности онъ поставилъ у входныхъ дверей зала своего архивнаго курьера, браваго унтеръ-офицера, грудь котораго была украшена орденскими знаками и медалями. Великій князь, войдя въ залу, обратился къ курьеру съ разспросами объ его службѣ, а когда Оболенскій началъ показывать его высочеству болѣе или менѣе важныя хартіи, то Полуденскій и я, по предварительному приказанію князя, должны были слѣдовать за нашимъ начальникомъ, по пятамъ. въ родѣ двухъ адъютантовъ, съ тѣмъ, однако, чтобы никуда не соваться и ни до чего не дотрогиваться. Наслѣдникъ осмотрѣлъ всѣ акты въ полномъ молчаніи, слушая неумолкавшія, заученныя объясненія Оболенскаго, и затѣмъ быстро удалился въ сопровожденіи послѣдняго, оставивъ въ Полуденскомъ и во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе своею красотою, изяществомъ манеръ и въ особенности добрымъ привѣтливымъ взглядомъ; но, такъ какъ его высочествомъ не обратилъ на насъ и на наши поклоны никакого вниманія, то мы сочли въ томъ кругомъ виноватымъ Оболенскаго, не представившаго насъ великому князю, а представить, по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ. князь былъ обязанъ уже потому, что отецъ Полуденскаго—заслуженный сенаторъ, а мой—извѣстный писатель, пользовавшійся при своей жизни благосклонностью наслѣдника. и мы нисколько не сомнѣвались, что его высочеству было бы весьма интересно видѣть ихъ сыновей... таково было наше тогдашнее болѣе чѣмъ наивное убѣжденіе...

15-го мая 1854 г. исполнилось мое совершеннолѣтіе: мнѣ минулъ 21-й годъ. и мнѣ пришла мысль отпраздновать этотъ день въ кругу знакомыхъ, устроивъ вечерній чай въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ дѣтствѣ я проводилъ лѣтнее время, т. е. въ Петровскомъ паркѣ. Я пригласилъ на этотъ сельскій праздникъ болѣе пятидесяти дамъ, дѣвицъ и мужчинъ. Всѣ приглашенные радушно отозвались на мой зовъ, и я не получилъ ни одного отказа.

Въ этотъ день я приказалъ устроить въ лѣсу. близъ дворца, большую палатку съ буфетомъ. въ которомъ находились чай, фрукты, сладости и прохладительные напитки, а вблизи палатки—оркестръ

военной музыки. Вечеръ, хотя и безъ танцевъ, вполнѣ удался, и гости разъѣхались довольными не затѣйливымъ, но оригинальнымъ праздникомъ, даннымъ въ Москвѣ, едва ли не въ первый разъ, человѣкомъ не семейнымъ, не солиднымъ, а просто мальчикомъ.

Послѣ этого вечера, польстившаго моему самолюбію, я возмечталъ, что дѣйствительно сдѣлался настоящимъ членомъ московскаго свѣтскаго общества, и потому счелъ нужнымъ перемѣнить мою квартиру на болѣе обширную, съ цѣлью давать зимою небольшіе вечера, приглашая на нихъ и дамъ. Несмотря на протесты Полуденскаго, весьма дѣльно находившаго, что квартира моя достаточна для такого юнаго птенца, какъ я, и что въ мои года еще рано думать о вечерахъ съ великосвѣтскими дамами, я остался при своемъ рѣшеніи и нанялъ въ Кречетниковскомъ переулкѣ, близъ Собачьей площадки, другую, довольно большую квартиру [1]). Устроившись въ ней прилично и помѣстивъ библіотеку въ большихъ шкафахъ, я почилъ на лаврахъ, въ полной увѣренности, что надолго поселился въ новой квартирѣ, но такъ какъ увѣренность бываетъ часто ошибочна, то мнѣ и пришлось, какъ мы увидимъ послѣ, недолго благодушествовать въ моемъ новомъ просторномъ помѣщеніи.

Къ этому времени относится мое знакомство съ двумя прекраснѣйшими личностями: Александромъ Ивановичемъ Бутовскимъ и Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ.

Бутовскій, бывшій агентъ въ Парижѣ отъ нашего министерства финансовъ, только что переселился тогда въ Москву, занявъ должность предсѣдателя московскаго отдѣленія совѣта мануфактуръ и торговли. Онъ былъ лѣтъ 40, небольшого роста, умный, образованный и крайне нервный: съ вида угрюмый и нѣсколько бурливаго характера или, какъ выражаются французы: «rageur», онъ, въ сущности, былъ предобрѣйшій человѣкъ.

Проживъ долго въ Парижѣ, Бутовскій усвоилъ себѣ привычки и манеры настоящаго француза, по милости которыхъ заслужилъ любезное вниманіе московскихъ дамъ, а черезъ послѣднихъ и видное положеніе въ обществѣ.

Познакомившись со мною, онъ сталъ почти ежедневно посѣщать меня, такъ что все лѣто я провелъ неразлучно съ нимъ, вмѣстѣ посѣщая нашихъ общихъ знакомыхъ, жившихъ въ окрестностяхъ Москвы.

Такая быстро возникшая ко мнѣ дружба Александра Ивановича, почти вдвое меня старѣе, показалась мнѣ въ началѣ нѣсколько странною, но потомъ, по свойственному каждому человѣку самолюбію, я отнесъ ее единственно къ любезнымъ качествамъ моей персоны. Разочарованіе, однако, послѣдовало весьма скоро: я убѣ-

[1]) Квартира, находившаяся въ бельэтажѣ, состояла изъ десяти комнатъ со всѣми принадлежностями. Я платилъ за нее всего 550 руб. сер. въ годъ!

дился въ томъ, что онъ подружился со мною вслѣдствіе любви его къ Софіи Л—ой, съ которой я находился въ самыхъ дружескихъ, почти родственныхъ отношеніяхъ, и надѣясь, что пріязнь его ко мнѣ могла повліять черезъ меня на мало расположенную къ нему мою пріятельницу. Но онъ ошибся: при первомъ моемъ намекѣ Л—ой о его любви, она расхохоталась и, посмѣявшись вдоволь надъ моею съ нимъ дружбою, просила меня впредь не увлекаться моими, будто бы, обворожительными качествами. Послѣ того, какъ и слѣдовало ожидать, я сдѣлался для Бутовскаго не столь необходимымъ, и хотя мы продолжали видѣться, но уже гораздо рѣже. Впрочемъ, несмотря на это охлажденіе, онъ въ теченіе всей своей жизни не измѣнилъ хорошихъ ко мнѣ отношеній, и я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ о пріятномъ времени, проведенномъ мною въ обществѣ этого почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка [1]).

Другая личность, съ которою я тогда познакомился, Николай Рубинштейнъ, впослѣдствіи геніальный музыкантъ и братъ еще болѣе геніальнаго Антона Григорьевича, былъ въ то время студентъ Московскаго университета и, какъ уже замѣчательный пьянистъ, пользовался большою извѣстностью и любовью москвичей. да и нельзя было не любить этого милаго, благороднаго юноши, блиставшаго, кромѣ необычайнаго таланта, прекрасными качествами души и сердца. Послѣ перваго нашего знакомства, онъ подружился со мною, чему я былъ несказанно радъ, и въ теченіе зимы 1854 и 1855 годовъ видѣлся со мною почти ежедневно, но позднѣе, когда мнѣ пришлось разстаться съ Москвою, я, къ сожалѣнію, болѣе съ нимъ не встрѣчался. Сожалѣніе это, перешло, наконецъ, въ истинную печаль при извѣстіи о преждевременной его кончинѣ, послѣдовавшей въ Парижѣ.

Въ началѣ ноября меня постигло новое, сердечное горе: жена брата Дмитрія, Анна Ѳеодоровна, которую я очень любилъ, внезапно скончалась. Кончина ея своею неожиданностью сильно поразила меня и жестоко потрясла мои нервы!—вотъ какъ это случилось. Однажды, послѣ моихъ служебныхъ занятій въ архивѣ, я заѣхалъ къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, находившейся въ интересномъ положеніи, и просидѣлъ у нея до обѣда. Вечеромъ я отправился къ Пашковымъ и едва успѣлъ съ ними поздороваться, какъ мнѣ объявили, что мой камердинеръ желаетъ видѣть меня. Хотя я и удивился его появленію, но, такъ какъ на вопросъ: «что случилось?» онъ отвѣтилъ: «ничего, я пришелъ только сказать, что братецъ Дмитрій Михайловичъ за вами присылалъ, а зачѣмъ, не знаю», я успокоился и отправился къ брату. При входѣ въ его квартиру, я нашелъ входную дверь, отворенною, что, впрочемъ, меня не удивило, такъ какъ братъ

[1]) Позднѣе, онъ женился на княжнѣ Юліи Александровнѣ Шаховской и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ званіи сенатора.

жилъ въ отдѣльномъ домѣ, и входъ былъ со двора. Въ передней не встрѣтивъ ни одного человѣка, я вошелъ въ довольно большую столовую, освѣщенную одною свѣчею, гдѣ посреди комнаты стоялъ столъ, а на немъ виднѣлось что-то бѣлое. Подойдя ближе, я, къ ужасу моему, увидалъ на столѣ мертвое тѣло моей невѣстки, прикрытое бѣлымъ покрываломъ... я едва удержался на ногахъ и не могу описать того, что произошло со мною!.. оказалось, что вечеромъ Анна Өеодоровна, разрѣшившись сыномъ, тотчасъ скончалась. Братъ былъ въ отчаяніи, и я опасался за его разсудокъ, особенно, когда мнѣ представилась слѣдующая картина: увидавъ меня, онъ влетѣлъ въ столовую и, держа на рукахъ двухъ своихъ малолѣтнихъ дочерей, принялся плясать и кружиться вокругъ покойницы... сцена эта еще болѣе усилила мой испугъ, и я вернулся домой въ сильномъ, нервномъ разстройствѣ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль малѣйшій шорохъ или возгласъ приводили меня въ трепетъ.

На третій день мы похоронили Анну Өеодоровну въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ моими родителями, а братъ еще долго казался глубоко опечаленнымъ, но въ слѣдующемъ году, окончательно успокоившись, вторично женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Верховской.

Вслѣдствіе кончины моей невѣстки я снова былъ въ траурѣ и третью зиму никуда не показывался въ свѣтъ.

Кончился тяжелый для Россіи 1854 годъ, и наступилъ новый 1855 годъ, еще болѣе тяжелый и прискорбный для всѣхъ русскихъ, горячо любившихъ свое отечество: на Дунаѣ и въ Крыму лилась ручьями кровь доблестныхъ воиновъ, сраженье терялось за сраженіемъ, непріятель сильнѣе и сильнѣе укрѣплялся на нашей родной землѣ, война принимала все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры...

Въ это время, въ началѣ новаго года, послѣдовалъ высочайшій манифестъ съ призывомъ дворянству ко всеобщему ополченію Манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе на русское дворянство, а московскіе дворяне, старые и юные, стали съ радостью вписывать свои имена въ ополченскіе списки.

Ополченіе Московской губерніи состояло изъ одной дружины въ 1.000 человѣкъ на каждый уѣздъ. Въ начальники дружинъ избирались, по выбору дворянъ, лица въ чинѣ не ниже майора. Статскіе чины переименовывались такъ: статскіе и коллежскіе совѣтники—въ капитаны, надворные совѣтники и коллежскіе ассесоры—въ штабсъ-капитаны, титулярные совѣтники—въ поручики, коллежскіе и губернскіе секретари—въ подпоручики, а коллежскіе регистраторы—въ прапорщики. Всѣ же тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники сохраняли свои чины и поступали въ ополченіе не иначе, какъ начальниками дружинъ или всего ополченія. Изъ числа такихъ статскихъ генераловъ были избраны въ дружинные началь-

ники: тайный совѣтникъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ [1]) и дѣйствительные статскіе совѣтники, камергеры: князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ [2]) и графъ Иванъ Петровичъ Толстой [3]). Остальные начальники дружинъ были изъ отставныхъ военныхъ или бывшихъ прежде въ военной службѣ.

Начальникомъ московскаго ополченія былъ единогласно избранъ знаменитый герой отечественной войны и Кавказа генералъ-отъ-артиллеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, а за отказомъ его по преклонности лѣтъ выборъ палъ на бывшаго попечителя Московскаго университета генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строгонова.

Не будучи, какъ я выше сказалъ, храбраго десятка, и не имѣя ни малѣйшаго желанія переходить въ военную службу нижнимъ чиномъ, я не думалъ принимать участіе въ войнѣ, но, по прочтеніи манифеста, призывавшаго дворянство на помощь войску, я почувствовалъ какое-то душевное волненіе, и мнѣ стало какъ-то совѣстно, что я, молодой, свободный человѣкъ, останусь спокойно проживать въ Москвѣ, когда царь призываетъ своихъ вѣрныхъ дворянъ на защиту отечества!..

Это былъ первый порывъ моего юнаго сердца, и недолго думая, я рѣшился вступить въ ополченіе, но слезы и вопли моей няни и стараго камердинера, а еще болѣе перспектива разставанья съ нѣжно любимою мною Лизою К. едва не поколебали моего быстраго рѣшенія. Не сомнѣваясь въ привязанности Лизы, я былъ увѣренъ, что отъѣздъ мой изъ Москвы на неопредѣленное время, можетъ быть, навсегда, сильно огорчитъ ее. Сообщивъ ей о моемъ рѣшеніи и встрѣтивъ, вмѣсто ожидаемыхъ потоковъ слезъ, радостное лицо и настойчивую просьбу о скорѣйшемъ исполненіи моего намѣренія, я понялъ, что между нами все конечно, и что предметъ моей трехлѣтней, неизмѣнной любви желаетъ ловкимъ образомъ отдѣлаться отъ меня.

На другой день я отправился въ дворянское собраніе и записался въ московское ополченіе; пріѣхавъ оттуда въ архивъ, я попросилъ доложить Оболенскому о моемъ поступленіи въ ополченцы. Князь позвалъ меня въ свой кабинетъ и сухо изъявилъ удивленіе, почему я, рѣшившись на такой шагъ, предварительно не посовѣтовался съ нимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, я не имѣлъ никакого повода мѣнять мою архивную службу на ополченскую, и если я полагаю извлечь изъ этой перемѣны какую нибудь пользу для бу-

[1]) Сынъ извѣстной княгини Варвары Васильевны, рожденной Энгельгардтъ, родной племянницы князя Потемкина-Таврическаго.

[2]) Женатый на внучкѣ князя Кутузова-Смоленскаго Аннѣ Матвѣевнѣ Толстой.

[3]) Сынъ извѣстнаго генерала графа Петра Александровича Толстого. Онъ былъ женатъ на дочери графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, но въ то время уже вдовый.

дущей моей служебной карьеры, то онъ можетъ только посовѣтовать мнѣ, по распущеніи ополченія, продолжать военную службу, поступивъ въ Преображенскій полкъ. Послѣ этого наставленія князь холодно отпустилъ меня. Я не сказалъ ему ни слова и радъ былъ уйти отъ человѣка, который, въ виду моей пятилѣтней, совершенно безполезной для меня подъ его начальствомъ службы, не могъ сообразить, что въ данный моментъ мною руководило иное что, чѣмъ чувство честолюбія или личной для себя пользы. Мнѣ очень хотѣлось сказать моему попечительному начальн..ку: «ошибаетесь, князь, о пользѣ я и не думалъ, а тутъ другія вѣскія причины: манифестъ и... Лиза!» Но, почему я долженъ былъ, по мнѣнію князя, поступить въ Преображенскій полкъ, а не въ другой,—осталось для меня загадкою.

19-го февраля, я былъ у обѣдни въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ въ этотъ день возносились молитвы ко Всевышнему объ исцѣленіи серіозно заболѣвшаго императора Николая Павловича. Послѣ обѣдни я отправился въ дворянское собраніе узнать подробности о происходившихъ тамъ выборахъ по ополченію. Войдя въ огромный залъ собранія, гдѣ находились предводители дворянства всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи и масса дворянъ, я увидалъ на всѣхъ лицахъ выраженіе какого-то испуга и ужаса. Всѣ суетились, жестикулировали и передавали что-то другъ другу... вдругъ я услыхалъ роковыя слова: «Государь скончался!..». Подобно всѣмъ присутствующимъ, я былъ глубоко потрясенъ и опечаленъ, и едва ли въ тотъ день нашелся бы хотя одинъ человѣкъ, который не скорбѣлъ бы душою о кончинѣ Николая Павловича, такъ велико было тогда обаяніе его надъ своими подданными! Всѣ истинно-русскіе любили и чтили его, какъ благороднѣйшую, рыцарскую личность, высоко державшую знамя святой Руси! Чувство горя и слезы были общія; горевали даже и тѣ, которые считали его главнымъ виновникомъ тогдашняго тяжелаго положенія Россіи и всѣхъ нашихъ военныхъ неудачъ.

Пробывъ нѣсколько времени въ собраніи, я вернулся домой въ сильномъ волненіи и сообщилъ моимъ слугамъ страшную вѣсть: они залились слезами. Слезы ихъ служили лучшимъ доказательствомъ той безграничной, горячей любви, которую питаетъ нашъ простой, русскій народъ къ своимъ помазанникамъ Божіимъ, и которая особенно сильно и повсемѣстно проявилась по случаю кончины Николая Павловича, невзирая даже на существовавшее тогда крѣпостное право и частыя злоупотребленія, творившіяся помѣщичьею властію.

21-го февраля, въ Чудовомъ монастырѣ, совершена панихида по усопшемъ государѣ, послѣ которой принесена присяга воцарившемуся императору Александру II. Въ церковь собралась вся служилая и дворянская Москва, но общее вниманіе особенно обра-

пцалъ на себя явившійся туда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, проживавшій съ давнихъ лѣтъ въ Москвѣ, почти что въ опалѣ и не показывавшійся ни на какихъ оффиціальныхъ сборищахъ. Не видавъ никогда этого почти восьмидесятилѣтняго старца, я былъ пораженъ его величественною фигурою: большого роста, сутоловатый, чрезвычайно плечистый, съ короткою шеею и огромною головою, покрытою сѣдою, львиною гривою, онъ походилъ на какого-то миѳологическаго бога или сфинкса древнихъ временъ.

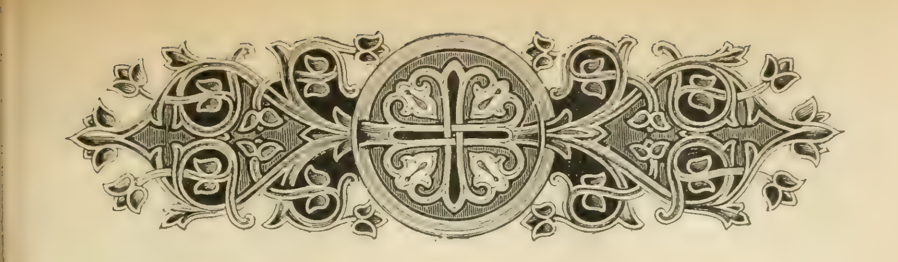
Во время принесенія присяги произошелъ въ Кремлѣ печальный случай: упалъ малый колоколъ съ колокольни Ивана Великаго! Паденіе его въ столь торжественную минуту произвело большой переполохъ въ народѣ, и было немало старыхъ людей, значительно качавшихъ головою и увѣрявшихъ, что случай этотъ есть дурное предзнаменованіе для новаго царствованія.

Манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра II, прекрасно и трогательно написанный, произвелъ на всю публику умилительное дѣйствіе. Не могу, при этомъ, не вспомнить слезъ находившагося у меня въ услуженіи 17-ти-лѣтняго мальчика Венедикта, котораго, на другой день по опубликованіи манифеста, я увидалъ читающаго газету и горько плачущаго. На вопросъ мой, отчего онъ плачетъ, мальчикъ отвѣтилъ: «читаю манифестъ, а плачу потому, что всѣ говорятъ, безъ слезъ нельзя читать его!».

С. М. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

X.

Начальникъ дружины № 115, баронъ Боде. — Воинскіе уроки. — Несостоявшійся обѣдъ. — Пасхальная заутреня. — Поступленіе въ ополченіе. — Переѣздъ въ Подольскъ.—Составъ дружины.—Первое данное мнѣ порученіе.—Обученіе дружины.— Кончина барона Боде.—Новый командиръ графъ Ростопчинъ.—Наружность его.— Ростопчинъ и Сушковъ. — Офицеры Д. и Г. — Графъ Закревскій. — Смотръ дружины.— Мое недовольство.— Выговоръ отъ Ростопчина.—Деревня Фетищи.—Совмѣстная жизнь съ Х. — Мои поѣздки. - Болѣзнь. — Генералъ Ланской. — Смотръ дружины.— Новая болѣзнь.—Два сюрприза.—Назначеніе меня казначеемъ и квартирмейстеромъ. — Смотръ графомъ Строгоновымъ.— Моя новая служба. — Выступленіе дружины въ походъ.

ОСТУПИВЪ въ ополченіе, я записался въ Подольскую дружину № 115, такъ какъ былъ хорошо знакомъ съ ея начальникомъ, барономъ Львомъ Львовичемъ Боде, бывшимъ, при покойномъ моемъ отцѣ, помощникомъ его по должности директора оружейной палаты. Боде, служившій прежде въ гвардіи и переименованный, согласно его прежнему чину, въ майоры, былъ еще довольно молодой человѣкъ, красивый, симпатичный и любезный и по старому знакомству со мною очень обрадовался моему поступленію въ его дружину, въ которую также записались: мой пріятель Григорій Александровичъ Чертковъ и знакомые мнѣ графъ Андрей Өеодоровичъ Ростопчинъ и

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 15.

шуринъ его Сергѣй Петровичъ Сушковъ. Ростопчинъ, уже человѣкъ пожилой, не имѣлъ въ себѣ ничего привлекательнаго, а Сушковъ, также не первой молодости, былъ, напротивъ, пріятенъ, любезенъ и очень уменъ.

Записавшись въ ратники, я пересталъ посѣщать архивъ и сталъ приготовляться къ предстоявшимъ мнѣ новымъ обязанностямъ, т. е. брать у какого-то отставного унтеръ-офицера уроки маршировки, ружейныхъ пріемовъ и всякой другой, неизвѣстной мнѣ военной премудрости, дабы, вступивъ въ дружину, имѣть хотя нѣкоторое понятіе о военныхъ эволюціяхъ. Не чувствовавъ прежде никакого влеченія къ военной службѣ и никогда еще не прельщавшись офицерскимъ мундиромъ, я внезапно воспылалъ ребяческимъ желаніемъ поскорѣе надѣть эполеты, и потому съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія высочайшаго приказа о переименованіи меня въ военный чинъ. Отдавая полную справедливость извѣстному изреченію, что «курица не птица, а прапорщикъ не офицеръ», я все же находилъ болѣе благозвучнымъ именоваться прапорщикомъ, чѣмъ коллежскимъ регистраторомъ.

Изъ чиновниковъ архива, сколько я припомню, никто, кромѣ меня, не поступилъ въ ополченіе, но мои товарищи при извѣстіи, что я покидаю ихъ, пожелали на прощаніи со мною устроить мнѣ обѣдъ въ одномъ изъ большихъ московскихъ трактировъ. Глубоко тронутый ихъ дружескимъ и лестнымъ для меня вниманіемъ, я, однако, усомнился въ возможности исполненія ихъ намѣренія, потому что узналъ черезъ Полуденскаго, что двое или трое изъ менѣе храбрыхъ моихъ сослуживцевъ уже оробѣли при одной мысли совершить такую неслыханную въ архивѣ овацію оставляющему службу чиновнику 14-го класса, и которая, по своей новизнѣ, могла показаться въ глазахъ строгаго начальника неумѣстною и даже либеральною, а слѣдовательно и зловредною. Мнѣніе робкихъ, но благоразумныхъ моихъ товарищей восторжествовало, и обѣдъ не состоялся, о чемъ, впрочемъ, я нисколько не сожалѣлъ, вполнѣ понимая, что вслѣдствіе педантичности и рутины во всемъ князя Оболенскаго подобное чествованіе маленькаго чиновника могло навлечь массу непріятностей на моихъ добрыхъ товарищей, о которыхъ и до сего времени я вспоминаю съ глубокою благодарностью за пріязнь, оказанную ими мнѣ въ теченіе моей совмѣстной съ ними службы.

Свѣтлый праздникъ въ этомъ году былъ для меня не особенно радостенъ. Я встрѣтилъ его, какъ и всегда, со дня кончины моихъ родителей, на ихъ могилѣ, но меня томила неизвѣстность о томъ, придется ли еще когда нибудь слушать великую заутреню въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, вблизи моихъ дорогихъ усопшихъ и въ полночь сказать имъ: «Христосъ воскресе!» Вернувшись изъ монастыря домой, грустный и разстроенный, я сѣлъ за письменный столъ и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

ПАМЯТИ МОИХЪ РОДИТЕЛЕЙ.

Безъ васъ, въ день свѣтлый воскресенья,
Я полонъ грусти, размышленья
И надъ могилою родной
Стою одинъ и сиротой.
Надъ вашимъ прахомъ я склонюся
И тихо, молча все молюся,
Молюсь съ поникшею главой.
Обнявъ вашъ камень гробовой,
И вы изъ глубины могилы,
Господней вызванные силой.
Въ порывѣ радости святой,
Воскресли оба предо мною!
Да, въ этотъ свѣтлый мигъ свиданья
Исчезли всѣ мои страданья,
И слышу голосъ я съ небесъ:
Съ тобою мы! Христосъ воскресъ!..

Желая знать, хорошо или дурно мое стихотвореніе, вылившееся прямо изъ души, я прочелъ его Николаю Васильевичу Сушкову и, позднѣе, Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову: несмотря на найденныя ими нѣкоторыя неправильности, я заслужилъ не только ихъ похвалу, но и пророчество, что со временемъ изъ меня можетъ выйти поэтъ. Пророчество это, однако, не сбылось.

Въ апрѣлѣ, послѣдовалъ давно мною ожидаемый высочайшій приказъ объ окончательномъ опредѣленіи меня въ 115-ю дружину, съ чиномъ прапорщика, и наступило время разставанья съ Москвою и отъѣзда въ скучный, грязный Подольскъ. Не легко было покинуть мою прекрасную квартиру, моихъ друзей и мою няню, съ которой я еще ни разу не разлучался... Но эполеты выручили многое!... Отпустивъ неважные усы и стараясь принять военную осанку, я былъ очень доволенъ видѣть себя офицеромъ, хотя внутренно нѣсколько завидовалъ Черткову, назначенному дружиннымъ адъютантомъ и, въ силу этого званія, надѣвшему не шпагу, какъ я, но саблю и шпоры!.. Сабля и шпоры казались мнѣ тогда верхомъ блаженства для военнаго: идешь по улицѣ, бренчитъ сабля; расшаркиваешься передъ дамою—звенятъ шпоры... стыдно, очень стыдно признаться, что такимъ вздоромъ могъ тогда восхищаться почти двадцатидвухлѣтній юноша, уже пять лѣтъ носившій мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ! О молодость, молодость, какъ ты бываешь... глупа!

Переѣхавъ въ Подольскъ, я поселился въ одной квартирѣ съ Чертковымъ, и мы зажили общимъ хозяйствомъ. Несмотря на свое богатство, Чертковъ не былъ ни расточителенъ, ни прихотливъ, и потому я могъ жить съ нимъ на половинныхъ издержкахъ.

Вскорѣ начался пріемъ ратниковъ, и черезъ нѣсколько времени дружина была набрана. Она состояла изъ четырехъ ротъ.

командирами которыхъ назначены: 1-й роты—графъ Ростопчинъ, 2-й Бухвостовъ, 3-й—Сушковъ и 4-й—Новицкій. Всѣ ротные командиры оказались изъ отставныхъ военныхъ (первые три были штабсъ-капитаны, а послѣдній поручикъ) и потому считались свѣдущими въ военномъ дѣлѣ, но вышло наоборотъ: за исключеніемъ Сушкова, остальные ничего не смыслили, а менѣе всѣхъ Ростопчинъ. Въ должность адъютанта былъ назначенъ, какъ я уже сказалъ, Чертковъ, а въ должность казначея и квартирмейстера прапорщикъ Грушецкій (изъ письмоводителей какого-то подольскаго присутственнаго мѣста). Сверхъ того, въ дружину былъ опредѣленъ докторъ Сумбулъ. Я же поступилъ, подобно всѣмъ прочимъ, субалтернъ-офицеромъ. Объ этихъ моихъ товарищахъ, за весьма малымъ исключеніемъ, распространяться нечего: они были или изъ отставныхъ военныхъ, или изъ мелкихъ чиновниковъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ и не отличались ни воинскими, ни гражданскими, ни просто человѣческими доблестями. Исключеніе изъ нихъ составляли: подпоручикъ Паціентовъ и Кривцовъ и прапорщикъ Шиллингъ. Первый, происходившій изъ духовнаго званія, скромный, тихій и застѣнчивый, могъ служить образцомъ всѣхъ добродѣтелей, а послѣдніе, весьма молодые люди, отличались умомъ, благовоспитанностью и вполнѣ приличными манерами.

Поступивъ въ 3-ю роту, во время пріема ратниковъ, я тотчасъ получилъ приказаніе отвести партію новобранцевъ (человѣкъ въ 50) на назначенныя имъ квартиры въ какомъ-то селѣ, находившемся довольно далеко отъ Подольска. Порученіе это показалось мнѣ забавнымъ уже потому, что въ первый разъ жизни я дѣлался на нѣсколько часовъ начальствующимъ лицомъ и, хотя мои подчиненные состояли только изъ разношерстныхъ мужичковъ, не привыкшихъ къ субординаціи, однако я полагалъ доставить ихъ куда слѣдовало въ полномъ порядкѣ и безъ приключеній. Сѣвъ на лошадь, я повелъ партію, приказавъ состоявшимъ при ней кадровымъ унтеръ-офицерамъ слѣдовать позади, не допуская отсталыхъ. Пройдя спокойно полпути, я вдругъ увидалъ почти передъ собою питейный домъ... при видѣ этого зданія, столь близкаго сердцу русскаго простолюдина, я смутился и оробѣлъ: мнѣ представилась явная невозможность не допустить моихъ ратниковъ до «зелена вина», а, затѣмъ, уже и рисовалась картина прихода ихъ на квартиры въ нетрезвомъ видѣ. Остановивъ партію и приказавъ ей «оправиться», я подозвалъ одного изъ унтеръ-офицеровъ и тихо спросилъ его о томъ, какъ нужно поступить, чтобы мужички прошли мимо кабака, не забѣгая въ него.—«Ничего не подѣлаешь, ваше благородіе»,—отвѣтилъ служивый,—«они еще мужланы, не знаютъ дисциплины, не послушаются и безпремѣнно перепьются».

Такія ободрительныя слова стараго воина, предвѣщавшія мнѣ полный безпорядокъ во ввѣренной мнѣ партіи, окончательно обез-

куражили меня... вдругъ, въ головѣ моей блеснула мысль—сказать новобранцамъ краснорѣчивую рѣчь!—быстро подъѣхавъ къ нимъ, я сказалъ приблизительно слѣдующее: «ребята! вы видите передъ собою кабакъ,—я знаю, что васъ тянетъ туда! отвернитесь и плюньте на него, пройдите мимо и докажите, что вы уже не простые мужики, а настоящіе воины, готовые на всѣ жертвы, а когда придемъ на мѣсто, то я угощу васъ, и вы выпьете за здоровье царя!»—въ отвѣтъ на мои слова, толпа крикнула: «слушаемъ, не пойдемъ!» и дѣйствительно, спокойно, въ полномъ порядкѣ, прошла мимо кабака. Я вздохнулъ свободно; но едва успѣлъ вылетѣть изъ моей груди этотъ свободный вздохъ, какъ нѣсколько ратниковъ подскочили ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ нѣжнымъ, умилительнымъ голосомъ проговорилъ: «ваше благородіе, мы всѣ послушались и прошли мимо кабака, а теперь за наше послушаніе дозвольте вернуться и выпить по стаканчику». Не успѣвъ еще опомниться отъ такой неожиданной логики, я тутъ же услыхалъ со всѣхъ сторонъ возгласы: «стыдно, нельзя, не смѣйте итти въ кабакъ», и вслѣдъ затѣмъ остальные ратники не допустили этихъ выскочекъ выпить по «стаканчику». Я благополучно довелъ партію до мѣста ея назначенія и угостилъ ее тамъ водкою.

Подвигъ этотъ, совершенный мною надъ толпою простыхъ крестьянъ, безъ крика и угрозъ, тихо и мирно, подтвердилъ мнѣ на дѣлѣ не разъ слышанныя мною увѣренія покойнаго отца, что русскій простой народъ нуждается не въ «палкѣ и кулакѣ», а только въ «добромъ и понятномъ для него словѣ».

По окончаніи набора, дружину помѣстили въ Подольскѣ и въ окрестныхъ деревняхъ и начали обучать ее маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ и разнымъ построеніямъ. Когда ученія бывали въ присутствіи барона Боде, то производились безъ шума и брани, а въ отсутствіи его въ 1-й и 3-й ротахъ постоянно сопровождались кулачною расправою, въ которой особенно отличался графъ Ростопчинъ. Сушковъ также былъ до нея не малый охотникъ, но колотилъ своихъ ратниковъ рѣже и не столь усердно, какъ его шуринъ. Голоса же обоихъ родственниковъ и изрыгаемая ими непечатная брань на всѣхъ учениковъ одинаково громко раздавались въ воздухѣ мирнаго Подольска и, къ несчастію, не доносились до слуха начальника дружины, часто уѣзжавшаго въ свое имѣніе, находившееся по близости Подольска. Не знаю, какъ дѣйствовали въ своихъ ротахъ Бухвостовъ и Новицкій, но увѣренъ, что послѣдній, прекрасный, добрый и благородный человѣкъ, не позволялъ себѣ ничего подобнаго надъ своими ратниками.

Не долго пришлось дружинѣ находиться подъ командою барона Боде: въ началѣ мая онъ поѣхалъ въ свое имѣніе, заболѣлъ тифомъ и вскорѣ скончался тамъ на рукахъ своей жены и родителей. Горе офицеровъ и ратниковъ было непритворное, всѣ искренно

сожалѣли о безвременной кончинѣ этого молодаго, полнаго силъ и здоровья, превосходнаго человѣка и начальника [1]).

Лично для меня смерть его была очень чувствительна. Опредѣлившись въ подольскую дружину въ полной увѣренности имѣть хорошаго и вѣжливаго начальника, я вдругъ легко могъ очутиться подъ начальствомъ какого нибудь настоящаго бурбона изъ штабъ-офицеровъ другихъ дружинъ московскаго ополченія, такъ какъ нашъ старшій офицеръ Сушковъ, по своему оберъ-офицерскому чину, не имѣлъ права занять мѣсто Боде. Конечно, я могъ ходатайствовать о переводѣ меня въ другую дружину и легче всего въ Клинскую, гдѣ уже находились мои оба брата [2]), но, не имѣя никакого понятія о ея начальникѣ маіорѣ Алмазовѣ [3]), и, сверхъ того, по другимъ причинамъ, казавшимся мнѣ тогда совершенно основательными, предпочелъ остаться въ Подольскѣ и ждать у моря погоды... скоро погода эта разразилась грозою, въ лицѣ назначеннаго намъ новаго командира; начальникъ ополченія предложилъ Сушкову принять командованіе дружиною на правахъ и съ

---

[1]) Жена барона такъ же, какъ и мать его, были рожденныя Колычевы. Отецъ его, баронъ Левъ Карловичъ, въ то время оберъ-гофмейстеръ и президентъ московской дворцовой конторы, сдѣлалъ по милости своего друга министра императорскаго двора, князя Волконскаго, чрезвычайно быструю карьеру: такъ, по окончаніи постройки, въ 1847 году, большого кремлевскаго дворца, баронъ Л. К. получилъ одновременно: чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-гофмейстера и Александровскую ленту. Подъ конецъ своей жизни, вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра II-го, когда уже князя Волконскаго не было въ живыхъ, онъ испыталъ много непріятностей, вслѣдствіе какихъ-то злоупотребленій, обнаружившихся по означенной конторѣ и долженъ былъ оставить службу, сохранивъ только придворный чинъ. Но, при этомъ, государь, цѣня его долговременную, вѣрную и честную службу, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра I-й степени, при полученіи котораго престарѣлый и уже больной Боде, до слезъ тронутый милостью государя, поцѣловалъ орденъ и держалъ его постоянно около себя, на столѣ. Кромѣ сына Льва, у него былъ сынъ Михаилъ, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Чертковой и присоединившій къ своей фамиліи фамилію Колычева. Послѣдній умеръ такъ же, какъ и отецъ его, въ чинѣ оберъ-гофмейстера. У барона Льва Карловича было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна вышла сначала за Олсуфьева, а потомъ за князя Вяземскаго, а другая за князя Александра Ивановича Долгорукова (въ первомъ бракѣ женатаго на Колошиной), сына извѣстнаго поэта князя Ивана Михаиловича, автора «Капища моего сердца». Старый баронъ, жена его Наталья Өеодоровна и все семейство его пользовались въ Москвѣ полнымъ уваженіемъ не только всѣхъ лицъ, близко ихъ знавшихъ, но и всего высшаго общества и, несмотря на свою иностранную фамилію, могли по справедливости называться настоящими русскими «барами».

[2]) Старшій, Дмитрій, передъ выступленіемъ Клинской дружины въ походъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку, а Николай оставался въ ней до окончательнаго расформированія ополченія.

[3]) Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи и, какъ я позднѣе узналъ, былъ умный, добрый старикъ и попечительный начальникъ. Сестра его, Варвара Петровна, по мужѣ Шереметева, была матерью первой жены извѣстнаго богача графа Дмитрія Николаевича Шереметева.

званіемъ «командующаго», но, за отказомъ его, графъ Строгановъ, недолго думая, бросилъ насъ въ объятія графа Ростопчина...

Офицеры, имѣвшіе уже достаточное понятіе о характерѣ графа, сильно перепугались, но Чертковъ и я волновались менѣе другихъ, полагая, что графъ, будучи съ нами давно знакомъ, не измѣнитъ своихъ прежнихъ вѣжливыхъ къ намъ отношеній, хотя, по правдѣ сказать, и намъ вовсе не нравилась перспектива быть постоянными свидѣтелями выходокъ этого замѣчательнаго самодура.

Ростопчину было тогда 42 года, но онъ казался значительно старѣе. Высокаго роста, мускулистаго тѣлосложенія, онъ былъ очень сгорбленъ и держалъ голову впередъ, выдвинувъ свой длинный подбородокъ. Толстый носъ его былъ похожъ на подрумяненную картофелину, а плѣшивая голова, обрамленная снизу какъ бы вѣнчикомъ темныхъ волосъ, гладко прилизанныхъ на вискахъ, принимала лѣтомъ видъ тыквы или арбуза, вслѣдствіе сбриванія на жаркое время послѣднихъ имѣвшихся на ней волосъ. Глаза его, большіе на выкатѣ, словно бычачьи, не лишены были въ минуты мирнаго настроенія нѣкоторой гордости, а во время гнѣва или сильнаго раздраженія наливались кровью и придавали лицу бѣшеное, звѣрское выраженіе. Въ веселомъ настроеніи духа, что̀ случалось часто, особенно въ послѣобѣденное время, графъ не могъ удержаться, чтобы не разсказать о какомъ либо своемъ поступкѣ, повредившемъ ближнему, а иногда и просто имъ выдуманномъ, при чемъ глаза его закатывались, подбородокъ дѣлался еще длиннѣе, и самъ разсказчикъ заливался неудержимымъ смѣхомъ, который, по мѣрѣ злостности или лживости разсказа, становился все болѣе и болѣе неудержимѣе. Тогда слушатели уже не сомнѣвались въ томъ, что графъ или дѣйствительно сдѣлалъ кому либо сильную гадость, или безсовѣстно лгалъ.

Здоровье его было просто желѣзное, и онъ никогда не болѣлъ, несмотря на всѣ выкидываемыя штуки; зимою, напримѣръ, въ самый сильный морозъ, выпарившись въ банѣ, онъ выходилъ нагишомъ на воздухъ и валялся въ снѣгу, а затѣмъ, легко одѣвшись, безъ шубы, садился въ сани и ѣхалъ съ непокрытою головою.

Изъ всего вышесказаннаго не трудно замѣтить, что наружность графа была непривлекательна, а личность его несимпатична, но хорошее образованіе, большая начитанность и не лишенный остроты разговоръ дѣлали изъ него по временамъ забавнаго собесѣдника.

Въ первое время командованія дружиною, Ростопчинъ, обрадованный данною ему властью, сталъ лично обучать ратниковъ, дѣлая ежедневно, въ 4 часа утра и въ 5 дня, ученья и разныя эволюціи, сопровождавшіяся, по обыкновенію, неистовымъ его рёвомъ и хожденіемъ его здороваго кулака по ратническимъ физіономіямъ, зубамъ и затылкамъ.

Плохо зная военный артикулъ, онъ дѣлалъ на ученіяхъ грубыя ошибки, исправителемъ которыхъ постоянно являлся его шуринъ Сушковъ. Появленіе этого непрошеннаго учителя было такъ оригинально и неумѣстно, что вызывало общій сдержанный смѣхъ и, безъ сомнѣнія, умаляло въ глазахъ присутствовавшихъ значеніе самого командира дружины.

Сушковъ забывая, что въ строю родство не полагается, выскакивалъ изъ фронта и громко кричалъ: «врешь, врешь, André! не такъ, совсѣмъ не такъ!» и тотчасъ же принимался доказывать господину «André» неосновательность его командныхъ словъ и построеній. Униженный и пристыженный начальникъ всегда уступалъ, но, бѣшено сверкая своими выпуклыми глазами, какъ будто хотѣлъ сказать командиру 3-й роты: «погоди, голубчикъ, я тебѣ отплачу!» что, впрочемъ, и нерѣдко случалось; ненавидя Сушкова съ давнихъ лѣтъ, графъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы чѣмъ либо повредить ему или, какъ онъ самъ выражался, «напакостить».

А «пакостить» было въ его характерѣ. Вотъ тому первый и не послѣдній примѣръ: вступивъ въ командованіе дружиною, Ростопчинъ немедленно удалилъ изъ нея двухъ офицеровъ Д. и Г., правда, не составлявшихъ особаго украшенія дружины, но и не совершившихъ никакого проступка, а только имѣвшихъ несчастье не понравиться лицомъ и манерами своему начальнику. Онъ сталъ преслѣдовать ихъ, дерзко придирался и до такой степени былъ съ ними грубъ, что они должны были оставить ополченіе. Мало того, одного изъ нихъ Г. онъ чуть не отдалъ подъ судъ за какой-то пустякъ. Оба офицера быстро испарились изъ Подольска, вышли въ отставку, и дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна.

Съ наступленіемъ лѣта, дружина попала подъ особое покровительство московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, проживавшаго лѣтомъ близъ Подольска, въ своемъ имѣніи «Ивановскомъ». Посѣщая часто дружину, графъ называлъ ее «своею дружиной», вѣроятно, потому, что и самъ былъ помѣщикомъ того же уѣзда. Присвоивъ ее себѣ, онъ гордился ею, увѣряя всѣхъ, что «его дружина» лучшая изъ всѣхъ остальныхъ дружинъ московскаго ополченія.

Пріѣхавъ однажды въ Подольскъ въ 6 часовъ вечера, Закревскій сдѣлалъ намъ настоящій смотръ и остался всѣмъ и всѣми доволенъ, невзирая даже на слѣдующее обстоятельство: проходя по фронту дружины и поровнявшись со мною, графъ спросилъ меня, знаю ли я по имени каждаго ратника своей роты, и на отвѣтъ мой, что знаю имена только немногихъ, сказалъ: «это нехорошо; когда я былъ офицеромъ, то всегда зналъ имена солдатъ своей роты».

Сверхъ того, замѣтивъ, что я отдалъ ему честь шпагою и вмѣстѣ съ тѣмъ во время разговора держалъ руку подъ козырекъ, онъ отвелъ мою руку и сказалъ: «зачѣмъ держишь руку? Эхъ, ты, статскій! и тутъ же пригласилъ меня къ себѣ на чашку чая.

Производившіяся ученія въ 4 часа утра очень утомляли и изводили меня. Не привыкши ни рано вставать, ни предаваться сну среди дня, я вслѣдствіе этихъ ночныхъ вставаній почувствовалъ нѣкоторое отвращеніе къ моей новой службѣ и не разъ пожалѣлъ о своемъ поступленіи въ подольскую дружину, полагая, что другіе начальники не вставали въ 3 часа ночи и не спали, подобно Ростопчину, днемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Хотя графъ и увѣрялъ насъ, что онъ производитъ столь раннія ученія единственно, чтобы избавить дружину отъ дневной жары, но офицеры, зная его причуды, сомнѣвались въ справедливости его словъ; однако, онъ дѣйствительно заботился о ратникахъ и о ихъ здоровьѣ, строго наблюдая, чтобы пища ихъ была свѣжая, хорошая и достаточная, и угощая ихъ часто на свой счетъ чаркою вина, за что ратники называли его попечительнымъ начальникомъ и, повидимому, не обращали особаго вниманія на его побои.

Служба моя еще болѣе показалась мнѣ непріятною послѣ слѣдующаго случая: какъ-то рано утромъ Чертковъ и я, пробужденные обычнымъ барабаннымъ боемъ, встали и, поспѣшно одѣвшись, побѣжали на ученіе, гдѣ нашли дружину уже въ полномъ сборѣ, со всѣми офицерами и Ростопчинымъ во главѣ.

Оказалось, что барабанщикъ поздно забилъ сборъ у нашихъ оконъ, и мы опоздали. Графъ, узнавъ причину нашей неаккуратности, обратился ко мнѣ и строгимъ, внушительнымъ голосомъ сказалъ: «прапорщикъ Загоскинъ, вы опоздали и потому манкировали всей дружинѣ. На этотъ разъ я ограничусь замѣчаніемъ, но впредь, если это случится, арестую васъ!» —Черткову же онъ не сказалъ ни слова.. Меня это взорвало, но, конечно, я смолчалъ. Считая себя виноватымъ наравнѣ съ адъютантомъ и то лишь по милости барабанщика, я никакъ не могъ сообразить, почему я одинъ заслужилъ выговоръ,—развѣ потому, что Чертковъ былъ очень богатъ?... хорошъ мой начальникъ!—подумалъ я и рѣшилъ, если такъ будетъ продолжаться, то не только не оставаться въ его дружинѣ, а даже выйти совсѣмъ изъ ополченія, но не подвергать себя незаслуженнымъ выговорамъ и, чего добраго, аресту. Въ тотъ день Чертковъ и я были приглашены уже прежде къ Ростопчину на обѣдъ. Мой пріятель пошелъ, а я отказался подъ предлогомъ нездоровья, но въ сущности, чтобы дать понять моему начальнику всю несправедливость его поступка со мною. Не знаю, понялъ ли онъ мой отказъ или нѣтъ, но въ тотъ же вечеръ зашелъ къ намъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, долго сидѣлъ, разсказывая мнѣ всякій вздоръ. Съ тѣхъ поръ на ученіяхъ я ни разу не получалъ

ни замѣчаній, ни выговоровъ, хотя, быть можетъ, иногда и заслуживалъ ихъ, не умѣя маршировать въ ногу и вытягивать носокъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, составляло тяжкій грѣхъ.

Пребываніе мое въ Подольскѣ продолжалось недолго: по случаю перевода 3-ей роты въ близъ лежащую деревню «Фетищи», я долженъ былъ разстаться съ Чертковымъ и слѣдовать за нею. Въ это время офицеръ той же роты, котораго я назову X., сталъ упрашивать меня поселиться въ Фетищахъ вмѣстѣ съ нимъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ я жилъ съ Чертковымъ, т.-е. на половинныхъ издержкахъ, и, сверхъ того, въ виду предстоявшаго похода, совѣтовалъ мнѣ непремѣнно купить пару лошадей, тарантасъ, чемоданы, ящикъ съ виномъ, посуду и разныя другія мелочи, будто бы необходимыя во время похода. Опираясь на свою прежнюю военную службу на Кавказѣ, X. все это говорилъ авторитетнымъ тономъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго возраженія; вмѣстѣ съ тѣмъ, давая понять, что покупка всего вышесказаннаго обойдется недешево — рублей въ тысячу, онъ предлагалъ уплатить половину суммы, въ томъ случаѣ, если во время похода, я соглашусь продолжать совмѣстное съ нимъ жительство на одинаковыхъ съ нимъ правахъ и расходуя все пополамъ.

Сверхъ того, онъ сталъ доказывать, что вся выгода будетъ единственно на моей сторонѣ, такъ какъ, по молодости, неопытности и излишней довѣрчивости, мнѣ было бы полезно имѣть всегда подъ рукою такого, какъ онъ, опытнаго и надежнаго совѣтника, предлагающаго мнѣ свои услуги изъ одной пріязни ко мнѣ.

Совмѣстная жизнь съ Чертковымъ была для меня весьма пріятна, потому что мы были старые пріятели, почти ровесники, и хорошо другъ друга знали, но жизнь въ одной квартирѣ и общимъ хозяйствомъ съ пожилымъ X., котораго я мало зналъ, встрѣчаясь съ нимъ только въ московскихъ гостиныхъ, нисколько не улыбалась мнѣ; однако, вслѣдствіе моей тогдашней, глупѣйшей деликатности, изъ нежеланья обидѣть такого хорошаго человѣка, какимъ я считалъ X., я согласился на его предложеніе и немедленно вручилъ ему тысячу рублей серебромъ, съ тѣмъ, что на его долю приходилось пятьсотъ рублей. Черезъ нѣсколько дней, на эти деньги были куплены лошади, тарантасъ и все остальное, и я съ моимъ новымъ товарищемъ переѣхалъ въ Фетищи. Мы помѣстились въ двухъ комнатахъ довольно чистой избы и начали жить на половинныхъ издержкахъ... но половины моихъ тысячи рублей я что-то не видалъ...

Не живши до того времени въ деревнѣ, я сталъ съ наслажденіемъ дышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ и, высыпаясь вдоволь, значительно отдохнулъ. Утро я посвящалъ разнымъ ученьямъ, а вечеромъ отправлялся по близости въ Ивановское къ графинѣ Закревской или къ ея дочери графинѣ Нессельроде и иногда въ

богатое имѣніе графа Дмитріева-Мамонова - Дубровицы - къ мѣстному молодому сельскому священнику, который оказался моимъ старымъ знакомымъ. Онъ былъ сыномъ причетника нашей приходской церкви въ Москвѣ, Покрова, что въ Левшинѣ, и при жизни моихъ родителей нерѣдко заходилъ ко мнѣ для переписки разныхъ бумагъ. Два раза я ѣздилъ въ знаменитое имѣніе Ростопчина «Вороново», находившееся въ Подольскомъ уѣздѣ, и гдѣ проводила лѣто жена его съ юнымъ сыномъ и двумя юными, но уже взрослыми дочерьми, моими большими пріятельницами. Въ разговорѣ съ ними я на время отдыхалъ отъ военной процедуры и пріятно проводилъ время въ обществѣ этихъ двухъ дѣвицъ, замѣчательно образованныхъ, умныхъ, веселыхъ и радушныхъ, подобно ихъ добрѣйшей матери. Въ Вороновѣ, которое было для меня настоящимъ оазисомъ среди Фетищевской пустыни, я, къ сожалѣнію, не могъ часто бывать, такъ какъ въ свободные дни уѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Москву.

Проживъ мирно недѣли двѣ съ Х., который велъ наши общіе расходы, я предложилъ ему заплатить мой двухнедѣльный долгъ, но онъ отказалъ, прося повременить подъ предлогомъ, что сумма ничтожна, счеты не сведены, и онъ самъ долженъ мнѣ 500 рублей.

Я повѣрилъ и отложилъ уплату своего долга....

Любя верховую ѣзду и имѣя собственную лошадь, я часто прогуливался верхомъ. Однажды, не знаю какимъ образомъ, я натеръ о сѣдло ногу, вслѣдствіе чего на натертомъ мѣстѣ появилась опухоль съ сильною болью, лишившая меня возможности ходить. Дружинный врачъ Сумбулъ, милый и хорошій человѣкъ, но мало опытный врачъ, нашелъ нужнымъ поставить къ больному мѣсту піявки, которыя, вмѣсто того, чтобы облегчить мои страданія, произвели въ опухолѣ нарывъ, и я окончательно слегъ въ постель. Въ это время дружинѣ былъ назначенъ смотръ присланнымъ, по высочайшему повелѣнію, для инспектированія московскаго ополченія генералъ-адъютантомъ Ланскимъ, но какъ я не могъ участвовать на смотрѣ, то разскажу только слышанное мною отъ моихъ товарищей.

Въ назначенный часъ пріѣхалъ Ланской въ сопровожденіи графа Закревскаго, пожелавшаго лично похвастаться «своею дружиною». Генералъ, пройдя по фронту и пропустивъ ее мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, никого не поблагодарилъ и не похвалилъ, а когда Закревскій представилъ ему офицеровъ, то онъ, важно взглянувъ на нихъ, не сказалъ ни одного слова, а на приглашеніе командующаго дружиною пожаловать къ нему на завтракъ отвѣтилъ отказомъ. Затѣмъ, не подавъ руки Ростопчину, отправился съ Закревскимъ въ Ивановское. Такой неожиданный поступокъ генерала до того разбѣсилъ нашего командира, считавшаго себя не изъ послѣднихъ аристократовъ, что онъ принялся неистово кричать, браниться и топать ногами.

Безъ сомнѣнія, гордое обращеніе Ланского съ подольскою дружиною не могло понравиться и Закревскому, что онъ, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ и доказалъ, постаравшись сбавить его спесь слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: въ 7 часовъ вечера, когда я лежалъ больной въ постели, подъѣхалъ къ нашей избѣ Закревскій (чего прежде не случалось) вмѣстѣ съ Ланскимъ. Войдя въ мою комнату и хитро улыбаясь, графъ сказалъ: „ты боленъ и не былъ сегодня утромъ представленъ генералу Ланскому, а потому мы вмѣстѣ пріѣхали навѣстить тебя и напиться чаю". Я, конечно, нѣсколько сконфузился и удивился поступку Закревскаго, тѣмъ болѣе, что Ланской не зналъ меня и очевидно, послѣ утренняго важнаго осмотра дружины, не предполагалъ вечеромъ пить чай у ничтожнаго прапорщика. Впослѣдствіи я узналъ, что графъ привезъ ко мнѣ петербургскаго генерала съ цѣлью показать ему, что генеральскія отношенія къ офицерамъ-ополченцамъ могутъ быть иными, чѣмъ тѣ, которыя онъ выказалъ на утреннемъ смотрѣ [1]).

Вскорѣ болѣзнь моя такъ усилилась, что я принужденъ былъ уѣхать для лѣченія въ Москву, гдѣ бывшій врачъ и другъ моихъ покойныхъ родителей, Клименковъ, сдѣлалъ мнѣ маленькую операцію. Черезъ недѣлю, я уже снова въ Фетищахъ, но на этотъ разъ не надолго: дружина получила приказаніе быть готовою къ выступленію 19-го іюля въ походъ въ Кіевъ, 3-я рота немедленно вернулась въ Подольскъ, а я, не найдя достаточнаго помѣщенія для совмѣстнаго жительства съ Х., поселился на время у Черткова.

Дня черезъ два, я отправился въ Москву для взятія изъ ломбарда нѣкоторой суммы денегъ, необходимой на расходы во время похода, и заболѣлъ тамъ приступомъ холеры, свирѣпствовавшей въ то время во всей Россіи и особенно сильно въ Москвѣ.

Тщательный уходъ добраго Клименкова, не покидавшаго меня въ теченіе цѣлаго дня, остановилъ болѣзнь, и черезъ нѣсколько дней, совершенно оправившись, я вернулся въ дружину.

Въ то утро, когда у меня появились первые признаки холеры, заболѣлъ тою же болѣзнію мой пріятель и сослуживецъ по архиву молодой Кутузовъ. Родители его послали за Клименковымъ, ихъ домашнимъ врачемъ, но посланный, не найдя его дома и не зная, что онъ находится у меня, потерялъ много времени въ пріисканіи другого врача, и когда вечеромъ Клименковъ отправился къ Кутузову, то засталъ его уже мертвымъ. Смерть этого прекраснаго юноши очень огорчила меня и всѣхъ товарищей по архиву.

По возвращеніи въ Подольскъ, меня ожидали два непріятныхъ сюрприза, о которыхъ я никогда и не думалъ. Отстранить первый

[1]) Петръ Петровичъ Ланской былъ женатъ на вдовѣ безсмертнаго Пушкина. Не отличаясь ни особеннымъ образованіемъ, ни любезностью, онъ, однако, былъ человѣкъ умный, благородный и вполнѣ представлялъ изъ себя типъ гордаго и важнаго генерала Николаевскихъ временъ.

было не въ моей власти, но второго я легко могъ бы избѣжать, еслибы имѣлъ тогда болѣе твердый характеръ и не прельщался бы саблею и шпорами...

Первый сюрпризъ состоялъ въ томъ, что я узналъ совершенно случайно, но несомнѣнно о причинѣ перемѣны отношеній ко мнѣ Лизы К...; она произошла весьма просто: Лиза влюбилась въ одного моего пріятеля, а онъ въ нее. Коротко и ясно. Винить въ томъ сокрушителя ея сердца я никакъ не рѣшился, ибо никто особенно въ юности не воленъ въ своихъ чувствахъ, и вся моя, впрочемъ, уже нѣсколько остывшая злоба всецѣло обрушилась на юную измѣнницу. Но память о плачевномъ финалѣ моей первой серіозной привязанности такъ глубоко запала въ мое сердце, что невольно заставила его на многіе годы исключить изъ своего репертуара слово «влюбляться».

Второй сюрпризъ былъ иного рода.

Пробывъ въ дружинѣ нѣсколько дней, я какъ-то утромъ находился въ своей комнатѣ вмѣстѣ съ Чертковымъ и Х. Вдругъ вошелъ Ростопчинъ и, сдѣлавъ такое умильное лице, какого я еще никогда не видалъ у него, сказалъ мнѣ, что, не будучи доволенъ нашимъ казначеемъ, онъ пришелъ просить меня принять эту должность, хотя на время похода. Удивленный и испуганный его предложеніемъ, я быстро отказался, но на мое объясненіе, что не умѣю вести счетовъ, никогда ихъ не велъ даже въ своемъ хозяйствѣ и буду въ этой должности, какъ въ лѣсу, графъ сталъ доказывать мнѣ легкость ея, тѣмъ болѣе, что онъ лично будетъ руководить моими дѣйствіями, и при томъ старался прельстить меня возможностью, во время похода, не находиться въ строѣ, ѣхать верхомъ или въ тарантасѣ и, наконецъ, высыпаться въ волю. Когда же его доводы не поколебали моего рѣшенія, то въ разговоръ вмѣшался Х. и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ принялся доказывать неосновательность моего отказа, завѣряя честнымъ словомъ, что не только Ростопчинъ, но и онъ самъ будетъ постояннымъ моимъ руководителемъ и рѣшителемъ моихъ недоумѣній.

Убѣдительное краснорѣчіе моего ближайшаго совѣтника нѣсколько поколебало меня, но, отдавая справедливость его словамъ, я, однако, сдѣлалъ вопросъ: какимъ образомъ буду пользоваться его совѣтами, когда въ званіи штабнаго лица мнѣ, быть можетъ, придется жить далеко отъ 3-й роты, а слѣдовательно не вмѣстѣ съ нимъ? Ростопчинъ и Х. отвѣтили: «это все пустяки, можно жить и на походѣ вмѣстѣ».

Я долго еще колебался и только окончательно спасовалъ, когда Чертковъ шепнулъ мнѣ на ухо: «принимай, будутъ сабля и шпоры!..». Этотъ вѣскій, но позабытый мною аргументъ возымѣлъ на меня магическое дѣйствіе... и я тотчасъ, хотя не безъ внутренняго трепета и страха, согласился занять эту должность, но временно съ

условіемъ передать ее другому лицу, если увижу, что, несмотря на помощь моихъ совѣтниковъ, не буду въ состояніи совладать съ нею. Ростопчинъ на все согласился, а Х. еще разъ подтвердилъ свою готовность быть моимъ неизмѣннымъ и вполнѣ свѣдущимъ руководителемъ...

И тотъ и другой нагло надували меня!..

На другой день я принялъ отъ г. Грушецкаго казначейскія дѣла, т.-е. онъ принесъ ихъ ко мнѣ, положилъ на столъ и ушелъ, а я, по приказанію графа, донесъ ему рапортомъ, что принялъ дѣла гуртомъ. Это было первое разумное приказаніе моего начальника и столь же разумное исполненіе его мною; а такъ какъ въ дѣлахъ не было никакихъ суммъ и шнуровыхъ книгъ вслѣдствіе того, что во время нахожденія дружины въ Подольскѣ продовольствіе отпускалось натурою изъ мѣстной инвалидной команды, то я вообразилъ, что и на походѣ у меня также не будетъ ни денегъ, ни книгъ и только бумаги, съ которыми надѣялся кое-какъ справиться.

За недѣлю до выступленія дружины въ походъ, начальникъ ополченія графъ Строгановъ пріѣхалъ въ Подольскъ и произвелъ ей смотръ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ, настоящій баринъ-аристократъ, былъ человѣкъ не только высокообразованный, но и ученый.

Подъ холодною его наружностью скрывалось теплое, добрѣйшее сердце, всегда готовое на помощь ближнему. Будучи преимущественно гражданскимъ дѣятелемъ, онъ не былъ пристрастенъ къ военному дѣлу, и потому смотръ оказался непродолжительнымъ. Пропустивъ дружину церемоніальнымъ маршемъ и посмотрѣвъ на ружейные пріемы, графъ остался всѣмъ доволенъ и, поблагодаривъ офицеровъ и ратниковъ, собирался уже уѣхать, но Ростопчинъ, польщенный благодарностью своего начальника, предложилъ ему посмотрѣть и на другія дружинныя эволюціи. Графъ Строгановъ очень хладнокровно отвѣтилъ: „il me semble qu'ils ont tout fait, à moins de les faire danser sur une corde“, и тотчасъ уѣхалъ.

Вслѣдъ за смотромъ я получилъ приказаніе, сразу уничтожившее ни на чемъ не основанную мою надежду избавиться, во время похода, отъ счетоводства. Мнѣ было приказано принять изъ московской провіантской комиссіи шнуровыя книги для веденія прихода и расхода по продовольствію ратниковъ и дружинныхъ лошадей. Явившись въ комиссію, я принялъ нѣсколько книгъ, но, не имѣя никакихъ указаній относительно веденія ихъ, я обратился къ одному изъ мѣстныхъ чиновниковъ съ просьбою объяснить эту хитрую и неизвѣстную мнѣ процедуру, а какъ объясненія его оказались для меня непонятными, то я попросилъ его рекомендовать мнѣ какого нибудь писаря, котораго я могъ бы взять для веденія книгъ, на время похода. Не успѣлъ я кончить моей просьбы, какъ подскочилъ ко мнѣ какой-то пожилой писарь и просилъ взять его съ

собою. Рекомендованный чиновниками, какъ знатокъ своего дѣла, онъ согласился за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ сопровождать меня въ походѣ. Обрадованный такою находкою и въ надеждѣ, что провіантскій писарь будетъ для меня полезнѣе Ростопчина и Х., я приказалъ ему явиться ко дню выступленія дружины.

Только что я принялъ книги, какъ получилъ новое еще болѣе непріятное приказаніе: принять изъ подольскаго уѣзднаго казначейства большую сумму (что-то около двѣнадцати тысячъ рублей серебромъ) на жалованье дружины и другіе предметы. Порученіе это тѣмъ менѣе мнѣ понравилось, что послѣдовало въ тотъ самый день, когда графъ Закревскій давалъ въ Ивановскомъ всѣмъ дружиннымъ офицерамъ прощальный обѣдъ, а въ виду значительности суммы и моего неумѣнья быстро считать я опасался опоздать на обѣдъ, который могъ бы въ то время доставить мнѣ пріятное развлеченіе среди моихъ невеселыхъ занятій и моего грустнаго настроенія по случаю предстоявшаго близкаго отъѣзда изъ дорогой мнѣ Москвы.

Явившись въ казначейство и узнавъ, что сумма будетъ выдана рублевыми бумажками, я едва не расплакался... просидѣвъ тамъ часовъ до пяти, считая бумажные рубли, я окончательно одурѣлъ и чисто машинально перелистывалъ ихъ одеревенѣвшими пальцами. По окончаніи такого пріятнаго занятія, я, конечно, не попалъ на обѣдъ и пробылъ весь остальной день въ какомъ-то изнеможеніи и полномъ отупѣніи, бросая нерѣдко укорительный взглядъ на главныхъ виновниковъ моего угнетеннаго состоянія—саблю и шпоры... На другой день я рѣшился сказать Ростопчину, что мнѣ слишкомъ трудно исполнять казначейскую должность, и прошу его назначить на мое мѣсто другого, но графъ такъ любезно и вѣжливо сталъ просить меня остаться въ моей должности только до прихода дружины въ Калугу, что я съ свойственною мнѣ глупостью согласился на то и, въ награду за мое согласіе, получилъ дозволеніе отправиться въ день выступленія дружины въ Москву на два дня и затѣмъ уже догнать дружину на походѣ.

Приближался этотъ памятный для меня день. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія на предстоявшій дальній путь, я рѣшился взять съ собою моего юнаго лакея Венедикта, о которомъ я уже разъ упомянулъ, но старый слуга покойнаго отца, Андрей Петровичъ, жившій у меня съ своею женою и сыномъ, узнавъ, что беру не его, а другого, сильно обидѣлся и сказалъ: «слыханное ли дѣло, чтобы барское дитя ѣхало на войну съ молокососомъ? Этого я не допущу, самъ поѣду и охраню его отъ всякаго зла, — да что сказали бы папенька и маменька, если бы узнали, что я отпустилъ его безъ себя?—нельзя, поѣду самъ!» Хотя я былъ очень тронутъ привязанностію ко мнѣ Андрея Петровича, но, не желая разлучать его съ семействомъ, я всячески уговаривалъ его остаться въ моей

квартирѣ. Уговоры, однако, ни къ чему не послужили, и старикъ, поддержанный въ своемъ мнѣніи моею нянею, настоялъ на своемъ...

19-го іюля, въ часъ ночи, подольская дружина была въ полномъ сборѣ на городской площади. Соборный протоіерей, передъ налоемъ, освѣщеннымъ нѣсколькими восковыми свѣчами, служилъ напутственный молебенъ. Протяжное, заунывное пѣніе церковнослужителей въ эту торжественную минуту казалось неземною, ангельскою молитвою, возносившеюся до небесъ, сіявшихъ звѣздами во мракѣ лѣтней, тихой, глубокой ночи... Молились и плакали ратники; молился и плакалъ весь окружавшій ихъ народъ. Тысячи сердецъ возносили ко Всевышнему горячія молитвы о здравіи, благоденствіи и благополучномъ возвращеніи близкихъ имъ людей, шедшихъ на поле брани положить животъ свой «за вѣру и царя»... Кончился молебенъ, и наступила минута разставанія ратниковъ съ ихъ семействами и родными... минута была страшная, потрясающая: вопли, слезы и раздирающіе душу крики отцовъ, матерей, женъ и дѣтей гулко раздавались въ ночномъ воздухѣ...

Въ первый разъ жизни и, благодаря Бога, въ послѣдній, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ горя и нравственныхъ страданій не одного человѣка, не десятка людей, но цѣлой массы народа. Самъ Ростопчинъ, не отличавшійся особою нѣжностью сердца, прослезился; мои же и безъ того разстроенные нервы не выдержали: не дождавшись минуты выступленія дружины, я вскочилъ на приготовленную для меня перекладную и, сломя голову, поскакалъ въ Москву.

Утромъ того же дня, я отправился въ Троице-Сергіеву лавру помолиться угоднику Божію св. Сергію и, по просьбѣ моей няни, взялъ ее съ собою. На слѣдующій день я былъ опять въ Москвѣ, гдѣ, повидавъ въ послѣдній разъ родныхъ и друзей, поѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь проститься съ прахомъ моихъ родителей и испросить ихъ благословеніе на предстоявшее мнѣ новое, трудное и неизвѣстное поприще. Разставаніе съ ихъ дорогою для меня могилою было такъ же тяжело, какъ и разставаніе съ близкими, горячо любимыми мною живыми людьми!

21-го іюля, рано утромъ, солнце ярко, радостно сіяло, а на душѣ моей было мрачно, тяжело, невыразимо тяжело... перекладная стояла у моего подъѣзда.

Простившись съ нянею, обливавшеюся слезами и не разъ благословившею меня, и обнявъ моихъ добрыхъ, вѣрныхъ слугъ, я отправился на перекладной вмѣстѣ съ Андреемъ Петровичемъ догонять дружину, куда, кромѣ долга, ничто не влекло меня, а за мною оставалось все, что было дорого и мило моему сердцу. Выѣхавъ въ Серпуховскую заставу, мы съ моимъ старикомъ обернулись назадъ, взглянули еще разъ на родную Москву, перекрестились и горько заплакали...

XI.

Вороново.—Походъ.—Калуга.—Офицеры и Ростопчинъ.—Путь до Кіева.—Князь М. А. Ухтомскій.—Новый маршрутъ.—Кіевъ.—Провіантская комиссія.—Генералы Панютинъ и Тучковъ.—Отъѣздъ Черткова. — Назначеніе адъютантомъ. — Дальнѣйшій походъ.—Кончина князя М. А. Ухтомскаго.—Малороссійская помѣщица.

Покинувъ Москву утромъ, я въ тотъ же день къ обѣду былъ въ Вороновѣ, куда по дорогѣ заѣхалъ проститься съ графинею Ростопчиною и ея семействомъ. Пробывъ у нея до вечера, я снова усѣлся въ мой тряскій экипажъ и отправился далѣе.

Ночь эта, проведенная мною въ первый разъ на перекладной, осталась навсегда въ моей памяти, познакомивъ меня съ ѣздою, которая при продолжительномъ путешествіи становилась до того мучительною, что казалась настоящею каторгою, а сама «перекладная», то-есть телѣжка безъ рессоръ и спинки, представляла изъ себя какое-то орудіе пытки, особенно когда ночью на зарѣ клонило ко сну, а усталое тѣло, ничѣмъ не поддерживаемое, подпрыгивало, качалось, какъ китайская кукла, и при каждомъ толчкѣ едва не выскакивало изъ трясучки, запряженной тройкою почтовыхъ лошадей, мчавшихся во весь опоръ. Промучившись такимъ образомъ всю ночь, я неоднократно пробовалъ лечь или вѣрнѣе сѣсть на сѣно, положенное на дно телѣжки, но тогда меня начинало такъ подбрасовать къ верху, что я опять принималъ прежнее положеніе, то-есть сидѣлъ безъ всякой опоры, рискуя ежеминутно свалиться съ моей колесницы. Если я не кричалъ и не охалъ, а только ругалъ перекладную, то единственно потому, что мнѣ было совѣстно въ мои лѣта выкрикивать физическія боли въ то время, какъ старикъ камердинеръ смиренно и безропотно подпрыгивалъ на телѣжкѣ, сваливая всю вину не на нашъ первобытный экипажъ, а на плохую проѣзжую дорогу.

Къ шести часамъ утра мы прикатили къ мѣсту дневки дружины. Обрадовавшись окончанію моего путешествія и невзирая на сильную усталость, я провелъ весь день съ нѣкоторыми нашими офицерами въ надеждѣ выспаться въ слѣдующую ночь и расправить свои разбитыя косточки, но какъ надежда бываетъ часто обманчива, то на этотъ разъ не преминула обмануть и меня. Вопреки обѣщанія Ростопчина не разлучать меня съ X., я узналъ, что послѣдній вмѣстѣ съ 3-й ротою находится въ верстахъ пяти отъ штаба, и потому я не могъ получить находившихся у него моихъ вещей, необходимыхъ для ночлега, что̀ заставило меня провести наступившую ночь почти также несносно, какъ и предыдущую, и если я не качался и не подпрыгивалъ на перекладной, то провелъ ее крайне неудобно, сидя въ тарантасѣ Ростопчина. Не найдя въ

отведенной мнѣ избѣ для ночлега ничего, кромѣ деревянной скамьи и множества клоповъ и таракановъ, я предпочелъ забраться въ стоявшій на дворѣ тарантасъ графа, но какъ экипажъ этотъ былъ весьма коротокъ, то пришлось просидѣть въ немъ до утра, не протягивая ногъ, въ тревожномъ полуснѣ, часто просыпаясь и во время пробужденія проклиная отъ души мое сожительство съ X.

Въ три часа утра барабанный бой возвѣстилъ время нашего выступленія и конецъ моему сидѣнью. Наскоро умывшись и выпивъ у Ростопчина чая, я поплелся пѣшкомъ вмѣстѣ съ нимъ во главѣ 1-й роты, находившейся, на походѣ, при штабѣ; на пути мы соединились съ прочими ротами. Увидавъ X., я поспѣшилъ въ присутствіи графа разсказать ему о непріятно проведенной мною ночи, за неимѣніемъ подъ рукою моего имущества, но онъ болѣе чѣмъ равнодушно выслушалъ мою іереміаду, а графъ принялся увѣрять, что я случайно, въ первый день моего пріѣзда, былъ разлученъ съ X., и что впредь подобное не случится. Однако, увѣренія графа оказались пустыми словами, и когда въ то же утро дружина пришла въ Малоярославецъ, то 3-я рота опять расположилась далеко отъ штаба, но я, уже наученный опытомъ, потребовалъ отъ X. присылки нѣкоторыхъ моихъ вещей.

Въ этотъ день, въ первый разъ мнѣ понадобился мой писарь, для записи въ книги кое-какихъ суммъ, назначенныхъ къ выдачѣ ротнымъ командирамъ. Писарь явился и тутъ же признался, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о счетоводствѣ и поступилъ ко мнѣ, предполагая, что я нуждаюсь въ немъ только для переписки составляемыхъ мною счетовъ и бумагъ...

Признаніе его, какъ обухомъ, пришибло меня! Но я понялъ, что, кромѣ обманувшихъ меня провіантскихъ чиновниковъ, главнымъ виновнымъ являлся я самъ, не потрудившись при наймѣ писаря подробно объяснить ему его будущія обязанности, то-есть поступивъ въ этомъ случаѣ также опрометчиво и необдуманно, какъ поступалъ въ то время и во многихъ другихъ. Не имѣя надобности въ подобномъ совѣтникѣ, я хотѣлъ тотчасъ отправить его въ Москву, но писарь со слезами на глазахъ упрашивалъ оставить его при мнѣ до пріисканія мѣста въ какомъ либо попутномъ городѣ, увѣряя, что, покинувъ московскую провіантскую комиссію, онъ не можетъ снова поступить туда. Нечего дѣлать, я согласился на его просьбу, а самъ попробовалъ обратиться за совѣтомъ къ Ростопчину и X. Первый, пожавъ плечами и скорчивъ неимовѣрно глупое лицо, сказалъ: «Ахъ, отецъ родной, оставьте меня въ покоѣ, впишите, какъ хотите,—все равно, намъ формы не надо!» А второй, наговоривъ много пустыхъ словъ и преподавъ множество совѣтовъ, но ни одного дѣльнаго, заставилъ меня прійти къ полному убѣжденію, что какъ онъ, такъ и Ростопчинъ, ничего не смыслятъ въ счетоводствѣ и, обнадеживая меня своимъ содѣйствіемъ, просто лгали...

Я вписалъ расходъ въ книги, какъ умѣлъ, то-есть, какъ мнѣ казалось болѣе вѣрнымъ и приличнымъ.

Неожиданное положеніе мое, безъ совѣтниковъ и безъ дѣльнаго писаря, становилось незавиднымъ, и мрачныя мысли не переставали преслѣдовать меня въ продолженіе нѣсколькихъ переходовъ отъ Малоярославца до Калуги. Наконецъ, обрадовавшись прибытію въ этотъ городъ, я немедленно отправился въ мѣстную провіантскую коммиссію для провѣрки правильности вписаннаго мною въ книги перваго расхода. Чиновники коммиссіи при первомъ взглядѣ на составленныя мною статьи признали ихъ никуда не годными, перемарали ихъ и сами вписали означенный расходъ.

Находясь въ безвыходномъ положеніи, но, въ виду обѣщанія Ростопчина освободить меня въ Калугѣ отъ казначейской должности, я попросилъ его назначить на мое мѣсто другого. Просьба моя осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Графъ затопалъ ногами, началъ кривляться и какимъ-то дикимъ голосомъ закричалъ: «отецъ родной! что вы со мною дѣлаете? пожалѣйте меня, останьтесь еще нѣсколько времени, а не захотите остаться, то силою удержу васъ! понимаете, не выпущу, и ничего со мною не подѣлаете!»—затѣмъ слѣдовалъ обычный его хохотъ... этимъ хохотомъ онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «что, дуракъ, попался?—ну, и терпи!»... Вечеромъ того же дня я повторилъ мою просьбу и услыхалъ тотъ же отвѣтъ, но уже безъ кривлянья и въ крайне раздраженномъ тонѣ, не обѣщавшемъ мнѣ ничего хорошаго...

Обманутый Ростопчинымъ, обманутый Х. и даже обманутый писаремъ, я не спалъ всю ночь, обдумывая свое положеніе и, наконецъ, рѣшился совсѣмъ оставить ополченіе, но по мѣрѣ того, какъ рѣшеніе мое становилось тверже и тверже, меня, какъ кошмаръ, сталъ преслѣдовать вопросъ: какимъ образомъ я вернусь въ Москву, и что подумаютъ обо мнѣ мои знакомые?—очевидно скажутъ, что я струсилъ и боюсь итти на войну!... отвѣтомъ на этотъ вопросъ являлись новыя тревожныя думы, новая нерѣшительность и, къ стыду моему, слезы!

На другой день утромъ, не зная, что предпринять, я обратился за совѣтомъ къ нѣкоторымъ моимъ товарищамъ, но каково же было мое удивленіе, когда они вдругъ объявили мнѣ, что всѣ офицеры, во главѣ съ Сушковымъ, недовольные грубымъ и невѣжливымъ обращеніемъ Ростопчина, рѣшили въ то же утро просить его оставить дружину, а, въ случаѣ его отказа, самимъ подать въ отставку и потому, если я присоединюсь къ нимъ, то по удаленіи графа изъ дружины мнѣ легко будетъ избавиться отъ моей должности, или же въ противномъ случаѣ я вмѣстѣ съ прочими оставлю ополченіе.

Зная деспотическій и неподатливый характеръ нашего начальника, я мало надѣялся на успѣшный исходъ попытки моихъ товарищей, но не безъ удовольствія присоединился къ нимъ и въ назначенный часъ вмѣстѣ со всѣми отправился къ Ростопчину.

Графъ, узнавъ о появленіи въ его гостиной всего комплекта офицеровъ, вышелъ къ нимъ безъ платья въ одномъ бѣльѣ и спросилъ о цѣли ихъ прихода. Тогда Сушковъ выступилъ впередъ и, громко, ясно, отчеканивая каждое слово, объяснилъ ему причину ихъ прихода и неудовольствія. По мѣрѣ того, что шуринъ его говорилъ, лицо Ростопчина принимало болѣе и болѣе свирѣпый, звѣрскій видъ: глаза наливались кровью и выступали изъ орбитъ, губы и подбородокъ тряслись, кулаки нервно сжимались... видъ его былъ страшенъ и жалокъ... жалокъ, потому что прискорбно было видѣть человѣка, созданнаго по образу и подобію Божіему, превратившагося мгновенно въ лютаго, дикаго звѣря!...

По окончаніи рѣчи Сушкова, графъ, сжавъ кулаки, громовымъ голосомъ закричалъ: «Прапорщики Чертковъ и Загоскинъ! извольте выйти вонъ! —мы повиновались и въ одинъ мигъ очутились въ смежной комнатѣ. За нами съ трескомъ захлопнулась дверь. Не понимая причины нашего изгнанія, мы услыхали черезъ затворенную дверь голосъ Ростопчина, извергавшаго самыя отборныя ругательства, направленныя преимущественно противъ командира 3-й роты. Вдругъ все смолкло — офицеры удалились, и графъ вошелъ къ намъ съ сердитымъ, но сіяющимъ побѣдою лицомъ и злобно сказалъ: «каково я ихъ отдѣлалъ?—ахъ, они»... тутъ посыпались снова бранныя слова. По окончаніи этого потока ругательствъ, мы рѣшились спросить графа, почему онъ выслалъ насъ обоихъ изъ комнаты. Помилуйте, господа,—отвѣтилъ онъ:—развѣ я могъ бы такъ ругаться при васъ? — вы навѣрно обидѣлись бы, а они ничего,—ушли! Слова эти, которыя графъ, конечно, считалъ лестными для насъ, обнаружили намъ во всей своей наготѣ далеко не рыцарскій характеръ нашего командира, и мы ушли отъ него въ полной увѣренности, что въ тотъ же день офицеры подадутъ въ отставку, а съ ними и мы. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось: всѣ остались на своихъ мѣстахъ, вполнѣ удовлетворенные увѣреніемъ Сушкова, что Ростопчинъ не въ своемъ умѣ, и съ нимъ ничего не подѣлаешь!...

Послѣ этой глупой и безобразной сцены, вражда между обоими родственниками дошла до своего апогея. Главный зачинщикъ Сушковъ, нравственно побитый, не скрывалъ болѣе своего желанія покинуть дружину, а Ростопчинъ, изливъ всю злобу на своего шурина, значительно умѣрилъ невѣжливыя манеры относительно офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые, оскорбленные его бранью, долго не хотѣли вступать съ нимъ въ иные разговоры, кромѣ служебныхъ.

Этимъ комичнымъ эпизодомъ окончилось наше пребываніе въ Калугѣ, оставшееся для меня болѣе памятнымъ тѣмъ, что я не добился увольненія отъ моей должности и, желая избѣжать какого либо скандала, рѣшился терпѣливо выжидать минуты, когда удастся избавиться отъ лежавшей на мнѣ непосильной обузы.

При этомъ, однако, одно обстоятельство нѣсколько утѣшало меня: я могъ окончательно разстаться съ X. Объявивъ ему, что я убѣдился въ невозможности, оставаясь казначеемъ, жить, на походѣ, однимъ съ нимъ хозяйствомъ,—я потребовалъ возвращенія моихъ вещей, предоставляя ему пріобрѣсти отъ меня тарантасъ и лошадей или же вернуть ихъ мнѣ, какъ купленные на мои деньги, а также и окончательно свести расчеты за время нашей совмѣстной жизни въ Фетищахъ. X., узнавъ о моемъ рѣшеніи, спокойно, безъ всякихъ разговоровъ, возвратилъ мое имущество, изъявивъ желаніе оставить за собою тарантасъ съ лошадьми и, при уплатѣ за нихъ денегъ, вычесть мой долгъ, но о времени уплаты не упомянулъ ни слова, а я изъ деликатности смолчалъ.

Считаю излишнимъ подробно описывать походъ до Кіева, куда дружина должна была прибыть къ 15 сентября и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Походъ былъ скученъ и однообразенъ: дни походили одинъ на другой подобно тому, какъ походили другъ на друга всѣ уѣздные города и мѣстечки, въ которыхъ намъ приходилось останавливаться. Упомяну только о томъ, что во время похода два обстоятельства сильно волновали меня и разстроивали мои нервы: первое—моя отвѣтственная должность, которая только изрѣдка облегчалась совѣтами начальниковъ попутныхъ, мѣстныхъ инвалидныхъ командъ, а тамъ, гдѣ я оставался безъ руководителей, я совершенно терялъ голову и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что быть казначеемъ, безъ опытности и знанія дѣла, все то же, что садиться играть на фортепіано безъ понятія о музыкѣ и нотахъ. Всякій разъ, когда я жаловался Ростопчину на мое безвыходное положеніе, онъ отвѣчалъ мнѣ одними и тѣми же словами: «Ну, что же? я и самъ ничего не знаю, а не унываю!» и затѣмъ слѣдовали увѣренія, что до Кіева онъ ни подъ какимъ видомъ не выпуститъ меня изъ казначейской должности. Хотя по опыту я уже зналъ цѣну обѣщаніямъ графа, и что Кіевъ легко можетъ быть повтореніемъ Калуги, однако, въ виду желанія Черткова уѣхать изъ этого города въ продолжительный отпускъ въ Москву, у меня явилась надежда, что именно въ Кіевѣ я разстанусь съ моею должностью и буду назначенъ въ должность адъютанта.

Второе обстоятельство, сильно раздражавшее меня, было невольное присутствіе при экзекуціяхъ, совершавшихся Ростопчинымъ во время приваловъ надъ провинившимися ратниками. Экзекуціи, то-есть сѣченія, производились съ замѣчательною жестокостью и приводили меня въ отчаяніе, особенно при видѣ ратника съ исполосанною, истекавшею кровію спиною, несомаго на рукахъ до подводы!.. Никогда не забуду наказанія одного ратника, стащившаго во время ночлега у какого-то жида еврейскую библію: его такъ безжалостно сѣкли въ присутствіи Ростопчина, что врачъ Сумбулъ приказалъ прекратить сѣченіе. Приказаніе это не прошло для док-

тора даромъ: графъ, не терпѣвшій противорѣчій, касавшихся его распоряженій, постарался въ скоромъ времени удалить Сумбула изъ дружины, представивъ по начальству о его будто бы «сумасшествіи».

Во время похода къ намъ пріѣхалъ вновь поступившій въ дружину офицеръ, князь Михаилъ Александровичъ Ухтомскій, братъ нашего товарища князя Сергѣя. Новый офицеръ былъ премилый молодой человѣкъ, пользовавшійся любовью всего московскаго высшаго общества. Въ Москвѣ я былъ съ нимъ мало знакомъ, но на походѣ я обрадовался ему, какъ новому благовоспитанному товарищу, съ которымъ можно было пріятно бесѣдовать, вспоминая наше житье въ Бѣлокаменной.

22-го августа, Севастополь послѣ геройской неслыханной въ военныхъ лѣтописяхъ защиты былъ занятъ непріятелемъ. Прискорбная вѣсть о томъ быстро дошла и до насъ. Дружинные офицеры, глубоко потрясенные ею, искренно сожалѣли, что помощь ополченія при оборонѣ Севастополя оказывалась излишнею, а самая служба наша почти уже безцѣльною, и вслѣдствіе того нетерпѣливо ожидали прибытія дружины въ Кіевъ, въ надеждѣ отдохнуть тамъ отъ утомительнаго двухмѣсячнаго странствованія; но скоро ожиданія ихъ не оправдались: московское ополченіе получило приказаніе продолжать дальнѣйшій походъ до Одессы.

На послѣдней дневкѣ близъ Кіева, въ Броварахъ, Ростопчинъ оставилъ дружину на попеченіе Сушкова и, взявъ меня съ собою, поѣхалъ въ Кіевъ. День былъ ясный, теплый, совершенно лѣтній. Мы катили по гладкой прекрасной дорогѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть столь прославленную красу русскихъ городовъ—древній Кіевъ. Приближаясь къ Днѣпру, мы ѣхали среди густого лѣса, окаймлявшаго съ обѣихъ сторонъ дорогу... вдругъ впереди, на горизонтѣ заблистали золотыя главы Кіево-Печерской лавры,—еще минута, и глазамъ нашимъ открылась чудная картина! Передъ нами высился на горѣ большой городъ, поэтично разбросанный и опоясанный широкою, величественною рѣкою. Гора, сверху начиная отъ лавры и спускаясь вплоть до Днѣпра, была покрыта красивыми зданіями и многочисленными церквами, утопавшими среди почти еще лѣтней зелени окружавшихъ ихъ садовъ. Видъ былъ восхитительный, почти волшебный. Пораженный этою еще невиданною мною картиною, я снялъ фуражку и перекрестился передъ святынею древней столицы русской...

Переѣхавъ Днѣпръ, мы очутились въ низменной части города и, подымаясь все выше и выше, скоро достигли лучшей улицы, называемой «Крещатикомъ», гдѣ остановились въ весьма приличной и опрятной гостинницѣ.

Впечатлѣніе, произведенное на меня Кіевомъ, было такъ сильно и такъ отрадно, что улицы, дома и даже самые жители показались мнѣ особенно красивыми, а моя чистая, просторная комната въ гостинницѣ и поданный мнѣ вкусный, малороссійскій борщъ, при-

правленный не покидавшею меня надеждою избавиться черезъ нѣсколько дней отъ казначейской должности, заставили меня позабыть трудности и непріятности похода и вкусить всю прелесть физическаго и нравственнаго, хотя кратковременнаго отдыха въ этомъ большомъ городѣ, напоминавшемъ мнѣ родную Москву.

На другой день я поспѣшилъ отправиться въ мѣстную провіантскую комиссію для освидѣтельствованія и исправленія моихъ шнуровыхъ книгъ. Обратившись съ этою просьбою къ одному изъ высшихъ чиновниковъ, человѣку старому и убѣленному сѣдинами, я назвалъ свою должность и фамилію. Старикъ спросилъ меня, не сынъ ли я писателя, и на утвердительный мой отвѣтъ, схвативъ меня за обѣ руки, громко и какъ-то торжественно сказалъ находившимся въ комнатѣ чиновникамъ: «Господа, смотрите, кто у насъ!—сынъ автора «Юрія Милославскаго»!». Чиновники, взглянувъ на меня, стали отвѣшивать поклоны, а старикъ, подхвативъ меня подъ руку, повелъ на показъ по всѣмъ заламъ, увѣряя, что всѣ чиновники будутъ рады видѣть братца Юрія Милославскаго. Не знаю, были ли эти господа рады моему появленію, но, судя по ихъ удивленному виду и низкимъ поклонамъ, мнѣ казалось, что они принимали меня за самого автора.

Какъ я ни старался умѣрить восторгъ моего вожатаго, онъ продолжалъ водить меня по заламъ и разсыпаться въ комплиментахъ и только по окончаніи прогулки занялся просмотромъ и исправленіемъ моихъ книгъ. Тронутый пріемомъ яраго поклонника таланта моего отца, я на другой день сдѣлалъ ему визитъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома.

Въ тотъ же день, я былъ обрадованъ пріѣздомъ брата Николая, отпущеннаго изъ клинской дружины для свиданія со мною. Мы пробыли вмѣстѣ нѣсколько дней, осматривая кіевскія достопримѣчательности; побывали въ лаврѣ и въ разныхъ монастыряхъ, помолились у мощей св. Варвары мученицы и, наконецъ, посѣтили Аскольдову могилу, послужившую сюжетомъ для одного изъ романовъ нашего отца.

Въ лаврѣ, въ подвальномъ этажѣ собора, намъ показали прекрасно сохранившееся тѣло епископа тобольскаго Павла, скончавшагося уже болѣе столѣтія и покоившагося въ своемъ неистлѣвшемъ, деревянномъ гробѣ; лице святителя, нѣсколько изсохшее, имѣло земляной цвѣтъ, но черты хорошо сохранились, а волоса и борода, какъ у живого человѣка. Вблизи его гроба стоялъ другой желѣзный и запаянный съ останками фельдмаршала графа Гудовича, а напротивъ послѣдняго у стѣны, въ нишѣ, гробъ съ тѣломъ жены генералъ-аншефа Михаила Ивановича Леонтьева [1]) Маріи Васильевны, рожденной Еварлаковой.

[1]) Леонтьевъ, кіевскій генералъ-губернаторъ (умершій въ 1752-мъ г.), приходился двоюроднымъ братомъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, а жена его была пле-

Тѣло ея, тоже хорошо сохранившееся, прежде показывалось публикѣ, но, несмотря на мою просьбу, мнѣ его не показали, чѣмъ и лишили возможности видѣть нетлѣнное тѣло не духовнаго лица, а простой свѣтской дамы.

Въ мѣстномъ театрѣ, въ которомъ я былъ всего разъ, я случайно познакомился съ тогдашнимъ командующимъ среднею арміею генералъ-адъютантомъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Панютинымъ. Увидавъ меня въ театральномъ коридорѣ, генералъ пожелалъ узнать фамилію ополченца, и когда оказалось, что я сынъ его стараго пріятеля, то онъ подалъ мнѣ руку и любезно пригласилъ меня навѣстить его. На другой день я расписался у него, но встрѣтился съ нимъ еще только разъ на балѣ мѣстнаго дворянскаго собранія, гдѣ онъ находился съ начальникомъ своего штаба генералъ-адъютантомъ Тучковымъ [1]).

Представленный послѣднему самимъ командующимъ арміею, я удостоился продолжительнаго разговора съ обоими генералами, весьма интересовавшимися подробностями о московскомъ ополченіи и нашемъ походѣ. Во время разговора я замѣтилъ, что генералъ Панютинъ часто поглядывалъ на мои сапоги и вдругъ что-то шепнулъ на ухо Тучкову, который, улыбнувшись, спросилъ, почему я ношу шпоры. Я отвѣтилъ, что ношу ихъ въ силу моей казначейской и квартирмейстерской должности. Оба генерала разсмѣялись, а Панютинъ сказалъ: «я думалъ, что вы надѣли шпоры, чтобы пощеголять».

Никогда еще мнѣ не случалось видѣть двухъ генераловъ, занимавшихъ важные посты, столь любезныхъ и простыхъ въ обращеніи: разговаривая съ ними, я забывалъ громадное разстояніе, отдѣлявшее прапорщика отъ командующаго арміею и начальника его штаба, и отъ души пожалѣлъ, что нашему ополченію не суждено было остаться въ Кіевѣ подъ начальствомъ этихъ двухъ прекраснѣйшихъ личностей [2]).

мянница знаменитаго князя Меншикова. Дочь ихъ Наталья Михайловна была въ замужествѣ за Александромъ Васильевичемъ Новосильцовымъ и имѣла отъ этого брака сына Дмитрія Александровича.

[1]) Павелъ Алексѣевичъ, бывшій, позднѣе, московскимъ генералъ-губернаторомъ, заслужившій въ этой должности своимъ благородствомъ, добротою и привѣтливостью искреннюю любовь и глубокое уваженіе всѣхъ москвичей. Онъ былъ женатъ на добродѣтельнѣйшей женщинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Веригиной.

[2]) При этомъ не могу не вспомнить одного анекдота, случившагося съ адъютантомъ генерала Панютина В. И. Капнистомъ и состоявшимъ при немъ по ополченію Г. А. Чертковымъ. Они оба получили отпускъ и отправились въ Москву для свиданія съ своими родителями. Остановившись гдѣ-то на станціи, они повстрѣчали какого-то помѣщика, который, познакомившись съ ними, но не спросивъ ихъ фамилій, сталъ усердно поносить московскаго гражданскаго губернатора по поводу дурнаго обмундированія московскаго ополченія. Капнистъ, услыша брань, попросилъ прекратить объявивъ, что онъ сынъ этого губернатора, на что сконфуженный помѣщикъ отвѣтилъ, что, перепутавъ должности, онъ назвалъ губернатора, между тѣмъ какъ главнымъ виновникомъ оказывался не гу-

Недѣля, проведенная мною въ Кіевѣ среди разныхъ увеселеній, прошла, какъ одинъ мигъ, и настало время отъѣзда для соединенія съ дружиною, продолжавшею свой путь къ Одессѣ.

Наканунѣ моего отъѣзда, Чертковъ получилъ отпускъ въ Москву, а я?... на этотъ разъ надежда меня не обманула: я былъ назначенъ исправлять его должность, и солгу, если скажу, что при этомъ съ моихъ плечъ свалилось горе... нѣтъ, свалилась цѣлая цѣпь всякихъ Монблановъ!.. я прыгалъ и радовался, какъ ребенокъ, и благодарилъ Бога за освобожденіе меня отъ поганой казначейской должности, а какъ такое радостное событіе произошло въ Кіевѣ, то краса русскихъ городовъ показалась мнѣ настоящимъ земнымъ раемъ, съ которымъ я разставался уже съ большою грустью...

На слѣдующее утро я отправился вмѣстѣ съ Ростопчинымъ въ «Ставищи», имѣніе графа Браницкаго, находившееся близъ его же имѣнія «Бѣлая Церковь», гдѣ мы и застали дружину.

Вечеромъ того же дня управляющій этимъ богатымъ имѣніемъ предложилъ офицерамъ отъ имени отсутствовавшаго помѣщика роскошный обѣдъ, тонкія, дорогія вина и старыя наливки. Послѣ обѣда, лишь я вернулся домой, ко мнѣ пожаловалъ вновь назначенный на казначейскую должность, прежній казначей Грушецкій съ просьбою передать ему всѣ суммы, книги и дѣла.

Несвоевременное его появленіе въ ту самую минуту, когда послѣ сытнаго обѣда я спокойно лежалъ на диванѣ, покуривая сигару и предполагая сдать дѣла на другое утро, было для меня не особенно пріятно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя возможность отдѣлаться скорѣе отъ всего, что напоминало мнѣ мои непріятныя обязанности, я согласился на его предложеніе и предварительно сдачи отправился къ Ростопчину, дабы спросить его, какимъ образомъ слѣдуетъ мнѣ произвести ее. Получивъ приказаніе сдать все, подобно тому, какъ я принялъ отъ Грушецкаго, гуртомъ, я такъ и распорядился, но только съ краткою всему описью, составленною имъ самимъ и распискою его въ книгахъ въ пріемѣ ихъ съ оставшимися неизрасходованными суммами.

При сдачѣ суммъ произошло нѣчто, поразившее меня: оказалась сумма (около 4.000 р.), лежавшая въ пакетѣ, безъ всякой надписи и нигдѣ не записанная. Такъ какъ я помнилъ, что сумма эта была выдана изъ Подольскаго уѣзднаго казначейства, но на какой предметъ — я не зналъ, то немедленно сдѣлалъ запросъ означенному казначейству. По наведеннымъ справкамъ обнаружилось, что деньги эти были выданы на провіантъ, а не занесены въ шнуровую книгу единственно по забывчивости мѣстнаго казначея. Извѣстіе это крайне обрадовало и утѣшило меня тѣмъ, что если старый и опытный казначей могъ сдѣлать подобное упущеніе, то мнѣ уже было

бернаторъ, а г. предводитель дворянства, тогда Чертковъ сказалъ ему, что онъ имѣетъ дѣло съ его сыномъ. Можно себѣ представить положеніе помѣщика.

совсѣмъ простительно путаться въ счетахъ и неумѣло записывать ихъ въ книги.

Сдавъ такимъ глупымъ образомъ свою должность и не получивъ отъ новаго казначея, по милости Ростопчина и моей неопытности, никакой форменной квитанціи, о необходимости которой я въ то время не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, я только гораздо позднѣе, когда уже окончательно извѣрился въ людскую честность, понялъ, какимъ послѣдствіямъ подобная сдача могла подвергнуть меня, еслибы мой преемникъ совершилъ какія нибудь беззаконныя дѣйствія и прикрылъ бы ихъ моимъ именемъ.

При новыхъ, адъютантскихъ обязанностяхъ, не имѣя болѣе дѣла съ цифрами, я почувствовалъ себя, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и даже забылъ думать о томъ, что, по возвращеніи Черткова, мнѣ придется вернуться субалтернъ-офицеромъ въ 3-ю роту, но, конечно, уже не съ тѣмъ, чтобы жить въ одной квартирѣ съ Х. на половинныхъ издержкахъ... въ то же время, проученный опытомъ, я далъ себѣ слово никогда, въ теченіе моей жизни, не принимать никакой должности, сопряженной съ счетоводствомъ, хотя бы эта должность могла доставить мнѣ не такія бирюльки, какъ шпоры и саблю, но даже и всевозможные знаки отличія.

Походъ отъ Кіева до Одессы былъ такъ же скученъ и однообразенъ, какъ и предыдущій отъ Москвы до Кіева, но лично для меня не утомителенъ вслѣдствіе легкихъ моихъ занятій и частыхъ остановокъ въ разныхъ городахъ, куда я пріѣзжалъ съ Ростопчинымъ заблаговременно для встрѣчи дружины. Экзекуціи тоже прекратились, а потому и не тревожили моихъ нервовъ и, если я приходилъ въ негодованіе, то только при видѣ графа, раздававшаго подзатыльники горнистамъ, не въ тактъ трубившимъ на своихъ инструментахъ во время похода, при переходѣ изъ одного мѣста въ другое.

Путь до Кіева дружина совершила благополучно, оставивъ въ городскихъ больницахъ самое ограниченное число заболѣвшихъ. Зато во время дальнѣйшаго похода холера, свирѣпствовавшая на югѣ Россіи, похитила немало ратниковъ, въ томъ числѣ и одного офицера, нашего добраго товарища, князя Михаила Ухтомскаго. Онъ скончался почти внезапно, проболѣвъ нѣсколько часовъ на дневкѣ, въ одномъ селеніи, имени котораго не припомню.

Смерть этого прекраснаго офицера, еще такъ недавно прибывшаго въ дружину, произвела на всѣхъ потрясающее дѣйствіе, и даже Ростопчинъ, далеко не нѣжный, отнесся съ замѣчательною сердечностью къ брату умершаго, князю Сергѣю, предложивъ ему отправиться въ Москву для извѣщенія своихъ родителей о постигшемъ ихъ несчастіи и личнаго ихъ утѣшенія. Графъ, отпуская Сергѣя Ухтомскаго, при прощеніи съ нимъ горько заплакалъ и, въ порывѣ изліянія своихъ чувствъ, поцѣловалъ его руку!.. такой неожиданный поступокъ нашего гордаго командира, и при томъ не любившаго князя Сергѣя, поразилъ всѣхъ офицеровъ, доказавъ, что, не-

смотря на дерзкій и жестокій нравъ Ростопчина, въ сердцѣ его еще теплилась искра любви къ ближнему.

Не могу не упомянуть объ одной нашей остановкѣ въ какомъ-то имѣніи Кіевской губерніи, гдѣ мнѣ случилось познакомиться съ малороссійскою, мелкопомѣстною помѣщицею. Вечеромъ, въ день нашего прибытія, пришелъ ко мнѣ оборванный хохолъ и отъ имени своей помѣщицы пригласилъ меня, какъ дружиннаго адъютанта, къ ней на чашку чая. Оставаясь на походѣ безъ малѣйшаго развлеченія, я очень обрадовался случаю пріятно провести вечеръ и, конечно, принялъ приглашеніе. На крыльцѣ небольшого помѣщичьяго дома я былъ встрѣченъ босоногою, грязною горничною, которая и ввела меня въ чистенькую, прилично обмеблированную комнату, гдѣ хозяйка покоилась въ огромномъ, старинномъ креслѣ.

Старая, толстая барыня, одѣтая въ поношенную, ситцевую блузу и въ какомъ-то допотопномъ чепцѣ, имѣла открытое, веселое добродушное лицо; маленькіе заплывшіе жиромъ глаза ея насмѣшливо выглядывали изъ-подъ нависшихъ, сѣдыхъ бровей, а толстый носъ въ видѣ луковицы то съеживался, то раздувался, придавая лицу смѣшное, глуповатое выраженіе.

Увидавъ въ первый разъ такой типъ малороссійской помѣщицы, я едва не разсмѣялся, и мнѣ тотчасъ представилось, что я нахожусь передъ гоголевскою «Коробочкою». Барыня, поздоровавшись со мною, внимательно посмотрѣла мнѣ въ лицо и расхохоталась. На вопросъ мой: «что во мнѣ смѣшнаго?» она отвѣтила: «въ жизнь мою не видала такой престранной рожи, какъ у тебя!» Лицо мое, хотя и было не худое, однако не толстое и далеко не такое, какъ ея собственное, то я сказалъ ей: «а ваше-то каково!»

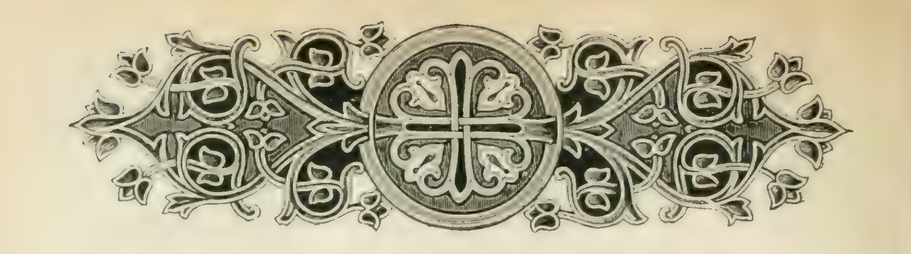
При этихъ словахъ «Коробочка» залилась неистовымъ, добродушнымъ смѣхомъ и такъ забилась всѣмъ тѣломъ, поддерживая одною рукою колыхавшееся тучное чрево, а другою отчаянно тыкая мнѣ прямо въ носъ, что я самъ неудержимо расхохотался. Босоногая дѣва, оставшаяся въ комнатѣ для снятія нагара съ горѣвшихъ на столѣ сальныхъ свѣчей, закрыла лицо руками и стала фыркать въ кулакъ.

Въ гостиной, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, стоялъ общій, громкій, безсмысленный смѣхъ!..

Наконецъ, спокойствіе водворилось. Выпивъ чашку чая, я попробовалъ завести разговоръ съ моею собесѣдницею, но разговоръ, перерываемый постояннымъ ея смѣхомъ, оказался невозможнымъ, и я поспѣшилъ уйти отъ нея. По милости этой старой хохлачки, отличавшейся отъ босоногой горничной только обутыми ногами и допотопнымъ, головнымъ уборомъ, я въ первый разъ на походѣ отъ души посмѣялся... и за то ей спасибо!

С. М. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА[1].

XII.

Одесса.—Квартира на Балкѣ.—Новый командующій ополченіемъ.—Мое назначеніе къ нему адъютантомъ.—Пріѣздъ императора Александра Николаевича.—Царскій смотръ.—Графъ Толстой.—Одесскій клубъ.—Новые знакомые.—Архіерей Иннокентій.—Мои служебныя занятія.—Прикомандированіе дружинъ къ полкамъ.—Полковой командиръ Мазараки.—Встрѣча 1856-го года.—Генералы Сухозанетъ и Непокойчицкій.—Мое пребываніе въ с. Кубанкѣ.—Ростопчинъ и Мазараки.—Мое возвращеніе въ Одессу.—Арестъ Ростопчина.—Миръ.—Обратный походъ въ Москву.—Мой отъѣздъ.—Офицеръ X. и мой камердинеръ.

ОСТОПЧИНЪ, 28-го октября, оставивъ дружину близъ самой Одессы, поѣхалъ со мною въ этотъ окончательный пунктъ нашего трехмѣсячнаго странствованія.

Одесса, въ 1856 году, представляла обширный, красиво застроенный городъ на высокомъ берегу Чернаго моря, вдоль котораго шелъ прекрасный бульваръ, обсаженный южными акаціями. Каменные дома, большею частью итальянскаго стиля, широкія улицы, окаймленныя пирамидальными тополями, и вездѣ множество народа различнаго типа, особенно греческаго, рѣзко отличали этотъ городъ отъ прочихъ большихъ русскихъ городовъ.

Въ первый день моего пріѣзда, я возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе продолжительнаго похода и отъ души пора-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 403.

довался возможности поселиться въ большомъ городѣ, награжденномъ природою такимъ теплымъ климатомъ, что въ тотъ же вечеръ я наслаждался чаепитіемъ на балконѣ моей комнаты въ Европейской гостиницѣ. Море и южная природа, никогда мною еще не виданныя, были для меня такъ новы и заманчивы, что на нѣкоторое время я позабылъ и Кіевъ и Москву...

Ратники нашей дружины помѣстились въ Сабанскихъ казармахъ, а офицеры — въ частныхъ домахъ. Ростопчинъ же нанялъ для себя и канцеляріи, вблизи казармъ, меблированную квартиру, уступивъ мнѣ одну комнату за 25 рублей въ мѣсяцъ. Обѣдая вмѣстѣ съ графомъ, я уплачивалъ ему за обѣдъ не деньгами, а виномъ: онъ кормилъ меня, а я поилъ его, и думаю, что графъ не былъ въ накладѣ, такъ какъ обѣдъ состоялъ изъ двухъ, трехъ блюдъ, а вина вливалось въ его утробу весьма почтенное количество. Совмѣстная моя съ нимъ жизнь продолжалась очень недолго: я неожиданно получилъ новое назначеніе, и вотъ какимъ образомъ.

Графъ Строгоновъ, проводивъ ополченіе до Одессы, отправился въ Москву, передавъ свою должность старшему изъ дружинныхъ начальниковъ, дѣйствительному статскому совѣтнику графу Толстому, а какъ адъютантъ начальника ополченія Бибиковъ подалъ въ отставку, то Толстой предложилъ мнѣ занять его мѣсто. Польщенный избраніемъ меня на такую видную по ополченію должность, я съ радостью принялъ ее, въ полной увѣренности окончательно разстаться съ Ростопчинымъ, но онъ, получивъ извѣстіе о поступленіи Черткова на ординарцы къ командующему среднею арміею, упросилъ Толстого, при назначеніи меня его адъютантомъ, оставить и дружиннымъ адъютантомъ. Подобная комбинація, создавая изъ меня, одновременно, совмѣстителя двухъ должностей—высшей и низшей, оказалась, какъ увидимъ послѣ, не только незаконною, но и въ высшей степени комичною, а множество занятій по ополченію и ничтожность ихъ по дружинѣ побудили меня переѣхать въ Европейскую гостиницу, гдѣ находился Толстой съ своею канцеляріею.

Въ началѣ ноября, императоръ прибылъ изъ Крыма въ Одессу и назначилъ смотръ мѣстнымъ войскамъ, въ томъ числѣ и московскому ополченію. Вѣсть о царскомъ смотрѣ крайне перепугала дружинныхъ начальниковъ, опасавшихся, чтобы ратники не предстали предъ его величествомъ въ видѣ толпы плохо обученныхъ мужиковъ, и только надежда на извѣстную доброту и милость государя нѣсколько успокоивала начальствующихъ лицъ. Струхнули также Толстой и я, увѣренные, что мы оба, парадируя во главѣ ополченія, надѣлаемъ немало несообразностей, впрочемъ, по нашему личному мнѣнію, вполнѣ извинительныхъ для графа, какъ прежняго сенатскаго оберъ-прокурора, а для меня, какъ бывшаго архивнаго чиновника. Въ день смотра погода была ясная и очень теплая. Въ 10 часовъ утра, когда всѣ дружины стояли на военномъ полѣ,

на своихъ мѣстахъ, а я находился верхомъ подлѣ Толстого, ко мнѣ подскакалъ Ростопчинъ съ просьбою помѣняться съ нимъ лошадью, увѣряя, что лошадь его, прозванная имъ «Екатериною Ивановною»[1]), горячится и не стоитъ смирно. Считая себя хорошимъ ѣздокомъ, я тутъ же пересѣлъ на «Екатерину Ивановну» и нашелъ, что она была скромна и тиха, какъ барашекъ, и если прыгала и скакала у графа, то, вѣроятно, вслѣдствіе его собственнаго, раздраженнаго состоянія по случаю предстоявшаго смотра и постоянно впускаемыхъ въ ея бока острыхъ шпоръ.

Наконецъ, настала очередь ополченію итти церемоніальнымъ маршемъ передъ императоромъ. Когда Толстой, имѣвшій меня позади себя, повелъ дружины, то я догадался, что не знаю, какъ салютовать государю, т.-е. долженъ ли держать руку подъ козырекъ, или отдать честь саблею, и, спросивъ о томъ Толстого, получилъ слѣдующій отвѣтъ: «mon cher, c'est la question que je voulais vous faire moi-même!..», но какъ мы находились уже вблизи государя, и не было времени для разсужденій, то графъ, держа въ рукѣ саблю, отсалютовалъ ею его величеству, а я приложился къ козырьку... къ счастью, наши салюты случайно оказались правильными[2]). Но вслѣдъ за нами иначе отличились: Ростопчинъ и одинъ дружинный казначей!—первый, парадируя во главѣ дружины, отдалъ честь государю лишь на половину, держа все время саблю передъ своимъ лицомъ и опустивъ ее только, когда сталъ позади его величества. Такая непростительная ошибка для бывшаго военнаго была замѣчена ему императоромъ. Казначей же, проѣзжая верхомъ передъ дружиннымъ обозомъ, поровнявшись съ государемъ, остановилъ свою лошадь, слѣзъ съ нея, вытянулся во фронтъ, приложился къ козырьку и, низко поклонившись, снова вскочилъ на лошадь, продолжая путь въ полной увѣренности, что исполнилъ свою обязанность не хуже другихъ. Неожиданныя гимнастическія упражненія казначея не имѣли для него, по милости рѣдкой доброты государя, никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Произошли ли на смотрѣ другіе подобные эпизоды—не знаю, но

---

[1]) Въ числѣ странныхъ причудъ Ростопчина было обыкновеніе называть своихъ лошадей и собакъ человѣческими именами, а служившихъ у него крѣпостныхъ людей безсмысленными кличками: такъ, своего камердинера Артемія онъ прозвалъ «Ванором».

[2]) 2-го іюня 1865-го года, когда я былъ объявленъ женихомъ жены моей, дочери генералъ-адъютанта Юрьевича, проживавшаго въ то время на своей дачѣ въ Павловскѣ, государь посѣтилъ его и въ милостивомъ со мною разговорѣ спросилъ о моей прежней службѣ. На мой отвѣтъ, что я началъ службу въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а позже, въ крымскую кампанію, находился въ московскомъ ополченіи, государь, улыбнувшись, сказалъ: «Помню васъ, я видѣлъ ополченіе въ Одессѣ, ну, хороши же вы были!», тогда я позволилъ себѣ разсказать выше приведенный случай о салютѣ его величеству, который и вызвалъ продолжительный смѣхъ государя.

всѣ ополченскіе офицеры удостоились высочайшаго благоволенія, со внесеніемъ его въ формуляръ.

Первое время моего пребыванія въ Одессѣ я провелъ довольно пріятно, хотя значительно утомлялся моими новыми служебными занятіями, поглощавшими всѣ утренніе часы, а иногда и послѣобѣденные. Особенно много времени отнимали у меня циркуляры, которыхъ набиралось нерѣдко до пяти и болѣе въ день, а какъ разсылка ихъ по дружинамъ, каждой отдѣльно, составляла массу бумагъ за моею подписью, то провѣрка ихъ отнимала у меня много времени.

Вначалѣ на всѣхъ бумагахъ, по приказанію Толстого, я подписывался «адъютантомъ», нисколько не подозрѣвая, что не только по моему чину не имѣю на то никакого права, но уже и потому, что не было вовсе приказа по ополченію о моемъ назначеніи въ эту должность. О такой неправильности, указанной мнѣ однимъ изъ нашихъ писарей, я тотчасъ сообщилъ графу, но онъ и послѣ того не нашелъ нужнымъ отдать о моемъ назначеніи особый приказъ, увѣряя, что все это пустяки, и ограничился тѣмъ, что попросилъ меня подписываться «въ должности» или «за адъютанта».

Графъ Толстой былъ человѣкъ умный, благородный, добрый и благовоспитанный. Со всѣми привѣтливый, онъ рѣдко сердился и никогда не возвышалъ голоса, но гнѣвъ его выражался особымъ, своеобразнымъ образомъ: губы его расширялись и принимали ехидное выраженіе, а носъ испускалъ легкое фырканіе. Отличительными чертами его характера были трусливость, доходившая до смѣшного при словѣ «высшее начальство», и лѣность, заставлявшая его по цѣлымъ днямъ лежать въ халатѣ на диванѣ. Были ли у него друзья и привязанности — мнѣ неизвѣстно, но въ Одессѣ онъ ни съ кѣмъ не сходился и не сближался и былъ привязанъ только къ своему неразлучному спутнику—старой лягавой собакѣ, платившей ему, въ свою очередь, рѣдкою привязанностью. Умная и добрая собака была, подобно своему хозяину, очень труслива и отъ всѣхъ пряталась, особенно при видѣ пса больше и выше ея ростомъ. Ко мнѣ же она была довольно равнодушна и не ласкалась, но нисколько не боялась меня, вѣроятно, потому, что сознавала положеніе свое при командующемъ ополченіемъ несравненно выше званія его адъютанта.

Отношенія графа ко мнѣ были самыя любезныя, и вслѣдствіе сосѣдства нашихъ комнатъ, раздѣленныхъ лишь канцеляріею, всѣ начальническія и подчиненныя формальности были уничтожены. Разъ только, и то въ началѣ моего адъютантства, случилось обстоятельство, поразившее меня своею неумѣстностью: графъ, вставъ утромъ не въ духѣ и, при моемъ докладѣ, подписывая молча и нервно бумаги, ехидно улыбался, испуская носомъ какіе-то звуки. Вдругъ, сломавъ перо и бросивъ его на полъ, сказалъ мнѣ: «по-

дымите перо!» Не привыкнувъ къ исполненію подобныхъ приказаній, я удивленно посмотрѣлъ на него и приказалъ находившемуся въ комнатѣ писарю поднять перо. Тогда мой начальникъ какъ-то странно взглянулъ на меня и сердито сказалъ: «отчего вы не подняли пера?» —Я отвѣтилъ: «для этого есть писарь и лакеи, а я вашъ адъютантъ!»—Послѣ такого спокойнаго и твердаго отвѣта Толстой сконфузился, покраснѣлъ, какъ ракъ, и сквозь зубы проворчалъ: «это моя старая привычка,—я привыкъ въ сенатѣ, чтобы чиновники поднимали мои перья!» — Вслѣдъ затѣмъ протянулъ мнѣ руку, какъ бы въ знакъ примиренія желая загладить свой странный и неумѣстный поступокъ.

Что касается до моихъ занятій по дружинѣ, то они были ничтожны, а какъ Ростопчинъ переѣхалъ также въ нашу гостиницу, мнѣ уже не трудно было, два раза въ день, забѣгать въ его канцелярію для подписи бумагъ, составлявшихся вполнѣ свѣдущимъ писаремъ, находившимся при дружинѣ со дня ея сформированія.

Посвящая утро занятіямъ, я проводилъ часть вечера въ мѣстномъ клубѣ за чтеніемъ газетъ или въ разговорахъ съ прибывшими въ Одессу офицерами, какъ ополченскими, такъ и вновь сформированнаго стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи. Въ числѣ послѣднихъ находились мои старые московскіе пріятели: Еремѣевъ [1]) и Ермоловъ [2]); черезъ нихъ я познакомился почти со всѣми офицерами баталіона, въ которомъ служили тогда и два петербургскіе аристократы-богачи: графъ Бобринскій [3]) и князь Гагаринъ [4]), оба милые, умные и образованные молодые люди.

Но умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ изъ всѣхъ офицеровъ былъ безспорно графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, впослѣдствіи извѣстный писатель, авторъ «Князя Серебрянаго». Несмотря на свое видное уже, въ то время, общественное положеніе вслѣдствіе особаго благосклоннаго къ нему расположенія императора Александра Николаевича, Алексѣй Константиновичъ былъ тогда, какъ и во всю свою остальную жизнь, скромнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ. Чрезвычайно мягкаго характера и рѣдкаго остроумія, онъ

[1]) Дмитрій Павловичъ, въ то время адъютантъ баталіона, замѣчательно красивый и добрѣйшій человѣкъ. Въ Одессѣ онъ находился съ своею молодою, милѣйшею женою, Ольгою Дмитріевною, рожденною Скуратовою. Позднѣе, онъ былъ симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, занимая должность помощника управляющаго дворянскимъ банкомъ.

[2]) Григорій Петровичъ, нынѣ генералъ-майоръ, благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, заслужившій уже въ молодости глубокое уваженіе всѣхъ знавшихъ его. Впослѣдствіи я былъ настолько счастливъ, что сблизился съ нимъ и пріобрѣлъ искреннюю, могу сказать, братскую дружбу этого рѣдкаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

[3]) Алексѣй Павловичъ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія и извѣстный послѣдователь ученія лорда Редстока.

[4]) Левъ Николаевичъ, позднѣе московскій губернскій предводитель дворянства.

былъ искренно любимъ своими товарищами, а появленіе его въ обществѣ, среди не только молодежи, но и людей пожилыхъ, доставляло всѣмъ не одно простое удовольствіе, а какое-то отрадное чувство, превращавшееся скоро въ поклоненіе его уму и сердцу.

Въ клубѣ по вечерамъ собиралось мужское высшее одесское общество, масса военныхъ и нѣсколько севастопольскихъ героевъ, изъ которыхъ особенное вниманіе обращалъ на себя начальникъ штаба южной арміи, князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, извѣстный высокимъ образованіемъ, гуманнымъ обращеніемъ съ низшими чинами и беззавѣтною храбростью.

Изъ лицъ мѣстнаго общества, дававшихъ балы и вечера, я былъ только знакомъ съ г-жею Папудовой, красивою женою богатаго грека, одесскаго жителя, у которой можно было ежедневно встрѣтить многочисленныхъ ея поклонниковъ, въ томъ числѣ, и главнаго изъ нихъ, командующаго южною арміею генерала Лидерса.

По воскресеньямъ и праздникамъ я ходилъ къ обѣднѣ въ одесскій соборъ, гдѣ восхищался проповѣдями мѣстнаго знаменитаго архіерея Иннокентія. Проповѣди его были не только увлекательны, но и крайне своеобразны: онъ говорилъ, безъ всякой записки, просто, какъ бы разговаривая съ слушателями и поясняя имъ мнимые ихъ вопросы. Во время проповѣди умное, благообразное лице святителя принимало задумчивое и вопрошающее выраженіе, а иногда случалось, что среди своей краснорѣчивой рѣчи онъ вдругъ умолкалъ и, обращая взоръ на кого либо изъ ближайшихъ слушателей, какъ будто, ожидалъ отвѣта на свои слова. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ продолжалъ рѣчь, обращаясь уже къ другому лицу. Проповѣди его производили сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, вызывая ихъ слезы, а, быть можетъ, и душевное покаяніе.

Въ концѣ года ополченіе испытало неожиданную непріятность: приказомъ по южной арміи дружины были прикомандированы къ армейскимъ полкамъ, въ видѣ прибавочнаго баталіона. Такое прикомандированіе подъ начальство никому неизвѣстныхъ полковыхъ командировъ вызвало немалое негодованіе ополченскихъ офицеровъ и особенно дружинныхъ начальниковъ. Негодованіе это, впрочемъ, было весьма понятно, такъ какъ дворяне, записываясь въ ополченіе, сами, по своему усмотрѣнію, избирали дружину и дружиннаго командира, а послѣдніе, считая себя отдѣльными начальниками и имѣя лишь отношеніе къ одному начальнику ополченія, не могли помириться съ мыслію о неожиданномъ подчиненіи ихъ командирамъ армейскихъ полковъ.

Нѣкоторые офицеры собирались даже выйти въ отставку, но путь этотъ оказался имъ прегражденнымъ послѣдовавшимъ новымъ приказомъ по арміи объ увольненіи въ отставку или отпускъ только тѣхъ ополченскихъ офицеровъ, которые, по строжайшемъ

освидѣтельствованіи военными врачами, окажутся дѣйствительно больными и неспособными къ военной службѣ. Этимъ освидѣтельствованіемъ, сколько припомню, воспользовался только одинъ больной, пожилой офицеръ Волоколамской дружины, поручикъ Смирновъ. Остальные же, обрѣтаясь въ вожделѣнномъ здравіи, не смѣли прибѣгнуть къ столь рискованному способу и поневолѣ остались подъ командою полковыхъ командировъ и подъ фиктивнымъ начальствомъ графа Толстого, котораго, несмотря на то, штабъ арміи не переставалъ заваливать всякими предписаніями, заключавшими въ себѣ довольно часто: «ordre» и «contre-ordre».

Подольская дружина вошла въ составъ Люблинскаго резервнаго полка подъ начальство полковника Мазараки. При первомъ моемъ представленіи и докладѣ ему о томъ, что въ лицѣ моемъ совмѣщаются двѣ должности—высшая и низшая, полковникъ пришелъ въ неописуемый ужасъ, не соображая, какимъ образомъ одно и то же лицо можетъ давать себѣ предписанія и получать отъ себя же донесенія!.. и онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ въ скоромъ времени одновременное исполненіе мною этихъ двухъ должностей окончилось эпизодомъ, неслыханнымъ въ рядахъ войскъ!.. мнѣ, какъ адъютанту начальника ополченія, пришлось арестовать моего начальника по дружинѣ!..

Мазараки показался мнѣ человѣкомъ благовоспитаннымъ и вовсе не походившимъ на типъ грубыхъ и невѣжливыхъ командировъ того времени. Онъ обошелся со мною чрезвычайно любезно и, отпуская меня отъ себя, сказалъ, что, желая сдѣлать пріятное Толстому, онъ оставитъ за мною незаконное исполненіе двухъ должностей, въ надеждѣ, что, невзирая на мою высшую должность, я буду, по дружинѣ, аккуратно исполнять всѣ приказанія его полкового адъютанта.

Довольный любезнымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ нашимъ новымъ командиромъ, я порадовался за дружину, что она попала подъ его начальство, но когда я сообщилъ о томъ Ростопчину, не видавшему еще Мазараки, то по тону графа и злобному выраженію глазъ догадался, что онъ не только не будетъ, но и не желаетъ быть съ полковникомъ въ ладу, считая для себя оскорбительнымъ состоять подъ его начальствомъ.

Почти вслѣдъ за прикомандированіемъ ополченія къ полкамъ, командующій арміею приказалъ расквартировать дружины по разнымъ селеніямъ, находившимся въ довольно дальнемъ разстояніи отъ Одессы. Распоряженіе это произвело новое неудовольствіе между офицерами, не предполагавшими такъ скоро покинуть пріятный городъ для того, чтобы прозябать въ скучнѣйшихъ молдаванскихъ деревняхъ или нѣмецкихъ колоніяхъ. Ростопчинъ и его дружина отправились въ селеніе Кубанку. Графъ едва ли не былъ единственный офицеръ, радовавшійся своему отъѣзду, и только по-

тому, что въ Кубанкѣ онъ надѣялся рѣже видѣть ненавистное ему лицо своего полкового командира. Я же, по настоянію Толстого, остался при немъ и былъ замѣненъ въ дружинѣ другимъ офицеромъ, назначеннымъ временно исправлять мои адъютантскія обязанности.

По отбытіи ополченія, я вздохнулъ свободно: переписка со штабомъ арміи почти совсѣмъ прекратилась. Имѣя много свободнаго времени, я сталъ усердно посѣщать знакомыхъ мнѣ офицеровъ стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи, изъ которыхъ въ то время многіе болѣли тифомъ, но, къ счастью, всѣ выздоровѣли за исключеніемъ только одного Сергѣя Николаевича Сипягина [1]. Въ ту зиму тифъ свирѣпствовалъ въ Одессѣ и особенно сильно среди войскъ южной арміи. Достойно замѣчанія, что всѣ заболѣвшіе имъ стрѣлковые офицеры, лѣчившіеся холодными обливаніями у извѣстнаго одесскаго врача Линка, выздоровѣли, и только умеръ одинъ Сипягинъ, лѣчившійся у другихъ врачей и другими средствами.

Новый 1856 годъ я встрѣтилъ въ залѣ одесскаго дворянскаго собранія, гдѣ въ тотъ вечеръ собралось высшее мѣстное общество и почти всѣ представители южной арміи. Въ полночь, старшій изъ находившихся тамъ генераловъ, Липранди, поднялъ бокалъ и поздравилъ присутствующихъ съ новымъ годомъ, пожелавъ всѣмъ счастія, а военнымъ—успѣховъ на полѣ брани...

Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастіемъ!—раздавалось со всѣхъ сторонъ,—я тоже поднялъ бокалъ, и... слеза покатилась изъ глазъ... въ эту минуту живо представилось мнѣ былое время, когда я встрѣчалъ новый годъ въ моей дорогой Москвѣ, съ моими родителями, а потомъ съ друзьями тихо, безмятежно, съ полною надеждою на свѣтлое будущее, а тутъ, въ одиночествѣ, вдали отъ родного города, среди почти незнакомыхъ людей и въ тревожномъ невѣдѣніи о дальнѣйшей своей судьбѣ... минута была грустная! Вернувшись домой, я былъ несказанно радъ обнять моего слугу Андрея Петровича и пожалѣлъ, что поѣхалъ въ собраніе и не встрѣтилъ новаго года вмѣстѣ со старикомъ и нашими общими съ нимъ воспоминаніями.

Наступившій годъ принесъ важную новость: на мѣсто командующаго южною арміею Лидерса, назначеннаго главнокомандующимъ всѣми военными силами въ Крыму, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, а начальникомъ его штаба генералъ Непокойчицкій.

---

[1]) Главноуправляющій коммиссіею прошеній, на высочайшее имя подаваемыхъ, а дочь Александра Сергѣевна вышла за героя—моряка Дубасова. Вдова же Сергѣя Николаевича, рожденная Красовская, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти мужа, вступила въ бракъ съ егермейстеромъ, княземъ Васильемъ Васильевичемъ Мещерскимъ.

Сухозанетъ былъ дряхлый, страшно худой и согбенный старикъ. Умный, благородный, добрый человѣкъ, онъ не могъ похвастаться особымъ образованіемъ и еще менѣе знаніемъ русскаго языка, дѣлая въ своихъ писанныхъ резолюціяхъ массу ошибокъ, бывшихъ предметомъ забавъ и остротъ его подчиненныхъ. Жена его, рожденная княжна Яшвиль, была дама пожилая, важная, строгая и замѣчательно умная. Мужественная фигура ея, большіе черные глаза и величественный, горбатый носъ, придавая ей видъ «восточнаго человѣка», послужили поводомъ штабнымъ ея мужа прозвать ее «туркомъ» или «султаномъ». Старики Сухозанеты жили дружно и любили другъ друга. Въ доказательство ихъ взаимной любви и даже нѣжности, приведу одно обстоятельство, сдѣлавшееся въ теченіе зимы извѣстнымъ всѣмъ военнымъ по милости нескромности ближайшихъ подчиненныхъ генерала. Они разсказывали, что по утрамъ, когда пріемная Сухозанета была полна лицами, ожидавшими его выхода, адъютанты и ординарцы часто должны были просить ихъ повременить, увѣряя, что генералъ «еще занятъ». Занятія же, по словамъ тѣхъ же штабныхъ, состояли будто бы въ томъ, что жена командующаго арміею приходила въ это время въ его кабинетъ, садилась къ нему на колѣни и нѣжно цѣловала его въ губы. Не знаю, насколько было правды въ этихъ разсказахъ, но они распространялись приближенными къ Сухозанету, увѣрявшими, что нѣжныя сцены между старыми супругами были ими подмѣчены черезъ замочную щелку его кабинетныхъ дверей.

Начальникъ штаба Непокойчицкій былъ еще молодой генералъ, извѣстный своимъ умомъ, военнымъ образованіемъ и даже ученостью. Повидимому, онъ былъ строгій и взыскательный начальникъ. Говорю это потому, что однажды, выходя изъ госпиталя, гдѣ я навѣщалъ больныхъ ратниковъ, я увидалъ ѣхавшаго по улицѣ Непокойчицкаго и, не успѣвъ надѣть на правую руку перчатку, приложился къ козырку обнаженною рукою. Казалось бы, вина была не большая, особенно для ополченца, но начальникъ штаба, замѣтивъ это, велѣлъ сказать мнѣ черезъ своего ординарца Озерова, моего московскаго пріятеля, что буде повторится еще разъ подобное, то онъ посадитъ меня подъ арестъ. Благодаря Бога, подобное не повторилось: я никогда болѣе не встрѣчалъ на улицѣ строгаго генерала. Оставшись, какъ я выше сказалъ, почти безъ занятій, я, съ дозволенія Толстого, отправился на нѣкоторое время въ дружину, желая узнать, что въ ней творится при новыхъ порядкахъ. Пріѣхавъ въ довольно грязное молдаванское селеніе «Кубанку» и вступивъ въ тотъ же день въ исправленіе моей дружинной должности, я нашелъ Ростопчина въ крайне раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе присылки полковымъ командиромъ въ дружину одного изъ своихъ офицеровъ для обученія ея воинскому

уставу. При первомъ моемъ знакомствѣ съ прибывшимъ учителемъ, милымъ, веселымъ и обязательнымъ молодымъ человѣкомъ, я убѣдился, что онъ уже тяготился своими обязанностями, подвергаясь постоянымъ насмѣшкамъ Ростопчина.

Дня черезъ два послѣ моего пріѣзда, Мазараки назначилъ смотръ дружинѣ. Графъ, не проявлявшій до того времени явно затаенной къ своему полковому командиру злобы, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ первый разъ выказать ему пренебреженіе, встрѣтивъ его пѣшкомъ и не сѣвъ вовсе на лошадь въ продолженіе смотра и церемоніальнаго марша, между тѣмъ какъ полковой командиръ и адъютантъ его прибыли верхомъ. Поступокъ графа, какъ казалось, не обратилъ на себя особаго вниманія его начальника, однако послѣ смотра, отправившись завтракать къ Ростопчину, онъ прочелъ ему въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, маленькую лекцію объ обязанностяхъ военныхъ людей и сказалъ, между прочимъ, что ополченцамъ нужно еще многому учиться въ силу извѣстнаго изреченія, что «ученье свѣтъ, а неученье тьма».

Послѣ этого завтрака Ростопчинъ окончательно возненавидѣлъ своего полкового командира и, вѣроятно, тогда же въ душѣ своей поклялся «пакостить ему», потому что вслѣдъ за смотромъ онъ донесъ рапортомъ, что присланный офицеръ не можетъ обучать дружину, вслѣдствіе внезапно проявившагося у него сумасшествія, чему имѣются явныя доказательства не только у самого графа, но и у всѣхъ офицеровъ, а потому и просилъ возвратить его въ полкъ для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей... Въ этомъ рапортѣ отъ перваго слова до послѣдняго была наглая ложь! Несмотря на то, молодой человѣкъ былъ отозванъ въ полкъ; но чѣмъ окончилось изслѣдованіе мнимаго его сумасшествія, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ Мазараки не далъ этому дѣлу дальнѣйшаго хода, и, вѣроятно, потому, что послѣ подобнаго рапорта онъ самъ усомнился въ порядкѣ умственныхъ способностей не своего офицера, а дружиннаго командира. Все это произошло въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, мною проведенныхъ въ Кубанкѣ, и, ожидая отъ графа еще болѣе несообразныхъ дѣйствій, я крайне обрадовался приказанію графа Толстого вернуться въ Одессу, гдѣ присутствіе мое оказывалось нелишнимъ по случаю возникшей снова переписки штаба арміи съ командующимъ ополченіемъ.

Почти одновременно съ моимъ возвращеніемъ, пришло извѣстіе о заключенномъ съ непріятелемъ перемиріи, и вслѣдствіе того явилась нѣкоторая надежда на заключеніе окончательнаго мира. Мысль о мирѣ для большей части военныхъ была непріятна. Они находили, что, при нашихъ неудачахъ въ Крыму и особенно при нахожденіи Севастополя въ непріятельскихъ рукахъ, необходимо было продолжать военныя дѣйствія и не помышлять о заключеніи мира ранѣе одержанной побѣды надъ непріятелемъ. Мнѣніе это,

можетъ быть, и основательное, раздѣлялось, однако, не всѣми: многіе находили, что императоръ Александръ Николаевичъ, не начавъ самъ войны, имѣлъ неотъемлемое право, ради прекращенія кровопролитія, заключить миръ, хотя бы въ ущербъ нашимъ интересамъ.

Въ половинѣ февраля наша дружина возвратилась въ Одессу. Очутившись опять двойнымъ адъютантомъ и опасаясь подвергнуться по милости Ростопчина какимъ либо непріятностямъ, я отказывался подписывать тѣ изъ его рапортовъ полковому командиру, которые казались мнѣ не достаточно вѣжливыми и несогласными съ долгомъ службы, и на которые онъ не скупился послѣ того, что совершенная имъ незадолго до выступленія дружины изъ Кубанки новая и совсѣмъ уже безумная дерзость осталась безнаказанною. Она заключалась въ слѣдующемъ. Мазараки поручилъ двумъ своимъ офицерамъ, майору и капитану, произвести инспекторскій смотръ дружинѣ. Офицеры эти явились къ Ростопчину и любезно предложили ему назначить, по его усмотрѣнію, день и часъ смотра. Назначивъ на слѣдующій день девять часовъ утра, графъ собралъ къ этому времени дружину и сталъ ожидать прибытія инспекторовъ, но, такъ какъ они опоздали на десять минутъ, то графъ, вмѣсто подачи надлежащаго рапорта, грозно закричалъ:

— Я назначилъ смотръ въ девять часовъ, а вы опоздали и осмѣлились мнѣ манкировать! — затѣмъ, обратившись къ своему офицеру, исправлявшему, за моимъ отсутствіемъ, должность адъютанта, сказалъ: — Арестуйте ихъ!..

Инспектора, не сказавъ ни слова, взглянули на него, какъ глядятъ на какого нибудь полоумнаго, и ушли... Тѣмъ и кончился этотъ небывалый въ военной службѣ инспекторскій смотръ, а Ростопчинъ, не подвергшійся, какъ я выше сказалъ, за свой проступокъ ни выговору, ни даже замѣчанію, сталъ, по возвращеніи въ Одессу, хвастаться передъ всѣми своими знакомыми храбрыми, по мнѣнію его, подвигами и еще болѣе досаждать дерзкими рапортами полковому командиру. Наконецъ, терпѣніе Мазараки лопнуло, и, пригласивъ меня къ себѣ, онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

— Кто осмѣливается писать такіе дерзкіе рапорты?

Удивленный такимъ страннымъ вопросомъ, такъ какъ рапорты подписывались однимъ командующимъ дружиною, я отвѣтилъ:

— Графъ Ростопчинъ.

— Вы мнѣ говорите это офиціально?

— Точно такъ, — сказалъ я.

— Хорошо, — прибавилъ онъ: — прощайте, а я знаю, что дѣлать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Толстой получилъ предписаніе отъ командующаго арміею отправить Ростопчина подъ арестъ на главную гауптвахту, а мнѣ, какъ адъютанту начальника ополченія, приказано было свезти туда моего дружин-

наго начальника!.. Таковъ былъ результатъ исправленія мною двухъ несовмѣстныхъ должностей—высшей и низшей! Но, такъ какъ никто, кромѣ меня, не обратилъ вниманія на подобную служебную нелѣпость, то Толстой, посмѣявшись вдоволь надъ препровожденіемъ графа Ростопчина на гауптвахту подъ присмотромъ его же адъютанта, попросилъ меня никому не говорить о такомъ приключеніи, столь противномъ военному уставу.

Ростопчинъ, узнавъ о своемъ арестѣ, нисколько не сѣтовалъ на него, а, напротивъ, казалось, забавлялся имъ. Войдя на гауптвахту, гдѣ ему приходилось провести нѣсколько дней въ компаніи другихъ арестованныхъ офицеровъ, онъ залился своимъ обычнымъ глупымъ смѣхомъ и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Господа, какъ здѣсь воняетъ!

Послѣ этого началъ поливать одеколономъ стѣны комнаты, мебель и самихъ офицеровъ. Но, по окончаніи ареста, графъ не оказался столь смиреннымъ агнцемъ и, не имѣя болѣе возможности излить свою злобу на Мазараки, обратилъ ее на Толстого, сдѣлавъ ему въ клубѣ за допущеніе его ареста дерзкую сцену, сопровождавшуюся криками и угрозами. Ни въ чемъ неповинный Толстой, испугавшись своего разсвирѣпѣвшаго подчиненнаго, не сказалъ ему ни слова, убѣжалъ изъ клуба и съ тѣхъ поръ не возвращался туда, избѣгая всячески встрѣчи съ этимъ, по его выраженію, «дикимъ и бѣшенымъ человѣкомъ».

6-го марта, миръ былъ окончательно заключенъ къ великой радости ополченцевъ, проведшихъ всю зиму въ полномъ бездѣйствіи и нетерпѣливо ожидавшихъ возобновленія военныхъ дѣйствій или возвращенія на родину. Хотя заключенный миръ былъ далеко не въ нашу пользу и даже нѣсколько оскорбителенъ для русскаго самолюбія, но я долженъ сознаться, что, несмотря на мой патріотизмъ, я тоже очень обрадовался ему, какъ предвѣстнику нашего возвращенія въ Москву, и, дѣйствительно, надежда эта сбылась: въ скоромъ времени ополченіе получило приказаніе вернуться въ свои уѣзды.

Когда дружины выступили въ обратный путь, то въ Одессѣ осталось только три ополченца: Толстой, я и мой братъ, получившій отпускъ въ Москву. Графъ, оставаясь безъ должности по случаю возвращенія нашего прежняго начальника графа Строгонова, ожидавшаго ополченіе въ Вознесенскѣ, намѣревался ѣхать въ Москву и, въ виду моего тогдашняго нѣсколько разстроеннаго здоровья и значительнаго утомленія, вслѣдствіе усиленныхъ занятій за послѣднее время, предложилъ мнѣ отпускъ для сопровожденія его въ Москву. Не трудно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ и благодарностью принялъ я предложеніе графа, подававшее мнѣ надежду увидать черезъ нѣсколько дней родной городъ, друзей, пріятелей и, наконецъ, избавиться отъ скучнѣйшаго похода...

Здоровье мое положительно требовало отдыха: я кашлялъ и до того ослабъ, что не чувствовалъ себя въ состояніи принять любезное предложеніе графа Строгонова остаться и при немъ въ должности адъютанта.

Передъ пасхою Толстой отправился на нѣсколько дней въ Вознесенскъ для свиданія съ графомъ Строгоновымъ, а я остался на свѣтлый праздникъ въ Одессѣ и на другой день съ моимъ братомъ поѣхалъ въ Вознесенскъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда продолжать дальнѣйшій путь вмѣстѣ съ Толстымъ.

Бѣгло разсказавъ о моемъ мало интересномъ пребываніи въ Одессѣ, я не упомянулъ о томъ, что въ началѣ зимы мой бывшій товарищъ X., назначенный начальникомъ одной дружины московскаго ополченія, пожелалъ, наконецъ, свести со мною прежніе счеты и уплатить мнѣ свой долгъ. Уплата эта произошла, однако, самымъ оригинальнымъ образомъ: X. долженъ былъ мнѣ около 500 рублей, а въ концѣ концовъ оказалось, что не онъ долженъ мнѣ, а я ему 350 рублей!... которые, за уплатою имъ своего долга, будто бы приходились ему за мѣсяцъ, проведенный съ нимъ въ Фетищахъ, т. е. за продовольствіе мое, моего человѣка и моей верховой лошади! Другими словами, я задолжалъ ему почти девятьсотъ рублей за ежедневный мой общій съ нимъ обѣдъ, состоявшій изъ двухъ простыхъ блюдъ и бутылки самаго дешеваго вина, да за продовольствіе моего камердинера остатками того же обѣда и кормъ лошади.

Очевидно, по этому расчету, X. кормилъ меня, камердинера и лошадь трюфелями въ кулакъ величины и вливая при томъ въ наши желудки по нѣсколько бутылокъ шампанскаго въ день... Хотя въ то время моя довѣрчивость и деликатность доходили до глупости, но такое наглое надувательство не только поразило меня, но даже сконфузило и, взявъ, какъ говорятъ французы, «mon courage à deux mains», я выразилъ X. мое крайнее удивленіе и послѣ довольно бурнаго объясненія, не желая болѣе имѣть никакого дѣла съ подобною личностью, я рѣшился уплатить ему 350 рублей при первой получкѣ денегъ изъ Москвы. Но X., требуя немедленной уплаты моего мнимаго долга, попросилъ Ростопчина выдать мнѣ въ займы эту сумму, которую графъ и передалъ ему, однако же не изъ собственныхъ денегъ, а изъ дружинныхъ, потребовавъ съ меня надлежащую росписку [1]). По удаленіи же X., Ростопчинъ, ехидно разсмѣявшись, сказалъ:

— Что, батюшка, попались? Я давно знаю, что X. за птица!

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ этой аттестаціи, данной графомъ своему бывшему офицеру, послѣдній былъ уволенъ отъ своей

[1]) По возвращеніи моего долга Ростопчину, при его казначеѣ, мнѣ росписки этой никто не возвратилъ.

новой должности, вслѣдствіе оказавшагося черезчуръ дурного продовольствія ратниковъ ввѣренной ему дружины и затѣмъ куда-то исчезъ... Миръ праху твоему!—подумалъ я,—спасибо и за то, что за 350 рублей ты научилъ глупаго юношу не довѣряться людямъ, подобнымъ тебѣ, услужливымъ, любезнымъ, но хитрымъ и вкрадчивымъ!

Не такъ посмотрѣлъ на это дѣло мой старый камердинеръ: онъ долго не могъ успокоиться и, при всякомъ удобномъ случаѣ, отзывался о Х. въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Ахъ, мошенникъ, облапошилъ младенца! Недаромъ я не любилъ этого шустраго молодца! Погоди, братъ, попадись только мнѣ на глаза, отдѣлаю, да еще какъ! Да и Ростопчинъ хорошъ, зачѣмъ далъ деньги? — лѣшій лупоглазый!..

Упомянувъ о моемъ Андреѣ Петровичѣ, я долженъ сказать, что, во время похода и въ началѣ зимы, онъ былъ постоянно моимъ заботливымъ камердинеромъ и настоящимъ другомъ, но потомъ, соскучившись по Москвѣ и по своемъ семействѣ, сталъ часто проявлять свой врожденный, довольно непріятный и ворчливый характеръ и, подъ конецъ, сдѣлался до того грубъ и нестерпимъ, что присутствіе его становилось для меня тягостнымъ. Однажды, выведенный изъ терпѣнія, я предложилъ ему отправиться въ Москву.

— А какъ отправите?—спросилъ онъ:—пѣшкомъ, что ли? Не пойду.

— Нѣтъ, на перекладной, — отвѣтилъ я.

— На перекладной? Не поѣду — вотъ и все!

Таковъ былъ его отвѣтъ, и, конечно, старикъ попрежнему остался у меня, заслуживъ своею прямотою и честностью уваженіе Ростопчина и Толстого, несмотря на то, что онъ ихъ не долюбливалъ и, за частое нарушеніе ими седьмой заповѣди, называлъ ихъ прямо въ глаза «старыми грѣховодниками».

XIII.

Графъ Строгоновъ. — Дальнѣйшее путешествіе. — Старый Мерчикъ. — Почтмейстеръ. — Москва. — Комендантъ Кизмеръ. — Графъ Закревскій. — Обѣдъ у него. — Лиза К......а. — Мои старые знакомые. — Отъѣздъ въ Серпуховъ. — Ростопчинъ и офицеръ его дружины. — Возвращеніе дружины въ Подольскъ. — Отъѣздъ въ Москву. — Мой домъ. — Пріѣздъ царской фамиліи. — Коронація. — Празднества. — Сдача дружинныхъ дѣлъ. — Прикомандированіе къ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора. — Награда.

Пріѣхавъ въ Вознесенскъ, я немедленно отправился къ графу Строгонову поблагодарить его за желаніе оставить меня своимъ адъютантомъ и объяснить, что только вслѣдствіе моего болѣзненнаго состоянія я долженъ былъ отказаться отъ его предложенія и

ѣхать для отдыха въ Москву. Графъ радушно принялъ меня, но, мнѣ показалось, не придалъ большой вѣры разстройству моего здоровья, считая мой отказъ желаніемъ избѣгнуть обратнаго похода. Въ то же время онъ назначилъ въ свои адъютанты офицера нашей дружины, князя Ухтомскаго.

Изъ Вознесенска Толстой поѣхалъ въ Москву въ собственномъ дормезѣ, предложивъ въ немъ два мѣста мнѣ и моему брату. Одно мѣсто было внутри кареты, а другое позади, въ крытомъ сидѣніи. Въ продолженіе нашего путешествія, братъ и я попеременно мѣнялись мѣстами, а наши два камердинера ѣхали за нами на перекладной, далеко отставая отъ насъ, такъ какъ подъ карету графа давались лучшія лошади и, конечно, безъ малѣйшей задержки.

Весь путь до Москвы мы совершили пріятно безъ особой усталости, ночуя въ городахъ или на почтовыхъ станціяхъ. Почетъ Толстому былъ великій. Однажды этимъ почетомъ воспользовался я, и вотъ какимъ образомъ: на одной изъ станцій близъ Харькова графъ взялъ перекладную и отправился впередъ съ моимъ братомъ, а я одинъ поѣхалъ въ его дормезѣ. На первой станціи, гдѣ была перемѣна лошадей, я нашелъ ожидающаго меня станціоннаго смотрителя въ полной формѣ. При моемъ появленіи, онъ вытянулся во фронтъ и сказалъ, что мой адъютантъ уже проѣхалъ, и лошади для меня готовы. «Какой адъютантъ?»—спросилъ я:—проѣхалъ генералъ графъ Толстой, а я его бывшій адъютантъ».—«Извините, ваше превосходительство, но мы знаемъ, что вы-то и есть генералъ!». Я снялъ шинель и показалъ ему мои офицерскіе погоны: «вотъ видите,—сказалъ я,—я прапорщикъ». Смотритель улыбнувшись отвѣтилъ: «изволили помѣняться мундирами съ адъютантомъ!»—«Помилуйте,—продолжалъ я,—вы видите, что я еще юноша, а генералъ человѣкъ пожилой!»—«И что же, ваше превосходительство, развѣ не бываетъ молодыхъ генераловъ!».

Несмотря на всѣ мои завѣренія, я уѣхалъ со станціи, оставивъ смотрителя въ полномъ убѣжденіи, что онъ принялъ съ надлежащимъ почетомъ настоящаго командующаго ополченіемъ. Всю эту шутку продѣлалъ Толстой взявъ для себя мою подорожную и увѣривъ смотрителя, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ генералъ, а онъ заготовляетъ ему лошадей.

Въ Харьковѣ мы пробыли сутки, но весь день Толстой и я провели вблизи города, въ Старомъ Мерчикѣ, у моей кузины, графини Натальи Алексѣевны Орловой-Денисовой, овдовѣвшей за нѣсколько времени передъ тѣмъ и проводившей лѣто въ принадлежавшемъ ей этомъ великолѣпномъ имѣніи. Графиня, бывшая въ свойствѣ съ Толстымъ, очень обрадовалась нашему посѣщенію и казалась глубоко опечаленною смертію своего мужа. Однако, несмотря на свою печаль, она въ скоромъ времени вышла замужъ

за бывшаго московскаго оберъ-полицеймейстера Ивана Дмитріевича Лужина [1]), съ давнихъ лѣтъ страстно въ нее влюбленнаго.

Въ Орлѣ и Тулѣ мы останавливались только на ночлегъ и наконецъ 5-го мая прибыли въ Серпуховъ, гдѣ провели нѣсколько часовъ, чтобы пообчиститься, перемѣнить платье и въѣхать въ Москву въ приличномъ видѣ.

Въ тотъ же день, въ три часа дня, передъ нами заблистала глава Ивана Великаго и, какъ бы изъ земли, стали постепенно выростать кремлевскія святыни... По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Москвѣ, мое нетерпѣніе увеличивалось, и радостныя слезы застилали мои глаза... не могу описать чувства, испытаннаго мною при въѣздѣ въ бѣлокаменную! Сердце забилось, я плакалъ, молился. Такія минуты въ жизни бываютъ рѣдки: все прошлое, дѣтство, юность, родители, друзья, все воскресло предо мною!... ополченіе, походъ, непріятности, страданія нравственныя, физическія—канули въ вѣчность; я чувствовалъ какую-то неизъяснимую отраду, овладѣвшую всѣмъ моимъ существомъ—я на родинѣ, дома, у себя...

Лишь только мы въѣхали въ Серпуховскую заставу, какъ я разстался съ Толстымъ и, сѣвъ на извозчика, поѣхалъ въ часовню Иверской Божіей Матери, гдѣ въ прежнее время я такъ часто молился, а въ этотъ разъ, быть можетъ, еще усерднѣе возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе ополченской службы и возвращеніе домой. Изъ часовни, по дорогѣ въ мою квартиру, я заѣхалъ къ Полуденскимъ. Нечего говорить о радости моего друга при моемъ появленіи: матушка его и все семейство тоже обрадовались мнѣ, какъ родному. Пробывъ у Полуденскихъ нѣсколько минутъ, я поспѣшилъ къ себѣ...

Никогда не забуду той минуты, когда издали увидалъ свою квартиру и особенно когда позвонилъ у входной двери, и въ отворенное окно показалось лицо моей няни, не ожидавшей моего прибытія и съ радостнымъ крикомъ бросившейся отворять дверь. Няня долго и крѣпко обнимала меня и крестила, а остававшіеся въ квартирѣ мои крѣпостные два лакея и поваръ, узнавъ о моемъ возвращеніи, прибѣжали и кинулись цѣловать меня, какъ въ свѣтлый праздникъ. Если мой пріѣздъ доставилъ имъ большую радость, то изліяніе ихъ чувствъ и поцѣлуи были лучшею мнѣ наградою за всѣ о нихъ мои попеченія. Уже въ ранней юности, по какому-то безотчетному чувству, я очень любилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей, находившихся въ услуженіи у моихъ родителей, и всегда старался, по мѣрѣ возможности, быть имъ полезнымъ. Хотя жизнь ихъ въ нашемъ домѣ была не тяжелая, а обращеніе съ ними моихъ роди-

[1]) Онъ былъ женатъ, въ первомъ бракѣ, на княжнѣ Васильчиковой, дочери извѣстнаго генерала князя Иларіона Васильевича, и имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей и одну дочь въ замужествѣ за свѣтлѣйшимъ княземъ Салтыковымъ-Головкинымъ.

телей преисполнено той рѣдкой любви къ ближнему, которая была отличительною чертою ихъ характера, но, тѣмъ не менѣе, убѣдившись воочію, чему крѣпостные подвергались въ то время въ иныхъ домахъ, я искренно заботился о своихъ, стараясь, при томъ, чтобы они не боялись меня, а только любили... возвращеніе мое въ Москву доказало, что мои старанія не остались безъ успѣха.

На другой день, рано утромъ, я отправился въ Новодѣвичій монастырь поклониться праху моихъ родителей и оттуда, какъ военный, представиться престарѣлому московскому коменданту, генералу Кизмеру, незадолго передъ тѣмъ назначенному въ эту должность. Комендантъ принялъ меня любезно и, узнавъ мою фамилію, сказалъ: «ваша фамилія что-то знакома мнѣ?» —Я отвѣтилъ: мой отецъ былъ извѣстный писатель.—«Писатель?—удивленно спросилъ онъ меня:—не слыхалъ, не слыхалъ», — и, затѣмъ, подумавъ немного, продолжалъ: «а, теперь вспомнилъ, онъ, кажется, былъ придворный?» — «Онъ былъ директоромъ оружейной палаты»,—отвѣтилъ я.— «Вотъ, вотъ такъ и есть»,—присовокупилъ старикъ. Тѣмъ и окончился мой визитъ къ московскому коменданту, человѣку почтенному и всѣми уважаемому, но, къ сожалѣнію, мало знакомому съ русскою литературою.

Отъ коменданта я поѣхалъ къ генералъ-губернатору графу Закревскому и представился ему въ его пріемной, въ числѣ прочихъ военныхъ и статскихъ лицъ. Увидавъ меня, графъ вскрикнулъ: «а, больной!» и, погрозивъ пальцемъ, сказалъ: «приходи сегодня ко мнѣ обѣдать».

Посѣтивъ въ то же утро моихъ братьевъ и вернувшись домой, я узналъ, что графъ присылалъ сказать, что онъ обѣдаетъ не въ городѣ, а съ графинею, въ своемъ имѣніи Ивановскомъ, и потому мнѣ приходилось скакать на обѣдъ въ Подольскъ! Мнѣ, только-что вернувшемуся въ Москву, такая новая, длинная прогулка была не совсѣмъ пріятна, тѣмъ болѣе, что въ теченіе дня я хотѣлъ навѣстить моихъ друзей и Лизу К—у.

Пріѣхавъ въ Ивановское, я обѣдалъ съ графомъ и его супругою. Во время обѣда, графъ, интересуясь попрежнему «своею дружиною», подробно разспрашивалъ о ея состояніи, о походѣ и объ извѣстныхъ уже ему продѣлкахъ Ростопчина, а также и о прочихъ дружинныхъ начальникахъ, желая знать, не было ли какихъ злоупотребленій, и часто повторяя: «разскажи, что знаешь, ничего не скрывай». Никогда не слыхавъ о какихъ либо злоупотребленіяхъ по ополненію, кромѣ дурного продовольствія ратниковъ въ дружинѣ X., я могъ указать графу только на увольненіе послѣдняго. «Знаю, знаю,—прервалъ графъ,—странное дѣло, казался порядочнымъ человѣкомъ, и вдругъ такая гадость!»... въ продолженіе обѣда тема разговора была одна и та же: ополненіе и ополченіе. Вставъ изъ-за стола, я тотчасъ распростился съ любезными хозяевами и помчался въ Москву къ моей измѣнницѣ...

У нея я нашелъ кое-что такое, чего никакъ не ожидалъ: великое ликованіе по случаю моего возвращенія и слезныя жалобы на коварство и невѣрность мужчинъ!... Оказалось, что въ теченіе зимы мой юный, влюбленный въ Лизу, пріятель предложилъ ей сердце и руку и, получивъ быстрое на то согласіе ея матери, считался въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея женихомъ, но, позабывъ главное—спросить согласіе на бракъ своихъ родителей, женихъ менѣе чѣмъ черезъ недѣлю увѣдомилъ невѣсту о томъ, что «папаша и мамаша его» не разрѣшаютъ ему вступленіе въ бракъ, и потому онъ долженъ отретироваться... и дѣйствительно отретировался, то-есть совсѣмъ пересталъ ѣздить въ домъ К—хъ, а влюбленная по уши молодая дѣвушка, взбѣшенная и оскорбленная такимъ неожиданнымъ пассажемъ, дала себѣ слово никогда и ни за кого не выходить замужъ. Обѣщаніе это она сдержала, оставшись на всю жизнь дѣвицею и посвятивъ свою дѣятельность на благо ближняго. Въ первые дни моего пребыванія въ Москвѣ я посѣтилъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ и, по пріему ихъ, могъ судить о степени ихъ радости или равнодушія къ моему пріѣзду, что и намоталъ себѣ на усъ. Изъ свѣтскихъ домовъ радушнѣе всѣхъ приняли меня Пашковы, Рюмины, Ростопчины и Щербатовы, а изъ старыхъ знакомыхъ батюшки, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, проводившій лѣто въ Александрійскомъ дворцѣ, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, проживавшій въ Кузьминкахъ, и графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ. Послѣдній, 76-ти-лѣтній старецъ, только что передъ тѣмъ вступилъ во второй бракъ съ пожилою вдовою Данзасъ, рожденною Закревскою, но не измѣнилъ своему обычному цинизму: на первомъ же у него обѣдѣ, въ присутствіи своей новой супруги, онъ пожаловался гостямъ на излишнія ея притязанія.

Отдохнувъ нравственно и физически, я скоро совершенно поправился здоровьемъ и въ началѣ іюля по случаю предстоявшаго возвращенія дружины уѣхалъ въ Серпуховъ, дабы имѣть возможность вмѣстѣ съ нею совершить тріумфальное шествіе въ ея родной городъ Подольскъ.

Въ Серпуховѣ я засталъ Ростопчина, прибывшаго ранѣе дружины. Онъ принялъ меня любезно, несмотря на то, что былъ въ претензіи за отъѣздъ мой безъ его вѣдома изъ Одессы въ Москву. Въ то время, какъ я у него находился, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ отвратительной и, по истинѣ, изумительной сцены!...

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, котораго я назову Х. Х., подольскій помѣщикъ хорошей дворянской фамиліи, но человѣкъ весьма ограниченный, былъ еще въ Одессѣ, за неблаговидные поступки, удаленъ Ростопчинымъ изъ дружины, хотя не официально, но съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе въ нее не являлся. Въ Серпуховѣ же, въ то время какъ я бесѣдовалъ съ графомъ, влетаетъ къ нему Х. Х. и, молча, глупо улыбаясь, становится во фронтъ. Ростопчинъ, недолго

думая, схватилъ палку, кинулся на него и сталъ наносить ему сильные побои, приправляя ихъ площадными ругательствами... Офицеръ, прикрывая голову и лице руками, ограничилъ свой протестъ словами: «ваше сіятельство, не извольте ругаться!»...

Невольный свидѣтель такой отвратительной сцены, я стоялъ, не вѣря глазамъ при видѣ происходившаго и не понимая: гдѣ я? на кулачномъ ли бою? въ кабакѣ ли? но, во всякомъ случаѣ, не въ ополченіи...

Поколотивъ смиреннаго офицера, графъ вытолкалъ его пинками, направленными не въ дворянскую спину, а нѣсколько пониже. Вся эта сцена продолжалась не болѣе минуты, и затѣмъ Ростопчинъ куда-то скрылся. Я же, до крайности в волнованный, какъ палочною расправою, такъ и презрѣнною вынсс ивостью подобнаго русскаго дворянина, вернулся на свою квартиру. Минутъ черезъ пять, входитъ ко мнѣ N. N. и не безъ гордости объявляетъ, что ѣдетъ въ Москву для принесенія жалобы на Ростопчина, а меня беретъ въ свидѣтели нанесенныхъ ему побоевъ. Признаюсь, что оглашеніе такой скандальной исторіи въ нашей дружинѣ, почти при расформированіи ея, показалось мнѣ въ высшей степени не желательнымъ, и поведеніе офицера до того омерзительнымъ, что, не задумавшись, я сказалъ: «вы ошибаетесь, я не видалъ, какъ васъ били!».— Какъ не видали?—закричалъ онъ:— вѣдь графъ при васъ колотилъ меня?.—«Нѣтъ, не видалъ и думаю, что это неправда».—«Какъ не правда?— вотъ синяки и опухоль на рукахъ!» и, заплакавъ, умильнымъ голосомъ проговорилъ: «голубчикъ, что вы дѣлаете со мною, зачѣмъ говорите, что не видали?»—«А вотъ зачѣмъ,—уже съ сердцемъ отвѣтилъ я:—если графъ васъ билъ, то вы, имѣя шпагу, на мѣстѣ убили бы его, а какъ онъ живъ, значитъ онъ васъ не билъ!».—Офицеръ, вытаращивъ глаза и схвативъ меня за руку, быстро проговорилъ: «хорошо, сейчасъ, пойду заколю его». Тутъ я испугался не на шутку, особенно, при мысли, что этотъ дуракъ убьетъ Ростопчина, да скажетъ, что убилъ его по моему наущенію. Остановивъ N. N., я спокойно объяснилъ ему, что теперь уже поздно расправляться съ графомъ, такъ какъ такая расправа не будетъ защитою, а обдуманнымъ, гнуснымъ убійствомъ, и благоразумнѣе не давать огласки дѣлу, которое, если позорно для графа, то еще позорнѣе для него самого. N. N. со мною согласился, успокоился и, поплакавъ надъ своими синяками, уѣхалъ въ Москву.

Черезъ нѣсколько дней дружина прибыла въ Подольскъ, но безъ ожидаемаго мною торжественнаго вступленія: ратники, подходя къ городу, начали суетиться и, увидавъ своихъ родственниковъ, смѣшались съ ними, цѣловались и обнимались. Дружина, встрѣченная на городской площади мѣстнымъ духовенствомъ, выравнялась и стала на молитву. Начался благодарственный моле-

бенъ. Ратники, преклонивъ колѣна, благоговѣйно возносили теплыя, благодарныя молитвы ко Всевышнему за благополучное возвращеніе на родину, въ нѣдра своихъ семействъ... въ то же время городская площадь огласилась воплями и криками: то были отчаянныя слезы матерей, женъ и дѣтей, искавшихъ, но не нашедшихъ въ строю своихъ мужей, отцовъ и сыновей, мирно почившихъ и покоящихся гдѣ-то далеко отъ своихъ близкихъ, въ безвѣстныхъ, одинокихъ, покинутыхъ могилахъ...

Миръ праху вашему и вѣчная память, доблестные, честные воины, русскіе мужички, смиренно, безропотно отошедшіе въ небесныя обители! Ваше краткое служеніе «за вѣру и царя» зачтется вамъ, какъ чистая, святая молитва передъ Богомъ, царемъ царствующихъ!.. Расформированіе дружины продолжалось не болѣе недѣли. Знамя поставили въ мѣстный соборъ, а потомъ препроводили въ Чудовъ монастырь, ратниковъ распустили по домамъ, выдавъ имъ наградныя деньги изъ какихъ-то дружинныхъ суммъ, а офицерамъ разрѣшили уѣхать въ Москву или въ свои имѣнія. Я же, взявъ адъютантскія дѣла, подлежавшія къ сдачѣ въ архивъ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора, распростился навсегда съ Подольскомъ и, вернувшись на свою московскую квартиру, предался полному отдохновенію въ ожиданіи предстоявшихъ праздниковъ по случаю коронаціи, назначенной на 26-е августа.

Съ половины іюля, Москва начала наполняться пріѣзжими со всѣхъ концовъ Россіи, приглашенными для участвованія въ коронаціи или же прибывавшими по собственному желанію изъ любопытства. По случаю большого наплыва публики, квартиры и особенно отдѣльные дома въ лучшихъ улицахъ сдавались, на время коронаціонныхъ празднествъ, за баснословныя цѣны,—такъ, напримѣръ, домъ Вѣры Яковлевны Левшиной, на Воздвиженкѣ, былъ сданъ подъ квартиру какого-то иностраннаго принца за 15.000 рублей серебромъ! Но мой меблированный домъ, хотя и находился на хорошемъ мѣстѣ близъ Пречистенки, остался не сданнымъ по слѣдующему случаю: домъ, состоявшій изъ двадцати комнатъ, былъ нанятъ за полгода передъ тѣмъ г. С... помѣсячно, безъ контракта, за 125 рублей въ мѣсяцъ (таковы были тогдашнія цѣны!). Вернувшись изъ Одессы въ Москву и узнавъ, что С... ищетъ другую квартиру, я попросилъ его увѣдомить меня о времени окончательнаго выѣзда его, дабы успѣть привести домъ въ надлежащій порядокъ для сдачи его въ наемъ на время коронаціи, если не за огромную сумму, то, во всякомъ случаѣ, за бо́льшую противъ платимой мнѣ жильцомъ. С... извѣстилъ меня, что онъ останется до 1-го іюля. Имѣя впереди достаточно времени для устройства дома, окраски его и прочаго, я согласился на его предложеніе. Но когда настало 1-е іюля, жилецъ не думалъ еще съѣзжать... Несмотря на мои настоятельныя просьбы о скорѣйшемъ очищеніи дома, С....

подъ разными пустѣйшими предлогами, остался въ немъ до конца іюля, присылая ежедневно сказать мнѣ, «что, молъ, съѣду завтра». Наконецъ, онъ выѣхалъ, но время для сдачи дома было потеряно, такъ какъ пріѣзжіе запасались квартирами заблаговременно, и именно когда жилецъ мой кормилъ меня завтраками и никого не допускалъ къ осмотру дома. Забавнѣе всего, что, оставаясь въ немъ почти до самаго августа, онъ отказался отъ уплаты слѣдуемой мнѣ съ него суммы, на томъ основаніи, что, не проживъ съ 1-го іюля цѣлаго мѣсяца, онъ не нанималъ дома «по часамъ». Заводить исторію съ С... изъ-за ста рублей я не хотѣлъ, когда уже, по его милости, потерялъ гораздо бо́льшую сумму, и потому распорядился отдѣлкою дома, чтобы позднѣе сдать его по годамъ.

Передъ прибытіемъ въ Москву царской фамиліи, вступила туда вся гвардія, пѣшая и конная. Между гвардейскими офицерами, я нашелъ нѣсколько знакомыхъ и даже одного друга дѣтства, офицера лейбъ-гвардіи коннаго полка, князя Дмитрія Николаевича Крапоткина. Въ полкахъ кавалергардскомъ и преображенскомъ оказалось также два моихъ пріятеля—братья Давыдовы. Въ первомъ—Николай, а во второмъ Василій, сыновья Евдокима Васильевича Давыдова, родного брата знаменитаго партизана отечественной войны Дениса Васильевича. Будучи коренными москвичами, они и прежде часто посѣщали Москву и были уже много лѣтъ со мною знакомы. Впослѣдствіи, я съ ними очень подружился и видался почти ежедневно, а потому рѣчь о нихъ будетъ впереди [1].

Въ это время я познакомился со многими гвардейскими офицерами, но объ одномъ всегда вспоминаю съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ, подружившись съ первыхъ дней нашего знакомства, мы остались на всю жизнь добрыми пріятелями и позднѣе породнились. То былъ семнадцатилѣтній баронъ Левъ Александровичъ Фредериксъ [2], только что произведенный изъ камеръ-пажей въ офицеры Преображенскаго полка. Маленькаго роста, бѣлокурый, красивый, съ открытымъ, благороднымъ лицомъ и изящными манерами, этотъ, не скажу, молодой человѣкъ, а просто милый ребенокъ казался, по наружности, слишкомъ юнымъ для офицерскихъ эполетъ, и вслѣдствіе того на улицахъ народъ, принимая его не за простого офицера, снималъ передъ нимъ шапки, и, если не дѣлалъ дальнѣйшихъ овацій, то единственно потому, что юный преображенецъ не отвѣчалъ на многочисленные поклоны.

14-го августа, императоръ и императрица прибыли въ Москву. Не въѣзжая въ городъ, они остановились во дворцѣ Петровскаго

[1] Николай исправлялъ въ 70-хъ годахъ должность оберъ-церемоніймейстера и умеръ, въ 1894 году, гофмейстеромъ высочайшаго двора. Василій—нынѣ генералъ-майоръ.

[2] Нынѣ, генералъ-лейтенантъ, нашъ военный агентъ въ Парижѣ, женатый на Варварѣ Андреевнѣ Араповой.

царка, и только 17-го послѣдовалъ торжественный въѣздъ ихъ въ столицу.

Я смотрѣлъ на въѣздъ съ высоты построенныхъ для публики галлерей, на Тверской, близъ тріумфальныхъ воротъ. Императоръ ѣхалъ верхомъ, окруженный блестящею свитою, среди которой находились члены императорской фамиліи и прибывшіе на коронацію иностранные принцы. Вездѣ, на царскомъ пути, стояли войска шпалерами и музыка не переставала играть, а колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ и пушечные выстрѣлы съ Кремлевскихъ стѣнъ неумолкаемо оглашали воздухъ.

Когда поѣздъ удалился изъ моихъ глазъ, то, пораженный величественною картиною, я не могъ удержаться, чтобы еще разъ не взглянуть на него вблизи самаго Кремля, колокольнаго звона и пушечнаго грохота. Я побѣжалъ окольными путями и, сѣвъ на перваго попавшагося извозчика, тѣми же путями, доѣхалъ почти до Иверской площади, гдѣ и смѣшался съ народомъ. Здѣсь картина представлялась еще торжественнѣе, еще величественнѣе. Вся площадь была покрыта народомъ, восторженно кричавшимъ «ура». Кремлевскіе колокола, сливаясь съ гудѣвшимъ «Иваномъ Великимъ», военною музыкою, пушечными выстрѣлами и неумолкающими криками несмѣтной толпы народа, производили на всѣхъ какое-то особое, рѣдко испытываемое, потрясающее дѣйствіе: многіе плакали и, при видѣ царя, осѣняли его крестнымъ знаменіемъ...

При проѣздѣ двухъ первыхъ золотыхъ каретъ, въ которыхъ ѣхали, въ каждой отдѣльно, императрица мать Александра Ѳеодоровна и императрица Марія Александровна, стоявшій въ толпѣ, возлѣ меня мужичекъ, взирая на вдовствующую государыню, громко сказалъ: «а вотъ настоящая императрица!» и когда ему замѣтили, что обѣ императрицы одинаковы, мужичекъ прибавилъ: «нѣтъ, другая императрица еще не коронована».

Эти простыя слова русскаго простолюдина ясно показываютъ, какую цѣну придаетъ царскому муропомазанію нашъ православный народъ, и какое умилительное чувство овладѣваетъ имъ, послѣ коронаціи, при видѣ своего помазаннаго царя, принявшаго дары св. Духа, и сердце котораго «въ руцѣ Божіей».

На другой день послѣ въѣзда государь съ государынею отправились на говѣніе въ «Останкино» (имѣніе извѣстнаго богача графа Дмитрія Николаевича Шереметева), находящееся близъ самой Москвы. Тамъ, ихъ величества оставались до конца коронаціи.

Вечеромъ, 25-го августа, нѣсколько моихъ пріятелей-офицеровъ пили у меня чай и засидѣлись гораздо за полночь, несмотря на то, что рано утромъ они собирались присутствовать при предстоявшемъ торжествѣ. По удаленіи гостей, я легъ спать, позволивъ прислугѣ отправиться съ ночи въ Кремль и предупредивъ оставшихся дома камердинера и няню, что я долженъ встать не позднѣе 7-ми

часовъ, чтобы имѣть возможность къ 8-ми быть на площади у соборовъ и съ трибунъ видѣть процессію, такъ какъ въ Успенскій соборъ я не имѣлъ права попасть.

Проснувшись утромъ, никѣмъ не разбуженный, я посмотрѣлъ на часы. Часы показывали почти 11-ть. Подумавъ, что они идутъ невѣрно, и зная, какъ мой Андрей Петровичъ аккуратно, по обыкновенію, въ экстренныхъ случаяхъ, будилъ меня, я позвалъ его. На вопросъ: который часъ? онъ съ улыбкою отвѣтилъ: уже поздно, почти 11-ть! Какъ? что? спросилъ я, страшно разсердившись. Старикъ спокойно отвѣтилъ, что, не приказавъ ему разбудить меня, а сказавъ только, что мнѣ нужно рано встать, онъ ровно въ 7 часовъ вошелъ въ мою спальню, но увидавъ меня, погруженнаго въ крѣпкій и сладкій сонъ, счелъ излишнимъ, по совѣту няни, будить меня, полагая, что, не вставъ самъ во время, быть можетъ, я измѣнилъ мое намѣреніе. Да и зачѣмъ было тревожить, прибавилъ онъ, «молоды, увидите и въ другой разъ!»

Убійственная логика охранителя моего сна окончательно вывела меня изъ терпѣнія, и въ первый разъ со времени нахожденія его у меня я сильно выбранилъ его: но брань и доводы ни къ чему не послужили: старикъ и няня считали себя совершенно правыми и винили меня самого. Наскоро одѣвшись, я побѣжалъ въ Кремль, гдѣ, кромѣ колокольнаго звона и массы народа, ничего не видалъ: процессія уже вернулась во дворецъ... весь день я былъ не въ духѣ и сердился на камердинера, няню и особенно на себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже очень стыдно было кому либо сознаться въ томъ, что проспалъ коронацію».

Въ этотъ торжественный день Кремль, Замоскворѣчье и весь городъ были красиво иллюминованы. Иллюминація продолжалась еще два дня. Особенно хорошъ былъ видъ изъ Кремля на Замоскворѣчье, гдѣ множество колоколенъ, сіяя безчисленными огнями, освѣщали яркимъ заревомъ замоскворѣчную часть, вплоть до Воробьевыхъ горъ. Вечеръ провелъ я въ иллюминованномъ кремлевскомъ саду, въ которомъ народъ сливался съ гвардейскими солдатами, любуясь ихъ красивою формою, давно не виданною въ Москвѣ.

Послѣ офиціальныхъ празднествъ, дворцовыхъ выходовъ и обѣдовъ, слѣдовали частные балы: первымъ былъ балъ у коронаціоннаго верховнаго маршала князя Сергія Михайловича Голицына; затѣмъ, у пословъ англійскаго, французскаго и австрійскаго и, наконецъ, у частныхъ лицъ. Я, какъ несчастный ополченскій прапорщикъ, былъ приглашенъ только на послѣдніе, данные Столыпинами, Пашковыми, Рюмиными и пріѣхавшею изъ Петербурга графинею Елисаветою Алексѣевною Орловою-Денисовою [1].

---

[1] Дочь извѣстнаго генерала графа Никитина, въ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ графомъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ Орловымъ-Денисовымъ. Умная, добрая и любезная женщина, она считалась въ то время одною изъ петербургскихъ львицъ.

На балахъ и вообще, гдѣ присутствовали гвардейскіе офицеры и статскіе, петербургскіе молодые люди, мы, обычные московскіе кавалеры, совсѣмъ стушевывались передъ ними и не безъ зависти замѣчали, съ какимъ вожделѣніемъ и затаенною надеждою смотрѣло на блестящую петербургскую молодежь большинство московскихъ маменекъ и ихъ дочекъ, не обращая уже на насъ, мелкихъ сошекъ, ни малѣйшаго вниманія. Самолюбіе наше, не скрою, было задѣто, а мое въ особенности...

Послѣ царскаго въѣзда я былъ еще свидѣтелемъ народнаго праздника, происходившаго на Ходынскомъ полѣ, близъ Петровскаго парка, и потомъ заключительнаго празднества — большого фейерверка въ Лефортовѣ.

Народный праздникъ съ массою стоявшихъ на полѣ столовъ, покрытыхъ многочисленными яствами и воздвигнутыми фонтанами для вина, привлекъ всю пѣшую Москву. Когда прибылъ государь, верхомъ, и въѣхалъ въ толпу ликующихъ москвичей, то воздухъ огласился безконечными криками «ура», продолжавшимися во все время объѣзда его величествомъ Ходынскаго поля, среди толпы народа, восторженно привѣтствовавшей своего нововѣнчаннаго царя!.. Яства и вина были быстро уничтожены, а дождливая погода, не прекращавшаяся во все время праздника, скоро разогнала народъ, и праздникъ прекратился.

Фейерверкъ великолѣпный и продолжительный, такой, какого еще никогда не видала Москва, былъ плохо виденъ, вслѣдствіе постоянно застилавшаго его дыма. Зато шумъ и грохотъ ракетъ, бураковъ и пушечныхъ выстрѣловъ надолго остался въ ушахъ публики.

Послѣ отъѣзда царской фамиліи, двора, петербургской знати и гвардіи, оживившаяся и встрепенувшаяся старушка Москва вошла въ свою обычную колею: пушки замолкли, колокола лѣниво звонили, улицы опустѣли, пыль поднималась столбомъ, военные стали рѣдки, и даже блюстители порядка, по тогдашнему будочники, стояли попрежнему сонливо у будокъ, опираясь на свои допотопныя аллебарды, и апатично поглядывали на валявшихся по улицамъ пьяныхъ людей, не смѣя подбирать ихъ въ силу того, что они были «не ихъ фартала», и только наружный видъ зданій и домовъ, по милости коронаціи, нѣсколько измѣнился, пообчистился и побѣлился, да, быть можетъ, булыжныя мостовыя стали на время сноснѣе, рѣже сбрасывая съ извозчичьихъ гитаръ подгулявшихъ сѣдоковъ...

Осенью, во время уже полнаго затишья, я сталъ рѣже посѣщать нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ и благодарнымъ тѣмъ изъ нихъ, которые, по моемъ возвращеніи изъ Одессы, приняли меня радушно, и гдѣ маменьки и дочки выказали, въ коронаціонное время, полную ко мнѣ пріязнь, не пе-

решедшую въ холодность ради петербургскихъ кавалеровъ. Такихъ знакомыхъ оказалось достаточно, чтобы я могъ, какъ и въ прежніе года, пріятно проводить вечера въ дружескихъ бесѣдахъ.

Дѣла ополченія, еще не сданныя, оставались на рукахъ дружинныхъ адъютантовъ, и потому мои находились у меня, и только въ октябрѣ Ростопчинъ получилъ приказаніе сдать ихъ въ архивъ гражданскаго губернатора. Приказаніе это не застало меня врасплохъ, такъ какъ все касавшееся до адъютантской должности было своевременно мною приведено въ надлежащій порядокъ къ сдачѣ, но исходящія и входящія по казначейской части заставили себя долго ждать по милости нашего казначея, не торопившагося сдачею ихъ.

Вернувшись, однажды, съ прогулки, я нашелъ на моемъ столѣ кипу бумагъ, оказавшихся казначейскими дѣлами, принесенными въ мое отсутствіе казначеемъ. Но, Боже мой! въ какомъ видѣ они находились, растерзанныя, растрепанныя и безъ всякой скрѣпы! Не желая возиться съ чужими дѣлами, я попросилъ Ростопчина приказать г. Грушецкому привести ихъ въ приличный видъ. Однако, несмотря на всѣ поиски, казначея не оказалось въ Москвѣ. Отсутствіе его и повторенное приказаніе начальника ополченія о немедленной сдачѣ всѣхъ дѣлъ заставило меня привести въ нѣкоторый порядокъ и казначейскія, которыя затѣмъ я сдалъ вмѣстѣ съ моими въ губернаторскій архивъ.

Освободившись окончательно отъ ополченія, я сталъ нетерпѣливо ожидать приказа о моей отставкѣ, желая поскорѣе снять мундиръ, саблю и шпоры... а давно ли я восторгался военною формою и жертвовалъ своимъ нравственнымъ и физическимъ спокойствіемъ для ношенія тѣхъ же шпоръ? и что же? все это мнѣ до крайности и быстро надоѣло... годъ ополченской службы привелъ меня къ другимъ мыслямъ, къ другимъ желаніямъ.

Наконецъ, послѣдовалъ высочайшій приказъ о переименованіи офицеровъ, поступившихъ въ ополченіе изъ статской службы, въ прежніе ихъ гражданскіе чины съ временнымъ прикомандированіемъ ихъ къ канцеляріямъ мѣстныхъ гражданскихъ губернаторовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ дано право носить на груди бронзовую, вызолоченную медаль на Андреевской лентѣ, установленную въ память крымской кампаніи, и ополченскій крестъ, красовавшійся прежде на ихъ фуражкахъ.

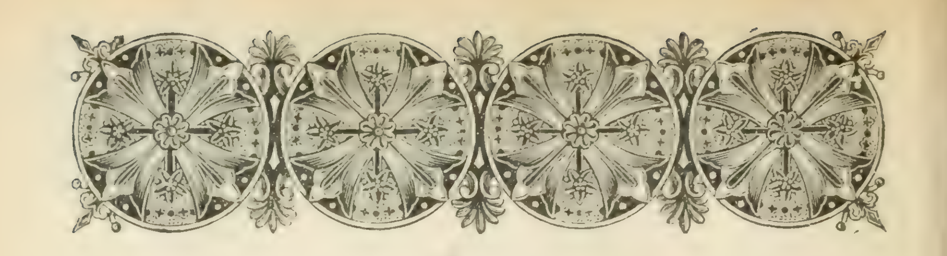
Такимъ образомъ, нежданно-негаданно, я попалъ въ число сверхштатныхъ чиновниковъ московскаго гражданскаго губернатора, генерала Синельникова! Ожидая получить за мою двойную адъютантскую должность орденъ св. Станислава 3-й степени, къ которому я былъ представленъ, я уже впередъ радовался возможности щеголять съ тремя орденскими знаками въ петлицѣ, и потому немало сконфузился, когда узналъ, что по производствѣ меня за вы-

слугу лѣтъ въ губернскіе секретари я вмѣсто ордена награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря, и съ тѣмъ, чтобы производство въ слѣдующій чинъ послѣдовало не ранѣе выслуги положенныхъ лѣтъ для перехода изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари и изъ послѣднихъ въ 9-й классъ, т. е. мнѣ приходилось служить въ пожалованномъ чинѣ не менѣе шести лѣтъ для производства въ титулярные совѣтники! Пріятная награда—нечего сказать! но я съ нею долженъ былъ помириться, потому что ни одинъ ополченскій прапорщикъ не получилъ ордена. Ордена же были пожалованы только офицерамъ въ чинѣ не ниже подпоручика.

С. М. Загоскинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

XIV.

Зима 1857 года.—Графиня Ек. П. Ростопчина.—Семейство Талызиныхъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Графъ Блудовъ.—В. П. Анненкова.—Раутъ у Нарышкиныхъ.—Семейство дяди А. Н. Загоскина.—Баронъ М. А. Корфъ.—Опредѣленіе въ новую должность. — Обѣды у Ѳ. И. Тютчева и графа Блудова.—Балъ княгини Юсуповой.—Возвращеніе въ Москву.—Приготовленія къ отъѣзду.—Послѣдній вечеръ въ Москвѣ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

ОЕ ПРИКОМАНДИРОВАНІЕ къ канцеляріи Синельникова на всю зиму наступившаго 1857-го года не представляло ничего утѣшительнаго и еще менѣе заманчиваго для будущей моей служебной карьеры. Невзирая на то, что я рѣшительно не зналъ, какое бы могъ избрать мѣсто, подходившее къ моему маленькому чину, однако поступить обратно въ архивъ я не желалъ такъ же, какъ и не желалъ поступить въ канцелярію генералъ-губернатора, хотя нисколько не сомнѣвался въ готовности добраго графа Закревскаго взять меня къ себѣ, даже прямо въ чиновники по особымъ порученіямъ; но именно такой должности я и опасался, такъ какъ эти чиновники, особенно знакомые графинѣ и ея дочери, большею частью, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, попадали въ невольные исполнители порученій этихъ двухъ дамъ,

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 790.

а не самого графа. Подобная перспектива мнѣ не нравилась. Въ недоумѣніи, на что рѣшиться, я думалъ на первое время спокойно остаться въ Москвѣ, среди друзей и добрыхъ знакомыхъ безъ занятій, въ ожиданіи какой либо счастливой случайности... въ головѣ моей, однако, не разъ мелькнула мысль отправиться въ Петербургъ для пріисканія приличной должности, но съ тѣмъ, чтобы, прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, вернуться обратно въ Москву, съ которою мнѣ казалось тогда невозможнымъ разстаться навсегда. Мысль сдѣлаться петербургскимъ чиновникомъ льстила даже моему самолюбію, вслѣдствіе явныхъ успѣховъ, во время коронаціи, служащей петербургской молодежи. Но любовь къ родному городу, пріязнь къ друзьямъ и отсутствіе какой либо «бабушки», которая могла бы поворожить мнѣ и доставить мѣсто въ Петербургѣ, мгновенно разрушали мои мимолетные планы.

Въ эту зиму, не имѣя служебныхъ занятій и менѣе выѣзжая въ свѣтъ, я проводилъ утро за чтеніемъ полезныхъ книгъ и только вечера посвящалъ моимъ друзьямъ Полуденскимъ, Пашковымъ и графинѣ Ростопчиной, не переставая, впрочемъ, появляться и на московскихъ балахъ.

По окончаніи ополченія, мой бывшій начальникъ Ростопчинъ не жилъ уже въ своей прежней прекрасной квартирѣ, а поселился съ своимъ семействомъ въ маленькомъ помѣщеніи на Басманной, въ домѣ своей матери графини Екатерины Петровны. Переѣздъ этотъ ясно указывалъ на значительное разстройство состоянія графа, не имѣвшаго уже возможности нанять отдѣльную квартиру. Но въ бытность свою въ ополченіи онъ всячески старался скрыть свое разореніе и, бросая деньги зря, самымъ нелѣпымъ образомъ, вселилъ въ своихъ подчиненныхъ, не исключая и меня, полное убѣжденіе въ большомъ его богатствѣ, и только въ эту зиму я узналъ отъ Евдокіи Петровны, что у него, кромѣ «Воронова», заложеннаго и перезаложеннаго, ничего не оставалось, а долговъ было много.

Посѣщая графиню, я случайно познакомился у нея съ ея свекровью. Личность этой восьмидесятилѣтней женщины, въ свое время великой аристократки, умной и образованной, до того была своеобразна, что считаю нелишнимъ описать ее.

Графиня Екатерина Петровна Ростопчина, рожденная Протасова, родная племянница извѣстной любимицы императрицы Екатерины II-й, графини Анны Степановны Протасовой, была высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія и отличалась грубыми, непріятными чертами лица и огромными выпуклыми глазами. Она одѣвалась по модѣ 20-хъ годовъ, но ходила не иначе, какъ въ черномъ платьѣ и валеныхъ туфляхъ. Темные волосы ея, почти безъ сѣдины, были обстрижены, всклочены и щетинисты, а уши огромнаго размѣра покрыты ранами, изъ которыхъ постоянно сочилась кровь, вслѣдствіе привычки ея царапать и чесать ихъ ногтями. Страшная не-

людимка, она не имѣла вовсе знакомыхъ и, сдѣлавшись католичкою, окружала себя только французскими аббатами, старавшимися всѣми средствами поддержать въ ней антиправославное направленіе и выманить побольше денегъ. Почти не выходя изъ дома, она въ теченіе дня развлекалась двумя ручными попугаями, которыхъ носила на пальцахъ, сталкивая ихъ лбами и потѣшаясь неистовыми ихъ криками...

Представленный ей, при встрѣчѣ въ гостиной ея невѣстки, я былъ пораженъ непривѣтливостью старухи: она не сказала мнѣ ни слова, и только когда ей объявили, что она въ молодости была знакома съ моимъ дѣдомъ, проворчала что-то сиплымъ голосомъ, процѣдивъ сквозь свои отлично сохранившіеся зубы какіе-то невнятные звуки, похожіе на «бррь» или «ммы», и тотчасъ ушла изъ комнаты. Позднѣе подобныя встрѣчи случались нерѣдко и всегда ограничивались тѣми же странными звуками и немедленнымъ возвращеніемъ ея въ свой аппартаментъ. Такой дикой, непривѣтливой, старой дамы я никогда и нигдѣ болѣе не встрѣчалъ. Типъ этотъ исчезъ навсегда и, думаю, хорошо сдѣлалъ.

Зима эта оставила во мнѣ пріятное воспоминаніе моимъ сближеніемъ съ почтеннымъ семействомъ Талызиныхъ, съ которыми, хотя я и прежде былъ знакомъ, но рѣдко посѣщалъ ихъ. Семья была большая, радушная и въ высшей степени патріархальная. Она состояла изъ хозяина дома, Александра Степановича Талызина, жены его Ольги Николаевны, четырехъ сыновей и пяти дочерей. Изъ сыновей только одинъ Петръ, элегантный московскій кавалеръ, жилъ съ своими родителями. Прочіе находились въ Петербургѣ, но часто пріѣзжали въ Москву. Изъ дочерей двѣ были въ замужествѣ: старшая Наталья—за Нарышкинымъ [1]), а вторая Марія—за Нейдгардтомъ [2]).

Александръ Степановичъ, коренной, богатый москвичъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, пользовался общимъ уваженіемъ. Жена его, рожденная графиня Зубова [3]), умная, добрая, любезная и чрезвычайно веселаго характера, была въ то время предсѣдательницею совѣта женскихъ школъ въ Москвѣ. Три незамужнія дочери ихъ, унаслѣдовавшія вмѣстѣ съ прекрасными душевными качествами своей матери и веселый характеръ ея, были очень милы и крайне просты въ обращеніи, вслѣдствіе чего я проводилъ съ

---

[1]) Алексѣемъ Кирилловичемъ, роднымъ племянникомъ по отцу извѣстной игуменіи Спасобородинскаго монастыря (близъ Москвы) Маріи, въ мірѣ Маргариты Михайловны Тучковой, которая, послѣ смерти своего мужа генералъ-майора Александра Алексѣевича Тучкова, убитаго, въ 1812-мъ г., при Бородинѣ, основала на мѣстѣ его кончины вышеупомянутый монастырь.

[2]) Сынъ извѣстнаго боевого генерала Нейдгардта, нынѣ оберъ-гофмейстеръ высочайшаго двора.

[3]) Дочь оберъ-шталмейстера графа Николая Александровича отъ брака его съ дочерью безсмертнаго Суворова, княжною Натальею Александровною.

ними время весьма пріятнымъ образомъ и въ теченіе зимы 1857-го года на всѣхъ балахъ былъ постояннымъ ихъ кавалеромъ, особенно младшей Вѣры Александровны, у которой хорошенькая, бѣлокурая головка такъ и просилась въ любой англійскій альманахъ.

Во время коронаціи я особенно оцѣнилъ Ольгу Николаевну и ея дочерей-дѣвицъ за ихъ полное равнодушіе къ петербургской молодежи, которой онѣ ничѣмъ не отличали отъ своихъ доморощенныхъ кавалеровъ.

Александръ Степановичъ скончался въ слѣдующемъ году, а жена его, проживъ до глубокой старости, умерла въ своей подмосковной «Денежниковѣ», куда она, задолго до своей смерти, переселилась на жительство съ двумя меньшими дочерьми, оставшимися на всю жизнь дѣвицами.

Находясь въ продолженіе зимы безъ служебныхъ занятій, я началъ тяготиться полнымъ бездѣліемъ и серіозно думать о поступленіи на дѣйствительную службу, не зная, однако, гдѣ искать мѣста. Я неоднократно обращался за совѣтомъ къ старымъ друзьямъ моего отца и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «вы желаете занятій, отправляйтесь въ Петербургъ и пріищите тамъ мѣсто. Въ Москвѣ, въ ваши года, нечего прозябать и терять даромъ время». Въ этихъ совѣтахъ, конечно, я не могъ не признать значительной доли правды, что наконецъ и заставило меня рѣшиться ѣхать въ Петербургъ попытать счастія... но безъ малѣйшей надежды на успѣхъ и, по правдѣ сказать, болѣе для того, чтобы, вернувшись въ Москву, имѣть право объявить моимъ доброжелателямъ, что «хлопоталъ, но ничего не добился!»—такъ сильно еще привязывала меня къ себѣ Москва!..

Наканунѣ масляницы, я сѣлъ въ вагонъ Николаевской желѣзной дороги и на другое утро пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ остановился, по приглашенію моего друга князя Крапоткина, у него, въ Конногвардейскихъ казармахъ.

Время было зимнее, путь санный, и потому вся краса «Сѣверной Пальмиры» и ея окрестностей не бросалась въ глаза и находилась, такъ сказать, подъ спудомъ, но уже одинъ наружный видъ города произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я невольно, почти не хотя, долженъ былъ отдать предпочтеніе новой столицѣ... Высокіе, сплошною стѣною расположенные дома, широкія, правильныя, почти расчищенныя отъ снѣга улицы, громадный Зимній дворецъ, красивыя, казенныя зданія, величественныя набережныя—все указывало мнѣ, что я нахожусь въ новомъ, большомъ, роскошномъ городѣ, далеко оставившемъ за собою кривые, узкіе переулки, деревянные дома и лачуги, снѣжные сугробы и ухабы древней Москвы!.. но Кремль, священные соборы, старинные храмы, царскіе терема, эта живая лѣтопись святой Руси, гдѣ она?—ея не было въ новой столицѣ, и отсутствіе того, что дорого сердцу русскаго че-

ловѣка, какъ-то странно и больно захватывало мою душу... Петербургъ—Европа, Москва—Россія! найду ли мое отечество въ этой новой столицѣ?—вотъ мысли, волновавшія меня въ первый день моего пріѣзда въ Петербургъ.

Въ этотъ день я не посѣтилъ никого изъ моихъ знакомыхъ и ограничился осмотромъ Казанскаго собора и лучшихъ улицъ города. На другое утро я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Первый визитъ былъ къ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, главноуправляющему II-мъ Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи. Графъ принялъ меня, какъ и всегда, радушно и любезно и, узнавъ, что я пріѣхалъ для пріисканія мѣста, сказалъ: «я предложилъ бы вамъ служить во II-мъ Отдѣленіи, но тамъ вакансій нѣтъ, и могу зачислить васъ только сверхъ штата, что, предупреждаю васъ, может затянуться надолго; впрочемъ, если вы на то согласны, съ удовольствіемъ приму васъ». Не имѣя никакакого понятія о законодательной части и не желая занять сверхштатное мѣсто, я поблагодарилъ графа, прибавивъ, что желалъ бы служить въ Императорской Публичной библіотекѣ. На это графъ отвѣтилъ, что, принимая во мнѣ большое участіе, онъ готовъ рекомендовать меня директору библіотеки барону Корфу и надѣется на успѣхъ своего ходатайства. Конечно, я съ радостью согласился на его предложеніе.

Но для объясненія причины моего желанія поступить въ библіотеку я долженъ сказать, что желаніе это появилось у меня при самомъ отъѣздѣ изъ Москвы и только по слѣдующему поводу: отецъ мой такъ же какъ и я, не окончивъ нигдѣ курса наукъ, вступилъ прямо на службу и въ 1812-мъ году находился ополченцемъ и адъютантомъ начальника петербургскаго ополченія, а затѣмъ служилъ въ библіотекѣ. Служба моя, до сего времени схожая со службою отца, навела меня на мысль опредѣлиться, буде возможно, тоже въ библіотеку, гдѣ даже и занятія казались мнѣ болѣе привлекательными, чѣмъ переписка бумагъ въ какомъ нибудь министерствѣ.

Въ виду вліянія графа Блудова въ петербургскихъ административныхъ сферахъ, я рѣшилъ, въ случаѣ безуспѣшности его ходатайства, не обращаться къ другимъ лицамъ и вернуться въ Москву, такъ какъ отаптываніе пороговъ у разныхъ вліятельныхъ лицъ ради переселенія моего въ Петербургѣ не входило въ мои планы.

Отъ графа Блудова я отправился къ старинной пріятельницѣ моего отца Вѣрѣ Ивановнѣ Анненковой [1]), которая, не видавъ меня съ дѣтства и узнавъ черезъ Крапоткина о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, пожелала видѣть меня. Эта пожилая, умная и высоко-

[1]) Мужъ ея, Николай Николаевичъ, былъ въ то время государственнымъ контролеромъ.

образованная женщина приняла меня самымъ радушнымъ образомъ и въ нѣсколько минутъ совершенно очаровала меня. Объяснивъ ей о цѣли моего пріѣзда и упомянувъ о предложеніи графа Блудова содѣйствовать моему опредѣленію въ библіотеку, Вѣра Ивановна съ живостью вскрикнула: «зачѣмъ вамъ Блудовъ? я хорошо знаю Корфа и увѣрена, что моя рекомендація будетъ успѣшнѣе! Сейчасъ напишу барону, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ; завтра, въ часъ, пріѣзжайте и вы, я васъ представлю ему и надѣюсь на успѣхъ». Слова Вѣры Ивановны нѣсколько удивили меня: мнѣ показалось страннымъ, что свѣтская дама могла имѣть на какого нибудь петербургскаго администратора болѣе вліянія, чѣмъ графъ Блудовъ, но, видя ея рѣшительный тонъ, я повиновался и обѣщалъ явиться въ назначенный часъ.

Въ то же утро я побывалъ у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и у Николая Арсеньевича Бартенева [1]). Не видавъ меня со времени коронаціи, онъ очень обрадовался моему пріѣзду и предложилъ свезти меня, въ тотъ же вечеръ, на раутъ къ своей сестрѣ Нарышкиной, на что я съ удовольствіемъ согласился, желая посмотрѣть на незнакомое мнѣ высшее петербургское общество.

Нарышкины, проживая въ Петербургѣ безъ всякаго офиціальнаго положенія, были, однако, близки ко двору и, крайне разборчивые въ своемъ знакомствѣ, принимали у себя лишь самое избранное общество и весь дипломатическій корпусъ. Зная все это, я полагалъ, что они обойдутся со мною настолько вѣжливо, насколько требовало ихъ близкое родство съ моимъ пріятелемъ Бартеневымъ. Къ удивленію моему, они приняли меня въ высшей степени любезно, какъ будто своего стараго знакомаго, и тотчасъ представили, какъ сына извѣстнаго писателя, многимъ дамамъ и дѣвицамъ, которыя, въ свою очередь, отнеслись ко мнѣ, т. е. къ провинціальному, по петербургскому воззрѣнію, молодому человѣку, такъ мило и привѣтливо, что невольно вызвали сравненіе съ московскими дамами и дѣвицами, пренебрегавшими, во время коронаціонныхъ баловъ, своими московскими кавалерами. Сравненіе это, къ сожалѣнію, не оказалось въ пользу Москвы и сразу расположило меня къ петербургскому обществу, которое до этого времени я считалъ крайне гордымъ и неприступнымъ особенно для небогатаго и нетитулованнаго москвича... раутъ Нарышкиныхъ заставилъ меня взглянуть безъ особаго страха на возможность моего переселенія изъ московскаго общества въ петербургское.

На слѣдующій день я приготовился къ свиданію съ барономъ Корфомъ и не безъ внутренняго волненія ожидалъ рѣшенія даль-

---

[1]) У него было пять сестеръ, изъ которыхъ только одна Марія Арсеньевна находилась замужемъ за Дмитріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ. Остальныя были фрейлинами и двѣ изъ нихъ Прасковья и Надежда жили въ Зимнемъ дворцѣ.

нѣйшей своей судьбы. Ровно въ часъ я былъ уже у В. И. Анненковой, но вмѣсто представленія барону получилъ отъ нея легкую головомойку... Вѣра Ивановна, полушутя и полусеріозно, стала упрекать меня въ томъ, что я заставилъ ожидать моего, быть можетъ, будущаго начальника, а не явился ранѣе его, такъ какъ онъ самъ пріѣхалъ ранѣе назначеннаго часа и, не дождавшись меня, поручилъ ей сказать мнѣ, что ожидаетъ меня къ себѣ на другой день, въ одиннадцать часовъ утра. Совершенно неповинный въ неудавшемся свиданіи, я былъ, однако, нѣсколько встревоженъ, находясь какъ бы въ положеніи больного, нетерпѣливо ожидающаго докторскаго визита, вдругъ отложеннаго до слѣдующаго дня.

Воспользовавшись свободнымъ утромъ, я отправился разыскивать проживавшаго въ Петербургѣ моего дядю, Алексѣя Николаевича Загоскина, адресъ котораго былъ мнѣ неизвѣстенъ. Разыскавъ его черезъ адресный столъ, я поѣхалъ къ дядѣ.

Алексѣй Николаевичъ, о разсѣянности котораго я уже упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, мало зналъ меня, видѣвъ только разъ въ 1851 году. Онъ обрадовался моему пріѣзду и, обнимая меня, называлъ то именами моихъ братьевъ, то моимъ собственнымъ. Семья его состояла изъ его жены, дочери съ мужемъ и малолѣтнимъ ихъ сыномъ. Тетушка Александра Ивановна, протестантка и гернгутерка, была, подобно своему мужу, пренабожная и предобродѣтельная, но болѣзненная и никуда не выходившая изъ дома. Единственная, 20-ти лѣтняя дочь ихъ, Софія, хорошенькая, бойкая, веселая и чрезвычайно умная, была уже нѣсколько лѣтъ въ замужествѣ за инженернымъ офицеромъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Ѳедоровымъ, но, по наружности и характеру, выглядѣла настоящимъ ребенкомъ, играя и забавляясь куклами съ своимъ крошечнымъ сыномъ. Дядя и Ѳедоровъ, не имѣя никакого состоянія, кромѣ казеннаго содержанія, жили вмѣстѣ въ маленькой квартирѣ, на Моховой, и жили, можно сказать, душа въ душу, не вѣдая никакихъ семейныхъ дрязгъ, довольствуясь малымъ и ежедневно благословляя Бога за посылаемое счастіе. Такихъ набожныхъ и смиренныхъ людей я, ни прежде, ни послѣ, никогда не видалъ и въ первый же мой визитъ, оставшись у нихъ обѣдать, провелъ съ ними весь вечеръ, чрезвычайно довольный найти въ Петербургѣ такихъ добрыхъ и гостепріимныхъ родственниковъ. Дядя, узнавъ о моемъ желаніи служить въ Императорской Публичной библіотекѣ, не настаивалъ на исполненіи его, а убѣждалъ поступить въ канцелярію святѣйшаго синода, такъ какъ тогдашній синодальный прокуроръ былъ его искренній другъ и несомнѣнно принялъ бы меня въ число своихъ чиновниковъ, но, признаюсь, синодальная служба мало улыбалась мнѣ...

Въ среду на масляницѣ, въ четвертый день моего пребыванія въ Петербургѣ, судьба моя должна была рѣшиться! To be or

not to be» являлось неизбѣжнымъ. Въ одиннадцать часовъ я стоялъ уже въ пріемной статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа. Не прождавъ и пяти минутъ, я былъ приглашенъ къ нему въ кабинетъ.

Баронъ, 56-ти лѣтній, бодрый, статный мужчина съ умнымъ, пріятнымъ лицомъ и крайне вѣжливыми манерами, выглядѣлъ не только изящнымъ чиновникомъ высшаго полета, но и вполнѣ свѣтскимъ, любезнымъ человѣкомъ. Протянувъ мнѣ руку и попросивъ сѣсть, онъ прямо, безъ обиняковъ, сказалъ слѣдующее: «очень желалъ бы сдѣлать пріятное Вѣрѣ Ивановнѣ и вамъ, какъ сыну нашего извѣстнаго писателя, но, къ сожалѣнію, въ библіотекѣ бываютъ свободныя мѣста только, когда въ Петербургѣ свирѣпствуетъ холера, а какъ холеры нѣтъ, то и вакансій нѣтъ». На такія утѣшительныя слова, я отвѣтилъ: «въ такомъ случаѣ, мнѣ придется возвратиться въ Москву и ожидать холеры, такъ какъ желаю служить только въ Публичной библіотекѣ». Отвѣтъ мой, повидимому, не столько удивилъ его, какъ понравился, и, любезно улыбаясь, онъ продолжалъ: «желаете служить тамъ же, гдѣ въ молодости служилъ вамъ батюшка?» - «Точно такъ», — отвѣтилъ я. Затѣмъ, объяснивъ ему мою предыдущую службу, схожую со службою отца, я уже готовъ былъ удалиться, какъ, вдругъ баронъ прервалъ меня словами: «быть можетъ, вы желаете имѣть хорошее содержаніе?» — «Совсѣмъ нѣтъ», — отвѣтилъ я: — «я человѣкъ небогатый, но вполнѣ обезпеченный и могу служить безъ жалованья». Послѣднія слова, какъ мнѣ показалось, произвели на барона какое-то особое, точно магическое дѣйствіе, и, задумавшись на нѣсколько секундъ, онъ сказалъ: «государь недавно поручилъ мнѣ собирать матеріалы къ біографіи императора Николая Павловича, разрѣшивъ взять въ сотрудники нѣсколько чиновниковъ, и потому, если вы согласны состоять не въ какомъ либо министерствѣ, а лично при мнѣ по означенному порученію, то завтра же испрошу соизволеніе его величества на ваше опредѣленіе».

Испугавшись предложенія участвовать въ какихъ-то литературныхъ трудахъ, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, я сконфузился и пробормоталъ: «но, ваше высокопревосходительство, я литературою не занимался, ничего не писалъ и могу, по неопытности и молодости, не угодить вамъ». — «Это ничего не значитъ, — возразилъ баронъ: — вы будете заниматься подъ моимъ личнымъ руководствомъ, и надѣюсь, что скоро свыкнетесь съ дѣломъ. Согласны ли вы?» — «Съ большимъ удовольствіемъ», какъ-то машинально и совсѣмъ уже необдуманно проговорилъ я и, конечно, только потому, что личность Модеста Андреевича вполнѣ согласовалась съ тѣмъ типомъ начальника, о которомъ я мечталъ и котораго еще нигдѣ не встрѣчалъ.

Тѣмъ и кончилось мое первое свиданіе съ барономъ. Поблагодаривъ его за любезный пріемъ, я ушелъ отъ него, какъ бы отуманенный, не только его вѣжливостью, привѣтливостью и неожиданнымъ предложеніемъ, но даже и собственнымъ согласіемъ на принятіе какой-то не существовавшей должности, на которую я не имѣлъ никакого права вслѣдствіе моей молодости и моего плохого образованія. Сверхъ того, я сильно сомнѣвался, чтобы государь изъявилъ согласіе на возложеніе такихъ обязанностей на молодого человѣка, ничѣмъ не заявившаго себя въ литературномъ мірѣ...

На слѣдующій день, вечеромъ, я получилъ отъ В. И. Анненковой записку съ препровожденіемъ ко мнѣ письма къ ней барона, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, для передачи мнѣ, что государь соизволилъ на назначеніе меня состоять лично при немъ по вышеупомянутому порученію [1]).

Такимъ образомъ судьба моя быстро рѣшилась и, очевидно, по милости неожиданно оказавшейся въ Петербургѣ «бабушки, ново-рожившей мнѣ». Не скрою, что обрѣтеніе, спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, безъ малѣйшихъ хлопотъ, подобной должности, подъ начальствомъ лица, близко стоявшаго къ государю, и безъ подчиненія разнымъ начальникамъ отдѣленій и директорамъ департаментовъ и прочимъ, было не только лестно для моего самолюбія, но и могло служить преддверіемъ моихъ будущихъ служебныхъ успѣховъ, если я... вотъ это-то «если» и тревожило меня!—я опасался, что, опрометчиво принявъ новую должность безъ малѣйшаго о ней понятія и безъ привычки къ подобнымъ, почти что литературнымъ занятіямъ, я легко могъ оказаться неспособнымъ и не оправдать ни рекомендаціи Анненковой, ни довѣрія барона Корфа, и, если въ то время что успокоивало меня, то единственно надежда на помощь Божію, которая никогда не покидала меня въ теченіе всей моей жизни.

Получивъ письмо отъ Вѣры Ивановны, я отправился къ ней поблагодарить ее за содѣйствіе къ моему опредѣленію на службу, а отъ нея къ барону Корфу съ изъявленіемъ такой же благодарности и просьбою о дозволеніи остаться въ Москвѣ на все время, необходимое для приготовленія къ перевозкѣ въ Петербургъ моего имущества. Баронъ, наговоривъ мнѣ массу любезностей и ободривъ относительно моей будущей службы, разрѣшилъ мнѣ остаться въ Москвѣ, сколько я пожелаю, прибавивъ, однако, что чѣмъ скорѣе вернусь, тѣмъ будетъ для него пріятнѣе.

Послѣдніе дни, проведенные мною въ Петербургѣ, прошли скоро

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ отъ барона Корфа, что государь согласился на мое опредѣленіе вслѣдствіе того, что я былъ сынъ писателя и человѣка, лично ему извѣстнаго.

и незамѣтно: я былъ приглашенъ на два обѣда и на одинъ балъ. Первый обѣдъ у извѣстнаго поэта Ѳедора Ивановича Тютчева, совершенно семейный, прошелъ для меня весьма пріятно по милости блестящаго остроумія хозяина и любезности его почтенной супруги и трехъ милыхъ дочерей, изъ которыхъ Анна Ѳедоровна[1]) была тогда ближайшею дворцовою фрейлиною императрицы Маріи Александровны. Не могу сказать того же самаго про другой обѣдъ, происходившій у графа Блудова. Обѣдъ этотъ остался мнѣ надолго памятнымъ тѣмъ, что за столомъ я сидѣлъ дуракъ-дуракомъ, не имѣя возможности принять участіе въ разговорѣ, веденномъ умными людьми: самимъ графомъ, его дочерью Антуанетою Дмитріевною и приглашенными двумя учеными профессорами. Темою разговора, къ моему конфузу, служилъ «славянскій вопросъ», а такъ какъ такой вопросъ, какъ и множество другихъ политическихъ вопросовъ, былъ въ то время для меня «terra incognita», то я слушалъ присутствующихъ, хлопая глазами, глупо улыбаясь и обнаруживая свое недостаточное образованіе...

Балъ, на который я былъ приглашенъ, былъ данъ княгинею Зенаидою Ивановною Юсуповою[2]), съ которою я былъ еще знакомъ въ Москвѣ, куда она довольно часто пріѣзжала. Балъ былъ въ полномъ смыслѣ слова великолѣпный и роскошный, и я весело провелъ весь вечеръ по милости моего знакомаго москвича, князя Ивана Михайловича Голицына, проживавшаго въ Петербургѣ и на балѣ представившаго меня многимъ дѣвицамъ, которыя оказались тоже весьма любезными съ жителемъ Москвы.

Въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ поста, я распростился съ Петербургомъ, оставившимъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе, и отправился обратно въ Москву.

Вернувшись на родину, невзирая на мое удовлетворенное самолюбіе, я снова сталъ сильно грустить при мысли о предстоявшемъ разставаніи съ Москвою, могилою моихъ родителей, моими друзьями и даже просто знакомыми. Изъ послѣднихъ нѣкоторые ахали, удивляясь моему быстрому успѣху въ полученіи мѣста, и всѣ поздравляли меня. Друзья же мои, Полуденскій и Благово, глубоко скорбя о разставаніи со мною, находили, однако, что я благоразумно поступаю переходя на службу въ Петербургъ; только два человѣка сердились и дулись на меня: то были моя няня Анна Петровна и камердинеръ Андрей Петровичъ: они не могли помириться съ мыслью, что покидаютъ Москву и пересе-

---

[1]) Впослѣдствіи она вышла за Ивана Сергѣевича Аксакова и умерла вскорѣ послѣ кончины своего знаменитаго мужа.

[2]) Вдова извѣстнаго богача князя Бориса Николаевича Юсупова, рожденная Нарышкина, родная сестра Дмитрія Ивановича Нарышкина. На старости лѣтъ она вышла замужъ за довольно молодого и ничтожнаго француза Шово, которому и купила графскій титулъ.

ляются въ какой-то, по ихъ мнѣнію, басурманскій городъ «Петербургъ». И «что за неволя,—говорили они:—мѣнять святую Москву на какую-то чухну! и нѣмцевъ-то тамъ много, и дороговизна-то страшная... охъ, не сплоховать бы намъ!»...

Не разъ приходило мнѣ въ голову, что, быть можетъ, они и правы, но дѣло сдѣлано, судьба рѣшена, и мнѣ оставалось только заняться укладкою моихъ вещей, что я исполнилъ въ теченіе поста, а, между тѣмъ, вышелъ высочайшій приказъ о назначеніи меня «состоять при статсъ-секретарѣ баронѣ Корфѣ по высочайше возложенному на него особому порученію».

Послѣ Пасхи, сдѣлавъ визиты моимъ родственникамъ и знакомымъ, чтобы проститься съ ними, я почувствовалъ такую грусть и тоску, что тогда же рѣшилъ недолго оставаться въ Петербургѣ, а, прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, вернуться въ Москву, съ тѣмъ, чтобы болѣе съ нею не разставаться. Таковы были мои тогдашніе и, какъ казалось мнѣ, рѣшительные планы, основанные, если не на разсудкѣ, то, во всякомъ случаѣ, на привязанности къ городу, гдѣ я родился, провелъ дѣтство, часть моей юности и оставлялъ близкихъ моему сердцу людей.

Я назначилъ мой отъѣздъ на 16-е апрѣля, и наканунѣ отправился на балъ къ графинѣ Закревской, радуясь возможности еще разъ провести вечеръ среди московскаго общества и окончательно распроститься съ моими юными пріятельницами, даже и тѣми, къ которымъ, со времени коронаціи, я не питалъ прежнихъ дружескихъ чувствъ. На этомъ балѣ друзья мои женскаго пола—Пашковы, Ростопчины, Талызины и Щербатовы, изъявляя сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ, пожелали, каждая отдѣльно, вписать нѣсколько строкъ въ мой бумажникъ, на память о ихъ дружбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали, чтобы я далъ имъ обѣщаніе пріѣзжать ежегодно въ Москву. Послѣ ужина я подошелъ проститься къ графу Закревскому, находившемуся въ одной изъ гостиныхъ вдвоемъ съ графомъ Андреемъ Ивановичемъ Гудовичемъ. Закревскій крѣпко обнялъ меня и перекрестивъ сказалъ: «дай Богъ тебѣ всякаго счастія, но не забывай Москвы, гдѣ мы любимъ тебя», а графъ Гудовичъ, покачавъ головою, сказалъ: «отчего не посовѣтовался со мною? зачѣмъ ѣдешь? повѣрь старику, карьеры не сдѣлаешь, потому что у тебя тутъ много», и, ткнувъ меня въ сердце, прибавилъ: «въ Петербургѣ это лишнее». Такое мнѣніе престарѣлаго придворнаго человѣка, хорошо знакомаго съ высшими, петербургскими административными сферами, хотя и показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, но было лестно, какъ аттестація стараго пріятеля моего отца, открывшаго мнѣ, что гдѣ-то, въ моемъ сердцѣ, есть что-то многое и даже лишнее, чего, конечно, до той поры я и не подозрѣвалъ.....

На другой день, утромъ, простившись съ прахомъ моихъ ро-

дителей, съ моими братьями и моею прислугою, остававшеюся въ Москвѣ до пріисканія мною квартиры въ Петербургѣ, я отправился на Николаевскую желѣзную дорогу и сѣлъ въ вагонъ въ надеждѣ, что, по моей просьбѣ, никто изъ родныхъ и друзей не явится провожать меня и не увидитъ моихъ непритворныхъ слезъ, по моей родной, дорогой Москвѣ..... но я ошибся: я плакалъ не одинъ,- со мною плакала и Лиза К.......а, пріѣхавшая на станцію, чтобы еще разъ пожать мою руку.....

XV.

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Баронъ М. А. Корфъ.—Новая служба.—Мои товарищи.—Конногвардейскіе офицеры.—Балы Анненкова, Александрова и Мятлевой. Княгиня Е. Д. Долгорукова.—Новая квартира.—Царское Село.—Семейство барона Корфа.—Мои занятія.—Награда.

17-го апрѣля, утромъ, я вышелъ изъ вагона Николаевской желѣзной дороги въ С.-Петербургѣ и отправился, согласно желанію князя Дмитрія Крапоткина, на его квартиру въ Конногвардейскія казармы, въ которой мой старый пріятель предложилъ мнѣ остаться до пріисканія мною квартиры.

Въ день моего пріѣзда погода стояла прекрасная, совершенно весенняя, и Петербургъ представился мнѣ во всей своей красѣ. По случаю дня рожденія государя въ этотъ день, вечеромъ, городъ былъ иллюминованъ, и хотя иллюминація оказалась неважною, однако широкій и прямой Невскій проспектъ, покрытый плошками и шкаликами, далеко оставлялъ за собою иллюминаціи главныхъ улицъ Москвы въ подобные торжественные дни.

На другой день я поспѣшилъ явиться къ моему новому начальнику, барону Модесту Андреевичу Корфу, проживавшему въ Новоисаакіевской улицѣ, противъ самыхъ Конногвардейскихъ казармъ, въ обширномъ бельэтажѣ дома Трузсона, имѣвшемъ на улицу 19-ть оконъ. Баронъ принялъ меня крайне любезно и, сказавъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего пріѣзда, попросилъ заѣхать къ нему черезъ нѣсколько дней, дабы къ тому времени онъ могъ приготовить для меня работу, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ мнѣ, что я буду получать ежегодно содержаніе въ 720 рублей серебромъ [1]).

---

[1]) Содержаніе это, въ различномъ размѣрѣ, какъ я тогда узналъ, назначалось всѣмъ сотрудникамъ барона по біографіи императора Николая I-го по его личному усмотрѣнію изъ 12 т. рублей, отпускавшихся ему на этотъ предметъ, по высочайшему повелѣнію, изъ суммъ кабинета его величества. Но, такъ какъ гораздо позднѣе мнѣ неоднократно приходилось слышать, что значительная часть изъ этой суммы присвоивалась барономъ себѣ за его тогдашнія работы по означенной

Поступивъ на новую должность безъ малѣйшей надежды на какое либо жалованье, я былъ немало обрадованъ назначеннымъ мнѣ содержаніемъ, которое, при петербургской дороговизнѣ, сравнительно съ Москвою, было для меня далеко не лишнее.

Не прошло и двухъ дней, какъ баронъ потребовалъ меня къ себѣ и, вручивъ 12 рукописныхъ томовъ воспоминаній генерала Левенштерна, писанныхъ по-французски, приказалъ мнѣ сдѣлать выдержки по-русски изъ всего, что въ нихъ относилось до царствованія Николая Павловича, и притомъ попросилъ сжигать всѣ мои черновыя и подъ честнымъ словомъ хранить тайну о всемъ, что втеченіе моей при немъ службы могу узнать изъ тѣхъ бумагъ и документовъ, которые будутъ у меня въ рукахъ. Давъ это слово, я тѣмъ самымъ преградилъ себѣ возможность съ кѣмъ либо подѣлиться интересными, по словамъ барона, еще неизвѣстными публикѣ данными, относившимися до царствованія императора Николая I-го [1]).

До этого дня, не зная, въ чемъ будутъ состоять мои занятія, я, какъ уже выше сказалъ, сильно тревожился мыслью, что едва ли буду въ состояніи справиться съ предстоявшими мнѣ почти литературными занятіями, а потому первый трудъ, возложенный на меня барономъ, показался мнѣ просто «манною небесною», спавшею на мою голову и сразу прекратившею всѣ опасенія относительно трудности моей должности. Безъ страха, но съ радостью и увлеченіемъ я принялся за первую мою работу.

Товарищами моими по службѣ оказались: священникъ Казанскаго собора о. Морошкинъ, Владиміръ Васильевичъ Стасовъ и нѣсколько библіотекарей Публичной библіотеки. Я познакомился съ Стасовымъ случайно, встрѣтивъ его у барона Корфа, а остальныхъ довольно долго не зналъ даже въ лицо, такъ какъ занятія наши, хотя и имѣвшія одну и ту же цѣль, не требовали никакихъ общихъ свиданій и совѣщаній, представляясь каждымъ изъ насъ отдѣльно на окончательную редакцію барона.

біографіи, то долгомъ считаю заявить, что слухи эти были чистѣйшею выдумкою, распространявшеюся его недоброжелателями. Мнѣ доподлинно извѣстно, что остатокъ изъ 12 т., и притомъ значительный, остававшійся ежегодно отъ раздачи содержанія сотрудникамъ барона, представлялся имъ на благоусмотрѣніе государя и затѣмъ всегда жаловался его величествомъ на нужды и новыя книжныя пріобрѣтенія Императорской Публичной библіотеки. Сверхъ того, весь расходъ по біографіи провѣрялся ежегодно государственнымъ контролеромъ, который и могъ бы засвидѣтельствовать, что баронъ не получалъ ни одной копейки изъ означенной суммы.

1) Собирая безостановочно съ 1857-го года по 1880-й годъ, почти по всѣмъ вѣдомствамъ и министерствамъ, матеріалы для біографіи императора Николая Павловича, я пришелъ къ заключенію, что взятое съ меня моимъ начальствомъ слово было совершенно излишне, такъ какъ я не нашелъ ни одного факта, который бы не былъ извѣстенъ всѣмъ русскимъ, даже и въ то время, столь еще близкое къ царствованію покойнаго государя.

Познакомившись съ однимъ товарищемъ по службѣ, я сдѣлалъ ему визитъ, но не могу не сознаться, что впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, было не совсѣмъ въ его пользу.

Хотя онъ показался мнѣ умнымъ и весьма почтеннымъ человѣкомъ, но крайне рѣзкій тонъ его и какое-то снисходительное со мною обхожденіе не могли понравиться мнѣ: мнѣ казалось, что онъ смотритъ на меня, не какъ на своего товарища по службѣ, а какъ на какого-то молокососа, неизвѣстно почему попавшаго на равную съ нимъ должность! Можетъ быть, онъ и былъ правъ... по молодости своихъ лѣтъ, разсчитывая найти поддержку въ моихъ новыхъ сослуживцахъ и не встрѣтивъ въ первомъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ тогда казалось, ни малѣйшихъ признаковъ товарищества, я рѣшился до времени не знакомиться съ моими прочими сослуживцами, которые были, если не вдвое, то, во всякомъ случаѣ, несравненно старѣе меня. Господь съ ними!—подумалъ я,—пусть себѣ меня не знаютъ, оно, можетъ быть, и лучше...

Всѣ эти чиновники состояли при баронѣ такъ же, какъ и я, но, сверхъ того, имѣли опредѣленныя мѣста, а слѣдовательно и присвоенные ихъ должностямъ мундиры и вицмундиры; я же, какъ не причисленный ни къ какому вѣдомству, не имѣлъ ни того, ни другого, а потому баронъ исходатайствовалъ у государя императора для меня ношеніе формы, присвоенной I-му Отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи, что, впрочемъ было распространено и на Стасова, какъ не считавшагося нигдѣ на службѣ, хотя ежедневно занимавшагося въ Публичной библіотекѣ наравнѣ съ ея библіотекарями.

Если по службѣ я не сблизился ни съ однимъ изъ моихъ товарищей, то, по временному жительству у конногвардейца Крапоткина, я перезнакомился почти со всѣми офицерами лейбъ-гвардіи Коннаго полка, а съ нѣкоторыми видался почти ежедневно, обѣдая и ужиная съ ними въ знаменитомъ въ то время французскомъ ресторанѣ Дюссо, находившемся на углу большой Морской и Кирпичнаго переулка. Не могу не отдать справедливости моимъ новымъ военнымъ знакомымъ въ томъ, что всѣ были молодые люди, благовоспитанные, милые и любезные, а самый полкъ, вмѣстѣ съ Кавалергардскимъ и Лейбъ-Гусарскимъ, считался однимъ изъ изящнѣйшихъ и фешёнебельныхъ изъ всѣхъ прочихъ кавалерійскихъ полковъ. Полковымъ командиромъ былъ незадолго передъ тѣмъ назначенъ свѣтлѣйшій (не только по имени, но и по своей личности) князь Владиміръ Дмитріевичъ Голицынъ, сынъ бывшаго московскаго главнокомандующаго князя Дмитрія Владиміровича, а офицерами находились князья Голицыны, графы: Палены, Борхъ, Чернышевъ-Кругликовъ, Грохольскій: два брата Пушкины (сыновья поэта), Философовы, Позены, Мирковичи, Пашковъ, Кирѣевъ, Галаховъ, Кирьяковъ и многіе другіе. Повторяю, всѣ эти офицеры были люди

вполнѣ хорошіе, благородные, образованные и не склонные къ какимъ либо кутежамъ, отличавшимъ офицеровъ стараго времени. Хотя я былъ статскій и притомъ тихій и скромный, но въ обществѣ такихъ военныхъ проводилъ время пріятно. Одно только въ скоромъ времени оказалось для меня неудобнымъ: молодежь эта была болѣе или менѣе богата, а я — нѣтъ, и потому ежедневные обѣды и ужины у Дюссо, обходившіеся недешево, обнаружили менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ изрядную прорѣху въ моемъ карманѣ; не желая очутиться безъ денегъ или входить въ долги, я тотчасъ прекратилъ участіе въ этихъ трапезахъ и перешелъ на весьма скромные обѣды въ тогдашнемъ ресторанѣ малоизвѣстнаго Пфефера, находившагося тоже въ Малой Морской, и гдѣ питался хорошо, сытно и дешево, но въ одиночествѣ, не будучи знакомъ ни съ кѣмъ изъ посѣтителей этого ресторана, состоявшихъ преимущественно изъ небогатыхъ офицеровъ и разныхъ чиновниковъ.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца я пріискивалъ себѣ квартиру, продолжая жить у Крапоткина и посвящая утро заданной мнѣ Корфомъ работѣ, а вечера просиживая у дяди А. К. Загоскина или у В. И. Анненковой, которая попрежнему принимала меня не только любезно, но почти по-родственному. На ея ежедневныхъ совершенно интимныхъ вечерахъ, главнымъ ораторомъ бывалъ мой московскій знакомый Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ [1]), незадолго передъ тѣмъ перешедшій на службу изъ Москвы въ Петербургъ. Своимъ умомъ, остротами, анекдотами и пѣніемъ онъ занималъ всѣхъ и подобно тому, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, скоро сдѣлался баловнемъ старыхъ и молодыхъ великосвѣтскихъ барынь.

Въ началѣ мая, Анненковы дали прекрасный балъ въ своемъ обширномъ помѣщеніи дома государственнаго контроля. Балъ этотъ, удостоенный присутствіемъ государя императора, отличался множествомъ красивыхъ и хорошенькихъ женщинъ, но красота одной изъ нихъ просто поразила меня!.. Въ жизнь мою я не видалъ женщины болѣе красивой!—то была Наталья Александровна Дубельтъ, рожденная Пушкина, дочь нашего безсмертнаго поэта [2])... высокаго

[1]) На сестрѣ котораго былъ женатъ братъ В. И. Анненковой, Николай Ивановичъ Бухаринъ.

[2]) Не задолго передъ тѣмъ она вышла замужъ за сына извѣстнаго генерала Дубельта, флигель-адъютанта Михаила Леонтьевича Дубельта. Но бракъ этотъ не былъ счастливъ, и впослѣдствіи Наталья Александровна, получивъ разводъ, вступила въ морганатическій бракъ съ принцемъ Николаемъ Нассаускимъ (роднымъ племянникомъ великой княгини Елены Павловны). До своего перваго замужества, она была сильно влюблена въ князя Николая Алексѣевича Орлова, страстно ее любившаго и желавшаго на ней жениться, но отецъ его шефъ жандармовъ князь Алексѣй Өедоровичъ не допустилъ этого брака, считая дочь Пушкина неподходящею невѣстою для своего сына!.. (Слышано мною отъ самой Натальи Александровны).

роста, чрезвычайно стройная, съ великолѣпными плечами и замѣчательною бѣлизною лица, она сіяла какимъ-то ослѣпительнымъ блескомъ. Несмотря на мало правильныя черты лица, напоминавшаго африканскій типъ ея знаменитаго отца, она могла назваться совершенною красавицею, и, если прибавить къ этой красотѣ умъ и любезность, то можно легко представить, какъ она была окружена на балахъ, и какъ около нея увивалась вся щегольская молодежь, а старички не спускали съ нея глазъ... я былъ представленъ ей пріятельницею ея, княжною Суворовою [1]), и, къ великому моему удовольствію, дочь Пушкина подарила меня нѣсколькими привѣтливыми словами.

На этомъ балѣ я невольно вспомнилъ одинъ изъ эпизодовъ коронаціи, о которомъ я въ свое время упомянулъ,—презрительное отношеніе нѣкоторыхъ московскихъ дамъ къ московской молодежи. Увидавъ одну изъ моихъ московскихъ знакомыхъ, молодую красивую даму, у которой я нерѣдко бывалъ въ Москвѣ, я обрадовался встрѣчѣ съ нею и поспѣшилъ подойти къ ней... дама попятилась и на мой поклонъ едва кивнула головою. Удивленный и озадаченный ея кивкомъ, я спросилъ ее, узнала ли она меня. Кивнувъ снова слегка головою и не промолвивъ ни слова, она быстро удалилась. Вотъ тебѣ разъ!—подумалъ я:—да что же это такое?—Теперь не коронація, мы не въ Москвѣ, а оба въ Петербургѣ, на одномъ и томъ же балѣ, и, казалось бы, нечего москвичкѣ стыдиться своихъ старыхъ знакомыхъ. Дама эта, извѣстная въ московскомъ обществѣ подъ своимъ маленькимъ именемъ съ прибавкою слова «Ia», только что тогда пріѣхала изъ Москвы на постоянное жительство въ Петербургъ и, по всему вѣроятію, опасалась выказать предъ своими новыми аристократическими знакомыми свое знакомство съ простымъ смертнымъ изъ неважныхъ москвичей,—другой причины не было. Но еще забавнѣе было то, что мужъ ея, увидавъ меня, кинулся ко мнѣ и сталъ просить навѣщать его домъ... Конечно, я къ нему не поѣхалъ и позднѣе, встрѣчаясь съ его женою на балахъ, пересталъ ей кланяться, что̀, безъ сомнѣнія, доставило ей немалое удовольствіе.

Въ теченіе бала я былъ представленъ хозяйкою дома двумъ пожилымъ дамамъ, княгинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Долгоруковой, рожденной княжнѣ Голицыной, и Аннѣ Александровнѣ Александровой, рожденной княжнѣ Щербатовой. Первая, хорошо знавшая въ 20-хъ годахъ моего покойнаго отца, служившаго тогда при ея родителѣ, князѣ Дмитріи Владимировичѣ, наговоривъ мнѣ много лестнаго о батюшкѣ, пригласила меня посѣщать ее по воскресеньямъ, вечеромъ, а вторая, о которой я уже однажды упомянулъ,

---

[1]) Дочь генералъ-адъютанта князя Александра Аркадьевича Суворова, внука генералиссимуса.

описывая семейство ея брата, князя Николая Александровича Щербатова, любезно пригласила меня на свой балъ, долженствовавшій быть черезъ нѣсколько дней послѣ бала Анненковыхъ.

Княгиня Е. Д. Долгорукова, жена оберъ-шенка князя Николая Васильѣвича, внука знаменитаго князя Долгорукова-Крымскаго, была женщина уже весьма почтенныхъ лѣтъ съ добрѣйшимъ, веселымъ и симпатичнымъ лицомъ, на которомъ, несмотря на ея года, постоянно игралъ совершенно юношескій румянецъ и несомнѣнно ея собственный. Она одѣвалась не по-модному, была до крайности проста въ обращеніи и, сохранивъ манеры и привычки аристократическихъ дамъ стараго покроя, принимала у себя своихъ знакомыхъ съ величайшимъ радушіемъ, не дѣлая никакого различія между какимъ либо сановникомъ и неважнымъ посѣтителемъ ея дома [1]).

Мужъ ея, въ то время, старикъ лѣтъ 70-ти, страдавшій постоянно подагрою, почти не выходилъ изъ дома, мало разговаривалъ и былъ простой, добрѣйшій человѣкъ безъ малѣйшей гордости и чванства, а своими всклоченными бѣлыми волосами, оловянными тусклыми глазами и гладко выбритымъ лицомъ напоминалъ портреты придворныхъ старцевъ начала нынѣшняго столѣтія.

Долгоруковы занимали на Гагаринской набережной двухъэтажный довольно большой домъ, но плохо меблированный, безъ малѣйшей роскоши [2]). Еженедѣльно, по воскресеньямъ, вечеромъ, они принимали многочисленныхъ своихъ родныхъ и нѣкоторыхъ знакомыхъ, большею частью престарѣлыхъ, и изъ самаго высшаго круга, въ которомъ у нихъ близкими родственниками, кромѣ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, были Васильчиковы, Барятинскіе, Кочубеи, Мятлевы, Чернышевы, Строгоновы, однимъ словомъ почти всѣ представители тогдашней петербургской аристократіи. У Долгору-

---

[1]) Въ доказательство этихъ словъ приведу одинъ случай, которому, много лѣтъ спустя, я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Посѣтивъ однажды утромъ княгиню, я засталъ у нея одного пожилого титулованнаго богача-аристократа, извѣстнаго въ обществѣ великою своею гордостью и недоступностью. Вскорѣ, послѣ моего прихода, вошелъ молодой человѣкъ Б., весьма хорошей, старинной, дворянской фамиліи, пріѣхавшій на время въ Петербургъ изъ провинціи и давно знакомый съ Долгоруковыми. Княгиня представила его своему сіятельному гостю, который, соблаговоливъ кивнуть ему головой и надѣвъ на носъ пенснэ, пытливо сталъ осматривать его. По удаленіи Б., богачъ обратился къ хозяйкѣ съ слѣдующими словами: «est-ce que ce monsieur est un homme comme il-faut?» — Княгиня вспыхнула и гнѣвно отвѣтила: «Sachez, monsieur, que quand je reçois quelqu'un chez moi, — il est autant comme il faut que vous et même, peut-être, plus». Гость сконфузился, что-то пробормоталъ и удалился.

[2]) Домъ этотъ, если не ошибаюсь, принадлежалъ тогда генералу Кокошкину, и въ немъ въ 20-хъ годахъ жилъ и въ 1828 году застрѣлился шталмейстеръ князь Андрей Павловичъ Гагаринъ (родной братъ извѣстнаго предсѣдателя государственнаго совѣта князя Павла Павловича), женатый на княжнѣ Меньшиковой.

ковыхъ былъ одинъ сынъ и три дочери [1]), изъ которыхъ меньшая Марія была, въ то время, дѣвицею; милая, любезная, она много способствовала къ оживленію старческихъ вечеровъ ея родителей.

Анна Александровна Александрова, жена генералъ-адъютанта Павла Константиновича, была въ свое время извѣстною красавицею и даже въ зрѣлые годы, когда я съ нею познакомился, сохранила еще правильныя черты и замѣчательно доброе выраженіе лица. Слыхавъ еще въ Москвѣ о многихъ наивныхъ продѣлкахъ ея языка, впрочемъ вовсе не злостнаго, я въ первый же мой визитъ къ ней самъ лично убѣдился. Въ то время, какъ я сидѣлъ у Александровой вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами, ее посѣтившими, она обратила вниманіе присутствующихъ на два портрета, висѣвшіе въ ея кабинетѣ, объясняя, что то были портреты родителей ея мужа. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ показалось такое объясненіе не только лишнимъ, но даже и неумѣстнымъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что отцомъ Александрова былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а матерью жена фельдъегеря Фридрихсъ.

Единственная дочь Александровыхъ, довольно красивая, но черезчуръ полная, была въ то время дѣвицею [2]) милою и доброю, но слишкомъ болтливою, въ болтовнѣ своей шедшею по стопамъ своей родительницы.

Воспользовавшись приглашеніемъ Анны Александровны, я былъ у нея на балѣ въ ея прекрасномъ домѣ на Большой Морской [3]), гдѣ встрѣтилъ почти то же самое общество, какъ и у Анненковыхъ. На этомъ балѣ я представился только одной дѣвицѣ Маріи Александровнѣ Пушкиной, къ которой влекло меня уже то, что она была сестрою Н. А. Дубельтъ, т. е. дочерью Александра Сергѣевича Пушкина. Хотя она не отличалась никакою красотою и даже не имѣла ничего схожаго съ лицомъ своего отца, но умные выразительные глаза и простота въ обращеніи со всѣми невольно привлекали къ ней молодежь.

Послѣ бала Александровыхъ, я былъ приглашенъ на балъ престарѣлой статсъ-дамы Прасковьи Ивановны Мятлевой. Коротко зная еще въ Москвѣ внука ея, конногвардейскаго офицера Александра Александровича Галахова, я черезъ него получилъ приглашеніе на балъ къ его бабушкѣ.

85-ти-лѣтняя Прасковья Ивановна, дочь фельдмаршала князя Салтыкова, была въ то время едва ли не единственная фрейлина императрицы Екатерины II-й, остававшаяся въ живыхъ, и по

---

[1]) Старшая была за Нарышкинымъ, вторая за графомъ Толемъ, а меньшая за статсъ-секретаремъ Борисомъ Павловичемъ Мансуровымъ.

[2]) Позднѣе она вышла за князя Дмитрія Александровича Львова, чрезвычайно красиваго молодого человѣка, окончившаго, къ сожалѣнію, свою жизнь умопомѣшательствомъ.

[3]) Домъ принадлежитъ теперь германскому посольству.

своему общественному положенію, богатству, уму и рѣдкимъ душевнымъ качествамъ считалась въ Петербургѣ одною изъ самыхъ уважаемыхъ престарѣлыхъ дамъ. Старинный домъ ея на Исаакіевской площади былъ постояннымъ средоточіемъ со временъ императора Александра I-го всего, что Петербургъ представлялъ знатнаго, умнаго и изящнаго, особенно при жизни сына ея Ивана Петровича, прозваннаго въ обществѣ «Ишкою» и который сдѣлался извѣстенъ своею книгою подъ названіемъ «Похожденія г-жи Курдюковой за границею». Въ описываемое мною время, Мятлева жила болѣе уединенно и только изрѣдка давала балы для своихъ многочисленныхъ внучекъ.

Явившись на балъ, я засталъ Прасковью Ивановну за карточнымъ столомъ игравшею съ тремя партнерами. Старческое лицо ея, умное и строгое, но не красивое поразило меня. Стеклянные глаза и большого размѣра горбатый носъ придавали ей видъ какого-то стараго попугая, на которомъ былъ надѣтъ огромный древняго покроя чепецъ съ бантами и лентами оранжеваго цвѣта. Когда я былъ ей представленъ Галаховымъ, то старушка, положивъ карты на столъ и какъ-то странно взглянувъ на меня, грубымъ голосомъ проговорила: «Статскій? а я думала, что военный? какъ это у моего внука, офицера, пріятели статскіе—странно!»—и затѣмъ снова принялась за карты.

Я не обратилъ вниманія на ея мало любезное привѣтствіе и очень веселился на ея балѣ, гдѣ уже набралось достаточно у меня знакомыхъ, и гдѣ вся обстановка носила отпечатокъ старины,—даже большая часть прислуги была до̀ того пожилая, что казалась сверстницею самой хозяйки.

Этими тремя балами окончились мои свѣтскіе выѣзды весною 1857 года, но я счелъ долгомъ о нихъ упомянуть, такъ какъ они послужили какъ бы преддверіемъ моего вступленія въ петербургское общество, которое въ скоромъ времени благосклонно приняло меня въ свою среду, какъ сына автора «Юрія Милославскаго», о которомъ память въ Петербургѣ въ то время была еще свѣжа.

Въ продолженіе первыхъ трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ Петербургѣ, я пріискивалъ себѣ квартиру, но находилъ цѣны чрезмѣрно высокими, особенно въ сравненіи съ московскими. Привыкнувъ въ Москвѣ жить въ хорошемъ помѣщеніи, мнѣ, конечно, не хотѣлось занять квартиру маленькую на дворѣ или въ поднебесьѣ, и, наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ, я нанялъ на Моховой въ бельэтажѣ дома адмирала Мелихова прекрасную квартиру съ конюшнею и сараемъ за 750 рублей сер. Огромный домъ Мелихова не отличался никакимъ новомоднымъ комфортомъ, въ то время еще мало извѣстнымъ, но содержался чисто и опрятно и потому былъ занятъ жильцами, большею частью состоятельными и хорошихъ фамилій, въ числѣ которыхъ находились и мои пріятели

братья Давыдовы, Николай и Василій Евдокимовичи, первый кавалергардскій офицеръ, а второй преображенскій, проживавшіе съ своею матушкою Екатериною Николаевною Давыдовою. Сосѣдство съ ними составляло для меня немалую приманку для найма этой квартиры, которая цѣною, однако, превышала мой обычный квартирный бюджетъ.

15-го мая, въ день моего рожденія, я былъ обрадованъ возможностью переѣхать въ мою квартиру, такъ какъ наканунѣ прибыла изъ Москвы моя прислуга, моя мебель, лошади и экипажи. На первое время я устроился кое-какъ, потому что не имѣлъ возможности приступить къ окончательной отдѣлкѣ моего помѣщенія вслѣдствіе значительной траты денегъ, глупо брошенныхъ на обѣды и ужины у Дюссо.

Имѣя своего повара, я сталъ обѣдать дома, и по тогдашнимъ цѣнамъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ никогда не превышалъ 1 руб. 50 коп. или 2-хъ рублей,—блаженное время!—все было дешево и хорошо; съ малыми средствами можно было жить въ Петербургѣ прилично, а въ Москвѣ почти роскошно...

Поселившись у себя, я сталъ усердно заниматься работою и вскорѣ, составивъ цѣлый томъ изъ воспоминаній генерала Левенштерна, со включеніемъ въ него всего относившагося до жизни императора Николая I-го, повезъ мой первый трудъ къ барону Корфу, проживавшему лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ.

До того времени, со дня врученія мнѣ занятій, баронъ пригласилъ меня къ себѣ только разъ и то для обзора первыхъ листовъ моей работы и дальнѣйшаго руководства ею. Получивъ ихъ отъ него обратно безъ малѣйшихъ поправокъ, я вправѣ былъ полагать, что представленный ему цѣлый томъ составленъ согласно его желанію, и потому уже впередъ вкушалъ всю прелесть начальнической похвалы, не только за мой слогъ, но и за передѣлку на русскій ладъ французскихъ воспоминаній нѣмца Левенштерна. Передавъ мою работу Модесту Андреевичу, я остался у него недолго и получилъ приглашеніе посѣтить его черезъ нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ его супругою и съ семействомъ и вмѣстѣ съ ними отобѣдать.

Обрадованный такою любезностью моего начальника, я поспѣшилъ въ первый воскресный день воспользоваться его приглашеніемъ, въ надеждѣ ближе съ нимъ познакомиться и послушать умныхъ рѣчей этого члена государственнаго совѣта, столь извѣстнаго въ то время въ совѣтѣ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Принятый супругою барона Ольгою Ѳеодоровною и дочерью ихъ, вдовою Григоровой, не какъ новый чиновникъ барона, а какъ старый ихъ добрый пріятель, я немало былъ удивленъ такимъ радушіемъ петербургской семьи, притомъ нѣмецкаго происхожденія, и не зналъ, чему приписать подобную любезность, и только вскорѣ,

сдѣлавшись частымъ ихъ посѣтителемъ, я убѣдился, что чета Корфовъ дѣйствительно отличалась рѣдкимъ радушіемъ настоящихъ русскихъ гостепріимныхъ людей, для которыхъ положительно каждый изъ гостей ихъ дѣлался для нихъ «дорогимъ гостемъ».

Ольга Ѳеодоровна, рожденная баронесса Корфъ, приходилась своему мужу двоюродною сестрою и даже вдвойнѣ, такъ какъ отцы ихъ были родные братья, а матери родныя сестры Смирновы, и при томъ послѣднія православныя, вслѣдствіе чего Модестъ Андреевичъ и жена его были тоже православными, и, конечно, бракъ ихъ не могъ считаться правильнымъ, но такъ какъ никто, никогда и никому не заявлялъ о близкомъ ихъ родствѣ, то въ 1857 году они уже праздновали свое счастливое, безмятежное 30-ти-лѣтнее супружество. Въ это время баронесса была 47 лѣтъ. Некрасивая собою и мало свѣтская, но умная и образованная, она отличалась замѣчательною добротою и любовью къ ближнему. Не имѣя никакого состоянія, кромѣ содержанія своего мужа (впрочемъ весьма значительнаго), которымъ она распоряжалась по своему усмотрѣнію, она много и постоянно помогала неимущимъ и всячески старалась улучшить, чѣмъ только могла, ихъ участь. Основаніемъ этого прекраснаго чувства были необыкновенная сердечная теплота и глубокая вѣра истинной христіанки.

Старшая дочь, Марія Модестовна, вдова артиллерійскаго офицера Григорова, проживала у своихъ родителей вмѣстѣ съ своею малолѣтнею дочерью. Она была очень маленькаго роста, некрасива и нѣсколько кривобока, но глубокій умъ ея, замѣчательная начитанность и любезность дѣлали изъ нея самую пріятную собесѣдницу. У Корфовъ были еще двѣ дочери, Ольга и Елена, и сынъ Модестъ. Первая была въ то время лѣтъ двѣнадцати, а вторая совсѣмъ еще маленькая. Четырнадцатилѣтній сынъ ихъ былъ премилый, кроткій и чрезвычайно симпатичный мальчикъ, весьма похожій лицомъ на своего отца[1]).

---

[1]) Модестъ Модестовичъ черезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ въ университетъ, но, не желая продолжать занятія вслѣдствіе постоянныхъ тогдашнихъ безпорядковъ, поступилъ на службу въ канцелярію государственнаго секретаря. По милости св его отца, онъ быстро пошелъ по службѣ и въ очень молодыхъ годахъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ и въ должности гофмейстера высочайшаго двора, но сдѣлавшись еще при жизни своего отца (умершаго 2-го января 1876 года) послѣдователемъ ученія извѣстнаго лорда Редстока и впослѣдствіи женившись на дѣвицѣ Шулепниковой, послѣдовательницѣ того же ученія, сдѣлался ярымъ «пашковцемъ» и проповѣдникомъ этого направленія. Не желая прекратить свои проповѣди въ Петербургѣ и вообще въ Россіи, онъ былъ принужденъ оставить свое отечество и поселиться за границею. Отдавая полную справедливость его христіанскимъ чувствамъ, рѣдкой добротѣ и безукоризненно добродѣтельной жизни, можно отъ души пожалѣть, что, увлекшись ученіемъ, несоотвѣтственнымъ основамъ православной церкви, онъ не пришелъ къ сознанію своей ошибки и не пожелалъ прекратить свои проповѣди.

Пробывъ въ первый разъ цѣлый день у моего начальника, я подъ впечатлѣніемъ радушія и гостепріимства его семейства охотно принялъ совѣтъ барона переѣхать на лѣто въ Царское Село, находившаго, что гораздо пріятнѣе провести мнѣ лѣто на дачѣ и, сверхъ того, заниматься подъ ежедневнымъ его личнымъ руководствомъ, чѣмъ, оставаясь въ Петербургѣ, изрѣдка видѣться съ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней, пріискавъ себѣ маленькую квартиру напротивъ дачи барона Корфа, я тотчасъ переѣхалъ въ нее, взявъ съ собою только человѣка.

Царское Село, любимое мѣстопребываніе императора Александра Николаевича [1]), находилось тогда подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ артиллеріи Захаржевскаго. Генералъ этотъ, престарѣлый, но бодрый инвалидъ, потерявшій на полѣ брани одну ногу, завѣдывалъ Царскимъ Селомъ съ давнихъ лѣтъ, любилъ его и заботился о немъ, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ. Такого царскосельскаго блюстителя порядка до него и послѣ него не существовало. Всѣ зданія, оранжереи, паркъ, сады и самыя улицы отличались безукоризненною чистотою и, можно прибавить, какое-то казарменною выправкою, такъ какъ все протягивалось по стрункѣ, глядѣло чѣмъ-то форменнымъ, даже самыя деревья и цвѣтники, казалось, росли и цвѣли не по волѣ природы, а согласно разъ навсегда утвержденной дисциплинѣ начальникомъ Царскаго Села... Гуляя по нѣсколько разъ въ день въ паркѣ, онъ тщательно осматривалъ аллеи и дорожки, и Боже сохрани, если гдѣ находилъ клочекъ бумажки или апельсинную корку! — приказавъ ихъ убрать, онъ неистово накидывался на всѣхъ садовниковъ, обѣщая имъ чуть ли не кару небесную за найденный имъ безпорядокъ. Но что въ Царскомъ Селѣ было чрезвычайно плохо, это освѣщеніе, состоявшее изъ масляныхъ фонарей или вѣрнѣе едва мерцавшихъ лампадъ. Впрочемъ, въ то время и петербургскія улицы, не говоря уже о переулкахъ, плохо освѣщались и большею частью такими же фонарями, и потому Захаржевскій тутъ былъ не при чемъ.

Царское Село въ первые дни моего тамъ пребыванія произвело на меня прекрасное впечатлѣніе, но вскорѣ показалось мнѣ, за исключеніемъ прогулки около озера, черезчуръ монотоннымъ: идешь впродолженіе цѣлаго часа по чуднымъ аллеямъ парка и не встрѣтишь никого, все чисто, прилизано, а публики никакой, и только встрѣтишь блюстителей порядка надзиравшихъ за благонравіемъ рѣдкихъ любителей пустынныхъ прогулокъ, да разныхъ рабочихъ, усердно подметавшихъ дорожки и аллеи обширнаго парка. Зато вокругъ озера и особенно на одной площадкѣ у пристани, про-

---

[1]) Его величество до того любилъ Царское Село, что однажды, уѣзжая оттуда на время, сказалъ барону Корфу: «когда уѣзжаю изъ Царскаго, то радуюсь мысли, что снова туда вернусь».

тивъ верфи, можно было раза два въ день въ извѣстные часы видѣть весь царскосельскій лѣтній beaumonde, нетерпѣливо ожидавшій видѣть проѣзжавшаго или проходившаго тамъ въ эти часы государя.

Переѣхавъ на все лѣто въ Царское Село и не имѣя у себя обѣда, я получилъ приглашеніе барона ежедневно приходить въ 4 часа къ его трапезѣ. Хотя предложеніе это было облечено въ самую любезную форму и, какъ будто, вслѣдствіе того, что въ Царскомъ не было порядочныхъ ресторановъ, а отправляться ежедневно обѣдать въ Павловскій вокзалъ было бы не совсѣмъ удобно, но, не имѣя возможности отказаться отъ такого гостепріимнаго приглашенія, я долженъ сознаться, что оно было для меня стѣснительнымъ и не совсѣмъ пріятнымъ, такъ какъ, не бывъ никогда и ни у кого нахлѣбникомъ, мнѣ не хотѣлось находиться въ этой роли въ домѣ моего начальника, и потому, съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Царскомъ Селѣ, я придумалъ способъ обѣдать у него только три или четыре раза въ недѣлю, уѣзжая въ другіе дни къ обѣду и на весь вечеръ въ Петербургъ, подъ предлогомъ, впрочемъ, довольно основательнымъ, что нужно было проѣзжать моихъ лошадей и, сверхъ того, навѣщать моихъ знакомыхъ, проживающихъ въ Петербургѣ или въ окрестностяхъ его.

Что касается до моей работы, то баронъ, продержавъ ее нѣсколько времени, вернулъ мнѣ обратно съ изъявленіемъ своей благодарности за первый мой «прекрасный», по его выраженію, трудъ и въ виду моего четкаго почерка попросилъ меня переписать его набѣло для представленія государю. Обрадованный успѣшнымъ началомъ моихъ занятій, я полюбопытствовалъ посмотрѣть на сдѣланныя барономъ исправленія и къ ужасу моему увидалъ, что имъ исправлены не выраженія, но и цѣлыя страницы... Вотъ такъ «прекрасная работа! —подумалъ я,—что же это? насмѣшка?—хвалить работу, когда нужно было ее такъ исправить. Недоумѣвая, къ чему отнести незаслуженную похвалу, я на другой же день извинился передъ моимъ начальникомъ въ томъ, что не сумѣлъ угодить ему, заставивъ его трудиться надъ исправленіемъ моей работы, обѣщая на будущее время руководиться всѣми его исправленіями. «Какъ не угодили? – отвѣтилъ онъ:—работа прекрасная, и я исправилъ кое-гдѣ только слогъ, а слогъ дѣло вкуса; покажите мои поправки другому, и онѣ, можетъ быть, въ свою очередь, будутъ имъ исправлены».

Это «кое-гдѣ» и вообще отвѣтъ барона показались мнѣ не совсѣмъ искренними, и я отнесъ объясненія его единственно къ замѣчательной деликатности этого знатока русскаго языка, а также и къ желанію поощрить меня съ первыхъ же дней моихъ занятій [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи я достигъ того, что мои работы возвращались мнѣ почти безъ поправокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился на дѣлѣ, что деликатность ба-

Въ исходѣ іюня я окончилъ переписку набѣло моего труда, который былъ переплетенъ въ юфть съ заглавіемъ: «Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и исторіи его царствованія», и тотчасъ представленъ барономъ государю.

Послѣ того, дня черезъ два, Модестъ Андреевичъ вручилъ мнѣ собственноручную переписку Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ за время начала царствованія императора до дня кончины цесаревича.

Переписка эта, хранившаяся въ личномъ кабинетѣ государя Александра Николаевича, въ высшей степени интересная, дана мнѣ была для классификаціи ея по годамъ, числамъ, вопросамъ и отвѣтамъ и для переписки ея набѣло, такъ какъ почеркъ Константина Павловича былъ крайне неразборчивый, похожій на какія-то палочки, кавычки и точки. Августѣйшіе братья переписывались между собою на французскомъ языкѣ. Письма государя, весьма мелко, но чрезвычайно разборчиво писанныя, отличаясь прекраснымъ французскимъ языкомъ, грѣшили множествомъ орѳографическихъ ошибокъ, но въ нихъ вылились, такъ сказать, все благородство, вся душа и вся любовь его къ своему старшему брату. Письма же послѣдняго своимъ тяжелымъ слогомъ, глубокомысленными разсужденіями и постоянными изъявленіями почтительной преданности къ своему повелителю казались нѣсколько напыщенными и мало походили на родственную, задушевную переписку.

Несмотря на весь интересъ этой переписки, разборъ почерка цесаревича составлялъ громадный трудъ, требовавшій частаго употребленія лупы, и только черезъ нѣкоторое время, изучивъ разныя буквы, не походившія на то, что должны были изображать, я могъ приняться за переписку этихъ писемъ набѣло.

Въ концѣ августа, навѣщая почти ежедневно барона, я однажды былъ имъ встрѣченъ слѣдующимъ вопросомъ: «Какого вы чина, Сергѣй Михайловичъ?» — «Коллежскій секретарь»,— отвѣтилъ я, удивленный, что мой начальникъ не знаетъ чина своего близкаго подчиненнаго. «Извините,—сказалъ баронъ,—съ сегодняшняго утра вы титулярный совѣтникъ, я сегодня былъ у государя и исходатайствовалъ вамъ этотъ чинъ за отличіе». Затѣмъ, обнявъ меня, прибавилъ, что, прослуживъ всего 8 мѣсяцевъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, я навѣрно оцѣню эту награду настолько, насколько онъ

рона Корфа доходила до крайнихъ предѣловъ, и вотъ тому примѣръ. Однажды баронъ, исправивъ работу одного изъ моихъ товарищей, не вручилъ ее ему обратно, какъ то всегда дѣлалъ, а попросилъ меня передать писарю для переписки, но съ тѣмъ, чтобы черновые листы по перепискѣ были возвращены ему лично. Удивленный такою процедурою, до того времени ни съ кѣмъ не практиковавшеюся, я спросилъ о томъ барона, который, улыбаясь, отвѣтилъ: «Я такъ передѣлалъ работу XX, что почти не осталось ни одного его слова, а потому не желаю огорчить его, показавъ ее ему въ такомъ видѣ».

самъ оцѣнилъ мои первые труды. Поблагодаривъ отъ всего сердца Модеста Андреевича, я чрезвычайно обрадовался моему новому чину, который, какъ я уже выше упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, мнѣ слѣдовало получить даже за отличіе не ранѣе, какъ черезъ шесть лѣтъ. Награда эта со дня поступленія моего на службу была первою, которая дѣйствительно была мнѣ пріятна и полезна, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала надежду, что служба въ Петербургѣ, особенно при такомъ начальникѣ, какъ баронъ Корфъ, можетъ современемъ доставить мнѣ видную должность. Несмотря на мою радость и свѣтлыя ожиданія, я, однако, вполнѣ сознавалъ, что легкія и неголоволомныя мои занятія не заслуживали ни малѣйшей награды, въ чемъ, впрочемъ, былъ согласенъ и мой старый камердинеръ Андрей Петровичъ, который, не имѣя никакого понятія о маленькихъ гражданскихъ чинахъ, узнавъ, что мнѣ пожалованъ чинъ, равный «капитану», воскликнулъ: «Какъ, въ прошломъ году вы были прапорщикомъ, а теперь капитаномъ?» и, покачавъ головою, прибавилъ: «что-то странно! и за что? подумаешь, что не папенька, а вы сочинили Юрія Милославскаго!». Хотя таково было мнѣніе старика, но я замѣтилъ, что чинъ мой доставилъ ему удовольствіе, и онъ не безъ гордости и не разъ повторялъ остальной моей прислугѣ: «что, а вѣдь баринъ-то попалъ въ совѣтники!».

По окончаніи мною переписки вышеупомянутыхъ писемъ, баронъ поручилъ мнѣ собрать всѣ собственноручныя резолюціи императора Николая Павловича по дѣламъ комитета министровъ.

Явившись въ канцелярію комитета, куда уже было послано извѣщеніе о моей туда командировкѣ, я обратился къ одному изъ пожилыхъ чиновниковъ канцеляріи, экспедитору, дѣйствительному статскому совѣтнику Демидовскому, съ объясненіемъ ему моей личности. Онъ тотчасъ объявилъ мнѣ, что всѣ журналы комитета за царствованіе Николая Павловича приготовлены для меня и по мѣрѣ надобности могутъ быть выдаваемы мнѣ на домъ. Во время разговора чиновникъ этотъ, съ вида весьма важный, не разъ какъ-то насмѣшливо поглядывалъ на висѣвшую у меня въ петлицѣ вызолоченную медаль за крымскую кампанію и наконецъ рѣшился сказать: «молодой человѣкъ, зачѣмъ позолотили медаль? — не хорошо, вы статскій, и у васъ должна быть медаль изъ темной бронзы». На отвѣтъ мой, что я былъ въ ополченіи, что, впрочемъ, онъ могъ замѣтить по ополченскому кресту на моемъ вицмундирѣ, и что я ношу ту медаль, которую получилъ, старикъ отвѣтилъ: «ну, это—дѣло другое, а я подумалъ, что вы по молодости лѣтъ позолотили ее ради красы».

Неожиданная мораль г. Демидовскаго показалась мнѣ совершенно неумѣстною, и предположеніе его, что титулярный совѣтникъ можетъ позолотить свою медаль, даже обиднымъ... Вслѣдъ затѣмъ я получилъ подъ мою росписку нѣсколько объемистыхъ перепле-

тенныхъ томовъ журналовъ комитета министровъ. Но, находя неудобнымъ возить ихъ съ собою въ Царское Село, я переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ заниматься дома, посвящая свободное время устройству моей квартиры.

Занятія мои состояли въ томъ, что мнѣ приходилось списывать высочайшія резолюціи и дѣлать извлеченія изъ тѣхъ статей журналовъ, по которымъ онѣ послѣдовали, а такъ какъ извлеченія должны были составляться очень кратко, но совершенно ясно и съ указаніемъ на всѣ обстоятельства, имѣвшія какое либо отношеніе къ резолюціямъ, то въ началѣ занятія эти были не совсѣмъ легки, но очень скоро, руководствуясь прежними поправками барона, я добился краткости и ясности, вполнѣ соотвѣтствующихъ желанію барона.

С. М. Загоскинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

XVI.

Бароны Ѳ. Н. и А. Н. Корфы.—Баронъ Э. Н. Мирбахъ.—Рескриптъ дворянству трехъ западныхъ губерній.—Графиня Протасова.—Княгиня Салтыкова.—Сановники того времени.— С. М. и М. С. Мартыновы.—Сынъ ихъ.—Пожары въ Моховой.—Е. П. Давыдова.

БРАЩУСЬ теперь къ моимъ новымъ знакомымъ. Посѣщая лѣтомъ почти ежедневно семейство моего начальника, я познакомился со многими его родственниками и однофамильцами, принадлежавшими къ многочисленнымъ Корфамъ, проживавшимъ въ Петербургѣ и изъ которыхъ можно было составить, безъ всякаго преувеличенія, изрядную нѣмецкую колонію. Изъ числа ближайшихъ родственниковъ барона я коротко сошелся только съ двумя братьями-баронами Корфами, Ѳеодоромъ Николаевичемъ и Андреемъ Николаевичемъ, родными племянниками Модеста Андреевича и жены его, такъ какъ мать ихъ была родною сестрою перваго, а отецъ —братомъ послѣдней, и по своимъ бабушкамъ Смирновымъ они оба были православные. Полагаю, что въ то время въ Петербургѣ едва ли бы нашлось другое семейство, которое бы породнилось между собою, подобно этимъ Корфамъ. Кого изъ нихъ ни спросишь,—все родня между собою, да еще вдвойнѣ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 36.

Ѳеодоръ Николаевичъ былъ тогда секретаремъ въ сенатѣ. Милый, умный, веселый и балагуръ, онъ былъ чрезвычайно забавенъ своими остроумными разсказами и шутками, но, къ несчастію, любилъ вино и нерѣдко приходилъ въ черезчуръ веселое настроеніе. Несмотря на то, я полюбилъ его за благородный, чисто рыцарскій характеръ и рѣдкія качества души и сердца [1]).

Андрей Николаевичъ, офицеръ Преображенскаго полка, обладая всѣми прекрасными качествами своего брата, отличался отъ него полнѣйшею трезвостью и серіознымъ направленіемъ своего недюжиннаго ума. Будучи человѣкомъ либеральнымъ въ лучшемъ значеніи этого слова, онъ былъ до крайности снисходителенъ къ недостаткамъ своего ближняго и особенно подчиненныхъ ему солдатъ, которые, въ свою очередь, оцѣнивая его отеческую о нихъ заботливость, безконечно любили его. Въ то время онъ уже проявлялъ проблески будущаго государственнаго дѣятеля, и весьма любимый императоромъ Александромъ II-мъ, вскорѣ былъ пожалованъ его флигель-адъютантомъ и затѣмъ быстро сдѣлалъ блестящую карьеру [2]).

Изъ числа другихъ родственниковъ Модеста Андреевича, не столь близкихъ и не носившихъ его фамиліи, я чаще всѣхъ прочихъ встрѣчалъ у него пожилого холостяка, флигель-адъютанта, барона Эрнеста Ивановича Мирбаха, который не только въ свою молодость, но даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ считался въ высшемъ обществѣ и при дворѣ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и неутомимыхъ танцоровъ.

Петербургское великосвѣтское общество хорошо знало его, любило и наперерывъ приглашало къ себѣ, хотя онъ не отличался ни умомъ, ни особыми добродѣтелями, а былъ только, что называется, «добрый малый». Значительный успѣхъ его въ свѣтѣ нельзя не приписать хорошимъ манерамъ его, постоянной веселости, умѣнью ловко и красиво танцовать и, наконецъ, флигель-адъютантскимъ эполетамъ,—другихъ болѣе существенныхъ качествъ ни я и, думаю, никто за нимъ не зналъ. Имѣя ограниченное состояніе, онъ былъ до крайности скупъ, вслѣдствіе чего подъ старость составилъ себѣ большое состояніе, увеличивая его, сверхъ того, покупкою и перепродажею лошадей, старыхъ экипажей, всякой домашней рухляди и даже своихъ поношенныхъ мундировъ. Не обѣдая иначе, какъ у своихъ знакомыхъ и всего чаще у Модеста Андреевича, онъ въ печальные дни, когда приходилось ему обѣ-

---

[1]) Ѳеодоръ Николаевичъ умеръ въ 1875 г. въ должности сенатскаго оберъ-прокурора, всѣми любимый и уважаемый.

[2]) Впослѣдствіи Андрей Николаевичъ былъ генералъ-адъютантомъ и умеръ въ должности пріамурскаго генералъ-губернатора. Онъ былъ женатъ на Софіи Алексѣевнѣ Свистуновой.

дать на свой счетъ, довольствовался щами и кашею своего денщика, о чемъ, впрочемъ, открыто и съ добродушнымъ смѣхомъ заявлялъ всѣмъ своимъ знакомымъ.

Можно утвердительно сказать, что Мирбахъ былъ рѣдкій типъ настоящаго, но только великосвѣтскаго «Плюшкина». На откладываемыя деньги онъ подъ старость пріобрѣлъ себѣ большой доходный домъ въ Петербургѣ, и когда поселился въ немъ въ одной изъ самыхъ маленькихъ и невзрачныхъ квартиръ, то Модестъ Андреевичъ, любившій подтрунивать надъ человѣческими слабостями, сталъ нерѣдко въ присутствіи самого Мирбаха увѣрять всѣхъ, что послѣдній, не имѣя въ своемъ домѣ ни дворника, ни собаки, самъ сторожитъ его и по ночамъ лаетъ по-собачьи. Насмѣшка эта нисколько не оскорбляла скупого домовладѣльца; напротивъ, съ веселымъ хохотомъ онъ возражалъ только словами: «не правда, не вѣрьте, Модестъ Андреевичъ шутитъ!». А была ли это шутка, въ томъ многіе сомнѣвались [1]).

Оставляя описаніе моихъ новыхъ знакомыхъ, не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое въ ноябрѣ этого года имѣло громадное значеніе для всей Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привело однихъ въ великій восторгъ, а другихъ въ сильную печаль... Я говорю о послѣдовавшемъ въ этомъ мѣсяцѣ высочайшемъ рескриптѣ дворянству губерній Виленской, Гродненской и Ковенской, съ повелѣніемъ учредить въ каждой изъ нихъ комитетъ для составленія проекта объ улучшеніи быта крестьянъ на основаніи указаній этого рескрипта. Хотя болѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ было всѣмъ извѣстно объ учрежденіи секретнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ государя, для обсужденія необходимыхъ мѣръ къ лучшему устройству быта крѣпостныхъ крестьянъ, но такъ какъ предположеніе это не нашло большого сочувствія ни въ предводителяхъ дворянства, ни въ самомъ дворянствѣ многихъ великороссійскихъ губерній, то вышеупомянутый рескриптъ послѣдовалъ только къ дворянству тѣхъ трехъ западныхъ губерній, гдѣ предводители выказали полную готовность содѣйствовать предположенной реформѣ, вызванной желаніемъ императора Александра Николаевича выполнить давнишнюю задушевную мысль своего родителя и для исполненія которой, по мнѣнію царствовавшаго государя, время уже тогда вполнѣ настало.

До обнародованія рескрипта ходили лишь разные слухи и толки о предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимосту, но, такъ какъ появленіе его было сочтено началомъ близкаго

---

[1]) Баронъ Мирбахъ умеръ лѣтъ 60-ти, шталмейстеромъ высочайшаго двора. Пожалованный изъ свиты генералъ-майора въ этотъ придворный чинъ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники, онъ добился оставленія ему прежняго значительнаго содержанія по его свитской должности.

раскрѣпощенія крестьянъ не только въ трехъ западныхъ губерніяхъ, но и во всѣхъ прочихъ россійскихъ губерніяхъ, то оно и вызвало съ одной стороны восторгъ и радость, а съ другой пересуды и неудовольствія. Много лицъ, отъ души привѣтствуя новую реформу, считали ее благодѣтельною для народа и пламенно желали скорѣйшаго ея осуществленія, но было немало помѣщиковъ и даже государственныхъ сановниковъ, считавшихъ мѣру эту началомъ разоренія дворянства и предвѣстницею раздоровъ и безпорядковъ. Насколько были правы и тѣ и другіе, показало время... я же, съ своей стороны, не будучи съ ранней юности приверженцемъ крѣпостного права, радовался отъ чистаго сердца уже одной мысли о возстановленіи во всѣхъ человѣческихъ правахъ тѣхъ, которые, лишенные, подобно безсловеснымъ животнымъ, голоса, правъ и даже свободной воли, обязаны были подчинять свое существованіе единой волѣ помѣщиковъ, изъ которыхъ многіе и многіе, къ несчастью, пользовались ею въ ущербъ блага подвластныхъ имъ, такихъ же, какъ и они сами, христіанскихъ душъ...

Въ секретномъ комитетѣ, о которомъ я выше упомянулъ, принялъ участіе и мой начальникъ, баронъ Корфъ, но, невзирая на его сочувствіе къ предположенной реформѣ, участіе его, по собственнымъ его словамъ, должно было ограничиться самою пассивною ролью. Не владѣвъ никогда помѣстьями и не имѣя ни малѣйшаго понятія о крестьянскомъ бытѣ, баронъ не могъ внести въ комитетскія разсужденія ни одной полезной мысли и долженъ былъ во всемъ соглашаться съ мнѣніемъ лишь тѣхъ членовъ, которые, подобно ему, не были противниками освобожденія крестьянъ.

Правъ ли былъ баронъ, или нѣтъ,—не знаю и, по тогдашней моей молодости, не могъ о томъ судить, однако мнѣ казалось даже и тогда, что Модестъ Андреевичъ, какъ человѣкъ умный, образованный, честный и казавшійся либеральнымъ, могъ бы несомнѣнно принести нѣкоторую пользу, какъ своимъ жизненнымъ опытомъ, такъ и своими прекрасными душевными качествами въ такомъ дѣлѣ, какъ дарованіе свободы несвободному человѣку, и, если онъ считалъ себя безполезнымъ членомъ въ упомянутомъ комитетѣ, то, думаю, единственно потому, что самолюбіе его нѣсколько страдало вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ свѣдѣній по крестьянскому вопросу и потому невозможности на комитетскихъ засѣданіяхъ быть однимъ изъ первенствующихъ ораторовъ. Вскорѣ баронъ не выдержалъ и вышелъ совсѣмъ изъ комитета, чѣмъ и подвергъ себя нѣкоторому неудовольствію государя.

Конецъ этого года остался мнѣ памятенъ знакомствомъ съ одною изъ представительницъ петербургскаго высшаго общества, женщиною въ высшей степени почтенною и достойною глубочайшаго уваженія: въ домѣ княгини Е. Д. Долгоруковой я былъ представленъ ея сестрѣ, графинѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Протасовой,

которая, зная въ своей молодости моего отца, обошлась со мною чрезвычайно любезно и пригласила на свои вечера, по вторникамъ.

Графиня, въ то время женщина лѣтъ пятидесяти пяти, вдова бывшаго въ царствованіе императора Николая І-го оберъ-прокурора святѣйшаго синода, олицетворяла собою настоящій типъ аристократической дамы, сохранившей манеры, утонченную любезность и образъ жизни давно минувшаго времени; не имѣя никакой претензіи, подобно большей части пожилыхъ великосвѣтскихъ дамъ, казаться моложе своихъ лѣтъ, она слѣдовала въ своей одеждѣ модѣ 30-хъ годовъ, однако никого не поражала своими старомодными чепцами и древними шляпками въ видѣ кибитокъ. Глубокая, истинная христіанка, она совмѣщала въ себѣ всѣ земныя добродѣтели, изъ которыхъ на первомъ планѣ были смиреніе, доброта и отзывчивость къ чужому горю. Она жила открыто въ своемъ роскошномъ домѣ на Невскомъ, давала рауты и танцовальные вечера, т. е. жила совсѣмъ посвѣтски и даже впослѣдствіи, пожалованная статсъ-дамою и гофмейстериною императрицы Маріи Александровны, принимала постоянное участіе во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ, но душею и сердцемъ была также постоянно «не отъ міра сего».

На ея вечерахъ, какъ и на вечерахъ ея сестры княгини Долгоруковой, я встрѣчался со многими старичками, сановниками того времени, и долженъ отдать полную справедливость ихъ вѣжливости и привѣтливому обращенію, равному со всѣми. Многіе тогдашніе первые чины двора и государственные люди, происходя, большею частью, изъ древнихъ русскихъ фамилій, считали долгомъ не выказывать ни малѣйшей гордости или важности своего высокаго положенія, къ сожалѣнію, столь присущихъ позднѣйшему поколѣнію болѣе молодыхъ сановниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые держали себя до того неприступно, что едва отдавали поклоны не только молодежи, но даже и своимъ прежнимъ сослуживцамъ, не сдѣлавшимъ, подобно имъ, быстрой служебной карьеры.... да, разница была большая! и невольно вспоминаешь аристократовъ стараго времени, далеко оставившихъ за собою, если не по уму и образованію, то, во всякомъ случаѣ, по своему воспитанію и манерамъ многихъ новоиспеченныхъ выскочекъ, къ которымъ болѣе или менѣе примѣнимо выраженіе: «вороны въ павлиньихъ перьяхъ».

Къ тому же времени относится мое знакомство съ братомъ моей бабушки Загоскиной, Саввою Михайловичемъ Мартыновымъ, и женою его Маріею Степановною. Несмотря на мое съ ними родство и даже особое почтеніе, которое мнѣ слѣдовало оказывать брату бабушки, родному дядѣ моего отца, я, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не будучи лично ему извѣстенъ, не поѣхалъ къ нему и только въ концѣ этого года случайно познакомился съ нимъ.

Слышавъ отъ моихъ родителей о значительной гордости и чван-

ствѣ большей части тогдашнихъ, многочисленныхъ Мартыновыхъ, я опасался встрѣтить у Саввы Михайловича и его семейства холодный пріемъ, такъ какъ, по разсказу батюшки, дядя его сталъ къ нему любезенъ только со времени появленія «Юрія Милославскаго», или вѣрнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ пользоваться благоволеніемъ императора Николая Павловича и въ свои рѣдкіе пріѣзды въ Петербургъ удостоивался приглашенія на вечера императрицы Александры Ѳеодоровны. Позднѣе Савва Михайловичъ даже гордился родствомъ съ моимъ отцомъ, но, такъ какъ много ему нечего было гордиться, то я и не счелъ нужнымъ посѣтить его и представился, увидавъ его вмѣстѣ съ Маріею Степановною на вечерѣ у нашего общаго родственника, генерала Гулевича.

Мартыновъ былъ въ то время почти 80-ти-лѣтній старикъ, весьма умный и любезный, но, какъ говорилось въ старину, «настоящій вольтеріанецъ». Онъ жилъ въ прекрасной обстановкѣ, на Мойкѣ, въ домѣ Демидова, гдѣ помѣщался Англійскій клубъ, въ которомъ онъ ежедневно проводилъ вечера за крупною карточною игрою. Выигрывая и проигрывая громадные куши, Савва Михайловичъ по временамъ дѣлался настоящимъ богачемъ, но когда богатство его вылетало въ трубу, то онъ вовсе не печалился, надѣясь снова отыграться.

Жена его, рожденная Поскочина, почти ровесница своего мужа, была прекуріозная старуха. Лице ея, нѣкогда весьма красивое, сохранило и въ старости правильныя черты, но сильное желаніе казаться молодою дѣлало ее нѣсколько комичною. Враждуя съ своими преклонными лѣтами и тщательно скрывая ихъ отъ всѣхъ, она постоянно жаловалась на страшную ревность своего мужа, доходившую будто бы до того, что онъ запрещалъ ей принимать молодыхъ людей... Такъ было и со мною: при первомъ моемъ съ нею знакомствѣ она пожелала, чтобы я назначилъ день и часъ моего къ ней визита, дабы выслать на подъѣздъ свою горничную, для провода меня къ ней какими-то окольными путями. На вопросъ мой, для чего нужны такія предосторожности для пріема ея внучатнаго племянника, старушка добродушно отвѣтила: «Савва Михайловичъ не позволяетъ мнѣ принимать молодыхъ людей, и не думаю, чтобы для васъ сдѣлалъ исключеніе», и затѣмъ попросила меня не называть ее ни бабушкою, ни тетушкою, а просто кузиною..... Я чуть не расхохотался, —хороши cousin и cousine одному 24 года, а другой почти 80-ть! Въ первую минуту я подумалъ, что она выжила изъ ума, но, посѣтивъ ее со всѣми надлежащими предосторожностями, убѣдился, что она далеко не глупа и весьма добрая и почтенная женщина, къ несчастію, страдавшая смѣшною слабостью казаться на половину моложе своихъ лѣтъ.

У Мартыновыхъ, кромѣ трехъ дочерей, былъ сынъ Николай, отставной гвардейскій артиллеристъ, одинъ изъ лучшихъ свѣтскихъ

піанистовъ своего времени. Маленькій, тщедушный и крайне некрасивый, съ какими-то красными, золотушными и слезящимися глазами, онъ тоже страдалъ слабостью, совсѣмъ уже не подходившею къ его невзрачному лицу: онъ постоянно хвасталъ своими, будто бы, безчисленными побѣдами надъ женскими сердцами. Слабость эта, однако, не мѣшала ему быть умнымъ, образованнымъ и любезнымъ человѣкомъ.

Въ эту зиму я посѣтилъ нѣсколько разъ Мартыновыхъ и даже однажды обѣдалъ у нихъ; и хотя старческая чета, вопреки моего ожиданія, принимала меня очень любезно, но царившая въ ихъ домѣ тоска и частые разсказы о ихъ дружбѣ съ «великими міра сего», которыхъ въ дѣйствительности они и не знали, не пришлись мнѣ по сердцу, и я сталъ бывать у нихъ очень рѣдко, такъ рѣдко, что черезъ нѣсколько лѣтъ Савва Михайловичъ, забывъ о моемъ существованіи, принялъ меня за своего родного племянника [1]), съ которымъ сходство мое состояло только въ томъ, что мы оба были мужчинами. Память старика видимо слабѣла, а такъ какъ Марія Степановна стала тоже заговариваться, то я прекратилъ мои посѣщенія, не составлявшія ни для нихъ ни для меня ни малѣйшаго удовольствія.

Начало этой зимы ознаменовалось частыми пожарами на Моховой, гдѣ была моя квартира: въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль было восемь пожаровъ, вслѣдствіе которыхъ въ Петербургѣ стали называть эту улицу «пожарною».

Домъ Мелихова не избѣжалъ той же участи. Никогда не забуду этого пожара, хотя и незначительнаго, но надѣлавшаго мнѣ немало треволненій. Въ этотъ день я отправился обѣдать къ моему начальнику, и только что всѣ встали изъ-за стола, какъ влетаетъ въ столовую мой человѣкъ съ извѣстіемъ, что въ домѣ, гдѣ я жилъ, горитъ верхній этажъ надъ моею квартирою, занимаемый моимъ сослуживцемъ Стасовымъ. Вѣсть эта перепугала не только меня, но и Модеста Андреевича, уже потому, что въ моемъ кабинетѣ находилось нѣсколько томовъ журналовъ комитета министровъ, слѣдовательно гибель этихъ важныхъ документовъ царствованія Николая Павловича могла бы плохо отозваться, какъ на мнѣ, такъ и на баронѣ. Прибывъ на Моховую, я долго не могъ пробраться въ мою квартиру, въ которую не допускала меня полиція, несмотря на то, что квартирѣ угрожала опасность, и что я объявилъ полицейскимъ, что въ ней находятся важныя дѣла комитета министровъ..... это умное и ни на чемъ не основанное распоряженіе полицейскихъ вывело меня наконецъ изъ терпѣнія, и, отыскавъ оберъ-полицеймейстера, я попросилъ его пропустить меня

[1]) *Николая Соломоновича Мартынова, человѣка уже пожилого.*

въ мою квартиру, и, конечно, черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже у себя. Войдя въ столовую, я былъ пораженъ представившеюся мнѣ картиной: среди комнаты, на горѣ пуховиковъ и матрасовъ, собранныхъ со всѣхъ людскихъ кроватей, сидѣла моя няня и неистово выла. Вокругъ нея, молчаливо и въ какомъ-то оцѣпенѣніи стояла моя остальная прислуга, не принимая никакихъ мѣръ къ спасенію моего имущества, страдавшаго не отъ огня, а отъ воды. Пожарные, гасившіе верхній этажъ, такъ усердно поливали, что въ моемъ кабинетѣ черезъ потолокъ вода лилась по стѣнамъ. Распорядившись о выносѣ мебели и библіотеки въ тѣ комнаты, гдѣ не было потопа, я сталъ уговаривать няню спуститься съ своихъ мягкихъ подмостковъ и прійти въ себя. Но уговоры мои не дѣйствовали, и она продолжала выть, сидя на тюфякахъ. Не находя у себя шкатулки съ моими бумагами и деньгами, я спросилъ няню, куда она поставила ее.

«Благодарите меня,—съ рыданіями отвѣчала старуха:—я спасла ее и отдала какому-то барину, приходившему узнать, дома ли вы». «Какому барину?» спросилъ я. «Вотъ этого уже и не знаю,—пришелъ сюда какой-то молодой человѣкъ, и я отдала ему шкатулку на сохраненіе, а кто онъ, право, не знаю; впопыхахъ и не спросила». Тутъ я положительно вышелъ изъ себя и наговорилъ много нелестныхъ вещей моему камердинеру и его сестрицѣ, продолжавшей сидѣть на прежнемъ мѣстѣ и вызывать всѣхъ святыхъ угодниковъ для спасенія квартиры отъ огня... вопли и причитанія продолжались еще довольно долго, даже и тогда, когда пожаръ сталъ совсѣмъ утихать.

Не отдавая себѣ отчета, куда могла попасть моя шкатулка, я вскорѣ былъ утѣшенъ приходомъ моего пріятеля Н. Г. Новосильцова, возвратившаго мнѣ ее. Оказалось, что онъ шелъ по Моховой во время пожара и, зайдя ко мнѣ, взялъ шкатулку и отнесъ ее къ своему дядѣ, жившему по близости дома Мелихова.

Подъ моею квартирою, какъ я уже сказалъ, жила Екатерина Николаевна Давыдова съ двумя сыновьями. Передъ окончаніемъ пожара, я спустился въ ея квартиру и нашелъ старушку совершенно покойною, сидѣвшею въ компаніи какихъ-то двухъ барынь и генерала Тимашева [1]).

Пожаръ въ нашемъ домѣ, сколько припомню, былъ чуть ли не послѣднимъ по Моховой. Передъ тѣмъ, былъ другой пожаръ почти напротивъ меня, въ домѣ Слатвинскаго, происшедшій вечеромъ и надѣлавшій немалый переполохъ по милости того, что въ это время происходила въ католической церкви свадьба нанявшаго и только что отдѣлавшаго въ этомъ домѣ квартиру чиновника мини-

---

[1]) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

стерства иностранныхъ дѣлъ, барона Моренгейма, съ дочерью генерала-отъ-артиллеріи, барона Н. П. Корфа. Новобрачные во время тушенія пожара должны были оставаться въ церкви [1]).

Упомянувъ объ Екатеринѣ Николаевнѣ Давыдовой, я не могу не остановиться на этой свѣтлой и прекрасной личности, которая со дня моего перваго знакомства съ ней до конца ея жизни, т. е. въ теченіе почти четверти вѣка, не переставала оказывать мнѣ не только дружеское, но почти родственное расположеніе.

Екатерина Николаевна, рожденная Ермолова, женщина уже пожилая, была чрезвычайно любима и уважаема петербургскимъ высшимъ обществомъ, и я не зналъ ни одного человѣка, дурно о ней отозвавшагося. Общую любовь и уваженіе она заслужила высокою добродѣтельною жизнью, прямотою своего всегда ровнаго характера, безконечною добротою, постоянною веселостью, отличавшеюся какимъ-то дѣтскимъ добродушіемъ, и, наконецъ, рѣдкою привязанностью къ своимъ сыновьямъ, роднымъ и друзьямъ; у нея была слабость—если только можно назвать слабостью—страсть къ конечному ералашу. Мало выѣзжая на большія сборища, она почти ежедневно проводила вечера въ тѣхъ домахъ, гдѣ была увѣрена найти себѣ партію въ эту игру. Когда же случалось вечеромъ оставаться дома, то разсылала свою прислугу къ разнымъ знакомымъ съ приглашеніемъ «на ералашъ», и, если приглашенія оказывались неудачными, она садилась играть въ эту игру съ своими сыновьями, увѣряя всѣхъ, что если проведетъ хотя одинъ вечеръ безъ ералаша, то непремѣнно заболѣетъ. Страсть эта была чрезвычайно комична, но, несмотря на то, сыновья ея, молодые, взрослые и много выѣзжавшіе въ свѣтъ, охотно оставались дома и дѣлались ея партнерами, исполняя, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всемъ, малѣйшее ея желаніе и, конечно, не было той жертвы, которой бы они не принесли ради своей матери, любовь къ которой доходила до чистаго обожанія. Такихъ взрослыхъ сыновей рѣдко и трудно было встрѣтить, и это прекрасное ихъ чувство къ своей матери не покинуло ихъ до конца ея жизни. Екатерина Николаевна умерла въ глубокой старости—лѣтъ 80-ти; въ послѣдніе годы она потеряла память, не узнавала своихъ знакомыхъ, но не переставала ежедневно, по вечерамъ, сидѣть съ своими сыновьями за карточнымъ столомъ, бросая и подбирая карты безъ малѣйшаго разбора, оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что продолжаетъ играть въ любимый ею ералашъ.

---

[1]) Баронъ П. П. Моренгеймъ, по матери, рожденной Мостовской, принадлежалъ къ польской націи. Впослѣдствіи, будучи посломъ въ Парижѣ, онъ получилъ извѣстность, какъ человѣкъ, много способствовавшій сближенію Россіи съ Франціею.

XVII.

Одоевскіе.—Великая княгиня Елена Павловна.—Корфы.—Дядя А. П. Загоскинъ.—Продажа дома.—Отъѣздъ въ Москву.

Къ числу новыхъ и самыхъ пріятныхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною въ началѣ этой зимы, я долженъ отнести князя и княгиню Одоевскихъ.

Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ, извѣстный писатель, въ то время помощникъ директора Императорской Публичной библіотеки, т. е. моего начальника, барона Корфа, узнавъ, что я сынъ русскаго писателя, его стараго пріятеля, принялъ меня самымъ ласковымъ образомъ и просилъ навѣщать его. Ни прежде, ни послѣ мнѣ не случалось встрѣчать въ Петербургѣ свѣтскаго человѣка, болѣе симпатичнаго, болѣе добродушнаго и, притомъ, умнаго и даже ученаго. Любя страстно литературу, онъ занялъ въ ней мѣсто почетное и уважаемое не только по своему таланту и гуманному образу мыслей, но и по неизмѣннымъ правиламъ благородства, чести и добра.

Кромѣ литературы, онъ занимался музыкою, любилъ ее и даже придумалъ какой-то особый органъ, который, помнится, многимъ очень нравился, но не знаю почему остался въ неизвѣстности. Будучи литераторомъ, музыкантомъ и свѣтскимъ человѣкомъ, онъ много занимался химіею и на основаніи разныхъ химическихъ составовъ изобрѣталъ новыя, никому невѣдомыя кушанья и соусы, которыми за радушными обѣдами угощалъ своихъ гостей, нерѣдко находившихъ далеко невкусным его кулинарное искусство.

Вообще про князя, какъ человѣка, можно было сказать, что, кромѣ всѣхъ прекрасныхъ качествъ, одушевлявшихъ его, у него была чистая ангельская душа, и что, при своемъ рѣдкомъ незлобіи и довѣрчивости къ людямъ, онъ былъ весь и всегда, такъ сказать, на ладони у каждаго человѣка, мало-мальски съ нимъ знакомаго.

Жена его, княгиня Ольга Степановна, рожденная Ланская [1]), почти на десять лѣтъ старѣе своего мужа, была женщина умная, образованная и, что называется, maitresse-femme. Несмотря на свой возрастъ, она всячески старалась выказать полное подчиненіе и глубокое уваженіе своему мужу, котораго, однако, холила и лелѣяла, какъ малое дитя. Чета эта могла служить примѣромъ взаимной любви и желанія во всемъ угодить другъ другу. Одоевскіе пользовались при дворѣ великой княгини Елены Павловны большимъ вѣсомъ и личною дружбою ея высочества, вслѣдствіе которой княгиня современемъ получила орденъ св. Екатерины, несмотря на то, что жена начальника ея мужа, баронесса Корфъ, не имѣла этого ордена.

---

[1]) Родная сестра министра внутреннихъ дѣлъ графа Ланского.

Въ началѣ 1858 года, по милости Одоевскихъ, мое самолюбіе, какъ сына русскаго писателя, было значительно польщено, а собственная моя личность нѣсколько унижена... Вотъ какъ это случилось: однажды, утромъ, явился ко мнѣ камеръ-лакей великой княгини Елены Павловны съ приглашеніемъ на вечеръ въ тотъ день къ ея фрейлинѣ, княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Львовой. Въ эту зиму, какъ и всегда, приглашенія эти равнялись личному приглашенію великой княгини, не желавшей принимать гостей у себя, а приглашавшей ихъ въ аппартаментъ княжны Львовой, куда ея высочество приходила почти ежедневно вечеромъ и бесѣдовала съ лицами, которыхъ желала видѣть.

Не будучи вовсе извѣстенъ великой княгинѣ и ея фрейлинѣ, я былъ удивленъ такимъ любезнымъ приглашеніемъ, но польщенный имъ, конечно, могъ приписать его только благосклонному расположенію ея высочества къ моему отцу, котораго, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, она часто видѣла, что̀ и послужило поводомъ желанія видѣть его сына.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты предстать передъ очи той умной и высокообразованной женщины, передъ которой преклонялся избранный ею небольшой кружокъ изъ лицъ петербургскаго общества, отличавшійся умомъ, познаніями и нѣсколько либеральнымъ направленіемъ. Въ назначенный часъ, явившись къ княжнѣ Львовой и принятый ею весьма любезно, я нашелъ у нея, кромѣ дворцовой фрейлины великой княгини, Н. А. Милютина съ супругою, Д. М. Дмитріева (сына извѣстнаго московскаго писателя М. А. Дмитріева) и наконецъ дальнюю мою родственницу, вдову статсъ-секретаря, Марію Дмитріевну Маслову, рожденную Мертваго. Слова̀, сказанныя мнѣ княжною, тотчасъ подтвердили мое предположеніе и еще болѣе польстили моему самолюбію, доказавъ на дѣлѣ, что память о моемъ отцѣ еще была жива не только въ петербургскомъ обществѣ, но и въ царской семьѣ.

Не прошло и десяти минутъ послѣ моего пріѣзда, какъ вошла великая княгиня, закутанная шалями, такъ какъ ей приходилось спускаться по лѣстницѣ изъ бельэтажа въ комнаты ея фрейлины. Поздоровавшись съ Масловыми, Милютиными и Дмитріевымъ и сказавъ имъ нѣсколько словъ, она не обратила на меня никакого вниманія и, сѣвъ на диванъ рядомъ съ Милютинымъ, провела весь вечеръ въ разговорѣ съ нимъ. Я же, сидя съ дамами близъ самой великой княгини, старался быть съ ними любезенъ, въ ожиданіи, что когда нибудь и меня представятъ ея высочеству... но ожиданіе это такъ и осталось ожиданіемъ: великая княгиня, осмотрѣвъ меня нѣсколько разъ, не потребовала моего представленія, а въ концѣ вечера встала, кивнула всѣмъ головою и удалилась, оставивъ меня въ недоумѣніи, ради какой причины я былъ приглашенъ на этотъ вечеръ, такъ какъ ея высочество не потребовала моего представленія.

По уходѣ ея, видимо сконфуженная княжна Львова сочла нужнымъ сказать, что Елена Павловна—не въ духѣ и, вѣроятно, потому не желала дѣлать новаго знакомства, а сдѣлаетъ его въ слѣдующій разъ... съ тѣхъ поръ я никогда болѣе не былъ приглашенъ къ ея величеству; значитъ, моя физіономія или мои манеры не понравились ей: другого заключенія я не могъ вывести изъ этого перваго и послѣдняго приглашенія, оставившаго во мнѣ довольно щекотливое воспоминаніе...

Зима эта, проведенная между занятіями и свѣтскими увеселеніями, не оставила во мнѣ никакихъ особыхъ воспоминаній, ни служебныхъ, ни общественныхъ. Служба моя состояла въ тѣхъ же занятіяхъ по комитету министровъ, которымъ я посвящалъ все утро до 3-хъ, 4-хъ часовъ, а вечера проводилъ на балахъ или вечернихъ собраніяхъ, которыхъ въ ту зиму было довольно много въ Петербургѣ. Два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ, я обѣдалъ у барона М. А. Корфа и разъ у дяди Алексѣя Николаевича Загоскина. Послѣ обѣда у моего начальника[1]) я почти всегда составлялъ его партію въ копеечный преферансъ. Баронъ, усердно и педантично проводившій все утро въ занятіяхъ въ Публичной библіотекѣ, въ государственномъ совѣтѣ или дома, вечеромъ охотно отдыхалъ за партіею въ преферансъ, и надо отдать ему справедливость—игралъ самымъ пріятнымъ образомъ, не выказывая ни малѣйшаго волненія или негодованія, подобно многимъ игрокамъ, играющимъ даже по маленькой, какъ будто не для забавы, а для выигрыша нѣсколькихъ рублей, и потому выходящихъ изъ себя при малѣйшей ошибкѣ партнера.

Обычными партнерами его были баронъ Мирбахъ и племянникъ его, баронъ Ѳедоръ Николаевичъ Корфъ (оба жившіе въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Модестъ Андреевичъ). Жена барона, въ свою очередь, любила ту же игру, а такъ какъ между мужемъ и женою царило полное согласіе и взаимная любовь, то интересно было видѣть, какъ пожилые супруги, желая сдѣлать другъ другу пріятное, уступали одинъ другому игру, и какъ вслѣдствіе такихъ уступокъ долго никто не садился играть, хотя, въ концѣ концовъ, баронесса удалялась, оставляя партію за барономъ, который, садясь за преферансъ, считалъ непремѣннымъ долгомъ объявить партнерамъ, что Ольга Ѳеодоровна не хочетъ играть, и онъ поневолѣ долженъ занять ея мѣсто, хотя старикъ отлично зналъ, что его жена была вовсе не прочь сыграть партію въ преферансъ, что̀ и случалось, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда Модестъ Андреевичъ по какимъ либо важнымъ вечернимъ занятіямъ не могъ пожертвовать цѣлымъ вечеромъ карточной игрѣ. Когда же его замѣняла Ольга Ѳеодоровна, то игра дѣлалась скучноватою, такъ какъ ба-

[1]) Обѣдъ былъ тонкій и прекрасно приготовленный.

ронесса играла чрезвычайно разсѣянно, все смотрѣла по сторонамъ, думала только о своихъ дѣтяхъ и мужѣ и вздыхая часто вспоминала о томъ, какъ было бы хорошо, если на ея мѣстѣ сидѣлъ бы теперь баронъ...

Одинъ разъ въ недѣлю, какъ я выше сказалъ, я обѣдалъ у дяди Алексѣя Николаевича.

Въ противоположность обѣда Корфовъ небогатое семейство дяди кушало самымъ скромнымъ образомъ, всего два блюда, но сытно и вкусно приготовленныя, подъ надзоромъ самой хозяйки нѣмецкаго склада. Умная, ученая и высоко христіанская личность дяди была до того извѣстна своею честностью и затѣмъ разсѣянностью, что не могу не привести нѣкоторыхъ фактовъ изъ его жизни, вполнѣ подтверждающихъ мои слова.

Будучи еще полковникомъ вѣдомства путей сообщенія, не имѣя никакого состоянія, ни за собою, ни за женою, кромѣ трехъ тысячъ казеннаго содержанія, онъ пользовался большою довѣренностью своего начальника, графа Клейнмихеля, уважавшаго его, не только какъ безкорыстнѣйшаго человѣка, но и какъ весьма дѣльнаго и даровитаго инженера, безъ котораго не предпринималась въ Петербургѣ почти ни одна болѣе или менѣе важная постройка или передѣлка общественныхъ зданій.

Желая доставить дядѣ большее жалованье, графъ предложилъ ему исправленіе должности директора одного департамента подвѣдомственнаго ему управленія. Сначала дядя отклонилъ это предложеніе, отговариваясь своею глухотою и находя, что прежде всего, для правильнаго и честнаго веденія дѣла въ этомъ департаментѣ, необходимо было уволить нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ, не отличавшихся полнымъ безкорыстіемъ. Но, вслѣдствіе усиленной просьбы и согласія графа на увольненіе неблагонадежныхъ чиновниковъ, Алексѣй Николаевичъ рѣшилъ принять исправленіе этой должности временно, на четыре мѣсяца, съ тѣмъ, что, по истеченіи этого срока, онъ представитъ графу объ увольненіи тѣхъ лицъ, которыхъ сочтетъ вредными для службы.

Трехмѣсячное управленіе имъ департаментомъ показалось ему достаточнымъ для ознакомленія съ своими чиновниками, и, явившись къ графу, онъ объявилъ ему, что признаетъ необходимымъ уволить только одного человѣка, а именно директора департамента, т. е. его самого, такъ какъ, по личному его твердому убѣжденію, онъ не въ состояніи управлять департаментомъ, при помощи однихъ взяточниковъ, а такъ какъ для пользы службы слѣдовало бы уволить не нѣсколько чиновниковъ, а всѣхъ поголовно, то, не желая дѣлать столько лицъ несчастными, онъ проситъ только о своемъ увольненіи. На этотъ разъ, невзирая на увѣщанія и просьбы графа, дядя остался непреклоннымъ и на прежнемъ своемъ мѣстѣ съ тѣми же 3.000 рублями содержанія, изъ которыхъ онъ умѣлъ ежегодно

удѣлять 10°/о въ пользу бѣдныхъ; мало того, онъ помогалъ еще слѣдующимъ образомъ: отправляясь утромъ съ Моховой, гдѣ онъ жилъ, въ свой департаментъ, находившійся на Фонтанкѣ, близъ Обуховскаго моста, по окончаніи своей службы и по выходѣ на улицу, освѣдомлялся у перваго извозчика о цѣнѣ, которую тотъ взялъ бы, чтобы отвезти его домой, и сумму эту онъ клалъ въ сторону для раздачи дорогою неимущимъ, а самъ, усталый и голодный, возвращался къ себѣ пѣшкомъ, употребивъ на эту прогулку не менѣе часа.

Что касается до его разсѣянности, то она до такой степени была невѣроятна, что я бы не повѣрилъ справедливости его комическихъ приключеній, еслибы не слышалъ о нихъ отъ совершенно достовѣрныхъ людей и не былъ бы самъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Однажды, дядя зашелъ въ часовой магазинъ на Невскомъ и отдалъ для исправленія свои часы. На вопросъ часовщика, на чье имя записать ихъ, дядя долго, долго думалъ и, наконецъ, хлопнувъ себя по лбу, сказалъ, что не помнитъ своей фамиліи. Къ счастію, въ эту самую минуту на выручку его вошелъ въ магазинъ его хорошій пріятель, графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій [1]), и, увидавъ его, сказалъ: «здравствуй, Загоскинъ!» — «Батюшки! Загоскинъ!—вотъ моя фамилія»,—воскликнулъ Алексѣй Николаевичъ, обращаясь къ изумленному часовщику, и кинулся обнимать графа, неожиданно выручившаго его изъ столь непріятнаго положенія.

Въ другой разъ, получивъ какую-то награду, дядя отправился рано утромъ представиться своему начальнику, графу Клейнмихелю. Одѣваясь всегда одинъ въ своей комнатѣ и выходя по утрамъ черезъ кухню, онъ незамѣтно для всѣхъ вышелъ на улицу. Проходя по улицѣ, онъ, однако, замѣтилъ, что прохожіе поглядываютъ на него и улыбаются, но не понимая, въ чемъ дѣло, онъ продолжалъ свое пѣшеходное путешествіе, какъ вдругъ встрѣтилъ солдата, который, отдавъ ему честь, началъ что-то говорить ему. Остановившись и по глухотѣ своей не понявъ служиваго, попросилъ его говорить громче; послѣдній, указывая на его каску и сапоги, закричалъ ему въ ухо: «Ваше превосходительство не въ порядкѣ!» Оказалось, что генералъ шелъ къ своему начальнику, надѣвъ каску задомъ напередъ, а на ноги—вышитыя, разноцвѣтныя туфли...

---

[1]) Въ то время начальникъ штаба корпуса путей сообщенія Борисъ Алексѣевичъ, меньшой изъ всѣхъ извѣстныхъ Перовскихъ и унаслѣдовавшій отъ бездѣтныхъ своихъ братьевъ графскій титулъ, былъ человѣкъ рѣдкихъ, душевныхъ качествъ и впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и воспитатель великаго князя наслѣдника Александра Александровича. Графъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго петербургскаго почтъ-директора Булгакова.

Два другіе случая его разсѣянности, изъ которыхъ одинъ произошелъ лично при мнѣ, превосходятъ все, мною разсказанное.

Какъ-то лѣтомъ дядя жилъ съ своимъ семействомъ на дачѣ въ Новой Деревнѣ. Пріѣхавъ къ нему въ воскресенье обѣдать, я не нашелъ Алексѣя Николаевича, отправившагося на свою зимнюю квартиру, на Моховой, въ домѣ графа Ламздорфа, взять изъ своего кабинета какія-то нужныя бумаги. Скоро онъ возвратился и, качая головою и улыбаясь, объявилъ, что ѣздилъ въ городъ понапрасну, такъ какъ бумагъ не привезъ, и вотъ почему: «поднялся я по лѣстницѣ,—говорилъ онъ,—и вижу на двери надпись на бумажкѣ: «Генералъ Загоскинъ живетъ на дачѣ тамъ-то».—«Вотъ тебѣ разъ! да какъ же я достану бумаги?—подумалъ я,—его въ квартирѣ нѣтъ!» Постоялъ, постоялъ, да и рѣшился возвратиться въ Новую Деревню и, только подъѣзжая къ своей дачѣ, вспомнилъ, что генералъ-то Загоскинъ я самъ и есть, но уже было поздно!—вотъ что дѣлаетъ старость,—прибавилъ онъ,—совсѣмъ изъ ума выжилъ!»

Если дядя, на старости лѣтъ, считалъ себя «выжившимъ изъ ума», то что же онъ могъ бы сказать про себя въ молодости, по поводу слѣдующаго съ нимъ приключенія: въ 1850 годахъ (когда именно, не знаю), Алексѣй Николаевичъ, будучи еще оберъ-офицеромъ и проживая по служебнымъ занятіямъ въ Ригѣ, влюбившись въ молодую и красивую дочь мѣстнаго коменданта генералъ-лейтенанта Эмме, дѣвицу Александру Ивановну, сдѣлался ея женихомъ. Невѣста, воспитанная въ самыхъ строгихъ христіанскихъ правилахъ лютеранскаго исповѣданія гернгутерскаго ученія, принимала у себя ежедневно жениха, который однажды, уходя отъ нея, сказалъ, что идетъ брать ванну. Вскорѣ, по уходѣ его, явился къ Александрѣ Ивановнѣ денщикъ его, съ просьбою поговорить съ нею наединѣ. Желаніе его было исполнено, но когда денщикъ, переминаясь съ ноги на ногу и не зная, съ чего начать, проговорилъ: «барышня, повѣрьте, никому не скажу, только укажите, гдѣ у васъ женихъ оставилъ свое нижнее платье?» Невѣста пришла въ такой ужасъ и негодованіе, что раскричалась и хотѣла прогнать денщика, который, однако, не унимался, повторяя: «что дѣлать, баринъ пришелъ отъ васъ безъ брюкъ, отдайте, никому не скажу!» Вспомнивъ о неимовѣрной разсѣянности Алексѣя Николаевича, хотя не могла допустить мысли о такой неприличной и непонятной потерѣ, Александра Ивановна все же велѣла искать въ передней его нижнее платье, которое дѣйствительно тамъ и нашлось положеннымъ на скамьѣ... Оказалось, что женихъ, выйдя отъ невѣсты въ переднюю, гдѣ не встрѣтилъ ни души, присѣлъ на скамью, сталъ мысленно рѣшать какую-то давно мучившую его математическую задачу и, не совладавъ съ нею, вообразилъ себя пришедшимъ въ баню и началъ раздѣваться; снявъ сюртукъ и нижнее платье, онъ вдругъ опомнился, поспѣшно на-

дѣлъ сюртукъ и, накинувъ шинель, побѣжалъ домой, оставивъ на мѣстѣ своихъ математическихъ рѣшеній самую неприличную часть своего туалета...

Въ эту же зиму я познакомился съ семействомъ оберъ-церемоніймейстера, графа Александра Михайловича Борха [1]), у котораго бывалъ вечеромъ, по воскресеньямъ, и встрѣчалъ всегда небольшое, но самое избранное петербургское общество. Графъ былъ женатъ на графинѣ Лаваль, внучкѣ богатѣйшей, извѣстной жены екатерининскаго статсъ-секретаря Козицкаго, Екатеринѣ Ивановнѣ, рожденной Мясниковой [2]), отъ которой графинѣ досталось весьма значительное состояніе. Борхи были люди почтенные, добрые и вполнѣ хорошіе. Мужъ не отличался особымъ умомъ, но обладалъ всѣми качествами сердца и души, которыми умѣлъ привлекать къ себѣ знавшихъ его. Жена его, невзрачная и довольно сухая съ вида, была очень проста въ обращеніи, радушна, умна и рѣдкаго сердца. У нихъ было два сына и три дочери, изъ которыхъ вторая чрезвычайно нравилась моему пріятелю, князю Крапоткину, разсчитывавшему современемъ на ней жениться, но расчеты эти, къ сожалѣнію, не осуществились... въ скоромъ времени юная милая дѣвица, прохворавъ нѣсколько дней тифозною горячкою, скончалась [3]). Старшій сынъ, конногвардейскій офицеръ, съ которымъ я былъ давно знакомъ, ввелъ меня въ домъ своихъ родителей, на вечерахъ которыхъ я былъ свидѣтелемъ двухъ зарождавшихся свадебъ: первая—вышеупомянутаго ихъ сына, по уши влюбленнаго въ красавицу-дѣвицу Чичерину [4]), а вторая—моего московскаго знакомаго, князя Ивана Михайловича Голицына, тоже сильно влюбленнаго въ прелестную княжну Трубецкую [5]). Ухаживаніе двухъ молодыхъ людей на этихъ вечерахъ бросалось всѣмъ въ глаза, и скоро влюбленныя парочки вступили въ бракъ... но, увы, впослѣдствіи и тотъ и другой бракъ оказались несчастными, а пламенно другъ друга любившія четы разъѣхались [6])...

Не могу пройти молчаніемъ объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ началѣ этого года и которое, по своей пошлости и незначительности, должно было пройти совершенно незамѣченнымъ, но такъ какъ дѣйствующія лица принадлежали къ петербург-

---

[1]) Впослѣдствіи директоръ императорскихъ театровъ.

[2]) Она наслѣдовала, вмѣстѣ со своими сестрами: Пашковой, Дурасовой и Бекетовой, все огромное состояніе своихъ дядей, купцовъ Твердышевыхъ (позднѣе пожалованныхъ въ дворянское потомственное достоинство).

[3]) Много лѣтъ спустя послѣ ея кончины, Крапоткинъ женился на ея меньшой сестрѣ.

[4]) По матери своей, рожденной княжнѣ Голицыной, она приходилась внучкою умной старушки княгини Голицыной, извѣстной подъ именемъ «Babette»

[5]) Дочь князя Петра Ивановича, женатаго на Нелидовой.

[6]) Съ тѣхъ поръ чета Голицыныхъ уже перешла въ вѣчность.

скому лучшему обществу, то случай этотъ не только не прошелъ безслѣдно, а напротивъ сдѣлался надолго предметомъ самыхъ оживленныхъ разговоровъ того же общества.

Три юноши, князь Коко Долгоруковъ, Павелъ Демидовъ и Николай Бенардаки, изъ которыхъ первый уже описанъ въ моихъ воспоминаніяхъ о московскомъ обществѣ, и второй, сынъ милліонера покойнаго Павла Николаевича Демидова [1]), по своему рожденію и положенію принадлежавшіе къ высшему обществу, покутили вмѣстѣ съ Бенардаки въ одномъ изъ французскихъ ресторановъ и, выпивъ черезчуръ много шампанскаго, отправились по городу съ крикомъ и гамомъ, шумѣли на улицахъ, стучали въ разныя окна и въ концѣ концовъ попали въ руки полиціи, откуда по высшему приказанію отправлены подъ арестъ. Казалось бы, и дѣлу конецъ, но нѣтъ, маменьки двухъ первыхъ аристократовъ столько накричали о невинной прогулкѣ своихъ сынковъ и о жестокомъ ихъ наказаніи, что высшее общество взволновалось и даже было на сторонѣ трехъ буяновъ, хотя брать ихъ сторону казалось бы не только не правильнымъ, но и глупымъ. Заступничество это произошло не столько вслѣдствіе сѣтованія и воплей маменекъ, сколько въ силу носившихся тогда въ воздухѣ даже и высшихъ сферъ новыхъ вѣяній, долженствовавшихъ такъ развиться въ слѣдующихъ 60-хъ годахъ, т. е., выражаясь другими словами, нельзя не сказать, что тогдашнее общество всѣхъ слоевъ считало долгомъ противодѣйствовать всякому нелиберальному дѣйствію правительства, порицать его и принимать сторону невинныхъ будто бы людей. подпавшихъ подъ кару вслѣдствіе произвола высшихъ властей... Мнѣ часто хотѣлось спросить этихъ непрошенныхъ защитниковъ молодежи, что они сказали бы, если правительство оставило бы безнаказанными нѣсколько пьяныхъ мальчишекъ, шумѣвшихъ ночью на улицѣ и бившихъ окна, которыя оказались бы принадлежавшими именно лицамъ, защищавшимъ арестованныхъ знакомыхъ имъ юношей. Вѣроятно, они разразились бы тѣмъ же гнѣвомъ на тѣ же власти, и не отказали бы себѣ въ удовольствіи порицать входившій тогда въ моду особый либерализмъ, но, какъ «хата ихъ была въ въ сторонѣ», то, конечно, имъ нельзя было отстать отъ другихъ, не предаться «новымъ вѣяніямъ».

Осенью предыдущаго года, я получилъ изъ Москвы извѣстіе о томъ, что артиллерійскій штабъ, нанявшій въ прошломъ году мой домъ съ флигелемъ, съѣхалъ, въ виду окончанія контракта, заключеннаго съ нимъ на одинъ годъ, и что, вслѣдствіе того, мнѣ необходимо употребить значительную сумму на исправленіе всего попорченнаго штабными офицерами и писарями, не стѣснявшимися

[1]) Вдова его, извѣстная красавица Аврора Карловна, рожденная Шернвальдъ, вышла вторично за Андрея Николаевича Карамзина.

заливать чернилами не только паркетные полы, но и самыя стѣны. По принятому же въ то время обычаю, въ контрактѣ не было упомянуто объ отвѣтственности штаба за какую либо порчу, поэтому всѣ исправленія падали лично на меня, и я долженъ былъ сознаться, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, я окончательно опростоволосился, заключивъ контрактъ на одинъ годъ единственно по довѣрію къ словамъ штабнаго адъютанта, увѣрявшаго меня, что условіе будетъ возобновлено. Не имѣя ни желанія, ни средствъ ежегодно отдѣлывать мой домъ, я рѣшился его продать и дѣйствительно въ началѣ новаго года продалъ его генералу Полтинину.

Хотя я купилъ на полученныя деньги разныя акціи, и радъ былъ получать постоянные на нихъ %, но продажа дома, въ которомъ я родился, провелъ всю юность, и гдѣ скончались мои родители, была тяжела для меня; притомъ, новый доходъ оказался несравненно меньшимъ, чѣмъ получавшійся за наемъ дома. Но дѣлать было нечего, и мнѣ оставалось только утѣшать себя тѣмъ, что лучше жить на вѣрные %, чѣмъ на большій, но непостоянный доходъ.

Великимъ постомъ, не забывая обѣщанія, даннаго мною московскимъ барышнямъ пріѣхать на Пасху въ Москву, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремясь всею душею взглянуть на мою родину, на друзей и поклониться могилѣ моихъ родителей, я передъ Пасхою отпросился у моего начальника въ отпускъ на 28 дней, предполагая нѣсколько дней изъ нихъ провести въ моемъ имѣніи Владимирской губерніи, селѣ Кохмѣ, въ которомъ, къ стыду моему, я еще ни разу не былъ, несмотря на то, что прожилъ почти три года въ Москвѣ по близости имѣнія и новымъ его владѣльцемъ.

Вспоминая довольно часто о причинахъ, такъ мало интересовавшихъ меня взглянуть на мою собственность, унаслѣдованную мною послѣ кончины матушки, я часто приходилъ къ одному и тому же заключенію: въ селѣ Кохмѣ никто изъ моихъ близкихъ не бывалъ, и потому я зналъ объ этомъ имѣніи только по наслышкѣ, а въ юности вовсе и не интересовался имъ, какъ имѣніемъ оброчнымъ, и въ которомъ помѣщику нечего было дѣлать. Сверхъ того, въ Москвѣ я жилъ спокойно, не нуждался въ деньгахъ и... и былъ влюбленъ! т. е. не былъ въ состояніи разстаться, хотя бы на короткое время, съ предметомъ моей страсти. Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ, со всегдашнею моею безпечностью, едва ли не были главною причиною малаго интереса ко всему, что творилось вокругъ меня внѣ сферы, близкой моему сердцу. Позднѣе, когда любовь стала проходить, явились ополченіе, походъ, возвращеніе домой, коронація, балы, пріискапіе новой службы, и только при окончательномъ переѣздѣ на жительство въ Петербургъ, когда вернулось ко мнѣ полное душевное спокойствіе, яви-

лась и мысль ѣхать въ село Кохму и смежную съ нимъ деревню Тарбаево, чтобы, хотя мелькомъ, взглянуть на тѣ мѣста, на ту землю, на тѣ рабочія руки, которыя питали меня и въ Москвѣ, и въ ополченіи, и въ Петербургѣ, и о которыхъ, повторяю, я зналъ только по наслышкѣ... мнѣ стало стыдно за самого себя!...

За два дня до Пасхи я былъ уже въ Москвѣ. Проживъ почти годъ въ Петербургѣ, довольный своею судьбою, службою и новыми знакомыми, я, однако, не переставалъ жить воспоминаніями о Москвѣ, возился съ моею любовью къ ней и нетерпѣливо ожидалъ минуты моего туда возвращенія. Возвращаясь въ мой родной городъ, я на этотъ разъ испытывалъ совсѣмъ другое чувство, чѣмъ при возвращеніи въ него послѣ ополченія; тогда я радовался просто, безотчетно, въ полной увѣренности остаться въ немъ навсегда, а теперь я въѣзжалъ въ него гостемъ, радость эта омрачалась грустью о необходимости скоро покинуть Москву, но, невзирая на то, при въѣздѣ моемъ, прекрасная, солнечная погода, сіявшія уже издали золотыя главы церквей и соборовъ, знакомыя мнѣ улицы и д... родной мнѣ «особый отпечатокъ» москвичей, и даже самые ру... скіе, коренные мужички глубоко волновали мою душу!

Я чувствовалъ, что я въ сердцѣ Россіи, въ древней русской столицѣ!...

С. М. Загоскинъ.

